RUSSIAN JOURNAL OF ECONOMICS AND LAW

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 16+

Том 19, № 1
2025

DOI: 10.21202/2782-2923.2025.1

ISSN 2782-2923

DOI: 10.21202/2782-2923

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Со главный редактор:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова, **куратор направления юридических наук** (г. Казань, Россия)

Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова, **куратор направления экономических наук** (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Антонова И. И., доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)

Бегишев И. Р., доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голиченко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Головчин М. А., кандидат экономических наук, научный сотрудник АНУ ВО «Агентство мониторинга и социологических исследований» (г. Вологда, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кудрявцева О. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Лазарев В. В., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Левин С. Н., доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Малкина М. Ю., доктор экономических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)

Петрянин А. В., доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Подольный Н. А., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (г. Казань, Россия)

Тарасенко Н. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Хисамова З. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

Щепельков В. Ф., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Апосталакис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческого средиземноморского университета (г. Ираклион, Греция)

Шаббар Дж., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, научный консультант кафедры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор философии в области психологии, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., доктор философии в области права, профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в Университете Марибора; президент Европейского криминологического общества (ESC) (г. Марибор, Словения)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, член научно-консультативного совета при Конституционном Суде Республики Кахазстан (г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрмук Д., доктор экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Учредитель:
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова»

Издатель:
ООО «ТЦО «Таглимат»

Адрес редакции:
420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,
Факс: 292-61-59
E-mail: rusjel@ieml.ru
Сайт: rusjel.ru

Журнал включен в Перечень ВАК по специальностям:
5.2.1. Экономическая теория;
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика;
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Индексируется в HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Подписка на журнал
по Объединенному каталогу «Пресса России»
Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:
Г. Я. Дарчинова

Редактор:
Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:
С. А. Каримова

Дизайн обложки:
Г. И. Загретдинова

Дизайн логотипа:
В. А. Крайков

Переводчик:
канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков Республики Татарстан
Е. Н. Беляева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:
Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 29,25. Тираж 1000 экз. Подписано в печать 26.02.2025. Заказ № 15.

Дата выхода в свет 26.03.2025. Цена свободная.

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирясова», ООО «ТЦО «Таглимат», 2024.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое. При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

RUSSIAN JOURNAL OF ECONOMICS AND LAW

Vol. 19, No. 1
2025

DOI: 10.21202/2782-2923.2025.1

SCIENTIFIC JOURNAL 16+

ISSN 2782-2923

DOI: 10.21202/2782-2923
Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

G. B. Kleyner, Dr. Sci. (Economics), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Co-Editor-in-Chief:

I. I. Bikeev, Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work (Kazan, Russia)

Deputies of the Editor-in-Chief:

S. A. Andryushin, Dr. Sci. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
P. A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Law section** (Kazan, Russia)
T. V. Kramin, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Economic section** (Kazan, Russia)

Executive secretary:

R. A. Grigoryev, PhD (Economics), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

I. I. Antonova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)
V. M. Baranov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)
I. R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)
V. V. Volchik, Dr. Sci. (Economics), Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
Ya. I. Gilinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint Petersburg, Russia)
O. G. Golichenko, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
M. A. Golovchin, Cand. Sci. (Law), researcher of Agency for Monitoring and Sociological Research (Vologda, Russia)
T. V. Efimtseva, Dr. Sci. (Law), Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (Orenburg, Russia)
R. M. Kachalov, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
M. A. Korytcev, Dr. Sci. (Economics), Professor in Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
O. V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
V. V. Lazarev, Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Professor (Moscow, Russia)
Yu. V. Latov, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
S. N. Levin, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Economics of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
S. V. Lipen, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)
O. A. Makarova, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Civil and Corporate Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)
M. Yu. Malkina, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)
A. V. Petryanin, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Nizhniy Novgorod branch of Saint Petersburg Academy of Investigative Committee of the Russian Federation (Nizhniy Novgorod, Russia)
N. A. Podolniy, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology of Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Kazan, Russia)
O. A. Tarasenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)
Z. I. Khisamova, Cand. Sci. (Economics), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)
V. M. Shafirov, Dr. Sci. (Law), Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
D. A. Shestakov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)
A. I. Shinkevich, Dr. Sci. (Economics), Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)
V. F. Shchepelkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

A. Apostolakis, PhD (Economics), Assistant Hellenic Mediterranean University (Irákleion, Greece)
J. Shabbar, PhD (Economics), Professor of University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)
V. S. Kamenkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Scientific Consultant of the Department of Belorusian State University (Minsk, Belorus Republic)
H. Kury, Dr. Sci. (Psichology), Professor of Universität Freiburg (Frieburg, Germany)
G. Meško, Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)
A. Serrano-Maillo, Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology of Universidad Nacional de Education a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)
N. N. Turetskiy, Dr. Sci. (Law), Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)
Ja. Fidrmuc, Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The founder:
Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher:
Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:
420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,
Fax: 292-61-59
E-mail: rusjel@ieml.ru
Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties:
Economic Theory;
Regional and Branch Economics;
Criminal-legal sciences

The Journal is indexed in HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal
through the United Catalogue "Press of Russia"
Our index – 86303

Responsible for issue:
G. Ya. Darchinova

Editor:
G. A. Tarasova

Computer lead out:
S. A. Karimova

Cover design:
G. I. Zagretdinova

Logo design:
V. A. Kraikov

Translator:
Cand. Sci. (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration number and date of decision on registration:
ПИ № ФС77-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60×84/8. Printing sheets: 29,25. Circulation 1000 copies. Signed for printing 26.02.2025. Order № 15.

Date of publishing 26.03.2025. Free price.

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2024.

Printed at printing house "Vestfalika" LLC: 420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

СОДЕРЖАНИЕ

5

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Мудрик Д. Г., Ковнир В. Н. Естественно-научные аспекты маржиналистской революции 5

21

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ

Андрюшин С. А. Таргетирование инфляции в условиях фискального стимулирования 21

Малков С. Ю., Давыдова О. И. Двухконтурная национальная валютно-финансовая система как инструмент для преодоления санкционных проблем: моделирование и прогноз 37

Сидоренко Э. Л. Китайская инициатива Цифрового шелкового пути: направления и перспективы развития, преимущества и риски для России 57

80

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Пыжев А. И. Адаптация российской лесной промышленности к постсоветской структурной трансформации экономики и санкционному кризису последних лет 80

100

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Томашевский К. Л. Научные идеи С. С. Алексеева и их влияние на систему и принципы трудового права 100

110

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Акунченко Е. А. Таксономические координаты антикоррупционной экспертизы 110

Маслов В. А. Судейское усмотрение в уголовно-правовой политике. Изменение категории преступления судом 126

CONTENTS

5

ECONOMIC THEORY

D. G. Mudrik, V. N. Kovnir. Natural-scientific aspects of the marginalist revolution 5

21

CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

S. A. Andryushin. Inflation targeting in the context of fiscal stimulation 21

S. Yu. Malkov, O. I. Davydova. Two-circuit national monetary and financial system as a tool for overcoming sanctions problems: modeling and forecasting 37

E. L. Sidorenko. China's Digital Silk Road initiative: directions and prospects of development, advantages and risks for Russia 57

80

REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

A. I. Pyzhev. Adaptation of the Russian forestry industry to the post-Soviet structural transformation of the economy and the recent sanctions crisis 80

100

LABOR LAW

K. L. Tomashevski. Scientific ideas of S. S. Alekseyev and their influence on the system and principles of labor law 100

110

CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

E. A. Akunchenko. Taxonomy coordinates of anticorruption expertise 110

V. A. Maslov. Judicial discretion in criminal law policy. Changing the category of a crime by the court 126

141

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

Бобек Х. Создавать или не создавать: NFT и право на публичность..... 141

Хурцелер М. Федеральные правила в отношении эмодзи: предлагаемые принципы обращения с доказательствами в виде эмодзи в контексте судебного разбирательства..... 175

202

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТАТЬИ

Ди Сальво М. Защита нейроправ в эпоху нейротехнологий и искусственного интеллекта. Этические проблемы права и нейробиологии 202

234

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК

141

TRANSLATED ARTICLES

H. Bobek. To mint or not to mint: non-fungible tokens and the right of publicity..... 141

M. Hurzeler. The Federal rules of emojis: a proposed framework for handling emoji evidence in trial contexts 175

202

INTERDISCIPLINARY ARTICLES

M. Di Salvo. The protection of neural rights in the age of neurotechnologies and AI. The ethical challenge for law and neuroscience..... 202

234

INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики *Г. Т. Гафурова* / Rubric editor *G. T. Gafurova*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.5-20**

УДК / UDC 330.1:330.83
JEL: B13, E13, E14

Д. Г. Мудрик[1],
В. Н. Ковнир[2, 3]

[1] *Независимый экономист-исследователь, г. Москва, Россия*
[2] *Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия*
[3] *Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, г. Москва, Россия*

Естественно-научные аспекты маржиналистской революции

Контактное лицо:
Мудрик Дмитрий Георгиевич, независимый экономист-исследователь
E-mail: dmudrik@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5436-9311
eLIBRARY SPIN-код: 9425-1984

Ковнир Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова; профессор факультета инженерного бизнеса и менеджмента (ИБМ-1), Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
E-mail: horserex@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1302-252X
eLIBRARY SPIN-код: 3649-1839

Аннотация

Цель: определение основных принципов новой парадигмы, которую выдвигали основоположники маржинализма (Госсен, Джевонс, Менгер, Вальрас) и ее связи с естественно-научной парадигмой. Исследование маржиналистской революции как перехода экономической науки от морального (идеалистического) мировоззрения, основанного на принципах антропоморфизма, телеологизма и иерархизма, к естественно-научному (натуралистическому) мировоззрению, основанному на принципах эмпиризма и рационализма.

Методы: историко-генетический, философско-диалектический методы, естественно-научный метод междисциплинарного анализа.

Результаты: в статье представлены основные этапы зарождения естественно-научных идей в трудах разработчиков классической школы и их дальнейшего развития. Проведен анализ возникновения естественно-научного метода в познании природных явлений в XVII в. и дальнейшего его применения в познании экономических явлений в работах предшественников классической школы и маржиналистов. Показано, что революционные идеи основоположников маржинализма являются продолжением естественно-научной революции в экономической науке, в основании

© Мудрик Д. Г., Ковнир В. Н., 2025

которой лежало эмпирическое (чувственное) познание связи между восприятием субъективной ценности благ и их наблюдаемыми естественными свойствами (полезностью) и редкостью, получившее рациональное математическое выражение в форме «закона предельной полезности». Определены основные философско-методологические проблемы, мешающие маржиналистам развивать естественно-научные идеи в экономической науке, связанные с существующей дихотомией познания материальных и духовных явлений, которая приводила к трудностям в научном объяснении понятия ценности благ. Показано, что в результате попытки преодоления указанных противоречий экономические явления стали объясняться математической моделью «рационального» поведения человека, построенной на общеустановленных постулатах поведения «экономического человека» или установленных обществом правилах и институтах.

Научная новизна: показано, что субъективное чувственное восприятие свойства ценности благ может так же объективно изучаться, как и субъективные ощущения естественных свойств объектов. Показано, что предложенный маржиналистами метод исследования хозяйственной деятельности позволяет дать естественно-научное определение понятиям силы и энергии хозяйственных процессов, которые могут быть не просто «удобными» метафорами, но и инструментами, помогающими проникнуть в сущность экономических процессов.

Практическая значимость: положения и выводы статьи обосновывают и расширяют применение естественно-научного метода при анализе и моделировании экономических процессов.

Ключевые слова:

экономическая теория, маржиналистская революция, моральное мировоззрение, естественно-научное мировоззрение, свойство ценности, естественные свойства, сила, энергия

Данная статья подготовлена на основе доклада Д. Г. Мудрика, В. Н. Ковнира «Неоконченная маржиналистская революция», представленного на V Российском экономическом конгрессе в Екатеринбурге 11–15 сентября 2023 г. (с. 59–62). http://www.econorus.org/pdf/Volume1_REC-2023.pdf

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Мудрик, Д. Г., Ковнир, В. Н. (2025). Естественно-научные аспекты маржиналистской революции. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 5–20. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.5-20

Scientific article

D. G. Mudrik[1],
V. N. Kovnir[2, 3]

[1] *Independent researcher, economist, Moscow, Russia*
[2] *Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov, Moscow, Russia*
[3] *Moscow State Technical University named after N. E. Bauman, Moscow, Russia*

Natural-scientific aspects of the marginalist revolution

Contact:
Dmitriy G. Mudrik, independent researcher, economist
E-mail: dmudrik@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5436-9311
eLIBRARY SPIN-code: 9425-1984

Vladimir N. Kovnir, Dr. Sci. (Economics), Professor, Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov; Professor of the Faculty of Engineering Business and Management (EBM-1), Moscow State Technical University named after N. E. Bauman
E-mail: horserex@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1302-252X
eLIBRARY SPIN-code: 3649-1839

Abstract

Objective: to define the basic principles of the new paradigm, put forward by the founders of marginalism (Gossen, Jevons, Menger, Walras), and its connection with the natural science paradigm; to study the marginalist revolution as a transition of economics from a moral (idealistic) worldview, based on anthropomorphism, teleologism and hierarchism, to a natural-scientific (naturalistic) worldview, based on empiricism and rationalism.

Methods: historical-genetic method, philosophical-dialectical method, natural-scientific method of interdisciplinary analysis.

Results: the article presents the main stages of the birth of natural-scientific ideas in the works by classical school authors and their further development. The author analyzes the emergence of the natural-scientific method in the cognition of natural phenomena in the 17th century and its further application in the cognition of economic phenomena in the works by classical school predecessors and marginalists. The revolutionary ideas of the marginalism founders are proved to continue the natural-scientific revolution in economics. The latter was based on empirical (sensory) cognition of the connection between the perception of the subjective value of goods and their observed natural properties (usefulness) and rarity. This received a rational mathematical expression in the form of the "law of marginal utility". The author identified the main philosophical and methodological problems that prevent marginalists from developing scientific ideas in economics, related to the existing dichotomy in the cognition of material and spiritual phenomena, leading to difficulties in the scientific explanation of goods value. As an attempt to overcome these contradictions, economic phenomena began to be explained by a mathematical model of "rational" human behavior based on the general postulates of an "economic person's" behavior or rules and institutions established by society.

Scientific novelty: it was shown that the subjective sensory perception of the goods value can be studied as objectively as the subjective sensations of the objects' natural properties. The method of economic activity research proposed by marginalists allows giving natural scientific definitions of force and energy in economic processes. This makes them not just "convenient" metaphors, but also tools that help to penetrate into the essence of economic processes.

Practical significance: the provisions and conclusions of the article substantiate and expand the application of the natural science method in the analysis and modeling of economic processes.

Keywords:

economic theory, marginalist revolution, moral worldview, natural-scientific worldview, property of value, natural properties, force, energy

The article is based on the report by D. G. Mudrik and V. N. Kovnir "The Unfinished Marginalist Revolution", presented at the 5th Russian Economic Congress in Yekaterinburg on September 11–15, 2023 (pp. 59–62). http://www.econorus.org/pdf/Volume1_REC-2023.pdf

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Mudrik, D. G., & Kovnir, V. N. (2025). Natural-scientific aspects of the marginalist revolution. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 5–20. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.5-20

Введение

Как принято считать в научном сообществе (Автономов, Рубинштейн, 2022; Автономов и др., 2023), во второй половине XIX в. в экономической науке произошла «маржиналистская революция», вызванная публикацией основных работ У. Джевонса, К. Менгера (1871) и Л. Вальраса (1874) (Джевонс, 2021; Менгер, 2005; Вальрас, 2000). Эта революция наметила принципиально новые пути исследования экономической реальности, которые основывались на открытии предельной полезности благ. Экономисты по-прежнему придают большое значение произошедшему «залповому» открытию, а интерес к маржиналистской революции продолжает стимулировать поиск научного объяснения *причин* ее возникновения. На эту тему было опубликовано множество работ в России и за рубежом (Collison Black et al., 1973; Автономов и др., 2015. С. 57–130; Автономов, Рубинштейн, 2022; Макашева, 2022; Автономов и др., 2023). Однако ни одно из существующих объяснений маржиналистской революции, по выражению М. Блауга, не убеждало и не было удовлетворительно (Блауг, 1994. С. 275).

Как отметил В. С. Автономов на III Октябрьской конференции «Экономическая теория и методология: до и после маржиналистской революции», тема маржиналистской революции – это «тема, ускользающая от

анализа, которую трудно поймать за "хвост"»[1], поэтому для многих она остается загадкой. Еще ранее М. Блауг отмечал, что теория предельной полезности «являла собой аномальное явление, которое не вытекало логически из классической экономической теории»… и… «не существует твердого согласия в том, какова была новая парадигма, которую выдвинули Джевонс, Менгер и Вальрас» (Блауг, 1994. С. 285).

Но если в границах частных наук вопросы возникновения новой парадигмы не находят своего разрешения, то их решение становится предметом философии науки и теории познания. Целью настоящего исследования является определение основных принципов новой парадигмы, которую выдвинули основоположники маржинализма Госсен, Джевонс, Менгер и Вальрас. Задачами исследования было выявление ключевых факторов, повлиявших на возникновение нового научного мировоззрения в экономической науке, и установление связи новых принципов познания экономических явлений, выдвинутых маржиналистами, с принципами познания, используемыми в физических науках.

В настоящем исследовании ставится целью обоснование вывода о том, что маржиналистская *революция в социальных науках* стала *продолжением революции в естественных науках*, вызванной возникновением и развитием Новой философии, начиная с XVII в. Это поворотное событие привело к реформированию теории познания и переходу от моральной парадигмы, основанной на принципах антропоморфизма, телеологизма и иерархизма, к естественно-научной парадигме, основанной на принципах эмпиризма (чувственного познания) и рационализма (математического познания).

В статье представлены основные этапы зарождения естественно-научных идей в трудах разработчиков классической школы, включая А. Смита, и дальнейшего их развития в работах предшественников и основателей маржинализма.

В данной работе проведен *анализ основных философско-методологических проблем*, с которыми столкнулись идеи исходного маржинализма при реформировании экономической науки, связанных с существующей дихотомией познания материальных и духовных явлений. Но это обстоятельство «расщепило царство знания на две отдельные области: царство внешних событий, обычно называемое природой, и царство человеческого мышления и деятельности» (Мизес, 2007. С. 1), не позволив завершить начатую маржиналистами революцию и достичь результатов, сравнимых с успехами естественных наук.

Результаты исследования

Возникновение естественно-научного метода в познании явлений природы и социально-экономических явлений

Наука как форма познания является видом рациональной духовной деятельности субъекта, направленной на объяснение наблюдаемых явлений. В основании этой деятельности лежит теория познания – область философии, исследующая методы познания, отношение знания к реальности, условия ее достоверности и ценности. Историко-генетический анализ развития теории познания показывает, что принципы и методы познавательной деятельности человека существенно менялись.

В основании рационального (разумного) объяснения реальности лежат два мировоззрения. С одной стороны, моральное (идеалистическое) мировоззрение, основанное на принципах антропоморфизма, телеологизма и иерархизма, объясняющее явления природы через сознание и волю духовных субъектов (естественных и сверхъестественных), которые вызывают эти явления, и отрицающее объективную реальность, независимую от сознания и воли этих субъектов. С другой стороны, естественно-научное (натуралистическое) мировоззрение, основанное на принципах эмпиризма и рационализма, реализуемых путем наблюдения и измерения объективной реальности, доказывающих необходимость и всеобщность этой реальности и независимость ее от сознания и воли духовных субъектов.

Использование экономистами морального и естественно-научного мировоззрения для объяснения экономических явлений приводит к дуализму *эпистемологии* экономических знаний.

В работах австралийских ученых Клайва и Кары Бид (Beed & Beed, 1996, 2000; Beed, 2005) дуализм рассматривается как «дихотомия между традиционными натуралистическими и ненатуралистическими

[1] Автономов, В. С. (2021). Видеозапись выступления. III Октябрьская конференция. http://www.econorus.org/c2021/

способами человеческого исследования… в философии социальных наук» (Beed & Beed, 1996. P. 1080). Как отмечается в работах Бид, использование естественно-научных методов было связано с «попыткой подражать предполагаемым методологиям естественных наук в надежде, что социальная наука повторит открытия естественных наук» (Beed & Beed, 1996. P. 1083). Бид перечисляют 35 различий между ненатуралистическим и натуралистическим подходами в современной экономической науке (Beed & Beed, 1996. P. 1089), что, на наш взгляд, показывает существующий уровень разногласий в экономической теории.

Анализ таких «полярностей», по мнению Бид, показывает, что «экономика не способна применять натуралистические методы для получения надежных, новых, имеющих отношение к политике выводов» (Beed & Beed, 2000. P. 418). В связи с нерешенными вопросами применения натурализма в экономике актуальность естественной эпистемологии «не представляет собой качественно новой концепции, не обладает последовательным смыслом и не способна наметить инновационный путь развития экономики» (Beed, 2005. P. 99).

Американский философ Д. Хаусман (Hausman, 2018) считает необходимым пересмотреть научный статус экономики как науки, относящейся к «социальному научному натурализму» (p. 71), указывая восемь особенностей экономики, которые отличают ее от естественных наук (p. 82). По мнению Хаусмана, предмет обобщения и объяснения не может освободиться от субъективно-моральных представлений, поэтому «люди и их поведение не могут быть предметом научного исследования» (p. 71), а «экономика – это своеобразное предприятие, совсем непохожее на физику» (p. 82).

В работах П. Роны (Róna, 2017, 2018a) указывается, что различие между естественной и моральной философией приводит к переосмыслению экономики как моральной науки (2017. P. 3). «Естественные науки занимаются объектами, которые существуют независимо от человеческого мышления. Но экономика, в отличие от естественных наук, не имеет онтологически объективного предмета, поскольку экономическая жизнь, в отличие от материи, является продуктом человеческой интенциональности» (2017. P. 4).

Рона указывает, что существующая дихотомия между предметом социальных наук и предметом естественных наук связана с фундаментальным различием между «телесной и нетелесной реальностью» и «эти различия указывают на глубокое онтологическое различие между предметом естественных и социальных наук…» (2018a. P. 3).

Обсуждение дихотомии естественно-научного (натуралистического) и морального (идеалистического) способов исследования в экономике находится сейчас на переднем крае научных дискуссий. Назовем, например, работы Jackson (1995), Chatterjee (2016), Pratten (2018), Lawson (2018), Colander (2018), Hoevel (2018), Klamer (2018), Ban (2019), Hands (2001).

Из истории теории познания мы знаем, что *моральное (идеалистическое) мировоззрение* господствовало до XVII в., поддерживаемое авторитетом церкви. Весь мир объяснялся из конечных причин – духовных сущностей, через их поведение и цели, обусловленные правилами практической морали, установленными священными текстами. Объяснение любого явления выражалось в стремлении «объяснять действия природы по аналогии с действиями и поступками человека, то есть убеждение, что природа делает то же самое, что и человек» (Бэкон, 1971. С. 324). Как отмечал известный русский социальный философ Е. В. Спекторский (1875–1951), моральное мировоззрение вводило в восприятие природы человеком три основных принципа: антропоморфизм, телеологизм и иерархизм (Спекторский, 2006а. С. 42, 44). Немецкий философ Г. Корнелиус (1863–1947), исследовавший основы теории познания, отмечал, что принцип такого объяснения заключается в том, чтобы неизвестные и непонятные явления подвести под привычное нам поведение некоторого существа, которое вызывает эти явления. Этим достигалось объяснение причин явлений, вызванных волевым актом этого существа, и подведение их под хорошо известный нам класс явлений – наши собственные волевые акты (Корнелиус 2011. С. 27), связанные с общепринятыми правилами поведения.

Однако в период XVI–XVII вв. произошла естественно-научная революция, вызванная возникновением Новой философии и связанная с работами Ф. Бэкона, Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. В. Лейбница, Н. Коперника, Г. Галилея, И. Ньютона и других ученых, в основании исследований которых лежало естественно-научное мировоззрение. Мир стал объясняться не «антропоморфными силами», вызванными сознанием и волей некоторых духовных сущностей, а *силами природы*, действие которых определялось через *чувственное восприятие* (эмпирически), путем измерения изменений внешних качеств (состояний) объектов, воспринимаемых органами чувств. Как писал Ньютон, «вся трудность физики состоит в том, чтобы по *явлениям движения* (выделено нами. – Д. М., В. К.) распознать силы природы, а затем по этим силам объяснить остальные явле-

ния» (Ньютон, 2008. С. 3). *Взаимосвязь явлений* объяснялась не телеологически, через предустановленные цели, обусловленные целесообразностью поведения духовных сущностей, а законами природы, в основании которых лежат причинно-следственные связи. *Взаимоотношение явлений* объяснялось не иерархией, основанной на подчинении «земного» (низшего) «небесному» (высшему), а механизмом, в котором части относятся к целому как единый механизм.

В результате получение знаний перешло из области теологии и умозрительной метафизики в область чувственного опыта. В основании естественно-научного метода лежало *неразрывное единство* эмпирического (чувственного) и рационального (математического) познания реальности, позволившее «увидеть» объективность наблюдаемых явлений в субъективном чувственном восприятии человека.

Революция в естествознании вызвала стремление построить социальную физику. В исследовательской работе «Проблема социальной физики в XVII столетии» Е. В. Спекторского указывается, что «…новаторы стремились сделать экономику естественной наукой в смысле ее рационализации. Они пытаются поднять ее на степень умозрительной, дедуктивной науки, объекты которой не только сравнимы между собой… но и измеримы… как настаивал Э. Вейгель. Лейбниц собирался открывать тайны экономики с помощью математики» (Спекторский, 2006b. С. 45). Новаторы Гоббс (1588–1679), Вейгель (1625–1699), Локк (1632–1704), Лейбниц (1646–1716), Ньютон (1642–1727) «подготовляли почву для физиократов и Адама Смита, учивших о естественной закономерности хозяйственной жизни» (Спекторский, 2006b. С. 46).

В XVII–XVIII вв. естественно-научные идеи проявились еще в работах предшественников классической школы Петти (1623–1687), Буагильбера (1646–1714), Кантильона (ок. 1680–1734), Кенэ (1694–1774). Исследование экономических процессов основывалось на чувственном восприятии *внешних* явлений. Как писал Петти, «…я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер… употребляя только аргументы, идущие от *чувственного опыта* (выделено нами. – Д. М., В. К.), и рассматривая только причины, имеющие *видимые основания в природе* (выделено нами. – Д. М., В. К.)» (Петти, 1940. С. 156).

Развивая работы предшественников, Адам Смит основывался на «естественном порядке» (Смит, 1962. С. 17) ньютоновской картины мира, отмечая, что «человеческое общество, рассматриваемое с абстрактной и философской точки зрения, можно сравнить с огромной машиной, правильные и согласованные движения которой дают массу полезных результатов» (Смит, 1997. С. 305).

Смит стремился объективно исследовать производство и движение благ в хозяйственной деятельности (Смит, 1962). Однако причины, вызывающие хозяйственную деятельность, нельзя было объяснить через *внешние* природные силы, участвующие в производстве благ (физические, химические и биологические). Смит попытался объяснить эти причины «силами души» человека, побуждающими нас к *достойному поведению* (Смит, 1997. С. 260), основанному на нравственных чувствах любви к себе (эгоистическое поведение) и общей справедливости (действие «невидимой руки»). Таким образом, Смит объяснял причины наблюдаемых хозяйственных явлений антропоморфно – подведя их под *общепринятые моральные правила поведения* человека. Как заметил Скиннер: «Смит утверждал, что наблюдатель может формировать суждения о поступках другого человека, *мысленно представляя* (выделено нами. – Д. М., В. К.), как он повел себя или какие чувства испытывал бы в похожих обстоятельствах» (Скиннер, 2008. С. 9). Как отмечает В. С. Автономов, «политическая экономия выделилась из моральной философии как наука, имеющая свой предмет – деятельность “экономического человека”» (Автономов, 1993. С. 15). Однако, как это нами показано выше, в основании метода политической экономии по-прежнему лежало моральное мировоззрение, которое подводило хозяйственную деятельность под общепринятое моральное поведение субъекта.

Научный поиск рационально-разумного объяснения хозяйственных явлений развивался в работах не только классической школы, но и предшественников маржинализма, среди которых были Н. Барбон (1640–1698), Ф. Галиани (1728–1789), Э. Б. Кондильяк (1715–1780), Ж. Дюпюи (1804–1866), Г. Г. Госсен (1810–1858) и др. Развитие этого направления привело во второй половине XIX в. к «маржиналистской революции», которую связывают с публикацией основных работ У. Джевонса, К. Менгера (1871) и Л. Вальраса (1874) (Джевонс, 2021; Менгер, 2005; Вальрас, 2000).

В отличие от Адама Смита и его предшественников, маржиналисты исследовали хозяйственную деятельность, основываясь на фактах *чувственного восприятия* субъективной ценности объектов, которые не содержатся в восприятии внешних ощущений, а являются внутренней реакцией человека, вызванной чувственным переживанием удовольствия и страдания как реакции на внешнее ощущение («эмоциональный

тон»[2]). Маржиналисты стремились объяснить экономические явления через чувственное восприятие ценности, «подойти к экономике как к исчислению страданий и удовольствий» (Джевонс, 2021. С. 44).

Как отмечает в работе «Экономика и механика» Вальрас, чувственные факты, которые мы описываем, математически необходимо разделить на две категории. «Некоторые из них *внешние*; они происходят вне нас, на театре природы. Отсюда следует, что они кажутся всем и каждому одинаково, а также что для каждого из них существует объективная и коллективная *единица*, то есть величина, одинаковая для всех, которая служит для их измерения. Мы назовем это *физическими* фактами; и они будут объектами *физико-математических* наук. Другие – *интимны*, они происходят внутри нас, наш мир – это наш внутренний театр. Отсюда следует, что они кажутся другим не такими, как у нас, и что, хотя каждый из нас может сравнивать их друг с другом по величине или интенсивности, оценивать их друг с другом как более сильные или более интенсивные, чем другие, одним словом, *оценивать* их, эта оценка остается субъективной и индивидуальной. Мы назовем их *психическими* фактами; и они будут объектами *психо-математических* (*psychico-mathématiques*) наук» (Walras, 1909. P. 2).

В отличие от концепции Смита, который объяснял причины хозяйственного поведения человека силами души, основанными на моральных правилах поведения, маржиналисты объясняли хозяйственное поведение субъекта действием сил, вызванных его потребностями, которые он «распознает» при непосредственном чувственном восприятии субъективной ценности вещей, познаваемой качественно (полезность) и количественно (редкость)[3].

Маржиналисты пытались доказать, что не *общепринятые правила поведения* человека (моральные или рациональные) определяют его хозяйственное поведение, а *объективные условия* жизни и их изменение определяют хозяйственное поведение человека. Как писал Менгер: «Теоретическая наука о народном хозяйстве занимается не преподанием практических советов для хозяйственного *поведения*, а установлением *условий* (выделено в оригинале), при которых люди проявляют предусмотрительную деятельность, направленную на удовлетворение своих потребностей» (Менгер, 2005. С. 63).

Менгер объяснял причины эгоистического и альтруистического («коммунистического») поведения человека в хозяйственной деятельности не через моральные принципы, как это делал Смит, а через *наблюдаемое отношение* «количества благ, доступных распоряжению» и «надобности в них», которое «допускает весьма точное исследование» (Менгер, 2005. С. 110–111). Он указывает на «потребность в научном основании хозяйственной деятельности» и «в бесплодности делавшихся до сих пор попыток постигнуть ее эмпирические основания» (Менгер, 2005. С. 61), утверждая, «что явления хозяйственной жизни подлежат строгим законам, подобно явлениям природы» (Менгер, 2005. С. 63) и «все явления подчинены закону причины и следствия» (Менгер, 2005. С. 65).

Менгер отмечает: «Становится ли, и при каких условиях, вещь для меня *полезной*… *благом*… *благом хозяйственным*, имеет ли… она для меня *ценность* и как велика *мера* этой ценности, когда и при каких условиях произойдет *экономический обмен* благ (выделено в оригинале)… и т. д., – все это так же не зависит от моей воли, как закон химии от воли химика-практика» (Менгер, 2005. С. 63).

Вальрас отмечает, что «чистая политическая экономия является наукой, совершенно похожей на физико-математические науки» (Вальрас, 2000. С. 23). Он доказывал, что законы спроса и предложения объективны и «экономистам не удастся изменить природу этих законов, отказавшись от их названия; с таким же успехом они могут попытаться изменить красный свет, назвав его синим» (Walras, 1909. P. 2).

Джевонс доказывал, что «…как все физические науки более или менее очевидно основываются на общих принципах механики, так и все ответвления и подразделения экономической науки должны стоять на неких общих принципах… механики работы собственного интереса и полезности…» (Джевонс, 2021. С. 51).

Революционность маржиналистов заключалась в том, что они искали «физические» основания экономических явлений, которые человек познает через чувственные переживания, так же как через ощущения человек

---

[2] Эмоциональный тон (чувственный тон) – простейшая форма эмоций, возникающая в связи с определенными ощущениями при контакте с окружающей природой. В результате человек получает не только информацию о свойствах объектов, но и об их чувственном значении в форме «удовольствия и неудовольствия». Как показывают исследования ученых, эта форма восприятия информации свойственна всем формам жизни от простейших до человека и обеспечивает им сохранение жизни. См.: Вайнштейн, Л. А., Поликарпов, В. А., Фурманов, И. А. (2009). Общая психология: учебник. Минск: Современная школа. С. 356–357.

[3] Так же, как физики познают внешнее «поведение» объектов природы через непосредственный опыт восприятия ощущений, познаваемых качественно и количественно (Дюгем, 2011. С. 131).

познает природные явления. Джевонс, отмечая работу Ричарда Дженнингса (Jennings, 1855), пишет: «Эта работа посвящена физическим основаниям экономики и демонстрирует ее зависимость от физиологических законов» (Джевонс, 2021. С. 122). В этой работе Дженнингс ставит вопрос, который *присущ естественным наукам*: «Как соотносятся разница в степени ощущений [удовольствия и страдания] и разница в количестве блага?» (Джевонс, 2021. С. 123).

Несложно заметить, что открытия маржиналистов в области чувственного и рационального познания свойства ценности объектов *продолжили* открытия натуралистов XVII в., начатые в области чувственного и рационального познания естественных свойств объектов. Метод, открытый революционерами-натуралистами, показал, что субъективные ощущения физических свойств тел *связаны* с их объективно наблюдаемыми и измеряемыми внешними изменениями, независимыми от сознания и воли субъекта. Например, субъективно ощущаемая как тепло температура нагреваемого тела связана с объективным изменением его объема, который можно измерить, или субъективно ощущаемая тяжесть тела связана с объективно наблюдаемым и измеряемым растяжением пружины[4] и т. д.

Логическим продолжением этих открытий стало открытие, сделанное маржиналистами в области чувственной природы экономических явлений, показавшее, что чувственные впечатления субъективной ценности благ связаны с объективно измеряемыми естественными свойствами благ (связанными с их полезностью) и их доступным количеством (редкостью), независимых от сознания субъекта и не связанных «никакими соображениями нравственного характера» (Джевонс, 2021. С. 106).

Таким образом, чувственное познание маржиналистами свойства ценности благ открыло возможность для натуралистического познания экономических явлений, которое *связывает наш внутренний субъективный мир чувственных впечатлений с внешним объективным миром естественных вещей*.

Но тогда возникает вопрос, почему маржиналисты не пошли по пути естествознания и в чем была трудность использования естественно-научного метода в изучении экономических явлений.

Основные философско-методологические проблемы, затрудняющие развитие идей маржиналистов

Развитие теории познания в работах сенсуалистов XVII–XVIII вв. Локка (1632–1704), Беркли (1685–1753), Кондильяка (1715–1780), Юма (1711–1776) поделило познаваемый единый мир на две противоположные части: материальную и духовную, физическую и психическую, эмпирическую и рациональную. Сенсуалистический подход к познанию природы привел к дихотомии теории познания[5]. Проблема дихотомии познания коснулась и маржиналистов, которые противопоставляли естественные свойства и свойство ценности объектов, считая, что свойство ценности не может быть объективным в отличие от их естественных свойств. Например, Джевонс, определяя природу и условия полезности благ, утверждал, что «полезность, хотя и является свойством вещей, не является *объективным свойством*. Лучше описать ее как *обстоятельство* (выделено в оригинале), возникающее из *отношения вещей к потребностям человека* (выделено нами. – Прим. Д. М., В. К.)» (Джевонс, 2021. С. 114). Менгер также отмечает, что ценность благ «не есть нечто присущее благам, не есть их свойство, но представляется нам просто как *отношение, в котором находятся некоторые предметы к человеку* (выделено нами. – Прим. Д. М., В. К.). При исчезновении человека они, разумеется, тотчас перестают быть благами» (Менгер, 2005. С. 66–67).

Между тем научные исследования в области естествознания показывают, что возникновение естественных свойств объектов и свойства ценности имеют *общие причины*. Как показывает физический опыт, естественные свойства объектов вызваны их «отношением» (взаимодействием) с другими объектами. Например, форма тел вызвана взаимодействием химических сил между атомами или молекулами, и в случае если эти взаимодействия прекращаются, форма тела пропадает (например, тела переходят в газообразное состояние). Вес тел, как мы знаем, вызван гравитационными силами взаимодействия между Землей и телами и в случае значительного удаления тела от Земли вес тела будет стремиться к нулю. Известно, что температура тел вызвана взаимодействием атомов и молекул на микроуровне, а когда это взаимодействие прекращается, температура «исчезает» («абсолютный ноль») и т. д.

[4] Открытые закономерности в дальнейшем использовались для изготовления приборов, позволяющих объективно измерять температуру (жидкостные градусники) и вес тел (динамометры).

[5] Подробно об этом в работе (Мудрик, Ковнир, 2022).

Подобным же образом возникновение свойства ценности/полезности объектов связано с взаимодействием субъекта с объектами, вызванным силой потребности в них субъекта, и «при исчезновении» субъекта взаимодействие прекращается и ценность объектов пропадает.

Дихотомия духовной и естественной природы всегда вызывала у экономистов трудности в научном объяснении понятия ценности благ. Как отметил еще в начале XX в. русский философ С. Франк, «понятие "ценность" остается далеко не выясненным» (Франк, 1900. С. 2). Поэтому под термин «ценность» подводят столь разнообразные понятия, как родовая, естественная, объективная, субъективная, потребительная, меновая и другие ценности.

Однако весь туман вокруг понятия «ценности» рассеивается и находит свое естественное объяснение, если использовать естественно-научный метод революционеров XVII в. Как отмечает известный физик и философ Пьер Дюгем (1861–1916) в работе «Физическая теория: ее цель и строение», для *ясного и точного* познания естественных свойств тел мы должны изучать их не только *качественно* (через чувственное восприятие), но и *количественно*. Говоря языком математики – свойство должно быть «*величиной*» (Дюгем, 2011. С. 128).

Качественное познание естественных свойств тел связано с классификацией ощущений (механических, оптических, акустических, термических и др.), познаваемых через наши органы чувств. *Количественное познание* связано с установлением причинной связи между нашими ощущениями, вызванными объектом, и визуально наблюдаемыми изменениями его состояния, которые можно измерить.

Похожую задачу о *количественном* определении полезности благ для экономической науки поставил в XIX в. Джевонс, указывая: «…я приписываю сегодняшние сложности и недостатки политической экономии именно тому факту, что экономисты не потрудились ясно и точно сформулировать *понятие величины и степени полезности*… (выделено нами. – Прим. Д. М., В. К.)» (Джевонс, 2021. С. 44).

Открытие маржиналистами чувственной природы ценности позволяет нам утверждать, что свойство ценности также имеет качественные и количественные признаки. Для экономических благ качественное познание свойства ценности связано с *восприятием чувственных впечатлений* «полезностей», которые мы классифицируем по видам пользы, получаемых от благ (например, еды, одежды, жилья и т. д.). Каждый вид «полезностей» включает спектр различных благ, так же как, например, каждый цвет включает большой спектр оттенков цветов. Полезность блага связана с естественными свойствами благ, удовлетворяющими естественные потребности человека. Важно отметить, что *изменение естественных свойств благ вызывает изменение их качества (полезности)*, воспринимаемого субъектом так же, как, например, изменение физической частоты оптических колебаний вызывает изменение цвета, воспринимаемого глазом.

Важным открытием маржиналистов является то, что они показали, что свойство ценности благ зависит не только от полезности, но и от количества благ – их редкости. Количественное познание свойства ценности стало возможно, когда маржиналисты установили *причинную связь* между интенсивностью чувственных переживаний степени полезности благ и визуально наблюдаемым изменением их количества («предельная полезность»). Подобно тому, как изменение интенсивности (количества) света влияет на его *яркость* восприятия, изменение количества блага, доступного субъекту, влияет на его *ценность* – «яркость» (степень) восприятия полезности этого блага. Например, стакан воды, который имеет одну и ту же полезность, обусловленную естественным свойством воды удовлетворять жажду, будет иметь разную ценность вблизи водоема или в пустыне. Как известно, этим объясняется «парадокс полезности и ценности» благ.

Первоначально ценность благ пытались определить через измерение степени их полезности в условных единицах (ютиль), то есть через прямое измерение интенсивности и длительности чувственных переживаний удовольствия и страдания. Этот *кардиналистский* подход к измерению полезности был предложен Джевонсом, но в дальнейшем от него отказались в связи с невозможностью проведения таких измерений. Чтобы уйти от этих трудностей, был предложен *ординалистский* подход, основателем которого является Парето, в котором делается акцент не на измерение полезности отдельных благ, а на порядок предпочтения наборов благ. Однако, учитывая, что качественный показатель полезности, на который опирались кардиналисты и ординалисты, не мог дать количественной меры ценности блага и их набора, эти подходы не могли быть использованы для количественного измерения ценности благ.

Мы знаем, что физическая наука также основывается на чувственном опыте восприятия субъективных ощущений, например, горячего и холодного, легкого и тяжелого, светлого и темного, быстрого и медленного и т. д. Однако физики для количественного изучения этих явлений не пытались измерить *прямым способом*

переживаемые субъективные ощущения, а использовали *косвенный способ* через измерение внешних изменений, которые сопровождают субъективные ощущения. Например, количественная оценка температуры тела определяется не через интенсивность ощущения тепла и холода, а через изменение объема этих тел, изменяющегося при изменении их температуры, который можно точно измерить.

В экономике также существует косвенный метод измерения ценности благ. Маршалл для измерения ценности (степени полезности) благ использовал денежные единицы, которые человек готов отдать, чтобы удовлетворить свои потребности (Маршалл, 1993. С. 70). В этом случае деньги становятся мерой интенсивности потребности человека, которая чувственно переживается им как удовольствие и страдание. Также Менгер для измерения субъективной ценности блага предлагал не прямое измерение степени потребности, чувственно переживаемое, а наблюдаемое отношение «количества благ, доступных распоряжению» и «количества благ, в которых испытывается надобность», допускающих весьма точное измерение (Менгер, 2005. С. 110–111). Выбор способа измерения ценности благ и ее меры (единиц) измерения позволило создать математическую теорию предельной полезности.

Однако *трудности преодоления* ортодоксального *морального мировоззрения* в экономической науке привели к тому, что экономисты восприняли открытое маржиналистами чувственное познание свойства ценности благ как сугубо *гедонистическую теорию хозяйственного поведения человека*. Как отмечает Джевонс, идеи Бентама «послужили отправной точкой» его теории полезности (Джевонс, 2021. С. 56). Однако выводы, полученные маржиналистами из теории полезности благ, опровергают учение гедонистов, доказывая, что с ростом доступного количества «полезных» благ интенсивность переживания «удовольствий» не увеличивается, а уменьшается (всем известный закон предельной полезности). Таким образом, конечной целью стремления к благам является не рост удовольствий, а успокоение и независимость от чувственных переживаний удовольствия и страдания, т. е. освобождение человека от материальной необходимости.

Подражая *позитивизму* естественных наук в стремлении построить свободную от субъективных чувств «чистую» экономическую науку, неоклассики попытались «вытеснить… всякую психологию за пределы экономической науки» (Автономов, 1993. С. 42). Неоклассики отказались от *внутреннего* опыта познания чувства ценности благ, на котором основывается понятие ценности, оставив в экономической науке только *внешний* опыт с опорой на статистику и эконометрику.

Объясняя такое положение в экономической науке, Л. Роббинс указывал, что «научный метод, как утверждается, требует, чтобы мы сбросили со счетов все то, что не поддается непосредственному наблюдению. Мы можем принять в расчет спрос в том виде, в котором он проявляется в наблюдаемом поведении на рынке. Но дальше этого идти мы не можем. Оценка – это субъективный процесс. Мы не можем пронаблюдать оценку, поэтому в научном объяснении ей нет места. Наши теоретические построения должны основываться на *наблюдаемых данных* (выделено нами. – Прим. Д. М., В. К.)» (Роббинс, 2012. С. 107). Однако «теоретические построения» физиков также основываются на *наблюдаемых данных*, но физики, в отличие от экономистов, не отказываются от чувственного восприятия, так как понимают, что *нельзя познавать «что-то», что не является фактом рефлексии наших субъективных ощущений или чувств*. Как писал Кант: «Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» (Кант, 1964. С. 155).

В результате отказа от чувственного опыта субъективной ценности неоклассическая теория существенно изменилась. Полезность перестала быть «ощущением», а стала абстрактным понятием «предпочтительности» и «интенции». В результате внутренние мотивы поведения человека были признаны непознаваемыми и стали рассматриваться как «черный ящик».

В этой сложной ситуации неоклассиками был предложен «новый» метод, который по существу являлся одной из форм антропоморфного объяснения, когда объясняемое экономическое явление *подводилось* под «чистую» математическую модель «рационального» поведения человека, построенную на общеустановленных «постулатах», истинность которых «не вызывает особых сомнений» (Роббинс, 2012. С. 102).

Таким образом, причины хозяйственной деятельности объяснялись не общепринятыми нравственными чувствами (классическая школа) и не чувственным восприятием ценности благ (маржиналисты), а математической моделью «рационального» поведения человека, построенной на общеустановленных постулатах поведения «экономического человека» (неоклассика) или установленных обществом правилах и институтах (институционализм). Однако, «объясняя, почему кто-то поступил так, как поступил, мы не пытаемся отнести

этот поступок к категории какой-то общей закономерности. Вместо этого мы ссылаемся на *мотивы* (выделено в оригинале), двигавшие актором» (Хаусман, 2012. С. 16).

Отказ неоклассики от чувственного восприятия экономических явлений и замена причинно-следственных связей на функциональные привели к тому, что экономическая теория потеряла связь с опытом, представляя собой заведомо нереалистичное описание искусственных «аналоговых экономик» R. Lucas (1981); «правдоподобных миров» P. Сагдена (Sugden, 2000; Cartwright, 2009; Grüne-Yanoff, 2008); «моделей, как изолированных и суррогатных систем» (MISS) U. Mäki (2009) и «притч» А. Рубинштейна (2008).

Как указывают сами экономисты, экономическая действительность становится «рукотворной и полностью субъективной» (Jackson, 1995. P. 764). Она *антропоморфна*, так как экономические процессы объясняются не закономерностями, а правилами и институтами, установленными людьми. Она *телеологична*, так как экономическое развитие определяется целями, устанавливаемыми людьми. Она *иерархична*, так как основана на подчинении «низшего» (домохозяйств) «высшему» (элите). Венгерский экономист П. Рона приходит к выводу, что «современная экономика – это идеология, представляющая себя в научной одежде…» (Róna, 2018b. P. 30).

Экономическая физика – это метафора или реальность?

Применение естественно-научного метода в изучении естественных и экономических явлений объясняет физический характер идей маржиналистов и их цель – создать объективную экономическую науку, похожую на физико-математические науки. Все главные участники маржиналистской революции пользовались аналогиями из области физики, и физические модели использовались ими для объяснения законов ценообразования и обмена[6]. Американский историк экономической мысли Филип Майровский доказывал, что между физикой середины XIX в. и неоклассической экономической теорией можно провести параллели, и «основатели последней открыто признавали наличие этих параллелей в своих публикациях» (Mirowski, 1984. P. 368).

Однако использование экономистами физических терминов и понятий в качестве метафор без ясного понимания связи «физического» и «экономического» дает только видимость научности и может привести к ошибкам и заблуждениям. Поэтому, по мнению Менгера, «…установление связи между всеми науками и единства их высших принципов… можно будет все же только тогда, когда будут исследованы самым тщательным образом отдельные отрасли и будут найдены им свойственные законы» (Менгер, 2005. С. 63).

Опираясь на научные исследования маржиналистов и физиков, можно увидеть единство в определениях понятия *сил* в экономических явлениях, источником которых является человек, и сил в естественных явлениях, источником которой являются материальные объекты.

Покажем это. В физике исходной точкой современного научного представления о силе является понятие *взаимодействия* объектов[7]. Появление сил непосредственно вызывается взаимодействием и сопровождается изменением состояния (свойств) взаимодействующих объектов. Сила служит характеристикой интенсивности (степени) взаимодействия.

Как было показано выше, чувственное восприятие свойств тел (форма, вес, тепло) вызвано действием естественных сил (химических, гравитационных, межатомных и межмолекулярных), источником которых являются взаимодействующие тела.

В нашем исследовании мы рассматриваем человека как природное тело, в котором возникают силы (вызванные его потребностями) при его взаимодействии (отношении) с внешними объектами. Возникновение сил мы исследуем натуралистически как действие, данное нам в чувственном опыте восприятия *факта возникновения или изменения* свойства ценности объектов.

Поэтому из определения, данного маржиналистами, свойства ценности как отношения, возникающего между человеком и объектами, следует, что, *когда отношение человека с объектами приводит к возникно-*

[6] Джевонс рассматривал «аналогию между теорией обмена и теорией рычага» (Джевонс, 2021. С. 114). Вальрас доказывал, что методы чистой экономики «строго идентичны методам двух самых передовых и бесспорных физико-математических наук: рациональной механики и небесной механики» (Walras, 1909. P. 3). Менгер сравнивал процесс «выравнивания» цен обмениваемых благ, используя аналогию с сообщающимися «водовместилищами» (Менгер, 2005. С. 200).

[7] Константинов, Ф. В. (ред.). (1970). Сила. Философская энциклопедия (Т. 5. С. 7). Москва: Советская энциклопедия.

вению у него чувственных переживаний их ценности, мы можем связать величину субъективной ценности с интенсивностью действия силы потребностей, источником которых является человек[8].

Но возникает вопрос: если сила является интенсивностью взаимодействия тел, то что передается в результате этого взаимодействия? Или, другими словами, какая субстанция вызывает ощущения и чувственные переживания, которые воспринимаются человеком как свойства тел, например, цвет, звук, тепло и в том числе ценность?

Физиками XIX в. было установлено, что эта субстанция – *энергия*, единая количественная мера различных *форм движения и взаимодействия всех видов материи*, которая так же объективна, как и материя. Основным отличием энергии от материальных тел является то, что *она может передаваться от одной формы движения материи к другой*, например, при определенных условиях тепловое движение вызывает механическое движение (например, паровые двигатели) или механическое движение вызывает движение электрических зарядов (например, электризация трением) и т. д. Поэтому при взаимодействии тел действие силы «заключается или в передаче, или в стремлении к передаче того, что называется энергией, с одной части материи на другую» (Тэт, 1877. С. 15).

Как отмечает известный шотландский физик-математик, один из пионеров термодинамики П. Г. Тэт (1831–1901), физики XIX в. пришли к выводу, что «тепло свет, звук, электрические токи и т. д., несмотря на то, что они не представляют особых форм вещества, должны быть признаны столь же реальными, как и материя…» (Тэт, 1877. С. 313). «В таком случае, – пишет П. Г. Тэт, – мы признаем вне нас существование энергии движения разного рода, а в нашем уме *соответственное впечатление* (выделено нами. – Прим. Д. М., В. К.) яркости и цвета, шумов и гармонических звуков, боли и пр.» (Тэт, 1877. С. 310), а открытие маржиналистов добавляет сюда впечатления ценности и полезности благ, вызванных хозяйственной деятельностью.

Как доказывают исследования экономистов, впечатления о ценности и полезности вещей возникают только тогда, когда они участвуют в хозяйственных процессах – экономической форме движения материи. Отсюда следует, что наши ощущения цвета, тепла, звука и ценности связаны соответственно с восприятием энергии, вызванной оптическими, термическими, акустическими и экономическими процессами. Таким образом, абстрактные математические понятия силы и энергии *получают свою реальность через естественные и ценностные свойства тел, ощущаемые и чувственно переживаемые человеком*. Именно на этой связи разума и опыта революционеры XVII в. построили математическую физику, то есть открыли связь между рациональным и эмпирическим познанием природы.

По нашему мнению, такие физические понятия, как сила и энергия, являются не просто «удобными» метафорами, но могут быть инструментами, помогающими проникнуть в сущность экономических процессов. Их применение становится возможным благодаря открытию маржиналистами чувственной природы познания экономических явлений.

Заключение

Всех маржиналистов объединяла цель создания естественно-научного метода, построенного на принципе единства эмпирического и рационального познания экономических явлений. В этом смысле Джевонса можно сравнить с Бэконом, Вальраса – с Декартом (Автономов, 2022. С. 52, 64), Менгера – с Галилеем[9].

К сожалению, революционные открытия маржиналистов не получили своего естественно-научного продолжения, и экономисты сегодня используют моральную парадигму для объяснения закономерностей экономических процессов через рациональное поведение людей. Но, по нашему мнению, в маржиналистской революции рано ставить точку и подводить итоги о ее «победоносном завершении», она ждет своего продолжения. По нашему мнению, мы до сих пор не осознали глубины произошедших изменений, вызванных маржиналистской революцией.

---

[8] На это указывал О. фон Бём-Баверк: «Прежде всего, в процессе образования цен действуют настоящие силы – силы, конечно, не физические, а психические. Такого рода силами являются желания <…>. Интенсивность этой силы измеряется, естественно… величиной той субъективной ценности, какую он [человек] придает этой вещи» (Бём-Баверк, 2009. С. 199). В свою очередь, А. Маршалл отмечает, что «…силу побудительных мотивов человека… становится возможным приблизительно измерить той суммой денег, которую он готов отдать, чтобы получить желаемое удовлетворение…» (Маршалл, 1993. С. 70).

[9] Известно, что Галилеем были заложены основы механической динамики в отличие от существующего до него статического изучения механических явлений. Как отмечает В. С. Автономов, включение Менгером в анализ фактора времени придало австрийской школе динамический характер, несвойственный другим направлениям маржинализма, которые использовали статические модели экономического равновесия (Автономов, 2022. С. 63).

Как писал П. Г. Тэт, перед физиками XIX в. стоял вопрос, «в каком месте провести черту раздела между тем, что принадлежит области физики, и тем, что лежит вне ее пределов. И здесь ответ наш будет таков: опыт укажет эту черту, потому что один опыт может быть верным руководителем» (Тэт, 1877. С. 24). Приведенное исследование показывает, что фундаментальные открытия маржиналистов в области чувственной природы ценности благ расширяют наш опыт и сферу применения естественно-научного метода в экономике.

В науке важны не только формулировка новой гипотезы и ее доказательство, но и выделение ее синтетического смысла, позволяющего установить *взаимосвязь между различными направлениями науки* и понять, в каком направлении следует двигаться дальше, чтобы найти решения теоретических и практических проблем экономики. В условиях трансформации общества и поиска истинных ценностей и целей развития наша эпоха требует нового мировоззрения. Во всех областях социально-экономического знания возникло стремление философски переосмыслить старый материал и восстановить давно заброшенную и почти забытую связь с другими областями знания.

Реформирование предшественниками маржинализма экономической науки в исследовании чувственного и рационального познания ценности благ и связь этих исследований с естественно-научным методом, используемым в естественных науках, рассмотрены в данной статье в общих чертах, но *дают основания для формирования нового взгляда на социально-экономические явления*. Естественно-научная парадигма в экономике ставит концептуальные вопросы о естественной природе экономических явлений, которые требуют дальнейшего исследования.

Список литературы

Автономов, В. С. (1993). *Человек в зеркале экономической теории*. Москва: Наука.

Автономов, В. С. (2022). Три источника и три героя маржиналистской революции. В кн. В. С. Автономов, А. Я. Рубинштейн (ред.), *Экономическая теория до и после маржиналистской революции* (с. 47–73). Санкт-Петербург: Алетейя.

Автономов, В. С., Ананьин, О. И., Болдырев, И. А., Гловели, Г. Д., Клюкин, П. Н., Кузьминов, Я. И., Макашева, Н. А., Мельник, Д. В., Розинская, Н. А., Энтов, Р. М. (ред.) (2015). *Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.

Автономов, В. С., Ананьин, О. И., Болдырев, И. А., Гловели, Г. Д., Галеев, А.В., Капелюшников, Р. И., Кузьминов, Я. И., Куряев, А. В., Макашева, Н. А., Мельник, Д. В., Розинская, Н. А., Энтов, Р. М. (ред.) (2023). *Истоки: 150 лет маржиналистской революции*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.

Автономов, В. С., Рубинштейн, А. Я. (ред.) (2022). *Экономическая теория до и после маржиналистской революции*: сб. материалов III Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики, 20–21 октября 2021 г. Санкт-Петербург: Алетейя.

Бём-Баверк, О. (2009). *Избранные труды о ценности, проценте и капитале* (пер. с англ.). Москва: Эксмо.

Блауг, М. (1994). *Экономическая мысль в ретроспективе* (пер. с англ.). Москва: Дело ЛТД.

Бэкон, Ф. (1971). *Сочинения: в 2 т*. (Т. 1). Москва: Мысль.

Вальрас, Л. (2000). *Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства*. Москва: Изограф.

Джевонс, У. С. (2021). *Теория политической экономии*. Москва; Челябинск: Социум.

Дюгем, П. (2011). *Физическая теория: Ее цель и строение*. Москва: КомКнига.

Кант, И. (1964). Критика чистого разума. *Сочинения в шести томах* (Т. 3). Москва: Мысль.

Корнелиус, Г. (2011). *Введение в философию*. Москва: КомКнига.

Макашева, Н. А. (2022). Маржиналистская революция: событие, процесс, миф? *Вопросы экономики*, *11*, 5–23. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-11-5-23

Маршалл, А. (1993). *Принципы экономической науки*. Т. 1. Москва: Прогресс.

Менгер, К. (2005). Основания политической экономии. В сб. *Избранные работы* (с. 59–286). Москва: Издательский дом «Территория будущего».

Мизес, Л. фон (2007). *Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции*. Челябинск: Социум.

Мудрик, Д. Г., Ковнир, В. Н. (2022). Онтологический дуализм экономической реальности. *AlterEconomics*, *19*(4), 584–601. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.2

Ньютон, И. (2008). *Математические начала натуральной философии*. Москва: Изд-во ЛКИ.

Петти, В. (1940). *Экономические и статистические работы*. Москва: Гос. социально-экономическое изд-во.

Роббинс, Л. (2012). Природа и значение экономической науки. В кн. Д. Хаусман (ред.), *Философия экономики. Антология* (с. 93–123). Москва: Изд-во Института Гайдара.

Рубинштейн, А. (2008). Дилеммы экономиста-теоретика. *Вопросы экономики*, *11*, 62–80. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-11-62-80

Скиннер, Э. (2008). Адам Смит. В кн. Д. Итуэлл, М. Милгейт, П. Ньюмен (ред.), *The New Palgrave. «Невидимая рука» рынка* (с. 1–57). Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Смит, А. (1962). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Москва: СЭЛ.

Смит, А. (1997). *Теория нравственных чувств*. Москва: Республика.

Спекторский, Е. В. (2006a). *Проблема социальной физики в XVII столетии*. Т. 1. Санкт-Петербург: Наука.

Спекторский, Е. В. (2006b). *Проблема социальной физики в XVII столетии*. Т. 2. Санкт-Петербург: Наука.

Тэт, П. Г. (1877). *О новейших успехах физических знаний*. Санкт-Петербург: Издание Л. Ф. Пантилеева.

Франк, С. (1900). *Теория ценности Маркса и ее значение*. Санкт-Петербург: Тип. В. А. Тихонова.

Хаусман, Д. (2012). Предисловие. В кн. Д. Хаусман (ред.), *Философия экономики. Антология*. Москва: Изд-во Института Гайдара.

Ban, C. (2019). Beyond Social Science Naturalism: The Case for Ecumenical Interpretivism. *Critical Review. A Journal of Politics and Society*, *31*(3-4), 454–461. https://doi.org/10.1080/08913811.2020.1729482

Beed, C. (2005). Naturalised Epistemology and Economics. *Cambridge Journal of Economics*, *29*(1), 99–117. https://doi.org/10.1093/cje/bei013

Beed, C., & Beed, C. (1996). Polarities between Naturalism and Non-Naturalism in Contemporary Economics: An Overview. *Journal of Economic Issues*, *30*(4), 1077–1104. https://doi.org/10.1080/00213624.1996.11505866

Beed, C., & Beed, C. (2000). The status of Economics as a Naturalistic Social Science. *Cambridge Journal of Economics*, *24*(4), 417–435. https://doi.org/10.1093/cje/24.4.417

Cartwright, N. (2009). If No Capacities Then No Credible Worlds. But Can Models Reveal Capacities? *Erkenntnis*, *70*(1), 45–58. https://doi.org/10.1007/s10670-008-9136-8

Chatterjee, A. (2016). Is it "natural" to expect economics to become a part of the natural sciences? *The European Physical Journal Special Topics*, *225*(17-18), 3145–3149. https://doi.org/10.1140/epjst/e2016-60157-0

Colander, D. (2018). Is Economics a Moral Science? In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 85–96). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3_6

Collison Black, R. D., Coats, A. W., & Goodwin, C. D. W. (Eds.) (1973). *The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation*. Durham: Duke University Press.

Grüne-Yanoff, T. (2008). Preface to "Economic Models as Credible Worlds or as Isolating Tools?" *Erkenntnis*, *70*(1), 1–2. https://doi.org/10.1007/s10670-008-9133-y

Hands, D. W. (2001). *Reflection without rules: economic methodology and contemporary science theory*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/cbo9780511612602

Hausman, D. M. (2018). Social Scientific Naturalism Revisited. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 71–83). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3_5

Hoevel, C. (2018). New Theoretical City or Dispersed Tribes? An Exploration Journey through Contemporary Heterodox Economics and Methodology. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 97–113). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3

Jackson, W. A. (1995). Naturalism in Economics. *Journal of Economic Issues*, *29*(3), 761–780. https://doi.org/10.1080/00213624.1995.1150570

Jennings, R. (1855). *Natural Elements of Political Economy*. London: Longmans.

Klamer, A. (2018). Economics Is a Moral Science: A Value Based Approach. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 169–181). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3_13

Lawson, T. (2018). Central Fallacies of Modern Economics. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 51–68). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3_4

Lucas, R. E. (1981). *Studies in Business Cycle Theory*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press. https://archive.org/details/studiesinbusines0000luca/mode/2up

Mäki, U. (2009). MISSing the World. Models as Isolations and Credible Surrogate Systems. *Erkenntnis*, *70*(1), 29–43. https://doi.org/10.1007/s10670-008-9135-9

Mirowski, P. (1984). Physics and the "marginalist revolution". *Cambridge Journal of Economics*, *8*(4), 361–379. https://www.academia.edu/25861875/Physics_and_themarginalist_revolution

Pratten, S. (2018). Positioning and the nature of social objects. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 35–49). Switzerland: Springer. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3

Róna, P. (2018b). Objects of Nature and Objects of Thought. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 11–33). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3

Róna, P. (2017). Why Economics Is a Moral Science. In P. Rona, & L. Zsolnai (EDS.), *Economics as a Moral Science* (pp. 3–9). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-53291-2_1

Róna, P. (2018a). Ontology and Economics. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 3–8). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3_1

Sugden, R. (2000). Credible worlds: the status of theoretical models in economics. *Journal of Economic Methodology*, *7*(1), 1–31. https://doi.org/10.1080/135017800362220

Walras, L. (1909). Electronic version article "Économique et Mécanique". *Bulletin de la Société Vaudoise de Sciences Naturelles*, 1–12. https://www.hetwebsite.net/het/texts/walras/walras1909mechanique.pdf

References

Avtonomov, V. S. (2022). Three Sources and three heroes of the Marginal Revolution. In V. S. Avtonomov, & A. Ya. Rubinstein (Eds.), *Economic theory before and after the Marginal Revolution* (pp. 47–73). Saint Petersburg: Aleteya. (In Russ.).

Avtonomov, V. S. (1993). *Man in the mirror of economic theory*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Avtonomov, V. S., & Rubinstein, A. Ya. (Eds.) (2022). *Economic thepry before and after marginalist revolution:* collection of works of the 3rd October International scientific conference on theoretical economy. October 20–21, 2021. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.).

Avtonomov, V. S., Ananyin, O. I., Boldyrev, I. A., Gloveli, G. D., Klyukin, P. N., Kuzminov, Ya. I., Makasheva, N. A., Melnik, D. V., Rozinskaya, N. A., & Entov, R. M. (Eds.) (2015). *Bedrocks: qualitative shifts in the economic reality and economic science*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. (In Russ.).

Avtonomov, V. S., Ananyin, O. I., Boldyrev, I. A., Gloveli, G. D., Galeev, A.V., Kapelyushnikov, R. I., Kuzminov, Ya. I., Kuryaev, A. V., Makasheva, N. A., Melnik, D. V., Rozinskaya, N. A., & Entov, R. M. (Eds.) (2023). *Bedrocks: 150 years of marginalist revolution*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. (In Russ.).

Bacon, F. (1971). *Essays: in 2 vols*. (Vol. 1). Moscow: Mysl.

Ban, C. (2019). Beyond Social Science Naturalism: The Case for Ecumenical Interpretivism. *Critical Review. A Journal of Politics and Society*, *31*(3-4), 454–461. https://doi.org/10.1080/08913811.2020.1729482

Beed, C. (2005). Naturalised Epistemology and Economics. *Cambridge Journal of Economics*, *29*(1), 99–117. https://doi.org/10.1093/cje/bei013

Beed, C., & Beed, C. (1996). Polarities between Naturalism and Non-Naturalism in Contemporary Economics: An Overview. *Journal of Economic Issues*, *30*(4), 1077–1104. https://doi.org/10.1080/00213624.1996.11505866

Beed, C., & Beed, C. (2000). The status of Economics as a Naturalistic Social Science. *Cambridge Journal of Economics*, *24*(4), 417–435. https://doi.org/10.1093/cje/24.4.417

Blaug, M. (1994). *Economic thought in retrospect*. Moscow: Delo LTD. (In Russ.).

Böhm-Bawerk, E. (2009). *Selected works on value, interest and capital*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).

Cartwright, N. (2009). If No Capacities Then No Credible Worlds. But Can Models Reveal Capacities? *Erkenntnis*, *70*(1), 45–58. https://doi.org/10.1007/s10670-008-9136-8

Chatterjee, A. (2016). Is it "natural" to expect economics to become a part of the natural sciences? *The European Physical Journal Special Topics*, *225*(17-18), 3145–3149. https://doi.org/10.1140/epjst/e2016-60157-00

Colander, D. (2018). Is Economics a Moral Science? In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 85–96). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3_6

Collison Black, R. D., Coats, A. W., & Goodwin, C. D. W. (Eds.) (1973). *The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation*. Durham: Duke University Press.

Cornelius, H. (2011). *Introduction to Philosophy*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).

Dugem, P. (2011). *Physical theory: Its purpose and structure*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).

Frank, S. (1900). *Marx's theory of value and its significance*. St. Petersburg: Print. house. V. A. Tihonova. (In Russ.).

Grüne-Yanoff, T. (2008). Preface to "Economic Models as Credible Worlds or as Isolating Tools?" *Erkenntnis*, *70*(1), 1–2. https://doi.org/10.1007/s10670-008-9133-y

Hands, D. W. (2001). *Reflection without rules: economic methodology and contemporary science theory*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/cbo9780511612602

Hausman, D. (2012). Preface. In D. Housman (Ed.), *Philosophy of economics. Anthology*. Moscow: Izd. Instituta Gajdara. (In Russ.).

Hausman, D. M. (2018). Social Scientific Naturalism Revisited. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 71–83). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3_5

Hoevel, C. (2018). New Theoretical City or Dispersed Tribes? An Exploration Journey through Contemporary Heterodox Economics and Methodology. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 97–113). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3

Jackson, W. A. (1995). Naturalism in Economics. *Journal of Economic Issues*, *29*(3), 761–780. https://doi.org/10.1080/00213624.1995.1150570

Jennings, R. (1855). *Natural Elements of Political Economy*. London: Longmans.

Jevons, W. S. (2021). *Theory of political economy*. Moscow; Chelyabinsk: Socium. (In Russ.).

Kant, I. (1964). Criticism of pure reason. *Op. in 6 vol*. (Vol. 3). Moscow: Mysl. (In Russ.).

Klamer, A. (2018). Economics Is a Moral Science: A Value Based Approach. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 169–181). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3_13

Lawson, T. (2018). Central Fallacies of Modern Economics. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 51–68). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3_4

Lucas, R. E. (1981). *Studies in Business Cycle Theory*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press. https://archive.org/details/studiesinbusines0000luca/mode/2up

Makasheva, N. A. (2022). The Marginalist Revolution: An event, a process or a myth? *Voprosy Ekonomiki*, *11*, 5–23. (In Russ.). https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-11-5-23

Mäki, U. (2009). MISSing the World. Models as Isolations and Credible Surrogate Systems. *Erkenntnis*, *70*(1), 29–43. https://doi.org/10.1007/s10670-008-9135-9

Marshall, A. (1993). *Principles of economic science*. Vol. 1. Moscow: Progress. (In Russ.).

Menger, K. (2005). The Foundations of Political economy. In *Selected works* (pp. 59–286). Moscow: Publishing house "Territory of the future". (In Russ.).

Mirowski, P. (1984). Physics and the "marginalist revolution". *Cambridge Journal of Economics*, *8*(4), 361–379. https://www.academia.edu/25861875/Physics_and_themarginalist_revolution

Mises, L. von (2007). *Theory and History: Interpretation of socio-economic evolution*. Moscow: Chelyabinsk: Socium. (In Russ.).

Mudrik, D. G., & Kovnir, V. N. (2022). Ontological dualism of economic reality. *Alter Economics*, *19*(4), 584–601. (In Russ.). https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.2

Newton, I. (2008). *Mathematical principles of natural philosophy*. Moscow: Publishing house LKI. (In Russ.).

Petty, V. (1940). *Economic and statistical work*. Moscow: Gosudarstvennoe socialno-ekonomicheskoe izdatelstvo. (In Russ.).

Pratten, S. (2018). Positioning and the nature of social objects. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 35–49). Switzerland: Springer. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3

Robbins, L. (2012). The nature and importance of economics. In D. Housman (Ed.), *Philosophy of economics*. *Anthology* (pp. 93–123). Moscow: Izd. Instituta Gajdara. (In Russ.).

Róna, P. (2018b). Objects of Nature and Objects of Thought. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 11–33). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3

Róna, P. (2017). Why Economics Is a Moral Science. In P. Rona, & L. Zsolnai (EDS.), *Economics as a Moral Science* (pp. 3–9). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-53291-2_1

Róna, P. (2018a). Ontology and Economics. In P. Róna, & L. Zsolnai (Eds.), *Economic Objects and the Objects of Economics* (pp. 3–8). Switzerland: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94529-3_1

Rubinstein, A. (2008). Dilemmy economist-theoretician. *Voprosy Ekonomiki, 11*, 62–80. (In Russ.). https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-11-62-80

Skinner, E. (2008). Adam Smith. In D. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (Eds.), *The New Palgrave. The "invisible hand" of the market* (pp. 1–57). Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.).

Smith, A. (1962). *A study on the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: SEL. (In Russ.).

Smith, A. (1997). *The theory of moral feelings*. Moscow: Respublika. (In Russ.).

Spectorsky, E. V. (2006). *The problem of social physics in the XVII century*. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).

Spectorsky, E. V. (2006a). *The problem of social physics in the XVII century*. Vol. 2. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).

Sugden, R. (2000). Credible worlds: the status of theoretical models in economics. *Journal of Economic Methodology*, *7*(1), 1–31. https://doi.org/10.1080/135017800362220

Tet, P. G. (1877). *About the latest successes of physical knowledge*. Saint Petersburg: Izdanie L. F. Pantileeva. (In Russ.).

Walras, L. (1909). Electronic version article "Économique et Mécanique". *Bulletin de la Société Vaudoise de Sciences Naturelles*, 1–12. https://www.hetwebsite.net/het/texts/walras/walras1909mechanique.pdf

Walras, L. (2000). *Elements of pure political economy, or the Theory of Social Wealth*. Moscow: Izograf. (In Russ.).

Вклад авторов

Оба автора внесли равный вклад в написание статьи на всех этапах исследования

The author's contributions

Both authors contributed equally into writing the paper at all stages of the research.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 21.11.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 27.12.2024
Дата принятия в печать / Accepted 12.01.2025

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ / CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

Редактор рубрики *Р. А. Григорьев* / Rubric editor *R. A. Grigoryev*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.21-36**

УДК / UDC 338.23:336.27:336.71:336.748:336.78
JEL: E31, E43, E5, H63, O23

С. А. Андрюшин[1]

[1] Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

Таргетирование инфляции в условиях фискального стимулирования

Андрюшин Сергей Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН
E-mail: sandr956@gmail.com
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2620-8515
Web of Science Researcher ID: N-7005-2017
eLIBRARY SPIN-код: 9666-6701

Аннотация

Цель: анализ текущих проблем, ограничивающих эффективность функционирования традиционного режима таргетирования инфляции; корректировка базовых характеристик данного монетарного режима обеспечения ценовой стабильности с целью повышения достоверности макроэкономического прогноза центральных банков.

Методы: в статье использованы эмпирический, статистический, логический и сравнительный методы экономического анализа, позволяющие изучать особенности развития режима таргетирования инфляции центральных банков в условиях стимулирующей фискальной политики.

Результаты: рассмотрены базовые характеристики традиционного режима таргетирования инфляции; выявлены недостатки режима таргетирования инфляции; сделан обзор научной литературы по особенностям функционирования режима таргетирования инфляции в рамках как монетарного, так и фискального доминирования; определены основные постулаты фискальной теории регулирования уровня цен; предложен для Банка России ряд рекомендательных мер, связанных с корректировкой действующего режима таргетирования инфляции.

Научная новизна: показано, что повышение ключевой ставки без изменений фискальных компонентов в денежно-кредитной политике не способствует снижению инфляции даже в краткосрочной перспективе; рациональные ожидания и денежно-кредитная политика, анализируемые в рамках фискальной теории, не позволяют снизить инфляцию без фискальной поддержки; в странах с режимом таргетирования инфляции высокие процентные ставки способны повысить риски обслуживания государственного долга и привести к росту бюджетных дефицитов; фискальная политика правительства способна создать фискальную инфляцию, которую не в состоянии контролировать и регулировать центральный банк; в условиях стремительного роста государственного долга и бюджетных дефицитов в ведущих странах, скорее всего, следует ожидать, что в перспективе фискальная инфляция станет главным компонентом устойчивого роста мировой инфляции; если суверенный долг деноминирован в местной валюте, то страна-заемщик будет подвержена валютному риску, который переносится международными инвесторами или торговыми партнерами России на долговые обязательства в российской валюте.

© Андрюшин С. А., 2025

Практическая значимость: основные положения и выводы могут быть использованы: для регулирования процентной политики (реальных процентных ставок), создания и накопления «буферов» первичного профицита, связанных с расходами по привлечению и обслуживанию государственного долга; для разработки механизма по перераспределению реальных выплат, дифференцированных по срокам погашения государственного долга; в условиях роста фискальных дисбалансов государственный долг можно снизить за счет роста инфляции и использования первичных профицитов; в течение 2022–2024 гг. денежно-кредитная политика Банка России функционирует в рамках режима фискального доминирования, о чем свидетельствуют базовые фискальные компоненты, отсутствующие в макроэкономическом прогнозе; в бюджетный блок Квартальной прогнозной модели Банка России необходимо включить такие фискальные компоненты, как размер профицита бюджета, привязанный к доходности облигаций государственного сектора, размер государственного долга и объем бюджетных ассигнований, направляемых на погашение долга, что позволит пересмотреть прогноз ожидаемой инфляции с учетом фискальной инфляции.

Ключевые слова:
государственный долг, денежно-кредитная политика, инфляция, процентная ставка, режим таргетирования инфляции, фискальная политика, центральный банк

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Андрюшин, С. А. (2025). Таргетирование инфляции в условиях фискального стимулирования. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 21–36. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.21-36

Scientific article

S. A. Andryushin[1]

[1] *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Inflation targeting in the context of fiscal stimulation

Sergey A. Andryushin, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
E-mail: sandr956@gmail.com
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2620-8515
Web of Science Researcher: N-7005-2017
eLIBRARY SPIN-code: 9666-6701

Abstract
Objective: to analyze the current issues limiting the effectiveness of the traditional inflation targeting regime; to adjust the basic characteristics of this monetary regime which ensures price stability in order to increase the reliability of the central banks' macroeconomic forecast.
Methods: the article uses empirical, statistical, logical, and comparative methods of economic analysis to study the specifics of the central banks' inflation targeting regime in the context of stimulating fiscal policy.
Results: the article considers the basic characteristics of the traditional inflation targeting regime; identifies the disadvantages of the inflation targeting regime; and reviews the scientific literature on the inflation targeting regime functioning within the monetary and fiscal dominance. The main postulates of the fiscal theory of price regulation are identified. A number of recommendatory measures to adjust the current inflation targeting regime are proposed for the Bank of Russia.
Scientific novelty: the author showed that raising the key rate without changing the fiscal components in monetary policy cannot reduce inflation even in the short term. Rational expectations and monetary policy, analyzed in the framework of fiscal theory, do not reduce inflation without fiscal support. In countries with inflation targeting, high interest rates can increase risks of servicing public debt and lead to increased budget deficits. The government's fiscal policy may create fiscal inflation that the central bank will be unable to control and regulate. Given the rapid growth of public debt and budget deficits in the leading countries, it is likely that fiscal inflation will become the main component of a sustained increase in global inflation

in the future. If the sovereign debt is denominated in local currency, the borrowing country will be exposed to currency risk, which is transferred by international investors or Russia's trading partners to debt obligations in Russian currency.
Practical significance: the main provisions and conclusions can be used: to regulate interest rate policy (real interest rates), create and accumulate "buffers" of primary surplus related to the costs of attracting and servicing public debt; to develop a mechanism for redistributing real payments differentiated by the maturity of public debt; under the growing fiscal imbalances, government debt can be reduced by increasing inflation and using primary surpluses; during 2022–2024, the monetary policy of the Bank of Russia operates within a fiscal dominance regime, as evidenced by the basic fiscal components missing from the macroeconomic forecast; the fiscal components (such as the size of the budget surplus linked to the yield of public sector bonds, the size of government debt and the amount of budget allocations allocated to the Bank of Russia's Quarterly Forecast Model) should be included in the budget block of the Bank of Russia to repay the debt, which will make it possible to revise the expected inflation forecast, taking into account fiscal inflation.

Keywords:
government debt, monetary policy, inflation, interest rate, inflation targeting regime, fiscal policy, central bank

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Andryushin, S. A. (2025). Inflation targeting in the context of fiscal stimulation. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 21–36. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.21-36

Введение

В декабре 2024 г. на сайте Банка международных расчетов (далее – БМР) была размещена статья руководителя валютно-финансового департамента БМР Клаудио Борио «Куда движется инфляционное таргетирование как глобальный денежный стандарт?». В данной статье был воспроизведен материал доклада Борио, с которым 13 ноября 2024 г. он выступил в Институте экономической и денежно-кредитной политики *OMFIF* (Лондон) (Borio, 2024). В статье автор остановился на двух ключевых аспектах монетарной теории: а) текущих проблемах, снижающих эффективность функционирования традиционного режима таргетирования инфляции (далее – ТИ); б) мерах, связанных с возможными корректировками базовых характеристик режима ТИ, способных повысить достоверность макроэкономических прогнозов в части ожидаемой инфляции и требуемых уровней процентных ставок.

Текущие проблемы были представлены в следующих утверждениях:

Во-первых, экономические последствия *COVID*-19 привели к заметному ограничению монетарного пространства для процентного канала денежно-кредитной политики (далее – ДКП).

Во-вторых, «отрицательные шоки предложения» оказались довольно серьезным испытанием, вызовом для ценовой стабильности.

В-третьих, фискальные дисбалансы и нестабильность финансового рынка выступили мощными проинфляционными факторами в экономике.

В-четвертых, рост инфляции стал напрямую зависеть от рисков «долговой ловушки» и нерационального использования/перераспределения частного капитала.

В-пятых, купирование эндогенных колебаний финансового цикла привело к стремительному росту балансов центральных банков (далее – ЦБ).

В-шестых, взаимосвязь между ценами и заработной платой приобрела разнонаправленную динамику в зависимости от уровня инфляции в стране (низкой или высокой).

К системным корректировкам режима ТИ были отнесены следующие предложения:

Во-первых, ЦБ смогут вернуть себе пространство для маневра в ДКП только за счет реализации целевой фискальной политики правительства.

Во-вторых, ДКП может оказывать очень устойчивое влияние на реальные процентные ставки только через фискальные инструменты финансовой системы.

В-третьих, ЦБ не следует поддаваться искушению увеличить монетизацию экономики в краткосрочной перспективе за счет ускорения монетарной инфляции.

В-четвертых, в макроэкономическом прогнозе необходимо учитывать особенности скорее долгосрочного финансового, а не краткосрочного делового цикла.

В-пятых, для купирования неожиданных экзогенных шоков (таких как *COVID*) ЦБ необходимо создавать запасы прочности как в виде профицитных буферов, так и методов пруденциальной политики (на макро- и микроуровнях).

В статье анализ текущих проблем функционирования традиционного режима ТИ и повышения достоверности макроэкономического прогноза ЦБ будут рассмотрены в следующей последовательности: исследование базовых характеристик режима ТИ; выявление недостатков действующего режима ТИ; обзор литературы по монетарной и фискальной ДКП; определение основных постулатов фискальной теории уровня цен; выработка рекомендаций по корректировке действующего режима ТИ для Банка России и выводов в качестве заключения.

Результаты исследования

1. Режим таргетирования инфляции: базовые характеристики

Ценовая стабильность, т. е. низкая и стабильная инфляция, является главной целью режима таргетирования инфляции. В рамках данного целевого стандарта ДКП различают две разновидности этого монетарного режима: так называемые строгий и гибкий режимы ТИ (Hofmann et al., 2024). Значительное количество современных ЦБ, исповедующих данный стандарт, придерживаются в основном гибкого режима ТИ (*a flexible inflation targeting regime*)[1]. По данным годового отчета МВФ (2023 г.), количество стран, осуществляющих ДКП в рамках режима ТИ, находится на уровне 23,2 % (из 194 стран), или 45 стран[2]. Это, как правило, страны со средним уровнем дохода, но также ряд стран из развитых экономик. При этом только 10 стран из этой выборки (включая РФ) придерживаются свободно плавающего обменного валютного курса (*free floating*), а остальные – либо плавающего (*floating*) обменного курса (27 стран), либо мягких валютных привязок (*soft pegs*): 6 – в форме *crawl-like arrangement* и 2 – *stabilized arrangement*.

Ключевыми особенностями или базовыми характеристиками политики режима ТИ являются: публичное объявление цели по инфляции, преимущественно плавающие курсы национальных валют, краткосрочные процентные ставки, постоянная коммуникация с бизнесом и населением, а также более независимая от правительства деятельность ЦБ при достижении цели по инфляции. Решения по ДКП часто определяются отклонением прогнозов ожидаемой инфляции (рассчитанного в рамках макроэкономического прогноза) от объявленного целевого показателя инфляции. При этом прогноз ожидаемой инфляции действует (неявно или явно) как промежуточная цель ДКП.

Реализуя ДКП, ЦБ воздействует на динамику цен с помощью ключевой ставки, регулирующей инфляцию через длинную цепочку взаимосвязей – трансмиссионный механизм (далее – ТМ)[3], что позволяет управлять совокупным спросом и инфляционными ожиданиями населения и бизнеса (Werning, 2022). При этом «политика процентных ставок» (включающих кредитные, депозитные, купонные доходности государственных и частных облигаций), опираясь на траекторию рассчитываемой номинальной процентной ставки, обязательно должна функционировать в условиях «неизменной фискальной политики». Это значит, что в условиях роста государственных расходов и текущей инфляции ЦБ стараются быстро повысить ключевую (политическую)

---

[1] Гибкий режим таргетирования инфляции определяется как режим, при котором центральные банки не только стремятся стабилизировать инфляцию вокруг целевого показателя, но и придают определенный вес, явно или неявно, другим показателям, связанным со стабилизацией реальной экономики.

[2] Это второй показатель после группы стран (41,8 %, или 77 стран), у которых в качестве номинального якоря или промежуточной цели ДКП выступает обменный валютный курс (*exchange rate anchor*). Третью позицию занимают страны (22,2 %, или 43 страны), не имеющие явно заявленного номинального якоря, а скорее отслеживающие различные показатели при проведении ДКП (*other anchors*). Четвертую позицию – страны (12,9 %, или 25 стран), ЦБ которых в качестве номинального якоря используют целевые темпы роста денежного агрегата (резервные деньги, М1, М2, М3 и т. д.) (*monetary aggregate target*). См.: Annual Report on exchange arrangements and exchange restrictions 2022. (2023). Washington, DC: IMF. Pp. 9–15.

[3] Денежно-кредитные условия и трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики. (2024). Москва: Банк России, № 11. С. 1.

ставку, чтобы снизить совокупный спрос в экономике и добиться положительного прироста реальной процентной ставки (Caramp & Silva, 2023).

Принимая решение по ключевой ставке, ЦБ опирается на макроэкономический прогноз, в основе которого находятся стандартные неокейнсианские макроэкономические модели (Woodford, 2003). Это модели динамического стохастического общего равновесия (*DSGEs*) (как правило, для развитых экономик: США, Великобритании, стран ЕС) и полуструктурные прогнозные модели (для стран с формирующимися рынками, (далее – СФР), а также специальная система логарифмических линейных уравнений для описания динамики предложения рабочей силы, бюджетных ограничений, государственных расходов, правил ДКП и фискальной политики, характеризующие взаимосвязи между инфляцией, деловой активностью, динамикой обменного курса, процентными ставками, условиями торговли и государственного долга, а также переменными внешнего сектора (Liu et al., 2023).

В рамках режима ТИ «политика процентных ставок», реализуемая через призму неокейнсианских эконометрических моделей, состоит в установлении целевой траектории номинальной процентной ставки, которая не зависит от того, что происходит с эндогенными переменными (включая траекторию государственного долга и сумму процентов, которые должны быть выплачены по этому долгу). При этом «неизменность фискальной политики» выступает как догма, означающая отсутствие каких-либо изменений в траектории реального первичного профицита бюджета, отвечающего установленному правительством бюджетному правилу (Андрюшин, 2024). Это означает, что в рамках режима ТИ нет компромисса между ценовой и фискальной стабильностью, так как данный режим позволяет избежать накопления бюджетных уязвимостей и связанных с ними рисков финансовой нестабильности (Boissay et al., 2021).

В ряде современных моделей ДКП более высокие процентные ставки снижают инфляцию только в том случае, если они сопровождаются ужесточением фискальной политики, по крайней мере, для того, чтобы обеспечить покрытие более высоких процентных расходов по долгу и для погашения держателей облигаций в стабильных валютах (долларах США или евро) (Cochrane, 2023a). Иначе, в рамках политики режима ТИ ЦБ способен снизить инфляцию, которая в среднем равна траектории номинальной процентной ставки, только за счет бюджетного сокращения (для покрытия чистых процентных издержек) с целью обеспечения низкой и стабильной инфляции.

В рамках режима ТИ ДКП ЦБ не может сама по себе напрямую влиять на изменение потенциала и трансформацию национальной экономики. Она влияет на них лишь косвенно, через длинную цепочку взаимосвязей или каналов ТМ. Иными словами, ДКП всегда нейтральна по отношению к изменениям (разрывам) потенциального ВВП и возможной трансформации экономики. Это означает, что ЦБ через свой инструментарий не может напрямую воздействовать на сами факторы производства (связанные с быстрым их наращиванием), такие как накопление капитала, численность трудовых ресурсов, производительность труда и внедрение новых технологий, а может воздействовать на эти факторы производства лишь опосредованно, косвенно, создавая необходимые для их роста условия (низкую инфляцию и заякоренные инфляционные ожидания) с целью самостоятельного, независимого от ДКП ЦБ, включения этих факторов в процессы реальной экономики.

ЦБ придерживается принципа разделения целей и инструментов между ДКП и политикой финансовой стабильности, которая рассматривается ЦБ как системный фактор обеспечения ценовой стабильности. Так, в случае снижения эффективности инструментария ДКП ЦБ могут использовать инструментарий политики финансовой стабильности, направленный на снижение неопределенности на финансовом рынке. Это инструментарий микропруденциального регулирования (действующий в сфере надзора, мероприятий по финансовому оздоровлению деятельности банков и финансовых организаций) и инструментарий макропруденциальной политики (программы количественных смягчений (*Quantitative Easing*, *QE*), а также политика о намерениях проведения определенной направленности ДКП (*Forward Guidance*, *FG*)) с целью предотвращения создания и накопления избыточных рисков в отдельных сегментах финансового рынка и рынка в целом[4].

[4] Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. (2024, 30 октября). Москва: Банк России. С. 161.

2. Недостатки режима таргетирования инфляции

Пандемия *COVID*-19 и последующие за ней события вскрыли ряд недостатков действующего режима ТИ. В условиях *COVID*-19 многие страны использовали стимулирующие меры денежно-кредитной и фискальной политики, чтобы смягчить экономические последствия рецессии (разрушение цепочек поставок и наличие подавленного спроса), вызванной пандемией. Для поддержки функционирования финансовых рынков и экономики многие ЦБ снизили ключевые процентные ставки до нуля (и тогда стала осуществляться политика в рамках механизма эффективной нижней границы процентного коридора, *Effective Lower Bound*, *ELB*[5]). В этих условиях они для повышения эффективности процентного канала ТМ ДКП начинают запускать программы покупки активов (*QE*) и осуществлять политику направленного руководства ДКП (*FG*), чтобы повлиять на долгосрочные процентные ставки.

Именно в это время ЦБ и казначейства становятся стратегическими комплементарными партнерами, реализующими свои политики без претензий и ограничений по отношению друг к другу. В результате такой политики разрывы выпуска в большинстве стран, и в первую очередь в СФР, были сведены к нулю, а в некоторых странах стали вообще положительными. Но сильный спрос и большой шок предложения резко увеличили инфляцию, которая с конца 2021 г. во многих экономиках стала резко расти, подскочив до уровня, ненаблюдаемого, например, в развитых экономиках более 20 лет. Так, в 2022 г. инфляция в США достигла 8 %, ЕС – 8,4 %, а медианное значение инфляции для стран с формирующимися рынками – около 10 % (Silva, 2024), что в несколько раз превысило целевые показатели ЦБ по инфляции (2,0 % – для развитых стран и 3,0–4,0 % – для СФР)[6].

Но в 2023–2024 гг. воздействие на экономику данных ведомств стало резко меняться. ЦБ в этот период прекратили монетарное стимулирование, ДКП опять стала жесткой, были резко повышены ключевые ставки, реальные процентные ставки сделались положительными. Напротив, политика в казначействах осталась прежней, экспансионистской. Дефициты бюджетов продолжали стремительно расти, так как резкий скачок цен на энергоносители и продукты питания, начавшийся с середины 2021 г., сорвал планы бюджетной консолидации и сохранил за казначействами дискреционную фискальную политику. Такая политика в условиях высоких процентных ставок сделала выпуск долговых государственных обязательств для покрытия бюджетного дефицита слишком дорогим (ввиду роста доходности облигаций), что привело к росту затрат не только на рефинансирование, но и на обслуживание самого государственного долга[7].

Высокий уровень долга и рост бюджетного дефицита спровоцировали неблагоприятную реакцию финансового рынка. В первую очередь это оказало негативное влияние на рынки инструментов с фиксированным доходом, особенно на суверенные облигации, повысив по ним премию за суверенный риск. В условиях ограниченного доступа большинства стран к международным рынкам капитала возникли опасения по поводу роста рисков финансовой нестабильности в этих странах (Reinhart et al., 2003). Иначе, когда правительства объявляют о крупных пакетах расходов или значительном снижении налогов без четкого представления будущей фискальной политики (например, выполнения требований бюджетного правила), финансовые рынки могут отреагировать на это решение негативно. В то же время негативные рыночные сигналы от суверенных кредитных рейтингов, высокие уровни доходности государственных облигаций и возрастание спредов по суверенным кредитным дефолтным свопам (*CDS*) станут способствовать существенному ограничению потенциала фискальной политики как в средне-, так и долгосрочном периоде.

События 2022–2024 гг. показали, что экспансионистская политика правительств в условиях снижения эффективности процентного канала ТМ ДКП ЦБ становится чисто проинфляционной. Во-первых, фискальная экспансия позволяет казначейству создавать в экономике новые деньги, стимулирующие рост потребительских

---

[5] *ELB* (*Effective Lower Bound*) – это нижний предел для ключевой ставки, при достижении которого эффективность процентного канала ДКП ЦБ стремится к нулю.

[6] По данным *Trading Economics*, в сентябре – октябре 2024 г. уровень годовой инфляции против 2022 г. снизился, но все же во многих странах был еще выше целевого уровня, установленного центральными банками (%): в Аргентине – 209; Турции – 48,58; России – 8,6; Индии – 6,21; Бразилии – 4,76; Австралии – 2,8; Японии – 2,8; США – 2,4. Inflation Rate. Trading Economics. https://tradingeconomics.com/country-list/inflation-rate

[7] На ноябрь 2024 г. размер государственного долга составил (трлн долл.): в США – 35,993 (122,9 % ВВП); Китае — 14,773 (82,9 %); Японии – 13,756 (303,6 %); Великобритании – 3,863 (110,4 %); Франции – 3,800 (129,8 %); Италии – 3,678 (174,9 %); Германии – 3,426 (80,7 %); Индии – 3,360 (97,6 %); Бразилии – 2,146 (107,8 %); Канада – 2,344 (130,9); России – 0,436 (19,7 %). US Debt Clock.org. https://www.usdebtclock.org/world-debt-clock.html

цен и текущей инфляции (Бурлачков, 2021). Во-вторых, крупный бюджетный дефицит способен спровоцировать переоценку реальных активов на отдельных сегментах финансового рынка. В-третьих, рост государственного долга и повышение совокупных затрат на его обслуживание ослабляют курс национальной валюты, особенно в странах с неразвитым финансовым рынком (прежде всего – СФР) (Banerjee et al., 2022). Это приводит как к дальнейшему росту премий за суверенный риск, так и новым ограничениям доступа к международным рынкам денег и капитала, способным в условиях ужесточения ДКП привести к дальнейшему росту текущей инфляции.

Рост первичного дефицита бюджета повышает суверенный риск, оказывая негативное давление на обменный валютный курс. При этом более высокая премия за риск увеличивает компенсацию иностранным инвесторам и снижает их спрос на внутренние активы, что приводит к дальнейшему обесценению национальной валюты (Aguilar et al., 2022). Связь между премией за суверенный риск и обменным курсом сильнее бьет по СФР, особенно если они подвержены риску заимствования в иностранной валюте или если доля иностранных инвесторов в долгах в национальной валюте высокая. Но даже если суверенный долг деноминирован в местной валюте (в связи с проводимой в этих странах политикой дедолларизации), то страна-заемщик попрежнему будет подвержена валютному риску, так как этот риск переносится на международных инвесторов, владеющих долговыми обязательствами в этой национальной (местной) валюте.

Наконец, более высокая премия за риск может привести к росту нейтральной процентной ставки (r^*), поскольку в СФР (таких как РФ) безрисковой ставкой в большинстве случаев считается ставка, определяемая как сумма доходности казначейских облигаций США плюс премия за кредитный риск страны (Cavallino & Sandri, 2019). Таким образом, в среднесрочной перспективе текущая фискальная политика препятствует приведению инфляции к целевому уровню ЦБ, функционирующего в рамках традиционного режима ТИ. Иначе, фискальная политика правительства способна создать фискальную инфляцию, которая никак не контролируется и не регулируется ЦБ. Но тем не менее ЦБ в условиях действующего режима ТИ повышает ключевую ставку, рассчитывая, что природа инфляции – монетарная, провоцируя тем самым сохранение высоких процентных ставок в экономике на более длительный период.

3. Обзор литературы

Милтон Фридман утверждал, что природа инфляции всегда и везде является чисто денежным явлением (Friedman, 1968). Далее Роберт Лукас обосновал наличие долгосрочной тесной взаимосвязи (высокого уровня корреляции) между темпами роста денежного предложения и монетарной инфляцией (Lucas, 1980). Грегори Мэнкью, проанализировав данные по экономике США за период 1870–2019 гг., пришел к выводу, что корреляция между инфляцией и ростом монетизации (денежного предложения) экономики составляет 0,79 (Mankiw, 2020). Но данная взаимосвязь определялась им в рамках политики монетарного доминирования[8], сформировавшегося в период «Великой умеренности» (Great Moderation) (1995–2007 гг.). Именно тогда казалось, что ДКП ЦБ решила проблему инфляции и делового цикла (Blinder, 1999)[9], а на финансовых рынках в долгосрочном периоде отсутствуют дисбалансы, неопределенность и процентные риски.

Но, начиная с работ Липера (Leeper, 1991), Симса (Sims, 1994) и Вудфорда (Woodford, 1994), монетарная природа инфляции начинает пересматриваться, становясь в настоящее время одним из наименее спорных и дискуссионных утверждений в современной экономике (Gao & Nicolini, 2024). Вновь возникает вопрос, в чем истинная причина роста потребительских цен. В своих более ранних работах Сарджент и Уоллес (Sargent & Wallace, 1981) увидели эту причину роста цен в бюджетном дефиците. В дальнейшем Сарджент (Sargent, 1983a, 1983b), проанализировав множество исторических эпизодов, перевернул изречение Милтона Фридмана, объявив, что «устойчиво высокая инфляция всегда и везде является фискальным явлением» (Sargent, 2013). Одновременно они, увязав первичный дефицит с государственным долгом, обратили внимание на то, что если ЦБ будет финансировать дефицит государственного бюджета за счет эмиссии государственного долга, то он

[8] Политика монетарного доминирования включает четыре монетарных режима, которые служат номинальным якорем или промежуточной целью денежно-кредитной политики центрального банка: режим обменного курса (*exchange rate anchor*), режим таргетирования денежного агрегата (*monetary aggregate target*), режим инфляционного таргетирования (*inflation-targeting framework*) и другие режимы (*other targets*).

[9] Bernanke, B. S. (2004, February 20.). The great moderation. Remarks made at the meeting of the Eastern Economics Association. Washington. https://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2004/20040220/

потеряет контроль над инфляцией (Sargent & Wallace, 1981). В дальнейшем эта особенность более подробно исследовалась в развернутых вариациях между ДКП и фискальной политикой (Davig & Leeper, 2006; Chung et al., 2007; Bianchi & Melosi, 2017; Chen et al., 2022).

С тех пор в научной литературе прочно закрепился интерес к исследованиям фискальной инфляции, которая стала анализироваться в рамках новой научной парадигмы – фискальной теории уровня цен (*The Fiscal Theory of the Price Level*, *FTPL*) (Chung et al., 2007; Bianchi & Melosi, 2014; Bassetto & Sargent, 2020; Cochrane, 2022, 2023b). Данная теория показывает, что инфляция больше не всегда и не везде контролируется только ДКП ЦБ. Более того, рациональные ожидания и ДКП, анализируемые в рамках этой фискальной теории, предполагают, что невозможно снизить инфляцию без фискальной поддержки. Однако и здесь между представителями *FTPL* возникают определенные разногласия, которые приводят к «разночтениям» между реальными процентными ставками, снижающими инфляцию, и реальными процентными ставками, повышающими расходы правительства и инфляцию. Но при этом между всеми сторонами этой дискуссии существует единое мнение, что повышение ЦБ процентной ставки без каких-либо изменений в фискальной политике не способно снизить инфляцию даже в краткосрочной перспективе (Cochrane, 2023a).

Для того чтобы понять устойчивость инфляции в долгосрочной перспективе, часто анализируется роль краткосрочных ожиданий и их влияние на формирование заработной платы. Но представители неокейнсианской теории не рассматривают эту взаимосвязь в краткосрочном срезе, для всех них не краткосрочные, а долгосрочные ожидания являются ключевым фактором макроэкономической стабильности (Rudd, 2022; Blanchard & Bernanke, 2023). Но в текущей экономической реальности все действует наоборот. Так, если работники знают, что они могут пересматривать свою заработную плату каждый год или полгода, то долгосрочные события в значительной степени перестают иметь какое-либо значение для ценовой стабильности. Аналогичные рассуждения применимы и к поведению ценообразования бизнеса. Поэтому ЦБ должны во времена нестабильности больше ориентироваться на краткосрочные события, оставаясь при этом гибкими, и избегать стандартных решений в нестандартной ситуации. Нельзя недооценивать краткосрочные риски, которые могут возникнуть и проявиться в будущем[10].

FTPL предполагает, что в условиях макроэкономической нестабильности деньги ЦБ вторичны и что определение уровня цен можно лучше понять, рассмотрев соотношение текущей стоимости бюджетного баланса между обязательствами правительства и его будущими первичными профицитами. Одновременно важно также учитывать динамику роста государственного долга и сумму процентов, связанных с обслуживанием этого долга, так как перераспределение реальных выплат по различным срокам погашения номинального государственного долга способно снижать инфляцию в условиях ограниченных операционных возможностей ЦБ. И хотя рост денежной массы в условиях фискального стимулирования по-прежнему остается непосредственной причиной роста инфляции, конечной причиной ее динамики становится связь между номинальными государственными облигациями и деньгами ЦБ. Номинальные облигации являются требованиями к деньгам ЦБ, и правительства по всему миру обращались к печатному станку во время войн и периодов финансовых кризисов, чтобы получить деньги ЦБ, необходимые для покрытия своих обязательств. Поэтому в условиях макроэкономической и финансовой неопределенности именно *FTPL* дает объяснение тому, как правительство и монетарные органы власти (ЦБ) могут влиять на цены (через создание монетарных и фискальных денег).

Мы разделяем позицию Холла и Сарджента[11], Барро и Бьянки (Barro & Bianchi, 2023), отстаивающих фискальную природу инфляции, возникшую после пандемии. Эмпирические данные развития мировой экономики свидетельствуют, что за последние три года инфляция привела к крупному переводу ресурсов от частных держателей облигаций к правительству (но в конечном итоге легла на плечи всех налогоплательщиков). В условиях стремительного роста государственного долга и бюджетных дефицитов в ведущих странах, видимо, следует ожидать, что фискальная инфляция станет главным компонентом устойчивого роста мировой инфляции. И она, скорее всего, будет расти более высокими темпами, чем темпы роста, установленные

[10] Wunsch, P. (2024, May 8). Beyond hawks and doves: trying to get it right in an uncertain world: Guest lecture. Governor, National Bank of Belgium. P. 10. Frankfurt. https://www.bis.org/review/r240806d.htm

[11] Hall, G. J., & Sargent, T. J. (2023). Fiscal Consequences of the US War on COVID. Bank of Korea International Conference and the IMF Conference on Fiscal Policy in an Era of High Debt Mimeo, Brandeis University and NYU. http://people.brandeis.edu/~ghall/papers/Fiscal_Consequences.pdf

Хильшером, Равивом и Рейсом (Hilscher et al., 2021), рассчитанные ими на основании данных из различных опций инфляции. Так, чтобы сделать выводы об ожиданиях финансового рынка и оценить вероятность возможного роста инфляции по состоянию на 2017 г., они установили, что рост инфляции на 0,3 % способен обесценить государственный долг более чем на 4 % ВВП в год[12].

Таким образом, стабильная инфляция требует согласованного во времени и пространстве денежно-фискального взаимодействия, а именно четкой координации между темпами роста денег ЦБ и темпами роста денег казначейства. При этом в качестве «номинального якоря» должны выступать деньги ЦБ, которые можно использовать для уплаты налогов и других обязательств субъектов экономики (домашних хозяйств и бизнеса) перед государством. Появление в обращении фискальных денег должно быть связано с иными ожиданиями, а именно того, что в будущем правительству может не хватить первичных доходов, чтобы покрыть расходы, направляемые в реальную экономику. Поэтому если мы по-прежнему будем рассматривать фискальную политику как фактор, мало влияющий на инфляционные ожидания, то мы обязательно получим рост текущей инфляции (как сейчас), особенно если она будет регулироваться в условиях стандартных правил неокейнсианского «ужесточения» ДКП и неизменной фискальной политики.

4. Основные постулаты фискальной теории уровня цен

Обсудив некоторые недостатки действующего режима ТИ, воспользуемся основными достижениями фискальной теории уровня цен (*FTPL*), а именно результатами взаимосвязи между динамикой долгосрочной инфляции и реальной процентной ставки, а также между ограничениями бюджетного профицита и государственным долгом. Это позволит нам в условиях макроэкономической неопределенности внести некоторые коррективы в действующий режим ТИ, в том числе и макроэкономические прогнозы, на основании которых ЦБ определяют ожидаемую инфляцию и операционные процентные ставки, а фискальная политика – непредвиденную инфляцию и расходы на погашения государственных обязательств.

Во-первых, имея долгосрочную задолженность, но не имея возможности изменить первичный профицит, более высокие процентные ставки могут привести к снижению инфляции только за счет более высокой инфляции в будущем.

Во-вторых, более высокие процентные ставки снижают инфляцию тогда, когда они устойчивы и когда они действительно растут (отражаются в долгосрочной кривой доходности), а не когда об этом заявляет ЦБ на своих официальных брифингах.

В-третьих, главный механизм, с помощью которого ЦБ может временно снизить инфляцию, – это возможность регулятора перераспределять реальные выплаты по различным срокам погашения номинального государственного долга.

В-четвертых, шоки «предложения» вызывают временную реакцию повышения уровня цен, а не временную реакцию снижения уровня инфляции.

В-пятых, повышение номинальной процентной ставки без каких-либо изменений в фискальной политике не сможет привести к снижению инфляции даже в краткосрочной перспективе.

В-шестых, когда возникает фискальный дисбаланс и когда в экономике отсутствует явный дефолт, то инфляция может расти, чтобы обесценить накопившийся долг за счет использования первичных профицитов.

В-седьмых, обслуживание государственного долга должно происходить на уровне дифференцированных процентных ставок, привязанных к формируемым профицитам.

В-восьмых, для того чтобы понять устойчивость инфляции, мы должны рассмотреть краткосрочные ожидания населения и бизнеса в части динамики отношений «зарплата – цены»[13].

В-девятых, эконометрические модели не всегда могут быть надежным инструментом управления, на который ЦБ и правительству следует полагаться. Особенно это касается тех моделей, которые убеждают нас, что инфляция – это всегда временное явление (Cochrane, 2023a. Pp. 38, 39, 50–52).

---

[12] Если быть точным, это вероятность с поправкой на риск, и она может не совпадать с истинной воспринимаемой вероятностью события, поскольку она может преувеличивать вероятность рецессий и приуменьшать вероятность подъемов. Однако, даже если участники финансового рынка ожидали, что высокая инфляция будет связана с большим подъемом, корректировка не изменит существенно вывод о том, что это событие воспринималось как имеющее очень низкие шансы.

[13] Arce, O., Hahn, E., & Koester, G. (2023, March 30). How tit-for-tat inflation can make everyone poorer. European Central Bank, Blog.

Важно отметить, что перечисленные постулаты *FTPL* не во всем противоречат неокейнсианским моделям, в которых главным операционным инструментом ДКП является номинальная процентная ставка, регулируемая стандартным правилом Тейлора. ЦБ в рамках режима ТИ должен начать беспокоиться только тогда, когда в стране начинает резко расти бремя государственного долга. И это беспокойство должно быть связано, во-первых, с наличием в экономике высоких процентных ставок и, во-вторых, отсутствием или недостаточным уровнем первичного профицита, необходимого для погашения государственного долга. Поэтому для ухода экономики от дефолта ЦБ следует удерживать ключевую ставку ниже некоторой верхней границы процентного коридора, чтобы без роста суверенного риска обслуживать этот долг. В этом случае цель ценовой стабильности (низкой инфляции) для ЦБ может временно отходить на второй план (Schmidt, 2023).

В качестве примера монетарного стандарта ДКП можно рассмотреть модифицированный вариант режима ТИ, на который в 2020 г. перешла ФРС США, называемый режимом таргетирования среднего уровня инфляции (*Average Inflation Targeting*, *AIT*). В ФРС утверждают, что данный режим ТИ в условиях реализации политики фискального доминирования правительства не станет способствовать росту инфляционного спреда, поскольку пассивная (ушедшая на второй план) ДКП позволит ожидаемой инфляции (в рамках макроэкономического прогноза) оставаться выше своего устойчивого среднего уровня. Иначе, чем сильнее будет проявляться зависимость целевой средней инфляции от прошлого эмпирического опыта ДКП страны, тем меньше будет наблюдаться рост номинальной ключевой ставки относительно ожидаемой инфляции и тем больше будет происходить снижение реальной процентной ставки (Liu et al., 2023), способной стимулировать развитие экономики, обслуживать государственный долг и обеспечивать создание новых рабочих мест.

Таким образом, крупномасштабные покупки государственных и частных облигаций (*QE*), а также политика о намерениях определенной направленности ДКП (*FG*) способны привести к размыванию границ между денежно-кредитной и фискальной политикой, о чем свидетельствует ряд современных исследований[14]. Это позволяет ЦБ осуществлять такую ДКП, которая будет более эффективно влиять на инфляцию, валютный курс и реальную процентную политику, связывая фискальные дисбалансы с обесценением непогашенных облигаций государственного сектора, а также стоимость государственного долга и затраты на его обслуживание. При этом ЦБ в этот период будет менее агрессивно реагировать на инфляционные разрывы, а больше – на стабильность финансового рынка, чем это предполагает ДКП в режиме неокейнсианского ТИ, соблюдающего стандартные правила Тейлора (Barthelemy et al., 2021).

5. Режим таргетирования инфляции: рекомендации для Банка России

Банк России не планирует кардинально что-либо менять или серьезно корректировать в базовых характеристиках действующего режима ТИ, сформированных в рамках собственных неокейнсианских эконометрических моделях адаптивных ожиданий[15]. Более того, Банк России убежден, что в рамках существующего инструментария действующего режима ТИ способен в среднесрочной перспективе решить проблему низкой и стабильной инфляции за счет ужесточения ДКП (повышения ключевой ставки и введения пруденциальных ограничений) и нормализации (консолидации) бюджетной политики (совместно с правительством), позволяющих вернуть текущую инфляцию к цели (4,0 %) в первой половине 2026 г. и в дальнейшем удерживать ее на этом уровне[16]. Но динамика текущей инфляции за январь 2023 – октябрь 2024 г. показывает совершенно обратное – высокие процентные ставки в условиях жесткой ДКП Банка России не приводят к снижению инфляции. Так, если за указанный период ключевая ставка в России выросла почти в три раза, с 7,5 до 21 %, то инфляция за тот же период выросла примерно в такой же пропорции (более чем в 2,4 раза) – с 3,51 до 8,54 %. Как видно, инфляция за указанный период не снизилась (как предусматривалось в рамках макроэкономического прогноза), хотя прошло более восьми кварталов с начала роста ключевой

[14] Weidmann, J. (2020, November 5). Too close for comfort? The relationship between monetary and fiscal policy. Speech at the OMFIF Virtual Panel.

[15] Банк России (2024). О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования, 8(75), 3, 4.

[16] Банк России (2024, 30 октября). Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. С. 3.

ставки[17]. Более того, инфляция продолжает неуклонно расти и дальше: по данным Росстата, к 25 ноября текущая инфляция в годовом выражении выросла до 8,66, ко 2 декабря – до 9,01 и 9 декабря – 9,32 %[18].

В то же время в 2023–2024 гг. российское правительство заметно активизировало свою фискальную политику, о чем свидетельствует переход ДКП Банка России в режим фискального доминирования. Базовыми индикаторами данного режима выступают следующие показатели: рост дефицита федерального бюджета, размер государственного долга (внешнего и внутреннего), объем бюджетных ассигнований, направляемых на погашение государственного долга (ценных бумаг РФ), доходность облигаций, размещенных Минфином РФ:

– дефицит федерального бюджета (далее – ФБ): 3,2 трлн руб. (2023 г.) и 3,3 трлн руб. (2024 г.);

– внутренние государственные заимствования для покрытия дефицита ФБ: 1,5 трлн руб. (2023 г.) и 2,5 трлн руб. (2024 г.);

– размер государственного долга РФ: 25,6 трлн руб. (2023 г.) и 31,0 трлн руб. (2024 г.);

– объем бюджетных ассигнований, направляемых на погашение государственного долга: 0,8 трлн руб. (2023 г.) и 1,5 трлн руб. (2024 г.);

– средняя доходность среднесрочных облигаций, размещенных Минфином РФ: 12,28 (2023 г.) и 18,42 % (2024 г.).

Аналогичная динамика этих показателей была запланирована Минфином РФ и на 2025–2027 гг.:

– дефицит ФБ: 1,2 трлн руб. (2025 г.), 2,2 трлн руб. (2026 г.) и 2,8 трлн руб. (2027 г.);

– внутренние государственные заимствования для покрытия дефицита ФБ: 4,8 трлн руб. (2025 г.), 5,1 трлн руб. (2026 г.) и 5,2 трлн руб. (2027 г.);

– размер государственного долга РФ: 35,4 трлн руб. (2025 г.), 40,0 трлн руб. (2026 г.) и 45,0 трлн руб. (2027 г.);

– объем бюджетных ассигнований, направляемых на погашение государственного долга: 1,4 трлн руб. (2025 г.), 1,3 трлн руб. (2026 г.) и 1,3 трлн руб. (2027 г.)[19];

– средняя доходность среднесрочных облигаций, размещенных Минфином РФ в 2025–2027 гг., скорее всего, будет превышать средний уровень доходности за 2024 г.[20]

Однако возникает правомерный вопрос, как дальнейшее повышение процентных ставок в условиях политики фискального стимулирования способно снизить инфляцию. Ведь не удалось же Банку России снизить инфляцию в течение двух последних лет, когда процентные ставки еще были не столь высокими, как ожидается, например, независимыми экспертами в 2025 г.[21] Неокейнсианские модели адаптивных ожиданий, используемые ЦБ, не в состоянии объяснить, почему более высокие процентные ставки не способны снизить инфляцию в условиях политики фискального доминирования. Напротив, эти модели, появившиеся в 1990-х гг. в период низких процентных ставок, способны объяснить снижение инфляции только в условиях «неизменной и фискальной политики», стабильной бюджетной консолидации, формируемой в рамками утвержденного бюджетного правила.

Современная жесткая ДКП в условиях политики фискального доминирования становится ошибочной, так как не способна купировать риски фискального стимулирования, не учтенные в макроэкономическом

---

[17] Изменение ключевой ставки в полной мере влияет на динамику спроса и цен не сразу, а со временем. По оценкам Банка России, для этого требуется от 3 до 6 кварталов. Это означает, что Банк России на горизонте 0,5–1,5 года может обеспечить возвращение инфляции к цели в случае ее отклонения.

[18] Инфляция в России продолжает ускоряться. (2024, 11 декабря). БКС-экспресс. https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/1733934111-infliatsiia-v-rossii-prodolzhaet-uskoriat-sia

[19] Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. (2024, 30 сентября). О внесении проекта Федерального закона «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». № 727320-8 (с. 21, 23, 25, 469, 470). https://sozd.duma.gov.ru/bill/727320-8

[20] Цикл повышения ключевой ставки в условиях макроэкономической неопределенности в рамках действующей парадигмы режима ТИ будет только расти. В результате доходность облигаций с переменной ставкой купона (флоатеров) будет также расти. Ведь они как минимум в перспективе ближайших месяцев способны обеспечить своим держателям доходность по ставкам от 20 % годовых и выше с выплатами, осуществляющимися зачастую в ежемесячном режиме. См. Фокус на краткосрочных флоатерах (2024, 10 декабря). Финам. https://search.app/iaaWiiDCR8Y7J77u7

[21] Так, SBER CIB в рамках своего базового сценария прогнозирует ключевую ставку Банка России в размере 25 % на конец 2025 г. Однако в рискованном сценарии эта ставка может вырасти до 30 %. См. Жесткая ДКП давит на рынок. Акции и инвестиции. (2024, 10 декабря). Smart-Lab. https://search.app/vgHUWTR5fgeAWoHN9

прогнозе. Об этом свидетельствуют эконометрические исследования, анализирующие взаимосвязи между процентными ставками и инфляцией (ожидаемой и неожидаемой) с использованием таких фискальных компонентов, как государственный долг и стоимость его обслуживания, динамика валового роста и источники покрытия дефицита и профицита бюджета, размеры спреда доходности между индексированными и неиндексированными государственными облигациями. Так, Руснак, Хавранек и Хорват (Rusnak et al., 2013), Бхаттараи, Ли и Пак (Bhattarai et al., 2016), Липер и Лейт[22], Рэми (Ramey, 2016), Симс[23], Кокрейн[24] на основании метаанализа монетарных моделей *VARs*, *DSGE* и простых линейных уравнений подтверждают прогноз Ирвинга Фишера (Fisher, 1912), что жесткая ДКП, связанная с ростом процентных (учетных, дисконтных) ставок и процентных расходов, при росте государственного долга и отсутствии дополнительных налоговых и неналоговых источников фискальной поддержки (формирующих дополнительный бюджетный профицит) способствует росту текущей и ожидаемой инфляции.

Основой макроэкономического прогноза Банка России является Квартальная прогнозная модель (далее – КПМ), которая используется регулятором начиная с 2007 г. для среднесрочного прогнозирования, анализа и выработки рекомендаций по базовым параметрам ДКП. Впервые бюджетный блок был добавлен в КПМ через 12 лет, лишь в 2019–2021 гг., что позволило включить в расчеты параметры доходов и расходов ФБ, ограничения бюджетного правила и отклонений от них, а также негативный дискреционный шок расходов, эффекты которого, по оценкам Банка России, должны быть симметричны аналогичному «шоку спроса»[25]. Но бюджетный блок КПМ не является достаточным, он не позволяет учитывать такие фискальные компоненты, как размер профицита бюджета, привязанный к доходности облигаций государственного сектора, размер государственного долга и объем бюджетных ассигнований, направляемых на погашение долга. Включение в КПМ этих компонентов позволит Банку России пересмотреть прогноз ожидаемой инфляции с учетом фискальной инфляции.

Данные фискальные компоненты не были включены Банком России в новую версию КПМ, опубликованную в августе 2024 г., в которой число поведенческих уравнений, характеризующих взаимосвязи между инфляцией, деловой активностью, динамикой обменного курса, процентными ставками, условиями торговли и переменными внешнего сектора, было доведено до 34[26]. И, хотя в базовом сценарии были учтены обновленные бюджетные проектировки и решения по индексации регулируемых цен и тарифов[27], но они никак не были связаны с динамикой государственного долга, затратами на его обслуживание, лимитами необходимого профицита бюджета и доходностью облигаций, индексируемых на уровень инфляции (линкеров), с переменным купонным доходом (флоаторов) и постоянным купонным доходом, размещенных Минфином страны[28]. Все это в очередной раз не позволяет регулятору вернуть годовую инфляцию к цели 4 % и ее стабилизации на этом уровне в первой половине 2026 г. Это дает нам основание предположить, что возвращение инфляции к цели в первой половине 2026 г. не состоится, так как ее уровень будет намного выше. Это потребует от Банка России очередного пересмотра среднесрочного прогноза, в котором для снижения ожидаемой инфляции будет предложена более высокая ключевая ставка, с помощью которой регулятор будет стремиться достигнуть положительного прироста реальной процентной ставки в экономике.

Таким образом, в условиях отсутствия в макроэкономическом прогнозе фискальных компонентов режима ТИ Банку России будет трудно определить уровень ожидаемой инфляции, а именно в какой степени инфляция

---

[22] Leeper, E. M., & Leith, C. (2016). Understanding Inflation as a Joint Monetary-Fiscal Phenomenon. https://bfi.uchicago.edu/wp-content/uploads/Leeper_Leith_Handbook_1.pdf

[23] Sims, Ch. A. (2016). Active Fiscal, Passive Money Equilibrium in a Purely Backward-Looking Model. http://sims.princeton.edu/yftp/FiscalTheoryGreatInflation/BackwardAFPM.pdf

[24] Cochrane, J. H. (2021). A Fiscal Theory of Monetary Policy with Partially Repaid Long-Term Debt. https://static1.squarespace.com/static/5e6033a4ea02d801f37e15bb/t/60cf6474f779756d877f92ce/1624204407753/ftmp_surplus.pdf

[25] Орлов, А. (2021, март). Квартальная прогнозная модель России. Москва: Банк России. С. 13, 14, 21.

[26] Орлов, А., Шарафутдинов, А. (2024, август). Квартальная прогнозная модель России с рынком труда. Москва: Банк России.

[27] Банк России (2024, 25 октября). Банк России принял решение повысить ключевую ставку на 200 б.п., до 21,00 % годовых. http://www.cbr.ru/press/pr/?file=25102024_133000key.htm

[28] В декабре 2024 г. Минфин РФ предложил два выпуска ОФЗ-ПД серии 26248 (с погашением 16 мая 2040 г., купон 12,25 % годовых) и ОФЗ-ПК серии 29027 (с погашением 11 сентября 2036 г., ставка купонного дохода на уровне 3 мес. RUONIA), в объеме остатков доступный для размещения в указанных выпусках. См.: Размещение ОФЗ. (2024, 11 декабря). Smart-Lab. https://search.app/ieayccYMLh4xppFN7

является монетарной, а в какой – фискальной. Поэтому включение в макроэкономический прогноз фискальных компонентов ДКП позволит ЦБ меньше реагировать на непредвиденный (временный) рост инфляции, а значит, не спешить с мерами ужесточения ДКП, чтобы избежать риска экономического спада (рецессии, подавления предложения), а организовывать режим ТИ с учетом фискальной инфляции, повышающих текущую инфляцию и делающей ее устойчивой на уровне выше цели на протяжении всего среднесрочного периода (2–3 года).

Выводы

В условиях, когда пространство для ДКП и ее инструментария сильно ограничено, действующий режим ТИ необходимо модифицировать за счет корректировок базовых характеристик этого режима, способствующих повышению достоверности макроэкономических прогнозов в части обеспечения ценовой стабильности. При этом ЦБ должен быть готов допустить большую гибкость в интерпретации целевого показателя точечной инфляции в 2,0–4,0 % за счет включения в состав своих эконометрических моделей новых базовых фискальных компонентов, позволяющих ему избежать ошибок в своей ДКП.

Переход ДКП на режим ТИ, функционирующий в условиях стимулирующей фискальной политики, позволяет ЦБ внести в свои макроэкономические прогнозы необходимые коррективы, на основании которых можно будет более точно определить ожидаемую инфляцию и процентные ставки, гарантирующие как развитие экономики, так и купирование рисков, связанных со стимулирующей фискальной политикой. Поэтому, для того чтобы правильно рассчитать достоверный уровень ожидаемой инфляции, ЦБ необходимо:

а) уменьшить реальные процентные ставки, способные сократить процентные расходы по обслуживанию государственного долга. В противном случае, не имея возможности изменить первичный профицит бюджета, более высокие процентные ставки могут привести к снижению инфляции только за счет более высокой инфляции в будущем;

б) задействовать механизм, с помощью которого ЦБ может временно снизить инфляцию, – это возможность регулятора перераспределять реальные выплаты по различным срокам погашения номинального государственного долга. При этом шоки «предложения» способны вызвать временную реакцию повышения уровня цен, но не временную реакцию снижения уровня инфляции;

в) уяснить, что повышение ключевой ставки без каких-либо изменений в фискальной политике не сможет привести к снижению инфляции даже в краткосрочной перспективе. В случае возникновения в экономике некритичных фискальных дисбалансов инфляция может расти темпами, способными обесценить накопившийся долг за счет созданных правительством первичных профицитов;

г) принять как данность, что эконометрические модели не всегда и не везде могут быть надежным инструментом управления, на который ЦБ и правительству следует всегда полагаться. Особенно это касается тех моделей, которые убеждают население и бизнес считать, что инфляция – это всегда временное явление, которое можно купировать за счет более жесткой ДКП. Но в условиях политики фискального доминирования такая ДКП становится ошибочной, так как она не в состоянии снизить риски фискальной политики, заложенные в неокейнсианском макроэкономическом прогнозе ЦБ;

д) действующий режим ТИ не может быть использован для купирования макроэкономических рисков, так как временной горизонт прогнозов этого режима охватывает период 2–3 года, в то время как риски финансового цикла, как правило, формируются в течение более длительного периода времени (от 15 до 30 лет). Поэтому ЦБ крайне сложно определить, когда следует менять направленность своей ДКП, чтобы противостоять фискальным дисбалансам и системным рискам на финансовых рынках.

Список литературы

Андрюшин, С. А. (2024). Процентная политика Банка России в условиях фискального доминирования: риски и перспективы. *Журнал Новой экономической ассоциации*, *1*(62), 211–219. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_1_211-219

Бурлачков, В. К. (2021). «Современная денежная теория»: используемые методы анализа и парадоксальность выводов. *Вопросы экономики*, *3*, 152–159. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-152-159

Aguilar, A., Cantu, C., & Ramirez, C. (2022). It takes two: fiscal and monetary policy in Mexico. *BIS Working Paper*, *1012*.

Banerjee, R., Mehrotra, A., & Zampolli, F. (2022). Fiscal sources of inflation risks in EMDEs: the role of the external channel. *Twelfth BIS Consultative Council for the Americas Research Conference on "Structural changes in inflation and output dynamics after Covid and other shocks"*, Mexico City, November.

Barro, R. J., & Bianchi, F. (2023). Fiscal Influences on Inflation in OECD Countries, 2020–2022. *NBER Working Paper*, 31838. https://doi.org/10.3386/w31838

Barthelemy, J., Mengus, E., & Plantin, G. (2021, October). The Central Bank, the Treasury, or the Market: Which One Determines the Price Level? *CEPR Discussion Papers*, *16679*, 1–63.

Bassetto, M., & Sargent, T. J. (2020). Shotgun Wedding: Fiscal and Monetary Policy. *Annual Review of Economics*, *12*(1), 659–690. https://doi.org/10.1146/annurev-economics-091319-050022

Bhattarai, S., Lee, J. W., & Park, W. Y. (2016). Policy Regimes, Policy Shifts, and US Business Cycles. *The Review of Economics and Statistics*, *98*(5), 968–983. https://doi.org/10.1162/rest_a_00556

Bianchi, F., & Melosi, L. (2014). Dormant Shocks and Fiscal Virtue. *NBER Macroeconomics Annual*, *28*(1), 1–46. https://doi.org/10.1086/674588

Bianchi, F., & Melosi, L. (2017). Escaping the Great Recession. *American Economic Review*, *107*, 1030–1058. https://doi.org/10.1257/aer.20160186

Blanchard, O. J., & Bernanke, B. S. (2023). What Caused the US Pandemic-Era Inflation? *National Bureau of Economic Research, Working Paper*, *31417*. https://doi.org/10.3386/w31417

Blinder, A. S. (1999). *Central banking in theory and practice (Lionel Robbins Lectures)*. New York: MIT Press.

Boissay, F., Collard, F., Gali, J., & Manea, C. (2022). Monetary policy and endogenous financial crises. *Discussion paper. Bank for International Settlements*, *991*.

Borio, C. (2024, December). Whither inflation targeting as a global monetary standard. *BIS Working Papers*, *1230*.

Caramp, N., & Silva, D. H. (2023, December). Fiscal policy and the monetary transmission mechanism. *Review of Economic Dynamics*, *51*, 716–746. https://doi.org/10.1016/j.red.2023.08.001

Cavallino, P., & Sandri, D. (2019). The expansionary lower bound: contractionary monetary easing and the trilemma. *BIS Working Papers*, *770*.

Chen, X., Leeper, E. M., & Leith, C. (2022). Strategic interactions in U.S. monetary and SCAL policies. *Quantitative Economics*, *13*, 593–628. https://doi.org/10.3982/qe1678

Chung, H., Davig, T., & Leeper, E. M. (2007). Monetary and fiscal policy switching. *Journal of Money, Credit and Banking*, *39*(4), 809–842. https://doi.org/10.1111/j.1538-4616.2007.00047.x

Cochrane, J. (2023a, October). Expectations and the neutrality of interest rates. *BIS Working Papers*, *1136*. https://www.bis.org/publ/work1136.pdf

Cochrane, J. H. (2022). The Fiscal Roots of Inflation. *Review of Economic Dynamics*, *45*, 22–40. https://doi.org/10.1016/j.red.2021.06.002

Cochrane, J. H. (2023b). *The Fiscal Theory of the Price Level*. Princeton University Press.

Davig, T., & Leeper, E. M. (2006). Fluctuating macro policies and the fiscal theory. *NBER Macroeconomics Annual*, *21*, 247–298.

Fisher, I. (1912). 'The Equation of Exchange' for 1911, and Forecast. *The American Economic Review*, 2, 302–319.

Friedman, M. (1968). The Role of Monetary Policy. *The American Economic Review*, *58*, 1–17.

Gao, H., & Nicolini, J. P. (2023, August). The recent rise in us inflation: policy lessons from the quantity theory. *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review*, *44*(2). https://doi.org/10.21034/sr.650

Hilscher, J., Raviv, A., & Reis, R. (2021). Inflating Away the Public Debt? An Empirical Assessment. *Review of Financial Studies*, *35*(3), 1553–1595. https://doi.org/10.1093/rfs/hhab018

Hofmann, B., Manea, C., & Mojon, B. (2024, December). Targeted Taylor Rules: Some Evidence and Theory. *BIS Working Papers*, *1234*, 5–6.

Leeper, E. (1991). Equilibria under 'Active' and 'Passive' Monetary Policies. *Journal of Monetary Economics*, *27*(1), 129–147. https://doi.org/10.1016/0304-3932(91)90007-b

Liu, Z., Miao, J., & Su, D. (2023, April). Fiscal stimulus under average inflation targeting. *Federal Reserve Bank of San Francisco Working Paper*, 2022-22, 7. https://doi.org/10.24148/wp2022-22

Lucas, R. Jr. (1980). Two Illustrations of the Quantity Theory of Money. *American Economic Review*, *70*(5), 1005–1014.

Lucas, R. Jr. (2003). Macroeconomic priorities. *American Economic Review*, *93*(1), 1–14. https://doi.org/10.1257/000282803321455133

Ramey, V. (2016). Macroeconomic Shocks and Their Propagation. In J. B. Taylor, & H. Uhlig (Eds.), *Handbook of Macroeconomics* (Vol. 2, pp. 71–162). Amsterdam: Elsevier. https://doi.org/10.1016/bs.hesmac.2016.03.003

Reinhart, C., Rogoff, K., & Savastano, M. (2003). Debt intolerance. *Brookings Papers on Economic Activity*, *34*(1), 1–74.

Rudd, J. (2022). Why do we think that inflation expectations matter for inflation? (And should we?). *Review of Keynesian Economics*, *10*(1), 25–45. https://doi.org/10.4337/roke.2022.01.02

Rusnak, M., Havranek, T., & Horvath, R. (2013). How to Solve the Price Puzzle? A Meta-Analysis. *Journal of Money, Credit and Banking*, *45*(1), 37–70. https://doi.org/10.1111/j.1538-4616.2012.00561.x

Sargent, T. J. (1983a). Stopping moderate inflations: the methods of poincaré and thatcher. In R. Dornbusch & M. H. Simonsen (Eds.), *Inflation, Debt and Indexation* (pp. 54–98). MIT Press.

Sargent, T. J. (1983b). The ends of four big inflations. In R. E. Hall (Ed.), *Inflation: Causes and Effects* (pp. 41–97). The University of Chicago Press.

Sargent, T. J. (2013). *Rational Expectations and Inflation* (3rd ed., p. 238). Princeton University Press.

Sargent, T. J., & Wallace, N. (1981). Some Unpleasant Monetarist Arithmetic. *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review*, *5*(1), 1–17. https://doi.org/10.21034/qr.913

Schmidt, S. (2024). Monetary-fiscal policy interactions when price stability occasionally takes a back seat. *ECB Working Paper Series*, *2889*. https://doi.org/10.2139/ssrn.4697557

Silva, A. (2024, October). Inflation in Disaggregated Small Open Economies. *Working Papers*. *Federal Reserve Bank of Boston*, 24–12, p. 1. https://www.bostonfed.org/publications/research-department-working-paper.aspx

Sims, Ch. A. (1994). A simple model for study of the determination of the price level and the interaction of monetary and fiscal policy. *Economic Theory*, *4*(3), 381–399. https://doi.org/10.1007/bf01215378

Werning, I. (2022, July). Expectations and the rate of inflation. *National Bureau of Economic Research*. *Working Paper*, 30260.

Woodford, M. (1994). Monetary policy and price level determinacy in a cash-in-advance economy. *Economic Theory*, *4*(3), 345–380. https://doi.org/10.1007/bf01215377

Woodford, M. (2003). *Interest and prices: foundations of a theory of monetary policy*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

References

Aguilar, A., Cantu, C., & Ramirez, C. (2022). It takes two: fiscal and monetary policy in Mexico. *BIS Working Paper*, *1012*.

Andryushin, S. A. Interest rate policy of the Bank of Russia in conditions of fiscally-dominant regime: Risks and prospects. *Journal of the New Economic Association*, *1*(62), 211–219. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/22212264_2024_1_211-219

Banerjee, R., Mehrotra, A., & Zampolli, F. (2022). Fiscal sources of inflation risks in EMDEs: the role of the external channel. *Twelfth BIS Consultative Council for the Americas Research Conference on "Structural changes in inflation and output dynamics after Covid and other shocks"*, Mexico City, November.

Barro, R. J., & Bianchi, F. (2023). Fiscal Influences on Inflation in OECD Countries, 2020–2022. *NBER Working Paper*, 31838. https://doi.org/10.3386/w31838

Barthelemy, J., Mengus, E., & Plantin, G. (2021, October). The Central Bank, the Treasury, or the Market: Which One Determines the Price Level? *CEPR Discussion Papers*, *16679*, 1-63.

Bassetto, M., & Sargent, T. J. (2020). Shotgun Wedding: Fiscal and Monetary Policy. *Annual Review of Economics*, *12*(1), 659–690. https://doi.org/10.1146/annurev-economics-091319-050022

Bhattarai, S., Lee, j. W., & Park, W. Y. (2016). Policy Regimes, Policy Shifts, and US Business Cycles. *The Review of Economics and Statistics*, *98*(5), 968–983. https://doi.org/10.1162/rest_a_00556

Bianchi, F., & Melosi, L. (2014). Dormant Shocks and Fiscal Virtue. *NBER Macroeconomics Annual*, *28*(1), 1–46. https://doi.org/10.1086/674588

Bianchi, F., & Melosi, L. (2017). Escaping the Great Recession. *American Economic Review*, *107*, 1030–1058. https://doi.org/10.1257/aer.20160186

Blanchard, O. J., & Bernanke, B. S. (2023). What Caused the US Pandemic-Era Inflation? *National Bureau of Economic Research, Working Paper*, *31417*. https://doi.org/10.3386/w31417

Blinder, A. S. (1999). *Central banking in theory and practice (Lionel Robbins Lectures)*. New York: MIT Press.

Boissay, F., Collard, F., Gali, J., & Manea, C. (2022). Monetary policy and endogenous financial crises. *Discussion paper. Bank for International Settlements*, *991*.

Borio, C. (2024, December). Whither inflation targeting as a global monetary standard. *BIS Working Papers*, *1230*.

Burlachkov, V. K. (2021). Modern Monetary Theory: Methods of analysis used and paradoxical conclusions. *Voprosy Ekonomiki*, *3*, 152–159. (In Russ.). https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-152-159

Caramp, N., & Silva, D. H. (2023, December). Fiscal policy and the monetary transmission mechanism. *Review of Economic Dynamics*, *51*, 716–746. https://doi.org/10.1016/j.red.2023.08.001

Cavallino, P., & Sandri, D. (2019). The expansionary lower bound: contractionary monetary easing and the trilemma. *BIS Working Papers*, *770*.

Chen, X., Leeper, E. M., & Leith, C. (2022). Strategic interactions in U.S. monetary and SCAL policies. *Quantitative Economics*, *13*, 593–628. https://doi.org/10.3982/qe1678

Chung, H., Davig, T., & Leeper, E. M. (2007). Monetary and fiscal policy switching. *Journal of Money, Credit and Banking*, *39*(4), 809–842. https://doi.org/10.1111/j.1538-4616.2007.00047.x

Cochrane, J. (2023a, October). Expectations and the neutrality of interest rates. *BIS Working Papers*, *1136*. October. P. 1. https://www.bis.org/publ/work1136.pd

Cochrane, J. H. (2022). The Fiscal Roots of Inflation. *Review of Economic Dynamics*, *45*, 22–40. https://doi.org/10.1016/j.red.2021.06.002

Cochrane, J. H. (2023b). *The Fiscal Theory of the Price Level*. Princeton University Press.

Davig, T., & Leeper, E. M. (2006). Fluctuating macro policies and the fiscal theory. *NBER Macroeconomics Annual*, *21*, 247–298.

Fisher, I. (1912). 'The Equation of Exchange' for 1911, and Forecast. *The American Economic Review*, *2*, 302–319.

Friedman, M. (1968). The Role of Monetary Policy. *The American Economic Review*, *58*, 1–17.

Gao, H., & Nicolini, J. P. (2023, August). The recent rise in us inflation: policy lessons from the quantity theory. *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review*, *44*(2). https://doi.org/10.21034/sr.650

Hilscher, J., Raviv, A., & Reis, R. (2021). Inflating Away the Public Debt? An Empirical Assessment. *Review of Financial Studies*, *35*(3), 1553–1595. https://doi.org/10.1093/rfs/hhab018

Hofmann, B., Manea, C., & Mojon, B. (2024, December). Targeted Taylor Rules: Some Evidence and Theory. *BIS Working Papers*, *1234*, 5–6.

Leeper, E. (1991). Equilibria under 'Active' and 'Passive' Monetary Policies. *Journal of Monetary Economics*, *27*(1), 129–147. https://doi.org/10.1016/0304-3932(91)90007-b

Liu, Z., Miao, J., & Su, D. (2023, April). Fiscal stimulus under average inflation targeting. *Federal Reserve Bank of San Francisco Working Paper*, 2022-22, 7. https://doi.org/10.24148/wp2022-22

Lucas, R. Jr. (1980). Two Illustrations of the Quantity Theory of Money. *American Economic Review*, *70*(5), 1005–1014.

Lucas, R. Jr. (2003). Macroeconomic priorities. *American Economic Review*, *93*(1), 1–14. https://doi.org/10.1257/000282803321455133

Ramey, V. (2016). Macroeconomic Shocks and Their Propagation. In J. B. Taylor, & H. Uhlig (Eds.), *Handbook of Macroeconomics* (Vol. 2, pp. 71–162). Amsterdam: Elsevier. https://doi.org/10.1016/bs.hesmac.2016.03.003

Reinhart, C., Rogoff, K., & Savastano, M. (2003). Debt intolerance. *Brookings Papers on Economic Activity*, *34*(1), 1–74.

Rudd, J. (2022). Why do we think that inflation expectations matter for inflation? (And should we?). *Review of Keynesian Economics*, *10*(1), 25–45. https://doi.org/10.4337/roke.2022.01.02

Rusnak, M., Havranek, T., & Horvath, R. (2013). How to Solve the Price Puzzle? A Meta-Analysis. *Journal of Money, Credit and Banking*, *45*(1), 37–70. https://doi.org/10.1111/j.1538-4616.2012.00561.x

Sargent, T. J. (1983a). Stopping moderate inflations: the methods of poincaré and thatcher. In R. Dornbusch & M. H. Simonsen (Eds.), *Inflation, Debt and Indexation* (pp. 54–98). MIT Press.

Sargent, T. J. (1983b). The ends of four big inflations. In R. E. Hall (Ed.), *Inflation: Causes and Effects* (pp. 41–97). The University of Chicago Press.

Sargent, T. J. (2013). *Rational Expectations and Inflation* (3rd ed., p. 238). Princeton University Press.

Sargent, T. J., & Wallace, N. (1981). Some Unpleasant Monetarist Arithmetic. *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review*, *5*(1), 1–17. https://doi.org/10.21034/qr.913

Schmidt, S. (2024). Monetary-fiscal policy interactions when price stability occasionally takes a back seat. *ECB Working Paper Series*, *2889*. https://doi.org/10.2139/ssrn.4697557

Silva, A. (2024, October). Inflation in Disaggregated Small Open Economies. *Working Papers*. *Federal Reserve Bank of Boston*, 24–12, p. 1. https://www.bostonfed.org/publications/research-department-working-paper.aspx

Sims, Ch. A. (1994). A simple model for study of the determination of the price level and the interaction of monetary and fiscal policy. *Economic Theory*, *4*(3), 381–399. https://doi.org/10.1007/bf01215378

Werning, I. (2022, July). Expectations and the rate of inflation. *National Bureau of Economic Research*. *Working Paper*, 30260.

Woodford, M. (1994). Monetary policy and price level determinacy in a cash-in-advance economy. *Economic Theory*, *4*(3), 345–380. https://doi.org/10.1007/bf01215377

Woodford, M. (2003). *Interest and prices: foundations of a theory of monetary policy*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автор является членом редколлегии журнала Russian Journal of Economics and Law. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / The author is a member of the Editorial Board of the Russian Journal of Economics and Law. The article has been reviewed on the usual terms.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 15.12.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 14.01.2025
Дата принятия в печать / Accepted 14.01.2025

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.37-56**

УДК / UDC 004:330.3:330.4:336.74(470+571)
JEL: C6, E42, E5, F51, G1, L86, O1, O2

С. Ю. Малков[1],
О. И. Давыдова[2]

[1] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
[2] ООО «АйДесайд Консалтинг», г. Королев, Россия

Двухконтурная национальная валютно-финансовая система как инструмент для преодоления санкционных проблем: моделирование и прогноз

Контактное лицо:
Малков Сергей Юрьевич, доктор технических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: s@malkov.org
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9654-1439
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/U-3066-2018

Давыдова Ольга Игоревна, аналитик-программист, ООО «АйДесайд Консалтинг»
E-mail: davydova.olga.msk@gmail.com
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5308-3143
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-2740-2018

Аннотация

Цель: анализ возможностей преодоления санкционных проблем российской экономики за счет внедрения двухконтурной национальной валютно-финансовой системы с использованием цифровых финансовых активов. Оценка эффективности такой системы для стимулирования экономического роста, снижения инфляции и обеспечения финансовой стабильности в условиях санкционного давления.

Методы: при проведении анализа используются методы математического моделирования экономической динамики РФ, учитывающие взаимодействие финансового и производственного секторов экономики. Используется система дифференциальных уравнений, описывающая движение денежных потоков в экономике, а также сценарии с различными уровнями инвестиций и выпуска ЦФА.

Результаты: для анализа перспектив экономического развития России в условиях санкционной политики стран Запада использовано математическое моделирование. Анализ показал, что, хотя предпринятые с началом СВО экстренные антисанкционные меры Правительства РФ доказали свою эффективность, в долгосрочном периоде необходимо существенное изменение валютно-финансовой политики, поскольку существующие правила и методы ее проведения не способствуют решению возникших проблем. С использованием математического моделирования был рассмотрен эффект от введения двухконтурной валютно-финансовой системы с использованием цифровых финансовых активов. Проведенные расчеты показали, что использование двухконтурной системы совместно с активной инвестиционной политикой существенно повышает эффективность российской экономики (даже в условиях западных санкций), насыщая ее деньгами для роста ВВП и одновременно снижая инфляционное давление растущей денежной массы.

Научная новизна: заключается в предложении новой финансовой системы, которая сочетает использование цифровых активов и дуальных товаров для обеспечения устойчивости экономики в условиях санкций. Авторы также разработали математическую модель, которая позволяет оценить долгосрочные последствия внедрения двухконтурной национальной валютно-финансовой системы и сравнить ее с традиционными методами финансирования.

Практическая значимость: результаты анализа и математического моделирования могут быть использованы при осуществлении валютно-финансовой политики РФ в условиях санкций. Внедрение двухконтурной системы позволит целевым образом направлять финансовые ресурсы в производственный сектор, снизить инфляцию и обеспечить стабильность курса рубля.

© Малков С. Ю., Давыдова О. И., 2025

Ключевые слова:
экономическая динамика, санкции, математическое моделирование, двухконтурная национальная валютно-финансовая система, цифровые финансовые активы

Финансирование
Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-11-00160).

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Малков, С. Ю, Давыдова О. И. (2025). Двухконтурная национальная валютно-финансовая система как инструмент для преодоления санкционных проблем: моделирование и прогноз. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 37–56. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.37-56

Scientific article

S. Yu. Malkov[1],
O. I. Davydova[2]

[1] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*
[2] *Aydesayd Konsalting LLC, Korolev, Russia*

Two-circuit national monetary and financial system as a tool for overcoming sanctions problems: modeling and forecasting

Contact:
Sergey Yu. Malkov, Dr. Sci. (Engineering), Professor, Lomonosov Moscow State University
E-mail: s@malkov.org
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9654-1439
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/U-3066-2018

Olga I. Davydova, analyst-programmer, Aydesayd Konsalting LLC
E-mail: davydova.olga.msk@gmail.com
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5308-3143
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-2740-2018

Abstract
Objective: to analyze the possibilities of overcoming the problems of the Russian economy related to sanctions through the introduction of a two-circuit national monetary and financial system using digital financial assets; to assess the effectiveness of such a system to stimulate economic growth, reduce inflation and ensure financial stability under the sanctions pressure.
Methods: the analysis uses methods of mathematical modeling of the Russian economy dynamics, taking into account the interaction of the financial and manufacturing sectors. A system of differential equations is used to describe the cash flows in the economy, as well as scenarios with different levels of investment and CFA issuance.
Results: mathematical modeling was used to analyze the prospects for Russia's economic development under the Western sanctions policy. It showed that, although the emergency anti-sanctions measures taken by the Russian government since the beginning of the special military operation have proven effective, in the long term a significant change in monetary and financial policy is necessary, as the existing rules and methods of its implementation do not contribute to solving the problems that have arisen. The article uses mathematical modeling to study the effect of introducing a two-circuit monetary and financial system using digital financial assets. The calculations have shown that the use of a two-circuit system together with an active investment policy significantly increases the Russian economy efficiency (even under Western sanctions), saturating it with money for GDP growth and at the same time reducing the inflationary pressure of a growing money supply.

Scientific novelty: the authors propose a new financial system that combines digital assets and dual goods to ensure the economy sustainability under the sanctions. The authors also developed a mathematical model that makes it possible to assess the long-term consequences of the two-circuit national monetary and financial system and compare it with traditional financing methods.
Practical significance: the results of the analysis and mathematical modeling can be used in the implementation of the monetary and financial policy in the Russian Federation under the sanctions. The introduction of the two-circuit system will make it possible to target financial resources to the manufacturing sector, reduce inflation and ensure the ruble exchange rate stability.

Keywords:
economic dynamics, sanctions, mathematical modeling, dual-circuit national monetary and financial system, digital financial assets

Financial Support
The work was carried out with the support of the Russian Science Foundation (project No. 23-11-00160).

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Malkov, S. Yu., & Davydova, O. I. (2025). Two-circuit national monetary and financial system as a tool for overcoming sanctions problems: modeling and forecasting. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 37–56. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.37-56

Введение

Данная работа является продолжением исследования, представленного в статье «Россия в условиях экономических санкций: моделирование и прогноз» (Малков и др., 2024), в которой были проведены анализ и моделирование возможных последствий масштабных санкций стран Запада в отношении России со времени начала СВО. Указанная статья содержала обобщение антисанкционных мер, предпринятых Правительством РФ для противодействия санкционному давлению, и предварительный анализ влияния этих мер на экономическую динамику России. Изложенные ниже материалы содержат анализ возможностей парирования ряда санкционных проблем путем введения в РФ двухконтурной национальной валютно-финансовой системы (далее – ДНВФС) с использованием цифровых финансовых активов (далее – ЦФА). Рябухин и его соавторы в своих работах изложили суть ДНВФС (Рябухин и др., 2024a; Рябухин, 2023; Рябухин и др., 2020; Рябухин и др., 2024b; Рябухин, 2022). В рамках ДНВФС предусматривается «обеспечение национальной валюты за счет использования наряду с золотом особой группы товаров, обладающих одновременно товарными и денежными свойствами – так называемыми *дуальными товарами*. Это товары, цены на которые на больших промежутках времени имеют устойчивое относительное отклонение цены монетарного золота. Речь может идти о пшенице, серебре, олове, меди, титане, драгоценных и недрагоценных металлах, угле, уране, хлопке, электроэнергии, нефтепродуктах, сжиженном газе, минеральных удобрениях и стандартизированной воде. <…> В вопросе владения дуальными товарами Россия имеет серьезное конкурентное преимущество: ей принадлежит около 40 % их мировых запасов. Расширенная за счет особой группы товаров база золотовалютных резервов позволяет создать устойчивую основу для укрепления рубля в форматах внутренних, региональных и международных расчетов. На основе товаров этой группы формируется индекс ценовой устойчивости, или индекс мультивалютного значения устойчивости (МВЗ-индекс), использование которого позволяет формировать товарно-валютные резервы в качестве замещения или дополнения к существующим золотовалютным резервам. <…> Разработанные новые финансовые инструменты и технологии позволяют осуществить генерацию длинных и дешевых финансовых средств и сформировать асимметричный ответ на вызовы и угрозы со стороны коллективного Запада» (Рябухин, 2022. С. 107–108).

В рамках продолжения обсуждения результатов ранее опубликованной статьи (Малков и др., 2024) целями и задачами данного исследования являются следующие: используя ту же математическую модель, проанализировать перспективы преодоления существующих санкционных проблем за счет введения двухконтурной национальной валютно-финансовой системы.

Порядок изложения результатов исследования следующий: сначала будут обсуждены проблемы перехода России на путь устойчивого и динамичного экономического развития в условиях СВО, затем проанализированы возможности ДНВФС для преодоления проблем развития российской экономики, в конце статьи будут обобщены результаты исследования.

Данная статья является приглашением к дискуссии относительно дальнейших мер противодействия санкциям.

Результаты исследования

1. Проблемы перехода России на путь устойчивого и динамичного экономического развития в условиях СВО

Как уже упоминалось, в статье Малкова и др. (2024) был проведен анализ влияния на экономику РФ наложенных Западом санкций, а также ответных антисанкционных мер. По результатам 2022 г. имело место снижение импорта на 11,7 % (при прогнозе падения на 35 %), однако экспорт вырос на 20 % (при прогнозе падения на 31 %)[1]. Курс рубля в 2022 г. колебался с 51,4 до 94,6 рубля за доллар[2], ВВП снизился на 2,1 % (при прогнозе падения на 11 %)[3].

Таким образом, первый удар санкциями удалось парировать, но пока неясно, каким будет их долговременное действие. Изложенная в работах Малкова и др. (2024, 2019, 2023) математическая модель (см. Приложение) позволяет оценить результативность возможных мер по решению проблем российской экономики. В качестве примера на рис. 1–3 показаны результаты расчетов некоторых возможных сценариев.

На рис. 1 приведены результаты настройки модели на сценарий, соответствующий прогнозу социально-экономического развития РФ на 2025–2027 гг. согласно информации Министерства экономического развития Российской Федерации[4]. Далее он будет называться *исходным сценарием*.

На рис. 2 приведены результаты расчетов для сценария, который отличается от сценария на рис. 1 тем, что начиная с 2023 г. происходит увеличение на 30 % доли средств, направляемой производственным сектором экономики на инвестиции[5].

На рис. 3 более детально приведена разница между указанными сценариями.

Видно, что в этом случае происходят снижение темпов инфляции и серьезный рост темпов реального ВВП, что является хорошим результатом и позволяет прервать длительный период экономической стагнации, начавшийся после мирового финансового кризиса в 2008 г.

Встает вопрос: как реализовать благоприятный вариант, отображенный на рис. 2 и соответствующий целевому увеличению финансирования инвестиций в производственный сектор экономики? В 2023–2024 гг. резкое увеличение инвестиций в реальный сектор обеспечивалось за счет:

– интенсивного бюджетного финансирования оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) и смежных отраслей промышленности в связи с задачами СВО;

– замещения отечественными производителями производственных ниш, освободившихся после ухода из РФ иностранных компаний.

---

[1] Основано на расчетах данных ФТС как дельта 2021/2022. Федеральная таможенная служба. customs.gov.ru

[2] FX рубль/доллар. https://quote.rbc.ru/ticker/59111?ysclid=lhcnmnj22f892644380

[3] BOFIT Forecast for Russia 2023–2024: An unprecedented fog of uncertainty. https://www.bofit.fi/en/monitoring/forecasts-for-Russia-and-China/latest-forecast-for-russia/

[4] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. (2024, 30 сентября). https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html

[5] Это осуществлялось путем увеличения на 30 % коэффициента k_Y в уравнении (П.9) (см. Приложение).

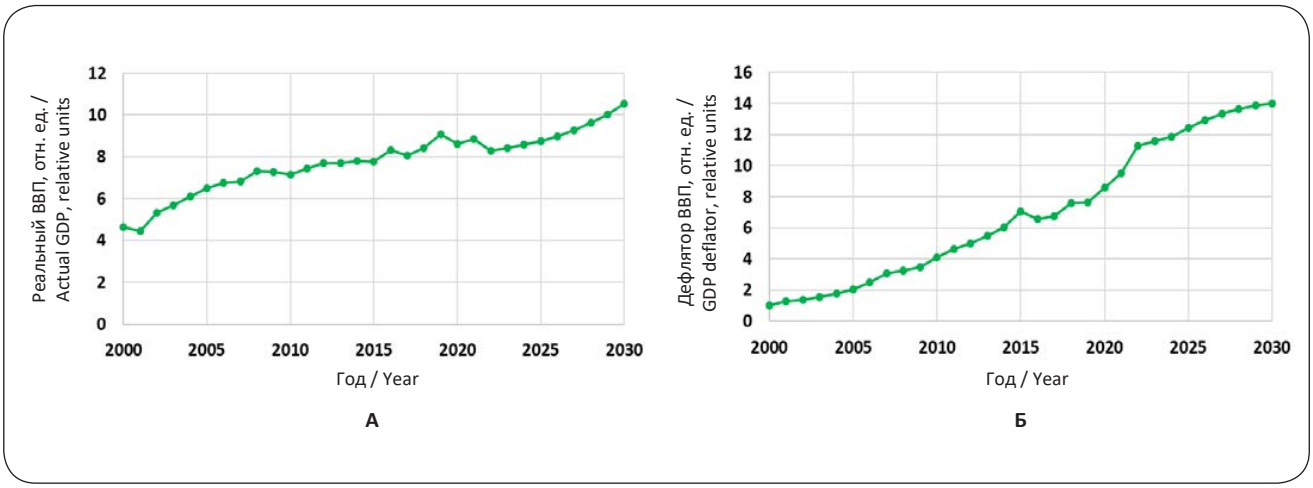


Рис. 1. Результаты расчета динамики реального ВВП (А) и дефлятора (Б) с прогнозом до 2030 г. (в относительных единицах) по модели, откалиброванной по статистическим данным за 2000–2023 гг. и по данным прогноза социально-экономического развития РФ на 2025–2027 гг. согласно информации Министерства экономического развития Российской Федерации (*исходный сценарий*)

Fig. 1. Results of calculating the dynamics of real GDP (A) and deflator (Б) with a forecast up to 2030 (in relative units) using a model calibrated according to 2000–2023statistical data and according to the forecast of socio-economic development of the Russian Federation for 2025-2027 (by the information of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation) (*initial scenario*)

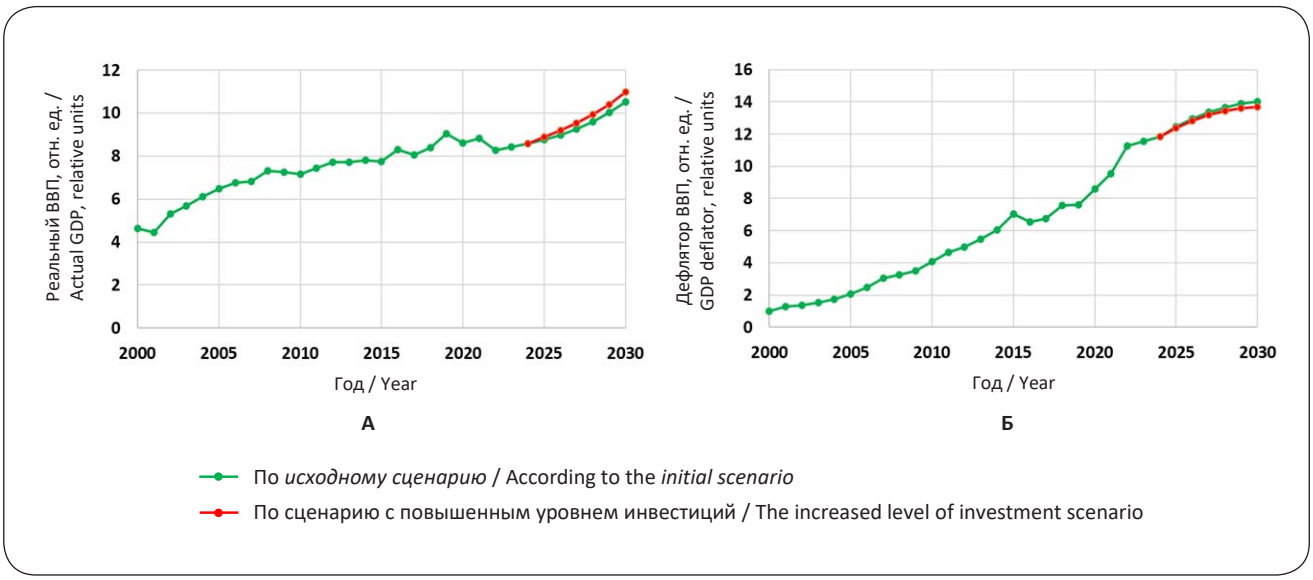


Рис. 2. Сравнение результатов расчета динамики реального ВВП (А) и дефлятора (Б) по исходному сценарию (зеленый график) и по сценарию с повышенным уровнем инвестиций (красный график)

Fig. 2. Comparison of the dynamics of real GDP (A) and deflator (Б) according to the initial scenario (green) and the increased level of investment scenario (red)

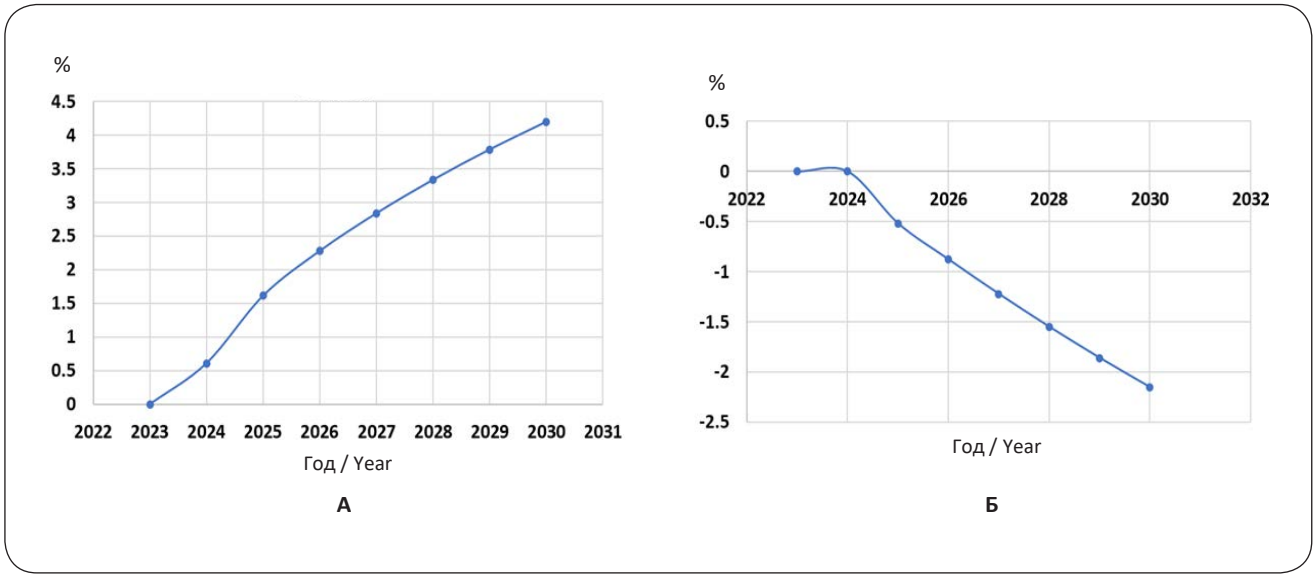


Рис. 3. Разница между показателями сценария с повышенным уровнем инвестиций и исходного сценария в процентах (А – изменение уровня реального ВВП, Б – изменение дефлятора)

Fig. 3. Difference between the indicators of the scenario with an increased level of investment and the initial scenario in percent (А – change in the real GDP, Б – change in the deflator)

В качестве сопутствующего эффекта это повлекло за собой:

– увеличение бюджетных расходов (и государственного долга);

– увеличение темпов инфляции[6].

Внутренний государственный долг растет за счет продажи облигаций федерального займа коммерческим банкам (поскольку в соответствии со ст. 22 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 Банк России (далее – ЦБ РФ) не вправе предоставлять кредиты Правительству Российской Федерации для финансирования дефицита федерального бюджета, покупать государственные ценные бумаги при их первичном размещении), что приводит к дополнительному нарастанию долга за счет купонных выплат и в долгосрочной перспективе способен вызвать кризисные явления в экономике (более подробно эта тема рассматривается ниже).

Что касается инфляции, то ЦБ РФ борется с нею повышением ключевой ставки (на момент написания статьи она составляла 21 %). Логика ЦБ РФ заключается в том, чтобы связать денежную массу, находящуюся на руках у населения, с тем, чтобы она не давила на рынок потребительской продукции, аккумулировалась на депозитах в банках благодаря высокой депозитной ставке. Но при этом производственный сектор (особенно малый и средний бизнес) практически лишается возможности брать кредиты на инвестиции, поскольку кредитная ставка существенно превышает рентабельность. Тем самым блокируется рост во многих отраслях производства, что в свою очередь еще сильнее усиливает инфляцию. Получается замкнутый круг и угроза стагфляции (особенно в период, когда рано или поздно ЦБ РФ снизит ключевую ставку и накопленные на депозитах деньги хлынут на рынок).

Выйти из этого замкнутого круга можно путем введения двухконтурной национальной валютно-финансовой системы с использованием цифровых финансовых активов.

[6] Необходимо отметить, что увеличение темпов инфляции при увеличении темпов роста реального ВВП является закономерным. Оно связано со структурными особенностями экономики, при этом соотношение между темпами роста реального ВВП и уровнем инфляции в спокойные, не кризисные годы является примерно постоянной величиной и зависит от особенностей национальной экономики (более подробно об этом см. в работе Маевского и др. (2020). Так, за последние 20 лет это соотношение для России равнялось примерно 0,4, в то время как для экономически развитых стран оно равнялось примерно единице. Кстати в 2023 и 2024 гг. это соотношение в российской экономике, несмотря на СВО, повысилось до 0,52 и 0,48 соответственно, что лучше, чем среднее за предыдущие 20 лет.

2. Возможности ДНВФС для преодоления проблем развития российской экономики

В современной ситуации (СВО, экономические санкции стран Запада) традиционный для российской экономики путь экономического роста через увеличение сырьевого экспорта не работает. В условиях высокой ключевой ставки ЦБ не работает канал кредитной эмиссии, поскольку стоимость кредитов превышает уровень рентабельности подавляющего большинства предприятий крупного, среднего и малого бизнеса, и по этой причине эти предприятия не могут брать кредиты. С другой стороны, в условиях СВО необходимо увеличение продукции военного назначения, поэтому государству необходимо увеличивать финансирование ОПК и нести другие расходы, связанные с СВО. Рассмотрим две схемы увеличения государственных расходов в данной ситуации: традиционную (одноконтурную) и перспективную (двухконтурную с задействованием цифровых финансовых инструментов ее обращения (Рябухин и др., 2024a; Рябухин, 2023; Рябухин и др., 2020; Рябухин и др., 2024b; Рябухин, 2022). Последовательность изложения следующая: 1) описание логики анализа, 2) анализ существующей схемы, 3) анализ перспективной схемы.

1. Для упрощения рассуждений вначале обобщенно рассмотрим движение денежных потоков в замкнутой экономике (в отсутствие внешнеэкономических связей), находящейся в состоянии динамического равновесия (рис. 4).

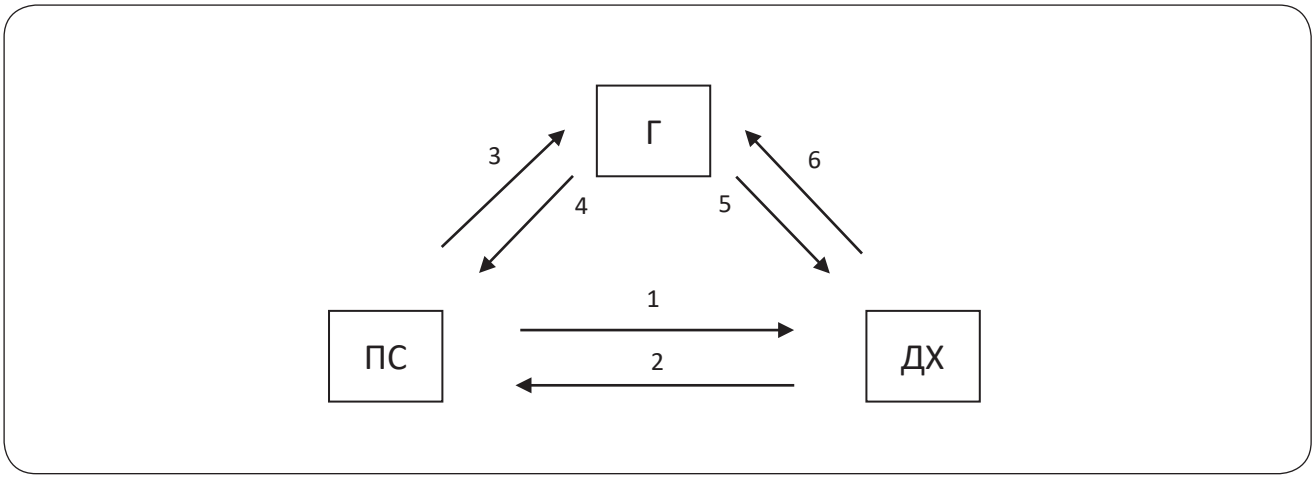
В условиях динамического равновесия имеют место равенства:

$$\text{Поток 1} = \text{Поток 2}, \quad (1)$$

$$\text{Поток 4} + \text{Поток 5} = \text{Поток 3} + \text{Поток 6}. \quad (2)$$

Будем считать, что размер налоговых поступлений (Поток 3 + Поток 6) пропорционален экономической активности ПС и ДХ (Поток 1 + Поток 2):

$$(\text{Поток 3} + \text{Поток 6}) = k\,(\text{Поток 1} + \text{Поток 2}), \text{ где } k < 1. \quad (3)$$



ПС – производственная подсистема (предприятия) / production subsystem (enterprises)

ДХ – домашние хозяйства / households

Г – государство (в лице Минфина, управляющего бюджетом) / the state (represented by the Ministry of Finance, which manages the budget)

⟶ – денежные потоки в единицу времени (например, за год) / cash flows per time unit (e. g., per year)

Рис. 4. Схема денежных потоков в замкнутой экономике в условиях динамического равновесия

1 – зарплаты, доходы; 2 – покупки; 3 и 6 – налоговые поступления, 4 и 5 – расходная часть бюджета (включая зарплату бюджетникам, пенсии, пособия, субсидии, госзаказ и т. п.).

Fig. 4. Cash flows in a closed economy under dynamic equilibrium

1 – salaries, incomes; 2 – purchases; 3 and 6 – tax receipts, 4 and 5 – budget expenditures (including salaries to state employees, pensions, allowances, subsidies, government purchases, etc.).

Потоки 1 и 2 составляют основной контур движения денежных средств в экономике и опосредуют основные производственные процессы. Кругооборот денежных средств по этому контуру и объем производства связаны формулой Фишера (Маевский и др., 2020):

$$M \times V = P \times Q, \quad (4)$$

где M – денежная масса, V – количество оборотов в год, P – уровень цен, Q – реальный ВВП, $P{\cdot}Q$ – номинальный ВВП.

Таким образом, Поток 1 и Поток 2 пропорциональны $M{\cdot}V$ и, соответственно, номинальному ВВП.

В ситуации динамического равновесия в экономической системе устанавливаются равновесные цены и реализуется режим *простого воспроизводства* (Маевский, Малков, 2013), при котором переменные в соотношении (4) не изменяются со временем. При выполнении условия (2) (сбалансированный бюджет) Потоки 3, 4, 5, 6 не нарушают кругооборот Потоков 1 и 2, а лишь перераспределяют денежные средства между экономическими субъектами, исходя из интересов государства. Если бюджет профицитный (Поток 4 + Поток 5 < Поток 3 + Поток 6), то это приводит к уменьшению Потоков 1 и 2 (к уменьшению денежной массы M и номинального ВВП). Если бюджет дефицитный (Поток 4 + Поток 5 > Поток 3 + Поток 6), то это приводит к увеличению Потоков 1 и 2 (к увеличению денежной массы M и номинального ВВП). При этом то, как повлияет увеличение денежной массы на изменение уровня цен P и на реальный ВВП Q, зависит от особенностей и структуры конкретной экономики. В любом случае увеличение денежной массы приводит к увеличению как P, так и Q, но соотношение между увеличением P и Q в конкретных случаях может быть очень разным[7].

Таким образом, если государство хочет увеличить расходы (например, на финансирование ОПК и расходов на СВО) при сохранении сбалансированного бюджета, то оно должно увеличить налоги, а это негативно влияет как на покупательную способность ДХ, так и на производство потребительской продукции. Можно увеличить государственные расходы (и соответственно, увеличить денежную массу M), перейдя к дефицитному бюджету. Но каковы возможные схемы реализации этого и долгосрочные последствия этих схем?

2. В настоящее время базовой схемой финансирования дефицитного бюджета является следующая: государство (Минфин) выпускает ценные бумаги (облигации федерального займа, ОФЗ) и продает их на фондовом рынке. Обеспечением ОФЗ являются будущие денежные доходы государства от будущих налогов.

Рассмотрим ситуацию единоразового выпуска ОФЗ на сумму m. Пусть выпуск ОФЗ произошел в начале года и эти ОФЗ купили коммерческие банки (далее – КБ)[8]. Тогда бюджетные потоки 4 и 5 в этом году увеличиваются на эту же сумму (рис. 5).

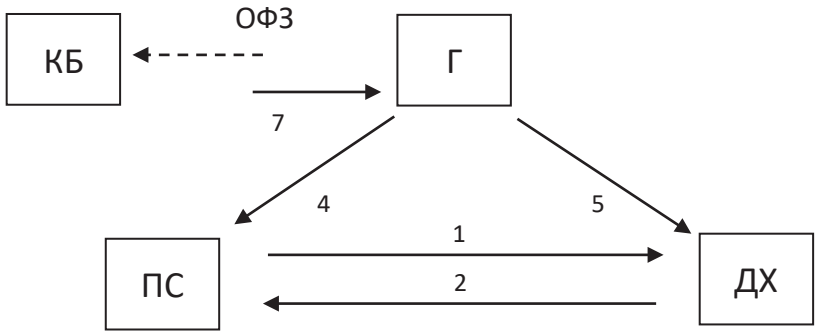
Дополнительные средства бюджета позволяют увеличить денежную массу, обращающуюся в экономике, на величину $g{\cdot}m$, т. е. новая величина денежной массы равна $M_1 = k\,(M + g \times m)$, где $g \leqslant 1$. Соответственно, в конце года в бюджет в виде налоговых поступлений вернется сумма $k \times M_1 = k\,(M + g \times m)$, которая на величину $k \times g \times m$ больше, чем поступало до выпуска ОФЗ. Но при этом у государства появился долг на сумму m.

А. Если ОФЗ *срочные* (с ежегодным погашением предыдущих выпусков), тогда государству придется в конце года вернуть коммерческим банкам денежные средства в размере m с учетом купонных выплат. Тогда на начало следующего финансового года бюджет будет располагать суммой, на величину $m\,(1 - k \times g)$ меньшей, чем год назад (в базовом году). Поэтому, если государство хочет вернуться к сбалансированному бюджету, оно должно урезать свои расходы по сравнению с базовым годом (до выпуска ОФЗ). Это приведет к уменьшению денежной массы в экономике, вследствие чего снизятся и налоговые поступления. Вследствие чего государство не сможет решать свои задачи. Для того чтобы во втором году сохранить уровень расходов первого года, государство будет вынуждено выпустить новые ОФЗ, причем в объеме, превышающем объем ОФЗ первого года. В третьем году ситуация повторится с нарастанием и т. д. Таким образом, образуется финансовая пирамида, когда государство, чтобы обеспечить бюджетную стабильность, будет вынуждено ежегодно наращивать выпуск ОФЗ.

На рис. 6 представлены результаты моделирования описанной ситуации. По оси абсцисс отложено время в годах. По оси ординат отложено относительное увеличение по отношению к базовому году реального ВВП (величина Q в уравнении (4), сплошная линия) и уровня цен (величина P в уравнении (4), штриховая линия).

[7] Анализ этих вопросов см. в работе (Маевский и др., 2020).

[8] В силу существующих правил (ст. 22 Федерального закона № 86-ФЗ от 10.07.2002) ЦБ не имеет права покупать ОФЗ.



ПС – производственная подсистема (предприятия) / production subsystem (enterprises)

ДХ – домашние хозяйства / households

Г – государство (в лице Минфина, управляющего бюджетом) / the state (represented by the Ministry of Finance, which manages the budget)

⟶ – денежные потоки в единицу времени (например, за год) / cash flows per time unit (e. g., per year)

Рис. 5. Схема денежных потоков в начале года после продажи ОФЗ

Fig. 5. Cash flows at the beginning of the year after selling federal loan bonds

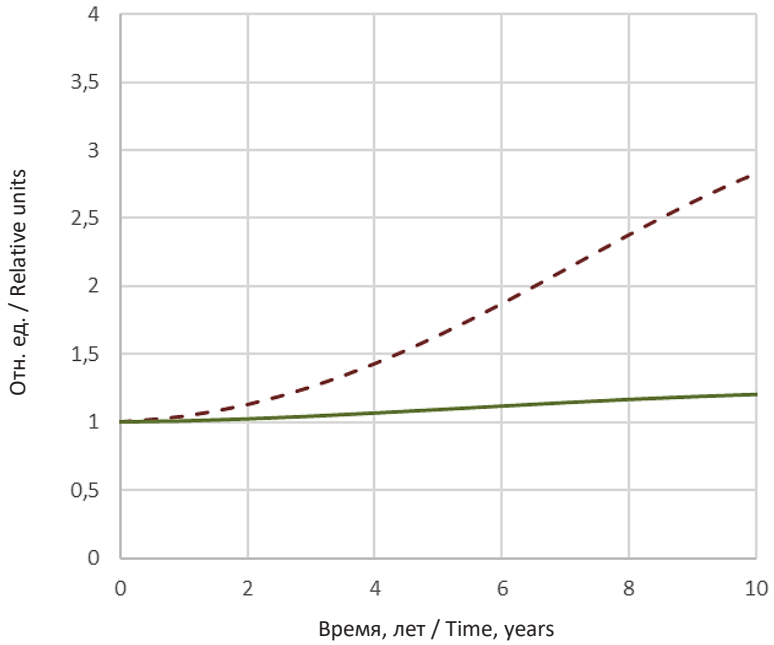


Рис. 6. Результаты моделирования последствий финансирования дефицита федерального бюджета путем выпуска срочных ОФЗ

Fig. 6. Results of modeling the consequences of financing the federal budget deficit by issuing term federal loan bonds

При проведении расчетов параметры моделируемой ситуации были приближены параметрам, характерным для экономики России в 2022 г.: коэффициент монетизации – 50 %; k = 0,2; дефицит бюджета = 2,5 % от ВВП (покрывается продажей ОФЗ); купонные выплаты = 8 %; соотношение между приростом P и Q принято равным 5 (соответствует среднему значению для российской экономики в 2010–2020 гг., см. (Маевский и др., 2020)); g = 1.

Видно, что наблюдаются слабый рост реального ВВП и сильный рост инфляции.

Б. Если ОФЗ *долгосрочные*, то ситуация несколько изменится, но не принципиально. Пусть в пределе срок выкупа ОФЗ бесконечный, тогда выкупать ОФЗ в конце года не надо, но купонные выплаты делать нужно. При этом поступивших в первом году налоговых сборов в сумме $k\cdot(M + g\cdot m)$ будет не хватать, чтобы при сбалансированном бюджете сохранить бюджетные расходы во втором году на уровне первого года. Поэтому придется снова выпускать ОФЗ в дополнение к уже выпущенным. На третий год ситуация повторится и т. д. В результате, как и в предыдущем случае, будет формироваться финансовая пирамида, но несколько другого вида: будут неограниченно (фактически в геометрической прогрессии) расти государственный долг и его обслуживание. При этом проценты по купонным выплатам придется с каждым выпуском ОФЗ увеличивать, поскольку возрастают финансовые риски. Такая ситуация в конечном счете может привести к дефолту.

На рис. 7 представлены результаты модельного расчета описанной ситуации. По оси абсцисс отложено время в годах. По оси ординат отложено относительное увеличение по отношению к базовому году реального ВВП (величина Q в уравнении (4), сплошная линия) и уровня цен (величина P в уравнении (4), штриховая линия). При проведении расчетов параметры модели были такими же, как и в расчетах, отображенных на рис. 6.

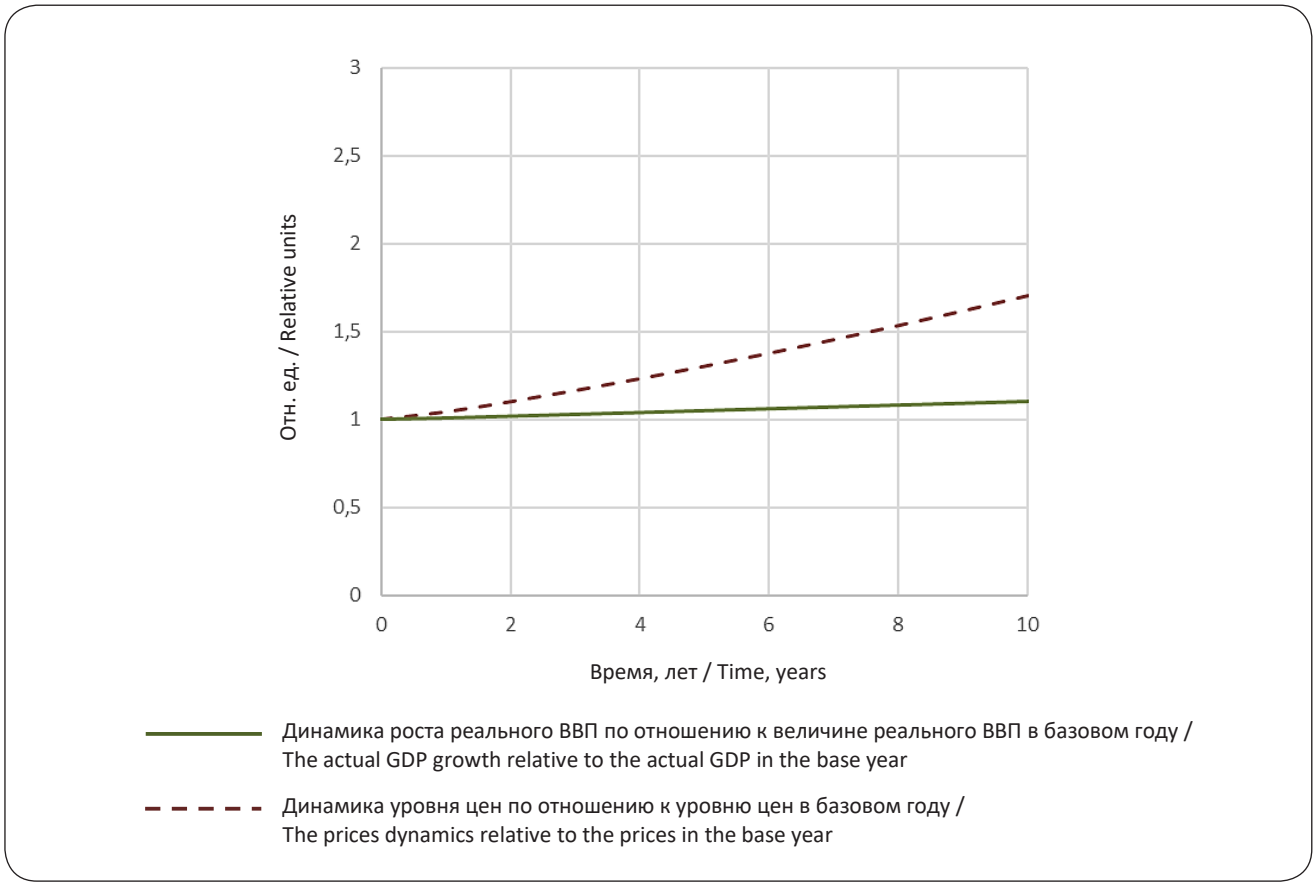


Рис. 7. Результаты моделирования последствий финансирования дефицита федерального бюджета путем выпуска *долгосрочных* ОФЗ

Fig. 7. Results of modeling the consequences of financing the federal budget deficit by issuing *long-term* federal loan bonds

Видно, что в рассматриваемом случае инфляционное давление несколько ниже, но ниже и рост реального ВВП. При этом сильно растет государственный долг (рис. 8).

Также необходимо отметить, что в случае дефицитного бюджета ЦБ в соответствии со своей политикой таргетирования инфляции будет повышать ключевую ставку, что больно ударит по бизнесу, зависящему от кредитов, приведет к банкротству большого количества предприятий и усугубит негативную ситуацию в экономике.

3. Выход из этой патовой ситуации возможен, если будет запущена двухконтурная валютно-финансовая система с использованием для ее функционирования специализированных финансовых инструментов – цифровых финансовых активов. Отличие заключается в том, что вместо ОФЗ, которые потом продаются КБ и с необходимостью сопровождаются купонными выплатами (тем большими, чем выше уровень инфляции), выпускаются ЦФА, под которые ЦБ эмитирует цифровые рубли, поступающие непосредственно в Минфин (описание функционирования двухконтурной национальной валютно-финансовой системы приведено в (Рябухин и др., 2024a; Рябухин, 2023; Рябухин и др., 2020; Рябухин и др., 2024b; Рябухин, 2022). Таким образом, преодолеваются ограничения, накладываемые ст. 22 Федерального закона № 86-ФЗ от 10.07.2002, и устраняется посредник в лице КБ, а следовательно, и необходимость купонных выплат по ОФЗ, что снижает давление на бюджет и устраняет механизм формирования финансовой пирамиды.

Важно, что обеспечением ЦФА являются не будущие денежные доходы бюджета (которые волатильны и подвержены инфляции, что создает финансовые риски и при существующей системе увеличивает процентные выплаты по купонам ОФЗ), а дуальные товары (далее – ДТ), которые не подвергаются инфляции, являясь аналогом золотого запаса (Рябухин и др., 2023). Стоимость ДТ в рублях постоянно возрастает в результате периодической рыночной переоценки, и при этом часть цифровых рублей от ЦФА государство тратит на производство новых ДТ, увеличивая свои залоговые возможности[9].

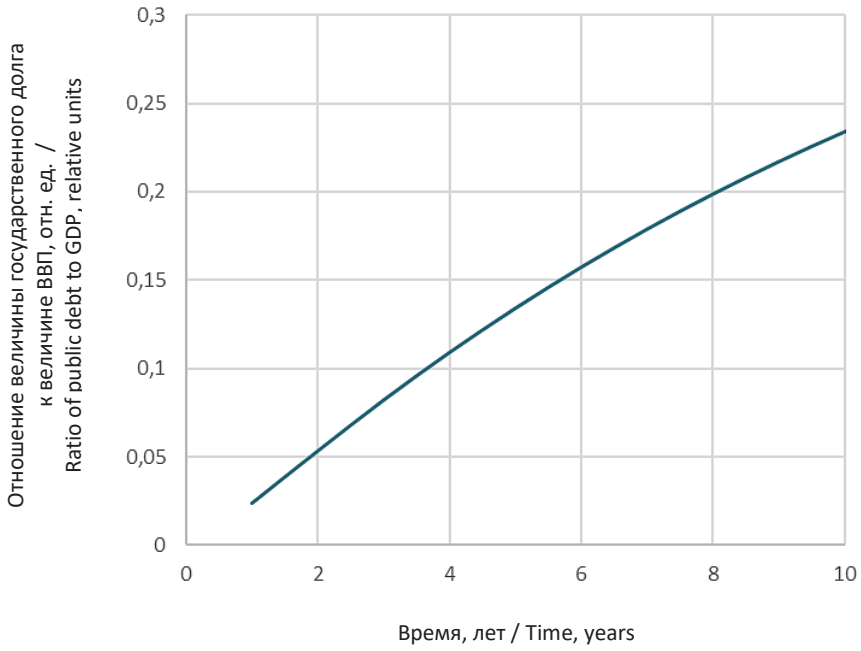


Рис. 8. Результаты моделирования динамики государственного долга, по отношению к величине ВВП (при проведении расчетов считалось, что в базовом году государственный долг отсутствовал)

Fig. 8. Results of modeling the dynamics of public debt in relation to GDP (assuming that there was no public debt in the base year)

[9] При этом производство очередной порции ДТ производится предприятиями по госзаказу за цифровые рубли практически по себестоимости, а как залог в казначействе они будут учитываться уже по рыночной стоимости.

Эмитированные цифровые рубли направляются государством целевым образом на решение необходимых государственных задач, при этом цифровой характер этих денежных средств гарантирует то, что они будут использованы строго по своему назначению. В конечном итоге эти цифровые рубли все-таки конвертируются в обычные рубли (например, в результате выплаты зарплат работникам предприятий ОПК, выполняющим госзаказ), однако инфляционное давление этих денег компенсируется тем, что часть рублевой массы уйдет из КБ в ЦБ в результате покупки коммерческими банками ЦФА, необходимых для ведения внешнеторговых операций. Вследствие этого необходимость ЦБ повышать ключевую ставку устраняется, что благоприятно влияет на развитие экономики и повышение реальных доходов народонаселения. Кроме того, снизится нагрузка на валютный рынок, что приведет к стабилизации курса рубля и удешевлению импорта.

На рис. 9 представлены результаты модельного расчета описанной ситуации. По оси абсцисс отложены годы. По оси ординат отложено относительное увеличение по отношению к базовому году реального ВВП (величина Q в уравнении (4), сплошная линия) и уровня цен (величина P в уравнении (4), штриховая линия). При проведении расчетов параметры модели были такими же, как и в расчетах, отображенных на рис. 6, при условии, что купонные выплаты не производятся (поскольку ОФЗ заменены на ЦФА), а инфляционное давление от выпуска цифровых рублей в значительной степени компенсировано в результате покупки коммерческими банками ЦФА, необходимых для ведения внешнеторговых операций.

Видно, что в рассматриваемом случае ситуация существенно лучше, чем та, которая отображена на рис. 6 и 7.

4. Необходимо отметить, что отраженная на рис. 9 практически полная компенсация инфляции при выпуске ЦФА является следствием упрощающего допущения, что эмитированные финансовые средства не попадают в потребительский контур. В реальных ситуациях имеют место перетоки денежных средств из инвестици-

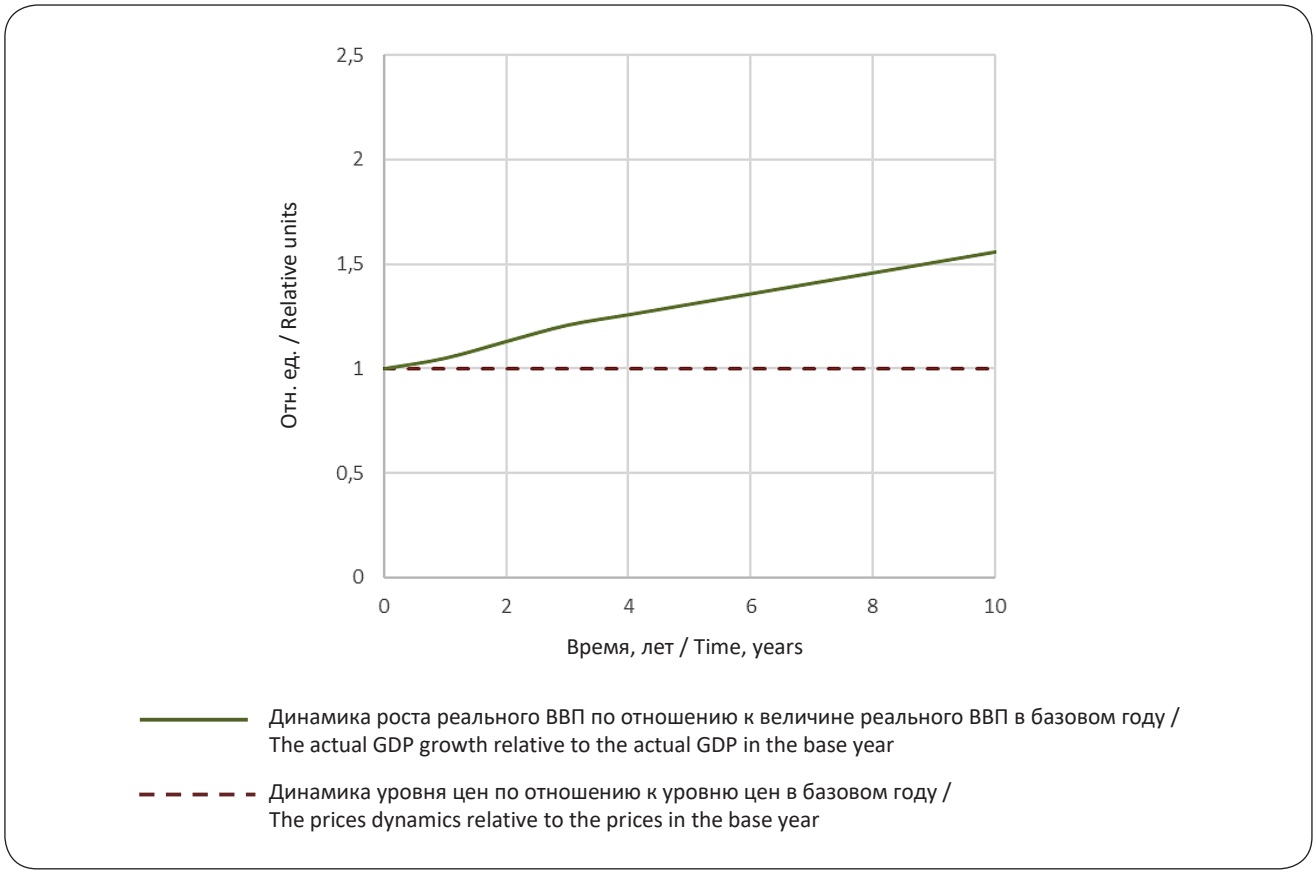


Рис. 9. Результаты моделирования финансирования дефицита федерального бюджета путем задействования инвестиционного резервного контура и выпуска ЦФА

Fig. 9. Results of modeling the financing of the federal budget deficit by using the investment reserve circuit and the DFA issue

онного контура в потребительский и обратно (Малков, Давыдова, 2019; Малков и др., 2023; Маевский и др., 2020; Маевский, Малков, 2013; Маевский и др., 2016). Для учета этих эффектов необходимы более детальные расчеты, которые возможны с использованием модели, изложенной в Приложении.

На рис. 10 приведены результаты расчетов по этой модели, отражающие ожидаемый эффект от выпуска ЦФА в 2025, 2026, 2027 гг. по 1 трлн рублей ежегодно (за базу взят сценарий, соответствующий прогнозу социально-экономического развития РФ на 2025–2027 гг. согласно информации Министерства экономического развития Российской Федерации[10], рис. 1).

На рис. 11 более детально приведена разница между указанными сценариями.

Считалось, что выпуск ЦФА целевым образом предназначается для инвестиций в производство, стимулируя выпуск продукции и при этом увеличивая денежную массу. Видно, что в результате указанного варианта выпуска ЦФА уровень реального ВВП вырастает в 2027 г. дополнительно на 1,2 %. При этом дефлятор тоже неизбежно увеличивается, но соотношение между ростом дефлятора и реального ВВП составляет лишь единицу. Такая величина данного соотношения характерна для развитых экономик мира (Маевский и др., 2020)[11]. (Справочно: для России это соотношение в последние 20 лет составляло величину 2,5 и выше, что характерно для слабых экономик сырьевого типа.)

На рис. 12 приведены результаты сопоставления *исходного сценария* со сценарием, когда выпуск ЦФА в 2025, 2026, 2027 годах (по 1 трлн рублей ежегодно) сочетается с целенаправленным увеличением уровня инвестиций с характеристиками, отображенными на рис. 2.

На рис. 13 более детально приведена разница между указанными сценариями.

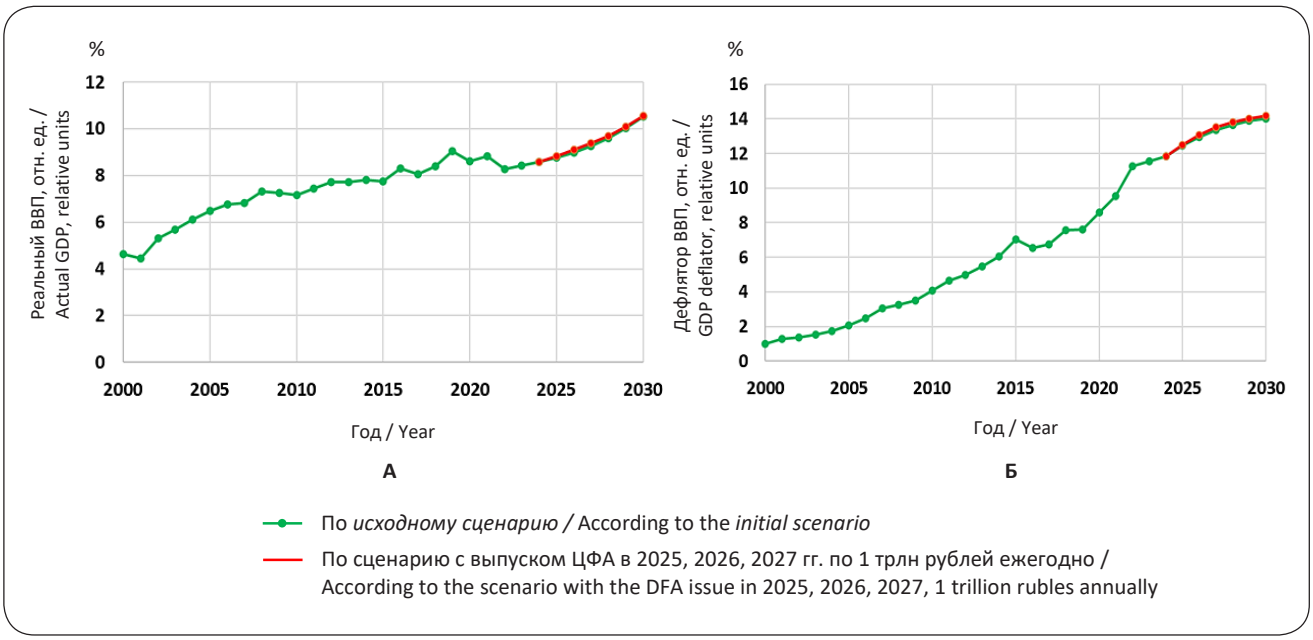


Рис. 10. Сравнение результатов расчета динамики реального ВВП (А) и дефлятора (Б) по *исходному сценарию* и по сценарию с выпуском ЦФА в 2025, 2026, 2027 гг. по 1 трлн рублей ежегодно

Fig. 10. Comparison of the dynamics of real GDP (A) and deflator (Б) according to the *initial scenario* and according to the scenario with the DFA issue in 2025, 2026, 2027, 1 trillion rubles annually

[10] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. (2024, 30 сентября). https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html

[11] Необходимо отметить, что в условиях экономического роста инфляция неизбежна, поскольку существует отрицательный временной лаг между созданием новых производств, увеличивающих предложение товаров, и увеличением платежеспособного спроса в результате выплат зарплат работникам, создающим эти производства (в период, когда новые товары еще не начали выпускаться). Более подробно об этом см. (Маевский и др., 2020; Маевский, Малков, 2013; Маевский и др., 2016).

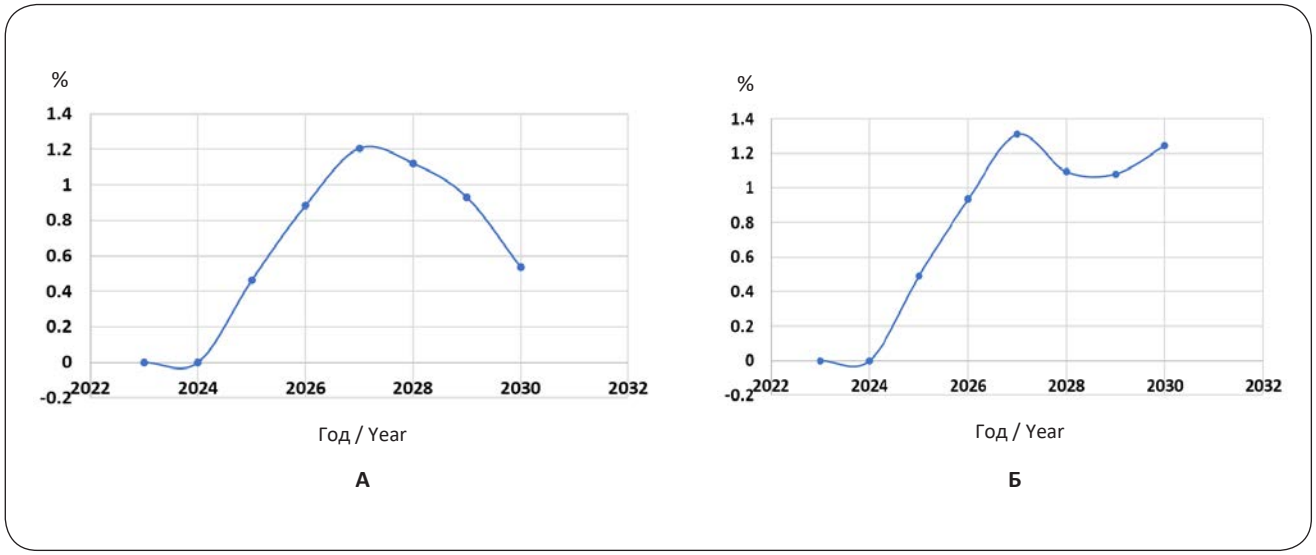


Рис. 11. Динамика приращения величины реального ВВП (А) и дефлятора (Б) в процентах по отношению к *исходному сценарию* в случае выпуска ЦФА в 2025, 2026, 2027 годах по 1 трлн рублей ежегодно

Fig. 11. Dynamics of the increment of real GDP (A) and deflator (Б) as a percentage relative to the *initial scenario* in the case of DFA issuance in 2025, 2026, 2027, 1 trillion rubles annually

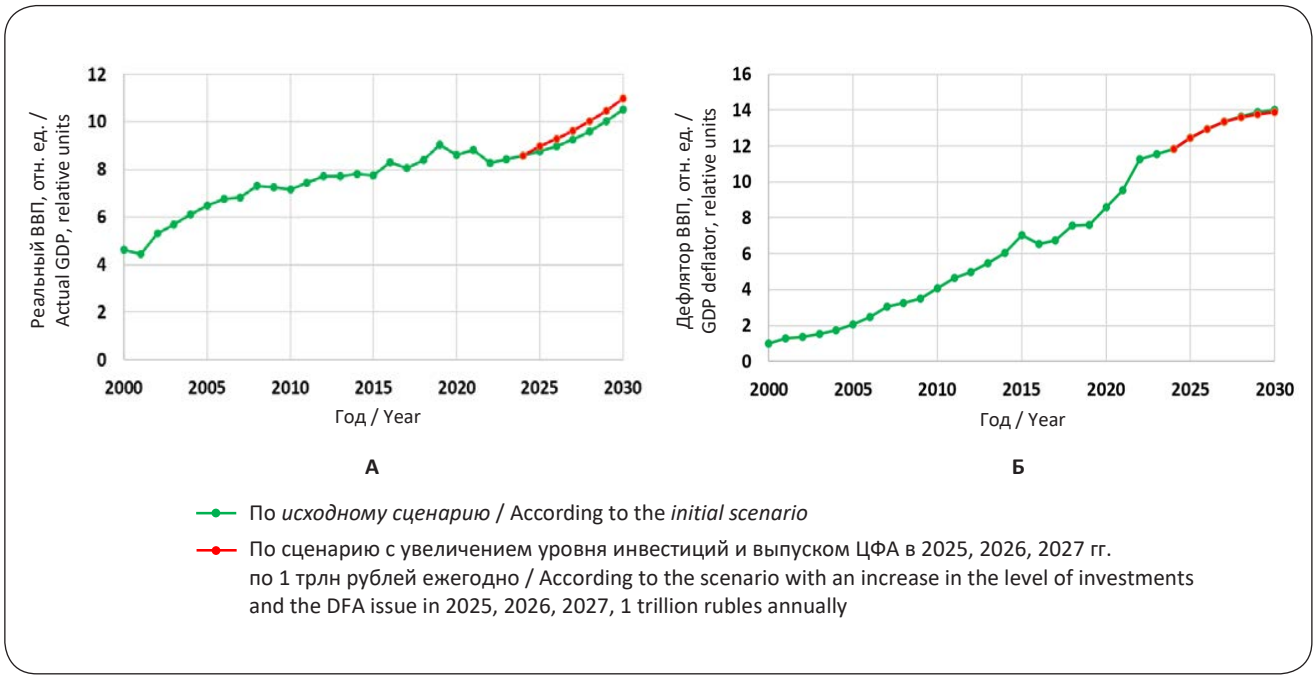


Рис. 12. Сравнение результатов расчета динамики реального ВВП (А) и дефлятора (Б).

Fig. 12. Comparison of the dynamics of real GDP (A) and deflator (Б)

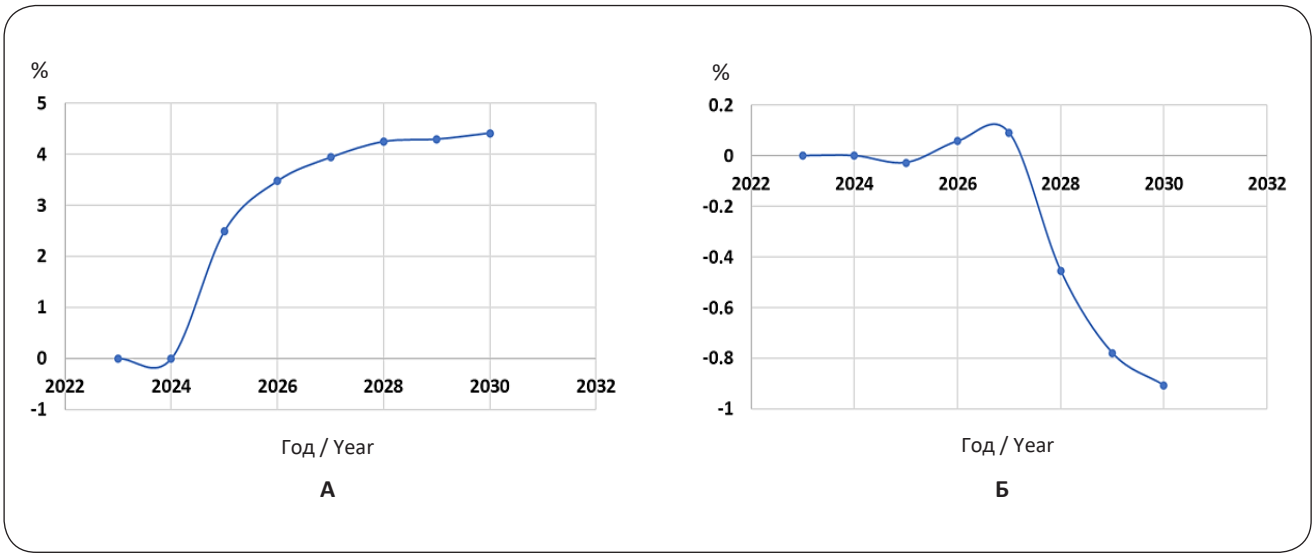


Рис. 13. Динамика приращения величины реального ВВП (А) и дефлятора (Б) в процентах по отношению к *исходному сценарию* в случае увеличения уровня инвестиций и выпуска ЦФА в 2025, 2026, 2027 гг. по 1 трлн рублей ежегодно

Fig. 13. Dynamics of the increment of real GDP (A) and deflator (Б) as a percentage relative to the *initial scenario* in casse of an increase in the level of investments and the DFA issue in 2025, 2026, 2027, 1 trillion rubles annually

Сравнение рис. 11 и 13 показывает, что в рассматриваемом случае достигается существенно более быстрый рост реального ВВП без дополнительного давления на инфляцию (при этом соотношение между ростом дефлятора и реального ВВП приближается к характерному для развитых экономик мира).

Заключение

Проведенный анализ показывает, что введение двухконтурной национальной валютно-финансовой системы позволит:

– в обход ограничений, накладываемых ст. 22 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», проводить денежную эмиссию и увеличивать денежную массу в интересах развития национальной экономики;

– эмиссию денежных средств целевым образом направлять в производственный сектор экономики (в инвестиционные проекты), что обеспечит высокие темпы роста при минимальной инфляции;

– обеспечить стабильность финансовой системы, поскольку ЦФА обеспечены дуальными товарами;

– решить проблемы, связанные с финансированием дефицита государственного бюджета.

Таким образом, как свидетельствуют результаты расчетов, использование двухконтурной национальной валютно-финансовой системы совместно с активной инвестиционной политикой существенно повышает эффективность российской экономики, насыщая ее деньгами для роста ВВП и одновременно снижая инфляционное давление растущей денежной массы, несмотря на санкционное давление стран Запада в условиях СВО.

Список литературы

Малков, С. Ю., Давыдова, О. И., Штуро, В. Р. (2024). Россия в условиях экономических санкций: моделирование и прогноз. *Информационные войны*, *2*, 49–56.

Рябухин, С. Н., Минченков, М. А., Водянова, В. В., Заплетин, М. П., Журавлев, П. В. (2024а). Современные финансовые инструменты, обращаемые в национальных экономиках. *Российский экономический журнал*, *2*, 46–71.

Рябухин, С. Н. (2023). Новые финансовые инструменты и технологии, позволяющие осуществить асимметричный ответ на вызовы и угрозы российской экономике со стороны коллективного Запада. *Научные труды Вольного экономического общества России*, *3*(241), 396–400. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-241-3-396-400

Рябухин, С. Н., Минченков, М. А., Водянова, В. В., Заплетин, М. П. (2020). Двухконтурная валютно-финансовая система как инструмент развития национальной экономики Российской Федерации и обеспечения ее суверенитета. *Научные труды Вольного экономического общества России*, *5*(225), 182–200. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-225-5-182-200

Рябухин, С. Н., Минченков, М. А., Кокорев, И. А., Мелетиди, К. Л., Люкшин, А. М. (2024b). Цифровые финансовые активы как инструмент международных расчетов. *Мир новой экономики*, *18*(2), 59–68. https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-2-59-68

Рябухин, С. Н. (2022). Новые финансовые инструменты и технологии в условиях глобальных трансформаций. *Научные труды Вольного экономического общества России*, *3*(235), 105–108. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-235-3-105-108

Малков, С. Ю., Давыдова, О. И. (2019). Математическая модель для анализа взаимосвязи денежного обращения и экономического роста в развивающихся странах. *Актуальные проблемы экономики и права*, *13*(1), 981–992. https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.981-992

Малков, С. Ю., Старков, Н. И., Давыдова, О. И. (2023). *Социально-экономические проекции оборонных расходов: Развитие vs безопасность*. Москва: ЛЕНАНД.

Маевский, В. И., Малков, С. Ю., Рубинштейн, А. А., Красильникова, Е. В. (2020). *Теория воспроизводства капитала и не-нейтральность денег.* Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.

Маевский, В. И., Малков, С. Ю. (2013). *Новый взгляд на теорию воспроизводства*. Москва: ИНФРА-М.

Маевский, В. И., Малков, С. Ю., Рубинштейн, А. А. (2016). *Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение*. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.

Рябухин, С. Н., Минченков, М. А., Водянова, В. В. [и др.]. (2023). *Дуальные товары*. Москва: Научная библиотека.

References

Malkov, S., Davydova, O., & Shturo, V. (2024). Russia under economic sanctions: modeling and forecast. *Informaczionnye voyni*, 2, 49–56. (In Russ.).

Ryabukhin, S. N., Minchenkov, M. A., Vodianova, V. V., Zapletin, M. P., & Zhuravlev, P. V. (2024a). Modern financial instruments traded in national economies. *Russian Economic Journal*, 2, 46–71. (In Russ.).

Ryabukhin, S. N. (2023). New financial instruments and technologies that allow for an asymmetric response to the challenges and threats to the Russian economy from the collective West. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, *3*(241), 396–400. (In Russ.). https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-241-3-396-400

Ryabukhin, S. N., Minchenkov, M. A., Vodyanova, V. V., & Zapletin, M. P. (2020). Dual-circuit monetary and financial system as a tool for developing the national economy of the Russian Federation and ensuring its sovereignty. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, *5*(225), 182–200. (In Russ.). https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-225-5-182-200

Ryabukhin, S. N., Minchenkov, M. A., Kokorev, I. A., Meletidi, K. L., & Lyukshin, A. M. (2024b). Digital Financial Assets as a Tool for International Payments. *The World of New Economy*, *18*(2), 59–68. (In Russ.). https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-2-59-68

Ryabukhin, S. N. (2022). New financial instruments and technologiesin the context of global transformations. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, *3*(235), 105–108. (In Russ.). https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-235-3-105-108

Malkov, S. Yu., & Davydova, O. I. (2019). Mathematical model for analyzing the interrelation between monetary circulation and economic growth in developing countries. *Actual Problems of Economics and Law*, *13*(1), 981–992. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.981-992

Malkov, S. Yu., Starkov, N. I., & Davydova, O. I. (2023). *Socio-economic projections of defense spending: Development vs security.* Moskow: LENAND. (In Russ.).

Maevsky, V. I., Malkov, S. Yu., Rubinstein, A. A., & Krasilnikova, E. V. (2020). *Theory of capital reproduction and non-neutrality of money.* Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).

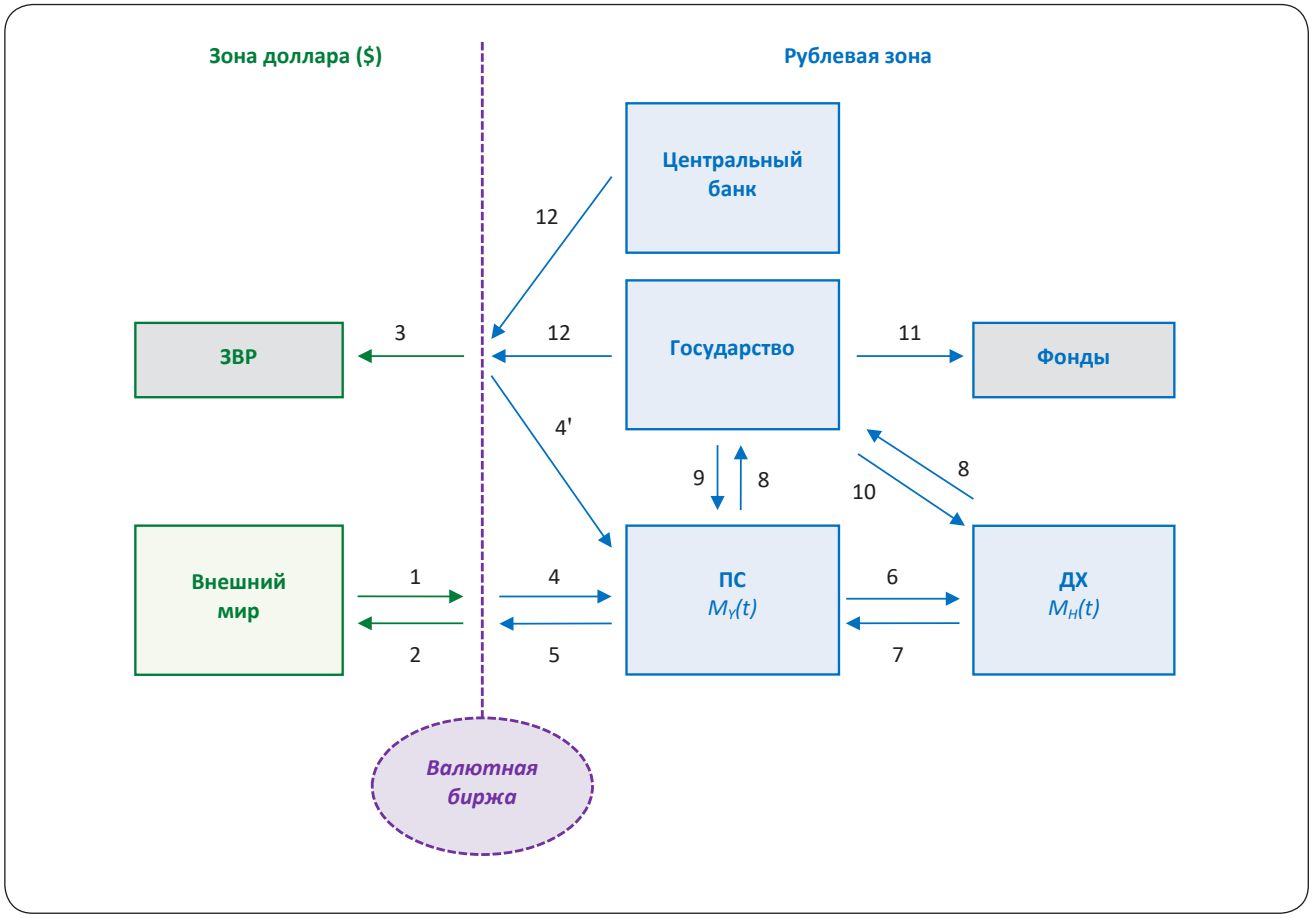
Maevsky, V. I., Malkov, S. Yu., & Rubinstein, A. A., (2016). *New theory of capital reproduction: development and practical application*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).

Ryabukhin, S. N., Minchenkov, M. A., Vodyanova, V. V. et al. (2023). *Dual goods*. Moskow: Nauchnaya biblioteka. (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

Описание математической модели, использовавшейся для анализа экономической динамики[12]

Использовавшаяся при проведении расчетов математическая модель представляет собой систему дифференциальных уравнений, отображающих движение денежных потоков в национальной экономике в соответствии со схемой, приведенной на рис. П.1 (схема адаптирована к российской ситуации), и является агрегированным вариантом мезоэкономической модели, разработанной и развиваемой в Институте экономики РАН под руководством акад. В. И. Маевского (Маевский и др., 2020; Маевский, Малков, 2013; Маевский и др., 2016).



– потоки денег, – – – – валютная граница

1. Основные экономические акторы, изображенные на схеме: производственный сектор (ПС), домашние хозяйства (ДХ), государство (Г), центральный банк (ЦБ), внешний мир.

2. Потоки валютных средств: экспортная выручка (1), оплата импорта (2), увеличение золотовалютных резервов (ЗВР) (3).

3. Потоки рублевых средств: экспортная выручка (4, 4'), доходы домашних хозяйств (6), потребление домашних хозяйств (7), налоги (8), госзакупки и субсидии (9), зарплаты бюджетникам и социальные трансферты (пенсии, стипендии и др.) (10), пополнение фондов Правительства (11), покупка валюты и увеличение ЗВР (12).

Рис. П.1. Обобщенная схема денежных потоков

[12] Описание модели проводится в соответствии с работой (Малков, Давыдова, 2019).

Описание базовых процессов на валютной границе (соответственно, на валютной бирже):

– основной источник притока иностранной валюты (долларов) на валютную границу – валютная выручка экспортеров: экспортеры часть своей валютной выручки конвертируют в национальную валюту для проведения финансовых операций внутри страны и выплаты налогов;

– спрос на иностранную валюту на валютной бирже формируют импортеры (она нужна им для покупки импортных товаров за рубежом), а также фирмы и население, которые часть своих средств хотят хранить на валютных депозитах и в виде наличных долларов (евро). Кроме того, государство формирует денежные фонды, часть которых хранится на валютных счетах;

– в ходе торгов на валютной бирже на основе спроса и предложения на валюту[13] формируется текущий валютный курс национальной валюты. Центральный банк с помощью различных инструментов (включая прямые валютные интервенции) контролирует ход торгов и влияет на формирование курса национальной валюты. Кроме того, Центральный банк проводит закупки долларов (евро) для пополнения золотовалютных резервов (ЗВР).

При проведении расчетов государство (Г) и домашние хозяйства (ДХ) были объединены в единый «общественный сектор» (ОС). Это было сделано с целью улучшения качества калибровки модели с использованием данных макроэкономической статистики.

В обобщенном виде денежные потоки, отраженные на рис. П.1, могут быть описаны следующими дифференциальными уравнениями.

Уравнение для динамики денежных средств производственного сектора $M_Y(t)$:

$$\frac{dM_Y(t)}{dt} = (\textit{Доходы от продажи товаров и услуг внутри страны, субсидии}) - (\textit{Выплаты домашним хозяйствам, налоги государств у}) + (\textit{Доходы от экспорта}) - (\textit{Расходы на импорт}) + (\textit{Другие денежные потоки}). \quad (П.1)$$

Уравнение для динамики денежных средств общественного сектора $M_H(t)$:

$$\frac{dM_h(t)}{dt} = (\textit{Доходы домашних хозяйств, налоги ПС}) - (\textit{Расходы домашних хозяйств}) - (\textit{Государственные закупки, субсидии ПС}) + (\textit{Другие денежные потоки}). \quad (П.2)$$

Уравнение для динамики уровня цен $p(t)$ (описывает установление цены на основе баланса спроса и предложения товаров и услуг на внутреннем рынке):

$$\frac{dp}{dt} = \alpha_p\ (\textit{Платежеспособный спрос – Предложение товаров и услуг}). \quad (П.3)$$

Уравнение для динамики курса доллара $b(t)$ (описывает установление курса валюты на основе баланса спроса на доллары и их предложения на валютном рынке):

$$\frac{db}{dt} = \alpha_b\ (\text{Спрос на валюту – Предложение валюты}). \quad (П.4)$$

С учетом достаточно общих допущений модель (П.1) – (П.4) может быть записана в виде:

$$\frac{dM_Y}{dt} = k_H \cdot M_H - \Delta M_{be} - h \cdot F \cdot p + Q_E \cdot p' \cdot b - k_{YI} \cdot M_Y - k_{HI} \cdot M_H + \Delta M_Y, \quad (П.5)$$

где $(k_H M_H - \Delta M_{be})$ – поток денежных средств из ОС в ПС, включающий доходы от продажи товаров и услуг внутри страны, субсидии (в модели считается, что они пропорциональны денежным средствам ОС с учетом того, что часть средств ΔM_{be} сектор ОС расходует на покупку иностранной валюты); hFp – поток денежных средств из ПС в ОС, включающий выплаты домашним хозяйствам, налоги государству (в модели считается,

[13] Кроме перечисленных выше фундаментальных экономических процессов на спрос и предложение валюты влияют также валютные спекулянты, которые косвенно учитываются в модели.

что они пропорциональны номинальному ВВП Fp[14]); $Q_E p'b$ – доходы от экспорта в национальной валюте (Q_E – физический объем экспорта, $Q_E p'$ – стоимость экспорта в долларах, b – курс национальной валюты, т. е. сколько единиц национальной валюты отдают за один доллар); $k_{YI}M_Y$ – расходы на закупку производственного импорта: оборудования, технологий, комплектующих, сырья (в модели считается, что эти расходы пропорциональны средствам ПС); $k_{HI}M_H$ – расходы на закупку импортной потребительской продукции (в модели считается, что они определяются потребительским денежным спросом и пропорциональны средствам ОС); ΔM_Y – другие денежные потоки (например, дополнительное субсидирование ПС за счет дефицита государственного бюджета);

$$\frac{dM_H}{dt} = h \cdot F \cdot p - k_H \cdot M_H + \Delta M_H, \tag{П.6}$$

где hFp – поток денежных средств из ПС в ОС, включающий доходы домашних хозяйств, налоги ПС (см. выше); $k_H M_H$ – потребительские расходы ДХ (включая расходы на импорт[15]), государственные закупки, субсидии ПС (в модели считается, что эти расходы пропорциональны денежным средствам ОС); ΔM_H – другие денежные потоки (например, дополнительное субсидирование ОС за счет дефицита государственного бюджета);

$$\frac{dp}{dt} = \alpha_p \cdot p \cdot \left(\frac{k_H \cdot M_H - k_{HI} \cdot M_H}{F \cdot p - (k_Y - k_{YI}) M_Y - Q_E \cdot p} - 1 \right), \tag{П.7}$$

где числитель в скобках отражает денежный спрос на отечественную продукцию; знаменатель отражает предложение отечественной продукции (стоимостное выражение всей произведенной продукции за вычетом продукции инвестиционного назначения и продукции, произведенной на экспорт); α_p – коэффициент, характеризующий скорость установления ценового равновесия на внутреннем рынке;

$$\frac{db}{dt} = \alpha_b \cdot b \cdot \left(\frac{k_{HI} \cdot M_H + k_{YI} \cdot M_Y + \Delta M_{be} + \Delta M_{bc}}{Q_E \cdot p' \cdot b} - 1 \right), \tag{П.8}$$

где числитель в скобках отражает денежный спрос на доллары (в него входит стоимость закупки импортной продукции, спрос на закупку валюты со стороны сектора ОС ΔM_{be} и валютные интервенции Центрального банка ΔM_{bc}); знаменатель отражает предложение долларов (соответствует валютной выручке за экспортируемую продукцию); α_b – коэффициент, характеризующий скорость установления равновесия на валютном рынке.

Используя результаты работы (Малков, Давыдова, 2019), выражение для производственной функции F можно представить в виде:

$$F = f \cdot \left(\frac{k_Y \cdot M_Y}{p} - \frac{k_{YI} \cdot M_Y}{p} \left(1 - \frac{w}{b}\right) \right)^c, \tag{П.9}$$

где $k_Y M_Y$ – общие расходы на инвестиции (в модели считается, что они пропорциональны денежным средствам ПС); $k_{YI}M_Y$ – расходы на импортную инвестиционную продукцию (в модели считается, что они пропорциональны денежным средствам ПС); w – коэффициент эффективности импортной инвестиционной продукции; c – коэффициент, характеризующий убывающую/возрастающую отдачу от инвестиций; f – коэффициент пропорциональности.

Необходимо отметить, что модель (П.5) – (П.9) имеет базовый характер и предназначена для анализа общих закономерностей экономической динамики развивающихся стран.

[14] Выражение для производственной функции F приведено ниже.

[15] В модели считается, что импортная потребительская продукция закупается за рубежом производственным сектором, который уже затем продает ее отечественным потребителям на внутреннем рынке.

Вклад авторов

С. Ю. Малков – экономический анализ, обоснование математической модели.
О. И. Давыдова – разработка компьютерной программы и проведение расчетов.

Authors' contributions

S. Yu. Malkov – economic analysis, substantiation of the mathematical model.
O. I. Davydova – computer program development and calculations.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 04.01.2025
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 09.02.2025
Дата принятия в печать / Accepted 12.02.2025

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.57-79**

УДК / UDC 327:341:[004:339.5:339.9(510)(470+571)]

Э. Л. Сидоренко[1]

[1] *Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России, г. Москва, Россия*

Китайская инициатива Цифрового шелкового пути: направления и перспективы развития, преимущества и риски для России

Сидоренко Элина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России; Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека
E-mail: 12011979@list.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-4741-0184
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/P-9046-2015
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3744-0382

Аннотация

Цель: анализ китайской инициативы Цифрового шелкового пути (Digital Silk Road – DSR) как одного из ключевых элементов стратегии КНР в рамках проекта «Один пояс, один путь». Работа направлена на выявление и систематизацию основных направлений реализации программы DSR в контексте их влияния на глобальную цифровую трансформацию, а также на анализ перспектив сотрудничества России и Китая в приложении к экономическим и геополитическим ориентирам Российской Федерации.

Методы: в качестве общенаучных методов познания были использованы анализ, синтез, индуктивно-дедуктивный и структурно-функциональный методы, системный и сравнительный анализы.

Результаты: выявлены основные направления, инструменты и технологии реализации инициативы Цифрового шелкового пути, установлены и проанализированы основные политические (геополитические) подходы к DSR; оценен геополитический ландшафт реализации этой инициативы с учетом позиции технологических конкурентов и стран – партнеров инициативы; оценены риски долговой зависимости стран и разработаны сценарии развития DSR, выявлено влияние проектов DSR на экономическое и геополитическое позиционирование России в глобальном цифровом пространстве.

Научная новизна: предложено рассматривать DSR как одно из ключевых направлений развития цифрового многополярного мира, как многоаспектный проект, сочетающий экономические, технологические и геополитические цели Китая. Кроме того, в работе использованы новейшие данные об инвестиционной активности Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Африке и Южной Америке, применены и осмыслены современные экономические и геополитические теории для анализа DSR; предложены сценарии развития проекта в условиях глобальной технологической конкуренции.

Практическая значимость: анализ основных направлений и географии реализации проекта позволяет системно подойти к построению экономических и геополитических прогнозов в части развития отдельных цифровых технологий и проектов, может стать основой для разработки рекомендаций по оптимизации стратегии сотрудничества с Китаем в рамках DSR и по созданию механизмов и инструментов регулирования цифровых инициатив (стандартов кибербезопасности, цифровых арбитражей и др.), послужить важным информационным материалом для оценки возможностей сотрудничества российских компаний с китайскими корпорациями в рамках проекта DSR.

Ключевые слова:

Цифровой шелковый путь (DSR), «Один пояс, один путь», 5G, искусственный интеллект, цифровые платформы, экономическая конкуренция, цифровые сервисы, геополитика, инвестиции

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Сидоренко Э. Л., 2025

Как цитировать статью: Сидоренко, Э. Л. (2025). Китайская инициатива Цифрового шелкового пути: направления и перспективы развития, преимущества и риски для России. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 57–79. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.57-79

Scientific article

E. L. Sidorenko[1]

[1] *Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia*

China's Digital Silk Road initiative: directions and prospects of development, advantages and risks for Russia

Elina L. Sidorenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs; Council under the President of the Russian Federation for the development of civil society and human rights
E-mail: 12011979@list.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-4741-0184
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/P-9046-2015
eLIBRARY ID: SPIN-code: 3744-0382

Abstract

Objective: to analyze China's Digital Silk Road Initiative (DSR) as one of the key elements of the PRC's strategy within the "One Belt, One Road" project; to identify and systematize the main directions of the DSR program and its impact on global digital transformation; to analyze the prospects for cooperation between Russia and China in relation to the economic and geopolitical goals of the Russian Federation.

Methods: general scientific methods of cognition were used, such as analysis, synthesis, inductive-deductive and structural-functional methods, systematic and comparative analyses.

Results: the main directions, tools and technologies of the Digital Silk Road Initiative were identified. The main political (geopolitical) approaches to DSR were identified and analyzed. The research assesses the geopolitical landscape of the Initiative implementation, taking into account the position of its technological competitors and partner countries. The author assesses the risks of debt dependence of countries and develops the DSR scenarios. The work reveals the DSR impact on the economic and geopolitical positioning of Russia in the global digital space.

Scientific novelty: the author proposes to consider DSR as one of the key directions for the digital multipolar world development, as a multidimensional project uniting the economic, technological and geopolitical goals of China. In addition, the paper uses the latest data on China's investment activity in the Asia-Pacific region, Africa and South America, applies and comprehends modern economic and geopolitical theories for DSR analysis. Project development scenarios are proposed in the context of global technological competition.

Practical significance: the analysis of the main DSR directions and geography allows a systematic approach to building economic and geopolitical forecasts regarding the development of certain digital technologies and projects. It may help to develop recommendations on optimizing the cooperation strategy with China within the DSR and on creating mechanisms and tools for regulating digital initiatives (cybersecurity standards, digital arbitrations, etc.). It provides important information for evaluating the possibilities of cooperation between Russian and Chinese corporations within the DSR project.

Keywords:

Digital Silk Road (DSR), Belt and Road Initiative, digital services, 5G, artificial intelligence, digital platforms, economic competition, geopolitics, investments

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Sidorenko, E. L. (2025). China's Digital Silk Road initiative: directions and prospects of development, advantages and risks for Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 57–79. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.57-79

Введение

В настоящее время цифровая трансформация воспринимается не только как направление экономического развития, но и как важный фактор геополитической конкуренции.

Цифровой шелковый путь (*Digital Silk Road, DSR*), развиваемый в рамках масштабного проекта «Один пояс, один путь» (*Belt and Road Initiative, BRI*), стал публичной ставкой Китая в геополитическом противостоянии с Западом, особенно в контексте технологической холодной войны между США и КНР.

С момента запуска цифровой инициативы Китай вложил более десятка миллиардов долларов США в цифровую инфраструктуру стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки, Южной Америки и Средней Азии, включая строительство оптоволоконных кабелей, спутниковых систем и центров обработки данных.

Китай избрал отличный от Запада подход к продвижению своих технологических инициатив. Как следствие, на современной цифровой карте мира представлены две полярные (китайская и американская) стратегии геополитического лидерства, каждая из которых ориентирована на формирование максимально широкого потребительского рынка и снижения влияния конкурента.

С геополитической точки зрения DSR является публичной ставкой Китая на мировое технологическое лидерство. Но ее реализация ожидаемо сталкивается с серьезным сопротивлением со стороны Запада. В информационном пространстве намеренно развивается риторика сопротивления китайским технологиям под эгидой обеспечения национальной кибербезопасности, сохранения технологического суверенитета и минимизации рисков долговой зависимости.

Так, например, в январе 2025 г. президент США Дональд Трамп пригрозил потребовать возврата Панамского канала Соединенным Штатам, если Панама не прекратит участие в китайской программе «Один пояс, один путь», частью которого является и Цифровой шелковый путь. После визита в страну госсекретаря США Марко Рубио президент Панамы Хосе Рауль Мулино публично заявил о прекращении своего участия в инициативах КНР[1]. Данный факт является лишним свидетельством того, что экономическая и цифровая конкуренция между США и Китаем не только не утихает, но и с каждым днем нарастает, приобретая новые геополитические, экономические и даже идеологические очертания.

В целях глубокого системного понимания проблемы и поиска оптимальных направлений дальнейшего цифрового развития важно иметь системные представления о том, что такое китайская инициатива Цифрового шелкового пути, какие цели преследует и в каком направлении развивается.

Актуальным является и вопрос о том, какова роль России в реализации *DSR*. Потребность в глубоком осмыслении этого вопроса объясняется стратегически важным географическим положением страны. Связывая Европу и Азию, Россия становится ключевым транзитным узлом для цифровых потоков данных. Кроме того, в условиях санкционного давления Запада Российская Федерация активно ищет альтернативные пути развития цифровой экономики, и сотрудничество с Китаем в рамках *DSR* становится одним из возможных направлений национальной цифровой стратегии.

Особенно важным такое сотрудничество видится в части развития экономики данных (мировой объем данных составляет около 175 зеттабайт[2]), развитие технологий 5*G* и искусственного интеллекта. Для России участие в *DSR* сопряжено как с возможностями, так и с рисками. С одной стороны, такое сотрудничество открывает доступ к китайским технологиям и инвестициям, которые могут ускорить цифровизацию российской

[1] Трамп вернул контроль над Панамским каналом за одну ночь. Как ему это удалось? (2025, 3 февраля). Lenta.ru. https://lenta.ru/news/2025/02/03/tramp-vernul-kontrol-nad-panamskim-kanalom-za-odnu-noch-kak-emu-eto-udalos/

[2] IDC: объем данных в мире к 2025 году достигнет 175 Збайт. (2018, 5 декабря). Открытые системы. https://cio.osp.ru/news/051218-IDC-obem-dannyh-v-mire-k-2025-godu-dostignet-175-Zbayt?ysclid=m6y0shslih419396326

экономики. С другой – может поставить под сомнение цифровой суверенитет страны и снизить конкурентоспособность собственных цифровых решений.

Цель данной статьи — провести комплексный анализ китайской инициативы Цифрового шелкового пути (DSR), выявить его устойчивые признаки и системные закономерности и обозначить возможные направления сотрудничества России и Китая в его реализации.

Основное отличие данного исследования от других работ, посвященных Цифровому шелковому пути, состоит в том, что автор намеренно не ограничивается оценкой экономики проекта, а предлагает его комплексную оценку на основе изучения классических и современных геополитических и экономических теорий.

Результаты исследования

Цифровой шелковый путь: концептуальные ориентиры и новые акценты (библиографический обзор)

Цифровой шелковый путь представляет собой современную интерпретацию древнего торгового маршрута, адаптированного к условиям цифровой эпохи. Современные ученые стремятся осмыслить его экономические и геополитические эффекты, прибегая к различным концепциям и теориям.

Проблема, однако, заключается в том, что в силу разнообразия используемых Китаем инструментов и глобального влияния *DSR* на экономическое, политическое и социальное положение стран-участниц подчас сложно объяснить природу и направленность этой цифровой инициативы и соотнести ее с экономическими и геополитическими приоритетами акторов мировой политики. Новизна и сложность рассматриваемого феномена вынуждает исследователей углубляться в частные аспекты проблемы, оставляя без внимания сам феномен глобального управления через трансфер технологий.

Как следствие, формируется мозаичное (фрагментарное) понимание геополитического содержания DSR, состоящее из следующих важных теоретико-методологических блоков:

– изучение феномена слияния публичных функций государства и частных интересов крупных технологических компаний;

– объяснение экономических и геополитических задач китайской технологической инициативы;

– рассмотрение природы и построение прогнозов развития цифровой конкуренции КНР и Соединенных Штатов.

Рассматривая феномен слияния интересов государств и крупных технологических компаний, ученые поразному рассматривают легитимность такого взаимодействия и статус его участников. В частности, одни специалисты видят в китайских цифровых гигантах полноправных участников международной политики (Зайцев, 2022), другие допускают конгломерат власти и бизнеса только в рамках обеспечения международной информационной безопасности (Федоров, Зиновьева, 2017), третьи – усматривают в таком слиянии новое политическое образование – технологическую систему (Куликова, 2016). В современных геополитических исследованиях китайская цифровая инициатива рассматривается также и как китайская стратегия в цифровой войне с США (Дегтерев и др., 2023), и как неизбежное условие формирования единой мировой цифровой повестки (Выходец, 2022; Данилин, 2020; Виноградов и др., 2019).

Наиболее важным и трудным вопросом в осмыслении экономической и геополитической основы Цифрового шелкового пути является то, что Китай в качестве основных акторов технологических изменений рассматривает не государство, а технологические компании, что выводит на первый план проблему слияния публичных интересов власти и частных интересов крупных корпораций и вызывает к жизни новый, ранее не изученный феномен «опубличенного» частного интереса.

К сожалению, ни отечественная, ни зарубежная наука пока не приблизились к разработке формулы идеального сочетания публичных и частных начал в технологической корпорации как акторе международной политики.

Рост геополитического влияния крупных цифровых компаний политологи объясняют несколькими обстоятельствами: концентрацией капитала и компетенций у цифровых гигантов, их большими политическими и экономическими амбициями; невозможностью реализации глобальных цифровых проектов только за счет ресурсов государства без привлечения частного бизнеса; увеличением давления и контроля над сотрудниками цифровых корпораций и др. (Томин, 2019).

Интересное объяснение феномену сращивания интересов государств и технологического бизнеса дает теория диффузии технологий К. Краузе. Она позволяет рассматривать его как геополитическую биполярность, которая, в свою очередь, является ключевым механизмом трансфера технологий (Krause, 1995). Сторонники теории выделяют четыре группы государств в зависимости от их отношения к технологиям: рассматривающие глобальную цифровую трансформацию как инструмент геополитического влияния, представляющие на рынок частные цифровые решения, копирующие технологии и импортирующие технологии. Геополитический вес могут иметь цифровые компании стран первого типа (и именно к этой группе относится Китай). В то же время исследователи отмечают, что именно в первой группе конфликт между публичными и частными интересами будет только усиливаться, что и повлияет впоследствии на темпы развития китайской цифровой инициативы (Сидоренко, 2024).

Современная политическая экономика определяет роль технологических компаний, исходя из стратегии их использования государствами. Выделяются следующие четыре модели: использование корпораций как инструмента внешней политики; как площадки предложений; как инициатора законодательных стратегий и как инструмента медиастратегии (Темирбулатов, 2013). В этой связи сама программа *DSR* оценивается как уникальная модель, основанная на сочетании четырех известных стратегий, что придает ей запас прочности, но одновременно расширяет возможности для атак геополитических конкурентов. Неслучайно в риторике США используется комплекс различных по содержанию установок: от призывов спасти национальную экономику от долговых обязательств до угроз изменения политического режима в странах – участницах проекта *DSR*.

В рамках частных концепций «корпорации – государства» (иначе теорий гибридных форм управления) главную роль в определении политического и экономического курса страны может играть только государство (Хомский, 2002). Основываясь на этом утверждении, сторонники гибридных теорий указывают на недолговечность союза КНР с цифровыми компаниями и рассматривают два возможных сценария развития Цифрового шелкового пути: фрагментация активности и постепенное затухание инициативы либо усиление роли публичной власти и подавления самостоятельности китайских компаний за рубежом (Срничек, 2019).

М. Фуко иначе объясняет феномен слияния власти и компаний. В рамках его теории цифровые компании начинают обладать реальной политической властью из-за наличия у них знаний, заключенных в повседневных дискурсивных практиках, и способностью действовать анонимно и деиндивидуализированно (Кравченко, 2024). Близкое по содержанию объяснение дается Ш. Зубоффом в его работе «Эпоха надзорного капитализма» (Zuboff, 2019), который связывает политическую власть корпораций со средоточием в их руках информации. По мнению авторов, кооперация власти и корпораций в рамках реализации глобальной цифровой инициативы не сможет быть долгой: корпорации захотят публичной власти внутри страны и в качестве инструмента будут рассматривать большие данные. Итог грядущего противостояния публичной власти и компаний зависит от того, насколько стороны будут готовы договариваться и наращивать недостающие мощности (государство – медиаэффекты, а компании – потенциал международного влияния и суверенитет в международной договорной практике) (Rahman & Thelen, 2019).

Не менее остро в современной доктрине развивается дискурс о геополитических и экономических ориентирах китайской цифровой инициативы. Чаще всего Цифровой шелковый путь рассматривается как используемый Китаем инструмент «мягкой силы» в рамках концепции Дж. Ная. Создатель этой теории видит в ней функцию влияния на другие страны (корпорации, регионы) посредством взаимодействия в области формирования геополитической программы и привлечения симпатий для достижения желаемых результатов (Nye, 2010). Именно этой теории чаще всего придерживаются китайские ученые, отмечая, что *DSR* продвигает китайские технологии и стандарты прежде всего для усиления привлекательности Китая (Huadong et al., 2018). Категорически отказываясь от рассмотрения китайской инициативы через отрицание «жесткой силы», сторонники этой теории обоснованно отмечают, что эффекты от мягких мер в среднесрочной и долгосрочной перспективах оказываются более стабильными и масштабными по сравнению с применением силы. Авторы отмечают, мягкая сила Цифрового шелкового пути будет иметь более надежный и рассеянный характер, поскольку может проявляться в появлении массовых установок. Главным при этом является выбор объекта воздействия. Им должно быть не что-то конкретное, а социальная жизнь в целом, включая пользовательский путь потребителей цифровых услуг.

Феномен Цифрового шелкового пути чаще всего объясняется и в рамках теории геополитики технологий (*Techno-Geopolitics*).

А. Ньюмен и Х. Фаррелл (Farrell & Newman, 2019), а вслед за ними и китайские политологи (Cheng, 2022) рассматривают контроль над 5G, ИИ и большими данными как основу технологического доминирования Китая в рамках новых – цифровых – форматов обеспечения мирового господства.

Теория многополярного мира Барри Бузана (Buzan, 2004) объясняет *DSR* как инструмент создания альтернативного Западу технологического блока, открытого для других стран. Поддерживающие эту теорию китайские исследователи (Yang & Yan, 2019) указывают на то, что именно цифровая инициатива Китая является тем инструментом, который не только поможет в конкуренции с США, но и на десятилетия вперед обеспечит лидерство КНР в рамках межгосударственных объединений и союзов под девизом того, что *DSR* станет двигателем цифрового общества нового поколения (Duarte et al., 2022).

Сторонники концепции экономической взаимозависимости (Rosecrance, 1986) видят в инициативах Китая долгосрочную программу по созданию сетей обмена информации, являющихся способом удержания геополитического влияния Китая. По их мнению, именно глобальные сети и инвестиции в цифровую инфраструктуру являются самыми эффективными механизмами Цифрового шелкового пути.

Теории «центр – периферия» И. Валлерстайна[3], структурной экономики Р. Пребиша (Vernengo & Caldentey, 2016) и сетевого управления (Slaughter, 2009) нашли новое прочтение в процессе объяснения целей *DSR*: в ее рамках Китай рассматривается как новый «центр, интегрирующий полупериферийные и периферийные страны через цифровизацию» (например, проекты в Центральной Азии). Но при этом такое влияние, по мнению исследователей, с неизбежностью приедет к неравенству в глобальных цепочках создания стоимости, экономическому дисбалансу «центр – периферия», глокализации и цифровому колониализму.

Немалое внимание в современной науке уделяется и цифровому противостоянию Китая и США. Западные ученые, как правило, акцентируют внимание на колониальных амбициях Китая, приписывая ему цели технологического господства над всеми развивающимися странами (Creemers, 2021). Один из главных источников беспокойства, по их мнению, – это возможное использование *DSR* для экспорта китайской модели цифрового авторитаризма, включая технологии массового наблюдения. Компании *Huawei*, *HikVision* и *Dahua* активно продвигают такие решения, что вызывает опасения по поводу нарушения прав человека и приватности данных.

Небезынтересным является объяснение сотрудничества Китая с ЕАЭС в рамках обоснования важности победы в противостоянии с США. По мнению сторонников евразийского подхода, Китай позиционирует себя как лидера в цифровой трансформации, укрепляя свое влияние через экспорт технологий и создание инфраструктуры в странах ЕАЭС и тем самым закрывая регион для трансфера американской продукции (Sahakyan, 2022). При этом акцент делается на «киберсуверенитет» отдельных стран и региона в целом.

Рассматривая противостояние двух стран, сторонники теории экспорта цифровой инфраструктуры видят основное различие в идеологических установках противников: Китай продвигает концепцию «цифрового суверенитета», а Запад защищает идею «открытого Интернета» (Streinz, 2021).

Китайские исследователи, как правило, видят в инициативе Цифрового шелкового пути цели развития широкополосного Интернета в регионах с недостаточно развитой цифровой инфраструктурой или ее полным отсутствием, а равно модернизации существующих интернет-соединений для достижения более высокой пропускной способности в регионах инициативы *BRI*. *DSR* служит напоминанием о необходимости учета интересов развивающихся стран в процессе цифровой трансформации мировой экономики и интеграции их в глобальные торговые сети (Peng, 2021).

Приведенные выше точки зрения со всей наглядностью указывают на то, что инициатива Цифрового шелкового пути находится в эпицентре важных для современной экономики и геополитики вопросов, одновременно аккумулируя в себе широкий перечень разноплановых геополитических дискурсов, установок и нарративов.

[3] Wallerstein, I. (2011). The modern world-system IV: Centrist liberalism triumphant, 1789–1914. https://www.researchgate.net/publication/285928973_The_modern_world-system_IV_Centrist_liberalism_triumphant_1789-1914

Цифровой шелковый путь: общие положения и устойчивые признаки

В 2015 г. в документах Государственного комитета по развитию и реформе Китай анонсировал запуск программы Информационного шелкового пути с акцентом на строительство оптических сетей и коммуникационной инфраструктуры[4]. Позднее он эволюционировал в Цифровой шелковый путь, включающий такие аспекты, как искусственный интеллект, большие данные, умные города и кибербезопасность.

Официально Китай запустил ее в 2017 г. как отдельный компонент инициативы «Один пояс, один путь». Проект был представлен в виде односторонней инициативы КНР, направленной на предоставление помощи отдельным государствам и системную поддержку китайских экспортеров, в первую очередь крупных технологических компаний.

По мнению ряда исследователей, в основу принятия и развития проекта был заложен комплекс факторов:

– *Push*-фактор: стремительное развитие цифровой экономики Китая, составляющей почти половину ВВП страны;

– *Pull*-фактор: восприятие Китаем «цифрового разрыва» в развивающихся странах, который сдерживает их экономический рост. *DSR* продвигается как способ устранения этой проблемы через передачу технологий и развитие инфраструктуры;

– продвижение «китайского решения» – концепции «киберсуверенитета», подразумевающей право каждой страны выбирать собственный путь управления Интернетом, ибо использование технологий зависит от местных политических условий, а не от его глобальной стратегии (Wang Zheng, 2024).

Китай заявил о готовности улучшать телекоммуникационные сети государств, расширять возможности применения искусственного интеллекта, облачных вычислений, электронной коммерции и мобильных платежных систем, технологий наблюдения, умных городов и др.

Особенность программы *DSR* заключается в ее представлении относительно самостоятельным направлением китайской национальной стратегии как части международной активности (Gong & Li, 2019) и как стратегически значимый для Китая и государств – участников проекта «Один пояс, один путь».

В отличие от своего первоначального фокуса на физическую инфраструктуру, теперь *DSR* акцентирует внимание на создании цифровой инфраструктуры, такой как искусственный интеллект, центры обработки данных и интернет вещей. Концепция «Цифрового шелкового пути» поддерживает участие в зарубежных проектах китайских цифровых компаний, таких как *Alibaba*, *Tencent*, *Baidu* и др. Усиление технологической конкуренции на международной арене и рост напряженности между США и Китаем не только не снизили темпы реализации этой инициативы, а, напротив, заметно ускорили их (Jing Cheng & Zeng Jinghan, 2024).

По данным отчета *Huaxin Institute* за 2022 г., на фоне развития инициативы *DSR* масштаб цифровой экономики Китая достиг 45,5 трлн юаней (6,37 трлн долларов), что составляет 49,8 % ВВП Китая при годовом приросте на 16,2 %[5]. К 2024 г. Китай подписал соглашения о сотрудничестве в области *DSR* или предоставил инвестиции, связанные с *DSR*, по меньшей мере, 16 странам. Но реальное число соглашений и инвестиций значительно больше. Неполный перечень проектов практического сотрудничества 3-го Форума по международному сотрудничеству «Один пояс, один путь» (Полный текст Приложения II) содержится на правительственном сайте Китая[6], и он говорит о широкой географии и масштабах внедрения цифровой инициативы.

По некоторым оценкам, треть стран, участвующих в инициативе «Один пояс, один путь» сотрудничают в рамках инициативы *DSR*. Например, Китай уже выделяет больше средств на информационно-коммуникационные технологии в Африке, чем все международные организации, работающие на континенте. В период с 2017 по 2022 г. китайские компании вложили около 23 млрд долл. в развитие цифровой инфраструктуры в 24 странах Индо-Тихоокеанского региона[7].

Китай создал несколько механизмов и институтов для содействия инвестициям *DSR* в регионе, включая Инициативу по улучшению сотрудничества в области электронной коммерции между АСЕАН и Китаем

---

[4] Vision And Actions On Jointly Building Silk Road Economic Belt And 21st-Century Maritime Silk Road. (2015, March 30). Belt and Road. https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/1084.html

[5] Russian.news.cn. https://russian.news.cn/

[6] Правительство КНР. (2023, 18 октября). Список проектов практического сотрудничества Третьего форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь». https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6910130.htm

[7] Silkroute News. (2025, 20 февраля). https://silkroute.news/article/1173863

(2023), План действий по реализации партнерства между АСЕАН и Китаем в области цифровой экономики (2021–2025) и Инициативу по партнерству в области цифровой экономики между АСЕАН и Китаем (2020).

Развитие контактов с АСЕАН под эгидой развития Цифрового шелкового пути позволяет КНР достойно конкурировать с США в Индо-Тихоокеанском регионе, а страны АСЕАН становятся плацдармом нового биполярного цифрового геополитического противостояния Китая и США (Чжиян Линь, 2022). Согласно официальным данным, объемы внешней торговли Китая со странами АСЕАН выросли за 1991–2020 гг. в 82 раза, а лишь за первую половину 2021 г. – на 48 %. Доля этого региона в структуре внешних инвестиций Китая составляет более 15 %. В настоящее время КНР является четвертым по объемам донором для государств АСЕАН (тройку лидеров образуют США, Япония и ЕС)[8]. Но при всех положительных моментах сотрудничества очевидно, что геополитическая риторика КНР не всегда находит поддержку в странах АСЕАН. Китай позиционирует себя как сосед с установками всеобъемлющего стратегического партнерства, в то время как Запад навязывает более понятную политическим элитам систему «альянсов безопасности»[9] (Hoang Thi Ha, 2021).

Еще в 2017 г. США активно заявили о своих геополитических амбициях в АСЕАН. Д. Трамп предложил государствам концепцию Индо-Тихоокеанского региона (*A Free and Open Indo-Pacific*). Американская стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона нацелена на изоляцию КНР и конкуренцию с его региональными проектами, в том числе реализуемых в рамках Цифрового шелкового пути. Например, в качестве альтернативы DSR американцами предлагается рассматривать инициативу *Blue Dot Network*, которая подразумевает осуществление инфраструктурных проектов под патронатом США (Поздняков, 2020). Об усилении этой западной программы свидетельствует заявление о том, что в 2024–2025 гг. *Blue Dot Network* (*BDN*), первая глобальная система сертификации качественных инфраструктурных проектов, начнет сертификацию проектов и будет размещена в ОЭСР[10].

По многим показателям технологического развития США заметно опережают Китай. На Соединенные Штаты приходится около 70 % от общей рыночной капитализации цифрового сектора в мире, тогда как показатель КНР составляет 22 %. При этом Китай отстает преимущественно в облачных вычислениях, где доминируют *Amazon*, *Microsoft* и *Google*[11]. В ответ на активную политику США Пекин расширяет инструменты влияния в регионе за счет внедрения совместно с крупными технологическими компаниями долгосрочных образовательных курсов и программ. В частности, в 2021 г. *Huawei* запустила пятилетний курс цифровой грамотности для 100 тыс. государственных служащих и программу подготовки цифровых талантов для более чем 30 университетов в Индонезии[12].

Инициатива Цифрового шелкового пути направлена на достижение КНР важных геополитических целей обеспечения и сохранения технологического господства преимущественно в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Африке посредством использования следующих технологических и идеологических инструментов управления:

– внедрение в странах присутствия идеи создания единого механизма глобальной интеграции на принципах институциональной открытости, сотрудничества, взаимопомощи, взаимовыгодности, инклюзивности («сообщество единой судьбы»). Для этого обеспечивается финансирование не только инфраструктурных, но и образовательных и научных проектов;

– развитие своей геополитической стратегии на основе лозунга о недопустимости доминирования одной страны и одной валюты в условиях открытой цифровой экономики. Реализуя технологическую инициативу, основанную на демонстрации собственного опыта цифровой трансформации, Китай призывает страны к взаимовыгодному сотрудничеству и справедливому распределению полученных выгод;

---

[8] Hanoi Plan of Action. (2012, June 19). ASEAN. https://asean.org/hanoi-plan-of-action

[9] Hoang Thi Ha. (2021, November 24). The ASEAN-China Comprehensive Strategic Partnership: What's in a Name? Perspective (Singapore), 157. https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2021/10/ISEAS_Perspective_2021_157.pdf

[10] OECD. (2024, April 9). The Blue Dot Network begins global certification framework for quality infrastructure, hosted by the OECD. https://www.oecd.org/en/about/news/press-releases/2024/04/the-blue-dot-network-begins-global-certification-framework-for-quality-infrastructure-hosted-by-the-oecd.html

[11] Hillman, J. E. (2021). The Digital Silk Road: China's Quest to Wire the World and Win the Future. Harper Business.

[12] Wang Zheng. (2024, January 5). China's Digital Silk Road (DSR) in Southeast Asia: Progress and Challenges. Perspective. https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2024/01/ISEAS_Perspective_2024_1.pdf

– цифровая экспансия Китая в рамках *DSR*, которая строится на платформенной модели формирования бизнес-среды. Она ориентирована на устранение цифровых дисбалансов между секторами экономики и регионами Китая, а также на внедрение современных цифровых решений в соседних странах с использованием потенциала крупных высокотехнологичных корпораций. В этом контексте Цифровой шелковый путь – это не столько сквозные технологии, сколько созданные на их основе бизнес-площадки, уже готовые для пилотирования государственных и частных проектов в странах-реципиентах;

– установление единых технологических стандартов, ориентированных на китайскую цифровую экономику и инфраструктуру. Эта работа активно ведется в части внедрения мобильных сетей *5G* и системы спутниковой навигации *BeiDou*;

– формирование норм киберуправления через развитие так называемой концепции киберсуверенитета с «китайской спецификой». Эта концепция предполагает строгий контроль над использованием Интернета и мониторинг поведения граждан. В ответ на данную стратегию США активно развивает собственную политику защиты прав человека в цифровой среде, распространяя нарратив о китайском цифровом авторитаризме (Ghiasy & Krishnamurthy, 2020);

– инициатива *DSR*, открывающая для многих стран широкие возможности роста цифровой экономики, но в то же время это повышает зависимость от китайских технологий и инвестиций. Для многих африканских и ближневосточных стран альтернативы китайской технологической инициативы отсутствуют (Дейч, 2018). Достаточно упомянуть, что именно при поддержке Китая Мадагаскар превращается в важный транспортный узел с цифровой логистикой. Партнерство КНР с Танзанией привело к модернизации железных дорог, строительству соответствующей инфраструктуры, а также развитию морских портов, в Республике Конго китайские компании развивают логистические и промышленные центры (Михайличенко, 2018).

На фоне роста дефицита инвестиций предоставление Китаем помощи в развитии цифровых проектов воспринимается с оптимизмом не только развивающимися странами Африки и Юго-Восточной Азии, но и Южной Америки.

В странах Южной Америки *DSR* развивается в следующих направлениях: сотрудничество в области спутниковых систем связи и запусков коммерческих спутников (совместная программа *CBERS* между Китаем и Бразилией (с 1988 г.), включающая запуск семи спутников), строительство базы в Аргентине (*Neuquén*), используемой для научных и гражданских целей; развитие 5*G* (Уругвай заключил соглашение с *Huawei* по сотрудничеству в области 5*G*, в Аргентине установлено несколько точек подключения 5*G* на базе технологий *Huawei*); создание умных городов (реализация проектов по внедрению систем наблюдения, распознавания лиц и других датчиков, что, например, наблюдается в провинции Жужуй, Аргентина) (Duarte et al., 2022).

Китай реализует свои цифровые проекты не только в развивающихся странах, но и в технологически развитых государствах. В частности, заинтересованность в сотрудничестве с КНР в рамках *DSR* проявляет Южная Корея (Хуан Сочжу, 2022).

«Мягкая сила» Пекина проявляется в использовании меморандумов о взаимопонимании для укрепления связей с отдельными странами. Эти документы, не обладая юридической обязательной силой, фактически открывают путь китайским цифровым компаниям на национальные рынки, способствуя реализации совместных проектов. В результате заказчики становятся более зависимыми от китайской экономики и цифровой инфраструктуры.

По прогнозам, «к 2040 г. мировой дефицит финансирования инфраструктуры достигнет почти 15 трлн долларов. Инвестиции, связанные с *DSR*, могут компенсировать расходы на развитие стратегически важных проектов. Кроме того, цифровые технологические гиганты приносят дополнительные выгоды странам, создавая учебные центры и программы исследований и разработок в таких областях, как умные города, искусственный интеллект и робототехника, чистая энергия и др.[13]

В странах, находящихся в зоне общего влияния КНР и США, Пекин ведет более аккуратную политику из-за высокой конкуренции с Соединенными Штатами. Будучи заинтересованным в укреплении своего влияния в Индии и несмотря на активное участие Индии в развитии стратегического партнерства с США

[13] Assessing China's Digital Silk Road Initiative. A Transformative Approach to Technology Financing or a Danger to Freedoms? (2020). Council on Foreign Relations. https://www.cfr.org/china-digital-silk-road/

в рамках четырехстороннего диалога по безопасности *QUAD*, Пекин тем не менее инвестирует в индийские технологические стартапы и старается через новых участников рынка укрепить свои технологические позиции в регионе[14].

Многие страны Южной Азии и Европы уже интегрированы в китайскую цифровую экономику через использование китайских технологий и инвестиций. В Европе китайские технологии *5G* уже получили широкое распространение. Пекин заинтересован в расширении зоны влияния своих цифровых гигантов (*Huawei, ZTE* и др.), но при этом озабочен ростом их экономического и технологического влияния и обоснованно опасается того, что корпорации могут злоупотребить своим влиянием и пренебречь национальными интересами. Понимая эти опасения, США, с одной стороны, ведут жесткую политику в части ограничения использования китайских технологий, а с другой – начинают взаимодействовать с китайскими цифровыми гигантами, прибегая либо к площадкам международных организаций формата *B2B*, либо к помощи западных технологических компаний.

Цифровой шелковый путь: современная экосистема и векторы развития

Экосистема Цифрового шелкового пути опирается на три ключевых элемента: достижения Китая в рамках «Индустрии 4.0», стратегические цели китайских технологических корпораций и общие принципы инициативы «Один пояс, один путь». Эти компоненты формируют основу для распространения влияния КНР в глобальной цифровой экономике, предоставляя китайским компаниям значительную свободу в реализации проектов в странах-реципиентах.

Технологические компании (*Hengtong, HMN Technologies, Hikvision, Dahua, Unicom, China Mobile* и *Huawei*) принимают активное участие в строительстве подводных кабелей; развитии сетей *4G/5G*; в установке камер видеонаблюдения; развитии ИИ и машинного обучения, интернета вещей, интернет-протоколов и др. В частности, КНР разрабатывает и внедряет новые стандарты интернет-протоколов, что способствует увеличению ее международного влияния и доходов от патентных лицензий. Например, китайская компания *Huawei* владеет более 110 тыс. патентов, что в период с 2019 по 2021 г. позволило получить доход в размере 3 млрд долл. только от лицензионных отчислений[15].

Торговые площадки вовлечены в создание единых стандартов электронной торговли и маркетплейсов. В тесном взаимодействии с площадками электронной торговли Пекин реализует проекты создания цифровых зон свободной торговли, намеренно занижая значимость западных стандартов международной электронной коммерции и внедряя собственные правила развития региональных логистических центров. Транспортно-логистические компании занимаются разработкой цифровых транспортных коридоров, отслеживанием товаров на базах единой платформы, развитием электронного документооборота и др. Банк Китая совместно с крупными платежными системами и маркетплейсами внедряет собственные модели расчетов и ведения электронного бизнеса.

Можно выделить несколько ключевых направлений реализации инициативы Цифрового шелкового пути.

Проекты по прокладке подводных кабелей

По состоянию на июнь 2024 г. в рамках реализации китайской инициативы *DSR* было создано более 1,17 млрд портов широкополосного доступа и 67,12 млн км оптоволоконных кабелей, а совокупный объем мобильного интернет-трафика достиг 160,4 млрд гигабайт[16].

В настоящее время КНР реализует ряд масштабных проектов в сфере создания необходимой интернет-инфраструктуры в различных регионах: Европе, Африке, Южной Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе. В частности, в кооперации с европейскими странами запущен проект *EMA* по проведению оптоволоконного

[14] Chan Jia Hao, & Deepakshi Rawat. (2018, November 29). India Struggles to Compete With China's Digital Silk Road. The Diplomat. https://thediplomat.com/2018/11/india-struggles-to-compete-with-chinas-digital-silk-road/

[15] Patil S., & Gupta P. (2024, January). The Digital Silk Road in the Indo-Pacific: Mapping China's Vision for Global Tech Expansion. Observer Research Foundation. https://www.orfonline.org/public/uploads/posts/pdf/20240103105252.pdf

[16] Chang Jian. (2024, November 11). China achieves steady progress in human rights. People's Daily Online. http://en.people.cn/n3/2024/1111/c90000-20239802.html

кабеля из Азии в Европу[17]. *EMA* должен соединить оптоволоконным кабелем Гонконг с Францией через Ближний Восток. Конкурентом Китая является американский проект *SeaMeWe-6*, который прокладывается практически по идентичному маршруту.

При поддержке китайского правительства *HMN Technologies* реализовала 16 проектов подводных кабелей на сумму 1,6 млрд долларов в 27 странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Одним из самых значимых проектов в этой сфере является программа *PEACE* по прокладке кабеля, соединяющего Пакистан и Францию через Европу, Африку и Азию.

Телекоммуникационная компания *FiberHome International Technologies* подписала соглашение с кенийской компанией *CP Cables* о расширении поставок высокоскоростных интернет-продуктов на рынке Восточной Африки. В рамках соглашения *CP Cables* станет основным дистрибьютором оптоволоконной продукции Китая в Кении и Уганде[18].

В рамках Национального проекта по созданию магистральной инфраструктуры Уганды компанией *Huawei* проложено более 3000 километров оптоволоконного кабеля[19]. Кроме того, *Huawei* проложил более 8000 километров оптоволоконного кабеля в тропических лесах Амазонки в Бразилии, что заметно расширило влияние китайских технологий в Южной Америке[20].

Успех этих и подобных проектов предопределен тем, что около 50 % международного рынка оборудования для оптоволоконной связи приходится на долю Китая. Маршрутизаторы и коммутаторы китайского производства занимают 20 % международного рынка. К 2025 г. китайское волоконно-оптическое оборудование связи должно занять 60 % международного рынка, а маршрутизаторы и коммутаторы – 25 %.

В 2024 г. Китай заметно нарастил свои конкурентные преимущества за счет запуска высокотехнологичных и трудоемких проектов. В частности, заявлено о создании технологии, позволяющей прокладывать подводные оптические кабели в самой глубокой подводной точке – в Бездне Челленджера, расположенной в Тихом океане в Марианской впадине[21].

Даляньский морской университет совместно с рядом китайских машиностроительных и научно-технических компаний разработал механизм для прокладки подводных кабелей *Haiwei GD11000*. Безопасная рабочая нагрузка данной системы превышает 15 тонн, а ее скорость достигает 120 метров в минуту. *SCMP* сообщила, что *Haiwei GD11000* провела две операции на глубине более четырех километров в Южно-Китайском море[22].

Развитие сети 5*G*

КНР активно наращивает темпы развития *5G* как на внутреннем, так и на внешнем рынках. По данным на август 2024 г., доля базовых станций *5G* в общем количестве базовых станций мобильной связи в Китае составляет 32,1 %. При этом в стране насчитывается более 4,04 млн базовых станций *5G* и 966 млн абонентов мобильной связи *5G*[23].

На долю Китая приходится более 42 % мировых заявок на патенты в области стандартов *5G*. Коммерциализация сетей связи пятого поколения стимулировала рост общего объема экономического производства

---

[17] Reuters узнал о планах Китая вложить $500 млн в проект-конкурента США. (2023, 7 апреля). РБК. https://www.rbc.ru/politics/07/04/2023/642f4d3d9a79477c76c028b0

[18] Chinese firm inks deal to boost supply of internet products in East Africa. (2023, November 30). People's Daily Online. http://en.people.cn/n3/2023/1130/c90000-20104290.html

[19] Uganda, Huawei host annual job fair to promote employment in ICT sector. (2024, November 22). People's Daily Online. http://en.people.cn/n3/2024/1122/c90000-20245709.html

[20] China, Brazil see prosperous cooperation in emerging fields. (2024, November 18). People's Daily Online. http://en.people.cn/n3/2024/1118/c90000-20243628.html

[21] Китай создал систему, способную проложить самый глубокий подводный кабель – газета SCMP. (2024, 25 ноября). МФД-ИнфоЦентр. https://mfd.ru/news/view/?id=2664670

[22] Там же.

[23] В Китае насчитывается более 4 млн базовых станций 5G (2024, 4 октября). Russian.News.Cn. https://russian.news.cn/20241004/454a5bbb8398471880649b7227b430b2/c.html

в Китае на сумму около 5,6 трлн юаней (787,53 млрд долларов) за последние пять лет. Кроме того, связь *5G* косвенно способствовала росту экономического производства на 14 трлн юаней[24].

По прогнозу ассоциации *GSMA*, к концу 2024 г. более половины китайских мобильных подключений будут приходиться на сети связи пятого поколения. К концу 2025 г. в Китае будет почти 1,3 млрд подключений к сетям *5G*, т. е. более 70 % от общего объема мобильного рынка[25]. Корпорации *Huawei* и *ZTE* имеют доли 29 и 11 % соответственно в мировых доходах от *5G*. *Huawei* работает в 170 странах, обеспечивая 70 % сети *4G* в Африке, а спутниковая система *Beidou* покрывает больше мировых столиц, чем американская *GPS*.

Китайские компании *Hikvision* и *Dahua* производят почти 40 % мировых камер видеонаблюдения[26].

В рамках реализации инициативы Цифрового шелкового пути КНР активно расширяет свое технологическое присутствие в странах Африки и Азии, с одной стороны, обеспечивая государства устойчивым интернет-соединением, а с другой – внедряя собственные стандарты обмена данными. Так, в Саудовской Аравии были запущены крупные совместные проекты (промышленный кластер в «экономическом городе» Джазан, проект по развитию инфраструктуры Красного моря, связь *5G* и совместные исследования Луны)[27]. В 2024 г. *China Telecom*, один из трех телекоммуникационных гигантов Китая, совместно с властями Саудовской Аравии запустил глобальный проект по комплексному внедрению китайских технологий *5G*, облачных вычислений и искусственного интеллекта для предоставления коммуникационных продуктов и услуг предприятиям, учреждениям и потребителям Саудовской Аравии[28]. В настоящее время *China Telecom* имеет филиалы в 42 странах и регионах, охваченных китайской инициативой Цифрового шелкового пути.

Интенсивно растет влияние Китая и на Африканском континенте. Под лозунгами преодоления цифрового разрыва между странами и поиска новых направлений технологического сотрудничества, в том числе через инновационное финансирование, КНР активно внедряет собственные технологические программы. Так, согласно отчету Глобальной системы мобильной связи, к 2030 г. как минимум 88 % африканцев будут владеть смартфонами, использование услуг *4G* достигнет 50 %, а *5G* – 17 %[29].

Китайские компании оказали помощь африканским странам в строительстве и модернизации магистральной сети связи протяженностью 150 000 км, которая помогает обеспечить доступ в Интернет почти 700 млн пользователей. Между тем китайские компании также создали мобильные платежные платформы, обслуживающие десятки миллионов африканцев, говорится в Белой книге «Китай и Африка в новую эпоху: партнерство равных»[30]. Кроме того, благодаря сотрудничеству с китайскими предприятиями Габон стал первой страной в Центральной Африке, где была протестирована технология *5G*.

Инфраструктурные проекты по продвижению сетей *5G* внедряются и в Юго-Восточной Азии. В конце 2021 г. *Huawei Technologies* в Таиланде запустила проект «Умная больница *5G*»[31]. Таким образом был положен старт для продвижения Китаем нового проекта в рамках DSR – сетей *5G* в здравоохранении. В этом направлении Китай пока заметно уступает США. Ключевыми игроками на данном рынке являются: *AT&T, Verizon, Ericsson, T-Mobile USA, Inc., Cisco*. Именно на Северную Америку в 2024 г. приходится наибольшая доля рынка *5G* в здравоохранении, но самым быстроразвивающимся считается Азиатско-Тихоокеанский

---

[24] Коммерциализация 5G стимулировала экономический рост в Китае на 5,6 трлн юаней. (2024, 7 июня). Russian.News.Cn. https://russian.news.cn/20240607/b76b2c2b35f74451a7172eaa8a07d392/c.html

[25] Bell, P. (2024, 6 февраля). China: The World's Biggest 5G Market. TeleGeography. https://blog.telegeography.com/china-the-worlds-biggest-5g-market

[26] Исследование: китайцы заполоняют рынок видеонаблюдения, проигрывая западным компаниям только в качестве продукции. Dahua. https://www.dahua-russia.com.ru/news/dahua-videosurveillance-news-1

[27] Commentary: China, Arab states embark on new journey towards shared future. (2024, 10 сентября). People's Daily Online. http://en.people.cn/n3/2024/0910/c90000-20217375.html

[28] China Telecom launches Saudi subsidiary. (2024, 22 ноября). People's Daily Online. http://en.people.cn/n3/2024/1122/c90000-20245722.html

[29] The Mobile Economy Sub-Saharan Africa 2023. (2023). GSMA. https://event-assets.gsma.com/pdf/20231017-GSMA-Mobile-Economy-Sub-Saharan-Africa-report.pdf

[30] Digital trade expo further taps China-Africa cooperation potential. (2024, September 30). People's Daily Online. http://en.people.cn/n3/2024/0930/c90000-20225399.html

[31] Анализ размера и доли рынка 5G в здравоохранении – тенденции роста и прогнозы (2024–2029 гг.) (2024). Mordor Intelligence. https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/5g-in-healthcare-market

регион. Прогнозируется, что именно здесь *5G* будет расти с самым высоким среднегодовым темпом в период с 2024 по 2029 г.[32]

Следует обратить внимание и на инициируемый *Huawei* в Индонезии интеллектуальный склад *5G*. Этот склад имеет большую пропускную способность. Его сотрудники могут давать указания автоматизированным управляемым роботам, чтобы те доставляли товары в указанные места. Менеджеры склада также могут использовать цифровых двойников и анализ данных в режиме реального времени для оптимизации управления запасами и предотвращения их отсутствия на складе. Предполагается, что склад будет использоваться всеми логистическими отраслями в Индонезии[33].

Облачные технологии

Данное направление цифровой инициативы Китая развивается волнообразно под влиянием различного рода факторов. В связи с антиковидными ограничениями индустрия облачных технологий Китая в 2022 г. замедлила свой рост. Однако в 2023 г. рост вновь ускорился и по итогам 2024 г. составил 18 % годовых[34].

Уже сейчас доля китайских компаний на мировом рынке облачных решений превышает 18 %[35]. 23 % китайского рынка облачных услуг пришлось на решения *PaaS* (платформа как сервис). Требования к облачным продуктам со стороны корпоративных клиентов и стран-реципиентов в рамках Цифрового шелкового пути стали более сложными, а акцент сместился с простого предоставления облачной инфраструктуры на предоставление всеобъемлющей облачной платформы с комплексными программными функциями. В этой части Китай вступает в жесткую конкуренцию с США, готовыми предоставить такие решения[36].

Предполагается, что к 2025 г. объем китайского рынка облачных вычислений превысит 1 трлн юаней (около 140 млрд долларов)[37]. При этом Китай стремится закрепить свое преимущество на трех основных треках:

– развитие частных и гибридных облачных сервисов; к 2025 г. показатель использования частных облачных решений достигнет 42 % (в сравнении с 36 % использования публичного облака)[38];

– разработка адресных технологических решений, ориентированных на переход 32 % локальных ИТ-рабочих нагрузок в облака преимущественно в таких сферах, как туризм, транспорт и логистика. Это позволит привязать страны-реципиенты к цифровой инфраструктуре Китая на длительное время и внедрить единые стандарты облачных технологий;

– действуя через свои технологические компании, Китай ориентирован на работу с бизнесом в странах-реципиентах в рамках удовлетворения его интересов в быстрой масштабируемости проектов, повышения эффективности и безопасности ИТ-решений и сервисов. А поскольку Китай обеспечивает не только технологиями, но и соответствующими образовательными программами, его значимость на рынке технологий значительно возрастает. Ярким примером такой политики является внедрение китайских облачных технологий на рынке Латинской Америки, что значительно ускорило региональное цифровое развитие и поддержало местные технологические компании[39].

---

[32] Там же.

[33] Компания Huawei создала первый в Индонезии интеллектуальный склад 5G. (2024, 9 марта). Портал «Пояс и Путь». https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/343078.html?cateName=Предприятия

[34] Степанов, Н. (2024, 4 апреля). Облачные технологии Китая все еще выглядят привлекательно. Финам. https://www.finam.ru/publications/item/oblachnye-tekhnologii-kitaya-vse-eshche-vyglyadyat-privlekatelno-20240404-1930/

[35] Там же.

[36] Объем китайского рынка облачных вычислений к 2025 году превысит 1 трлн юаней. (2023, 27 июля). TV BRICS. https://tvbrics.com/news/obem-kitayskogo-rynka-oblachnykh-vychisleniy-k-2025-godu-prevysit-1-trln-yuaney/

[37] Там же.

[38] Облачные технологии в Китае: перспективы на 2025 год. ICT.Moscow. https://ict.moscow/research/oblachnye-tekhnologii-v-kitae-perspektivy-na-2025-god/?ysclid=m6xyohf00829070991

[39] Full text: For a better world-- looking at the past decade of jointly pursuing the Belt and Road Initiative from a human rights perspective. (2023, December 8). People's Daily Online. http://en.people.cn/n3/2023/1208/c90000-20107788.html

Электронная коммерция

Электронная коммерция относится к числу активно развивающихся направлений технологической политики Китая и ориентирована преимущественно на развитие социальных сетей. В 2024 г. этот рынок составит около 20 трлн юаней, или около 3 трлн долларов[40].

Активно развивается трансграничная торговля в рамках реализации программы «Один пояс, один путь» и инициативы *DSR*. Только в первой половине 2024 г. объем трансграничной электронной коммерции в Китае составил 1,22 трлн юаней (около 170,95 млрд долларов), увеличившись на 10,5 % по сравнению с аналогичными показателями 2023 г.[41] Этому способствовали политика Китая по созданию в странах-партнерах комплексных экспериментальных зон развития трансграничной электронной коммерции и упрощение таможенного оформления.

Более 80 % активных пользователей мобильных устройств регулярно заказывают товары и услуги через приложения и сайты китайских компаний. По состоянию на первый квартал 2024 г. число пользователей *WeChat* превысило 1,34 млрд человек в месяц. Ожидается, что к концу 2024 г. этот показатель достигнет 1,6 млрд[42].

E-commerce в Китае в 2024 г. составил 50 % мирового рынка, в то время как ближайший конкурент – США – имеет долю 19–20 %. Доля Японии, Южной Кореи и Великобритании не превышает 3–4 %, России – 1–2 %[43]. В топ четырех крупнейших китайских маркетплейсов входят: *Pinduoduo* (прирост аудитории на 59 % по сравнению с 2023 г.); *Douyin* (прирост объемов на 40 %); *WeChat* (транзакции в 13 валютах в 25 странах); *Taobao* (50 % рынка электронной коммерции в Китае).

Растет доля *B2B*-контактов. В 2024 г. трансграничная электронная коммерция *B2B* составила более трех четвертей трансграничного рынка[44].

Для продвижения своих электронных торговых площадок в рамках инициативы Цифрового шелкового пути китайское правительство и корпорации совместно реализуют комплекс политических и экономических мер:

– расширяют линейку экспорта товаров из стран Африки и Юго-Восточной Азии в Китай через внедрение в странах китайских торговых площадок[45];

– вводят практику бесплатной доставки. Например, *Taobao* (онлайн-площадка *Alibaba)* включила в свою глобальную зону бесплатной доставки 10 стран и регионов. К ним относятся Сингапур, Малайзия, Таиланд, Япония, Южная Корея, Вьетнам и Камбоджа. Как следствие, зарубежные клиенты значительно увеличили количество заказов на соответствующих платформах электронной коммерции. На торговой площадке *Tmall* от *Alibaba* почти 70 000 компаний увеличили объем трансграничных транзакций в два раза во время ноябрьского фестиваля покупок «Двойной 11» в 2024 г.[46];

– улучшают логистическую инфраструктуру. Так, компания *Cainiao* при поддержке правительства модернизировала свой общенациональный распределительный центр в Испании и открыла региональный распределительный центр во Франции, оба из которых начали работу до фестиваля шопинга «Двойной 11».

По данным Главного таможенного управления Китая, за первые три квартала 2024 г. объем трансграничного импорта и экспорта в сфере электронной коммерции достиг 1,88 трлн юаней, что на 11,5 % больше, чем в 2023 г.[47]

---

[40] What Is The Future Of E-Commerce In China? $3 Trillion by 2024. (2024, July 8). GMA. https://ecommercechinaagency.com/what-is-the-future-of-e-commerce-in-china/

[41] Трансграничная электронная коммерция Китая продемонстрировала уверенный рост. (2024, 30 июля). Russian.News.cn. https://russian.news.cn/20240730/4012c09cef814eeb844cc5d1424e62cb/c.html

[42] Лис, Н. (2024, 8 августа). Гид по электронной коммерции в Китае на 2024 год – состояние рынка, статистика и популярные маркетплейсы. Mates – агентство digital маркетинга. https://mates-china.com/blog/gid-po-ehlektronnoj-kommercii-2024/

[43] Там же.

[44] Трансграничная электронная коммерция Китая продемонстрировала уверенный рост. (2024, 30 июля). Russian.News.cn. https://russian.news.cn/20240730/4012c09cef814eeb844cc5d1424e62cb/c.html

[45] Mureithi, C. (2022, January 27). African diplomats are live-streaming and making deliveries to China's consumers. Quartz. https://qz.com/africa/2117788/african-nations-bet-big-on-chinas-e-commerce-market

[46] Expansion of global free shipping zone drives growth of cross-border e-commerce. (2024, December 3). People's Daily Online. http://en.people.cn/n3/2024/1203/c90000-20249493.html

[47] Данные о торговле за первые три квартала сего года говорят о решимости Китая расширять открытость. (2024, 18 октября). http://russian.china.org.cn/china/txt/2024-10/18/content_117492520.htm

Ожидается, что к началу 2025 г. зарубежный рынок розничной электронной коммерции в Китае достигнет 3 трлн долларов, при этом на зарубежную розничную электронную коммерцию будет приходиться 12,5 % от общего объема розничных продаж. Значительный размер зарубежного рынка в сочетании с низким уровнем проникновения электронной коммерции конкурентов дает Китаю уверенность в расширении своего международного бизнеса.

Искусственный интеллект

Развитие индустрии ИИ относится к числу наиболее значимых направлений развития китайской инициативы Цифрового шелкового пути по многим причинам. *Во-первых*, в ней сконцентрированы практически все развиваемые Китаем сквозные технологии. *Во-вторых*, налажено эффективное сотрудничество правительства и корпораций в части расширения географии собственных разработок. *В-третьих*, именно в сфере ИИ сосредоточены основные противоречия Китая и США, и для каждой из стран вопрос лидерства в сфере ИИ – это вопрос международного технологического лидерства в целом.

В 2023–2024 гг. индустрия ИИ в Китае показала бурный рост. Основное внимание было сосредоточено на создании больших моделей и на внедрении приложений для решения утилитарных задач.

В настоящее время КНР занимает второе место в мире после Соединенных Штатов и по количеству компаний, связанных с искусственным интеллектом, и по общему вкладу в разработку программного обеспечения, и по объему венчурного финансирования. Но при этом Китай имеет ряд несомненных преимуществ перед США, которые и старается использовать в рамках технологической экспансии в страны – реципиенты *DSR*:

– обширные базы больших данных. По состоянию на начало 2024 г. общее количество пользователей мобильных телефонов достигло 17,3 млрд, три основные телекоммуникационные компании разработали 23,3 млрд конечных пользователей сотовой связи *IoT*, число пользователей сети достигло 1,09 млрд, а уровень проникновения Интернета достиг 77,5 %. Апеллируя к богатому опыту работы с большими базами данных, Китай заметно расширяет свое присутствие во многих странах;

– внедряются образовательные программы по работе с ИИ в странах присутствия и программы поддержки молодых специалистов;

– финансируются научные разработки проблем ИИ. По состоянию на конец 2023 г. совокупное количество публикаций по исследованиям искусственного интеллекта в Китае превысило 2,4 млн (вдвое больше, чем в США).

Активное сотрудничество технологических гигантов с научными центрами заметно стимулирует развитие ИИ не только внутри страны, но и за ее пределами.

По итогам 2023 г. вклад Китая в публичные проекты искусственного интеллекта с высоким влиянием (количество веток на *GitHub* превышает 100) занимает второе место в мире, уступая только США[48]. Это связано с тем, что китайские технологические компании (*Tencent, Huawei, Baidu*), а также университеты (Пекинский и Цинхуа) вложили значительные средства в сферу искусственного интеллекта, разработали ряд влиятельных проектов и активно распространяют информацию на таких платформах, как *GitHub*. Но при этом приходится признать, что Китай значительно уступает США по внедрению культуры открытого исходного кода. Именно он пока позволяет Соединенным Штатам оставаться глобальным центром научно-технических инноваций.

В то же время демонстрируемая США политика технологического сдерживания конкурентов дает Китаю возможность развить свое влияние в рамках инициативы *DSR* за счет внедрения в странах-реципиентах единых стандартов ИИ. Осознавая некоторое отставание от США в части внедрения политики открытого исходного кода, Китай старается компенсировать его посредством ведения активной международной политики. В частности, в ООН КНР представила Глобальную инициативу по управлению ИИ, направленную на решение ключевых проблем в сфере управления ИИ и содействия глобальному сотрудничеству.

[48] 2023 Глобальный индекс ИИ 2023/The Global AI Index 2023, Tortoise Media. (2024, 17 апреля). Национальный портал в сфере искусственного интеллекта. https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastruktura-ii/2023_globalnyy_indeks_ii_2023_the_global_ai_index_2023_tortoise_media/

Первого июля 2024 г. Генеральная Ассамблея единогласно приняла резолюцию об укреплении международного сотрудничества в области наращивания потенциала искусственного интеллекта, предложенную Китаем. Ее соавторами выступили 143 государства, в том числе США[49].

Развивая концепцию безопасности ИИ, Китай идет по пути, противоположному США, и убеждает страны-реципиенты активно внедрять единые стандарты технологии с одновременным обеспечением безопасности баз данных (в том числе и через их хранение на территории Китая).

Цифровой шелковый путь: современная геополитическая риторика

Инициатива *DSR* развивается в рамках технологического противостояния КНР и США и потому отличается высокой чувствительностью к политическим, экономическим и конъюнктурным изменениям. Помимо обозначенных выше направлений, разворачивается конкуренция в области квантовых технологий. Так, США и ЕС развивают проект *Quantum Flagship*, направленный на внедрение квантовых компьютеров на основе сверхпроводниковых технологий, а Китай активно вводит квантовую оптику.

Но, помимо расширения области цифровых технологий, обе цифровых сверхдержавы сталкиваются с необходимостью разработки ясных этических и регуляторных моделей в области «цифры», что требует кардинального изменения политических практик и идеологических установок в странах-реципиентах[50].

В стремлении ограничить цифровое влияние Китая США развернули широкую кампанию против инициативы *DSR* и активно распространяют следующие стратегические нарративы:

– китайские проекты, такие как умные города и системы наблюдения, используются для усиления цифрового авторитаризма и предоставляют возможности для шпионажа[51];

– Европа впадает в полную экономическую зависимость от Китая и нуждается в поддержке. Несмотря на усилия ЕС по сокращению зависимости от Китая, КНР остается крупнейшим торговым партнером ЕС, особенно в сфере телекоммуникационного оборудования и автоматизированных систем обработки данных, а это с неизбежностью влечет утрату цифровых суверенитета и идентичности (Зайцев, 2023). Для снижения зависимости от китайских проектов в рамках Цифрового шелкового пути ЕС должен искать альтернативы, сотрудничая с надежными западными партнерами и диверсифицируя свои цепочки поставок (Зайцев, 2023);

– *DSR* позволяет Китаю продвигать модель цифрового авторитарного управления, экспортируя ее в развивающиеся страны, что угрожает правам и свободам населения этих стран. В частности, Китай поставляет технологии наблюдения за гражданами в 63 страны (Erie & Streinz, 2022);

– *DSR* представляет угрозу для конфиденциальности данных: Китай использует технологическую инициативу для сбора данных и слежки. В качестве примера приводится утечка конфиденциальных данных из штаб-квартиры Африканского союза в период с 2012 по 2017 г.[52];

– государства – участники инициативы подвержены китайскому влиянию через внедрение китайских цифровых стандартов и технологий; это подрывает их суверенитет и дает полный контроль Китаю над их внутренними процессами (Streinz, 2021). Запад рассматривает китайский проект как вызов своему влиянию в сфере цифровой экономики. В отличие от Китая западные стратегии направлены на установление более гибких рамок сотрудничества, которые не требуют жесткой унификации, и потому страны сохраняют свою цифровую независимость;

– КНР активно инвестирует в авторитарные режимы: Пекин направил 8,43 млрд долларов в такие страны, как Ангола, Нигерия, Зимбабве, Эфиопия и Замбия, для которых характерны авторитарные режимы, усили-

[49] Генеральная Ассамблея ООН приняла предложенную Китаем резолюцию об укреплении международного сотрудничества в области наращивания потенциала ИИ. (2024, 22 июля). Российская газета. https://rg.ru/2024/07/02/generalnaia-assambleia-oon-priniala-predlozhennuiu-kitaem-rezoliuciiu-ob-ukreplenii-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-oblasti-narashchivaniia-potenciala-ii.html?ysclid=m4pl45u5g874982143

[50] Arduino, A., & Rasetti, M. The Digital Silk Road and the US-China Race for AI. GUST. https://www.gust.edu.kw/gsc/newsletter/issue-2/digital-silk-road

[51] Maria. China's Digital Silk Road:Outlines and Implications for Europe. (2024, February). International Centre for Defence and Security. https://icds.ee/wp-content/uploads/dlm_uploads/2024/03/ICDS_Brief_China´s_Digital_Silk_Road_Maria_February_2024-1.pdf

[52] Statt, N. (2018, January 29). China denies claims it built backdoors into African Union's headquarters for spying. The Verge. https://www.theverge.com/2018/1/29/16946802/china-african-union-spying-hq-cybersecurity-computers-backdoors-espionage

вая их способности к контролю и подавлению населения. Озабоченность Запада вызвало принятие в сентябре 2024 г. двух стратегических документов по итогам работы Форума сотрудничества Китай – Африка: Пекинской декларации о построении всепогодного китайско-африканского сообщества[53] и Плана действий на 2025–2027 гг.[54] На реализацию инициатив Китай выделяет $51 млрд в форме кредитов и инвестиций крупных технологических корпораций[55];

– обеспечивается тотальный контроль над интернет-управлением со стороны государств-союзников: развивающиеся страны предпочитают китайскую модель киберуправления, которая позволяет контролировать Интернет и использовать его для подавления и контроля населения (Ciuriak, 2021);

– создается технологическая основа для глобального кибершпионажа: формируется обеспокоенность политиков рисками утечки данных и кибершпионажа со стороны китайских компаний[56];

– возникают риски подрыва демократии: *DSR* способствует эрозии демократических прав через поддержку авторитарных практик управления и массового наблюдения, что угрожает гражданским свободам и правам человека в странах-партнерах (Taylor, 2021).

Как следствие, в Европе и других зонах влияния США получает развитие стратегия «де-рискинга»: ЕС стремится уменьшить экономическую зависимость от Китая, несмотря на значительные поставки критически важных материалов и доминирование китайских технологий на рынке ЕС.

В ответ на западную риторику Китай распространяет собственные стратегические нарративы, делая основную ставку на мирное сотрудничество и обоюдовыгодное развитие технологий.

Китай последовательно развивает концепцию «сообщества единой судьбы», идею которого в 2013 г. предложил Си Цзиньпин. Китайский нарратив гармонично встраивается в текущую международную цифровую систему, одновременно предлагая ее трансформацию. Опираясь на исторический контекст, КНР критикует колониальное прошлое западных стран, указывая на сохраняющиеся элементы эксплуатации, которые, по их мнению, необходимо искоренить. Китай выступает за создание новой модели цифрового взаимодействия, где все участники смогут в равной степени участвовать в формировании правил и получать выгоду от их реализации. При этом Китай отводит себе особую роль в этой системе, позиционируя себя как лидера, который не только инициирует создание нового цифрового сообщества, но и на практике демонстрирует преимущества такого подхода для всех вовлеченных сторон. Китайские представители выступают за переход к обновленной модели развития цифровых отношений, в рамках которой все участники смогут активно участвовать в формировании правил и, как следствие, извлекать выгоду из принимаемых решений. При этом Китай видит свою роль в этой системе как ключевую, поскольку именно он выступает инициатором создания нового цифрового сообщества. На собственном опыте Китай демонстрирует, какие преимущества и возможности открываются перед странами, которые присоединяются к этой инициативе, подчеркивая важность совместного развития и взаимовыгодного сотрудничества в цифровой сфере (Кривожих, Соболева, 2023).

Реализуя инициативу Цифрового шелкового пути, Китай позиционирует себя как «великая держава нового – цифрового – типа», существующая в парадигмах «благожелательного пацифизма» и «мирного возвышения» (Zhang, 2024). Одной из целей Цифрового шелкового пути является формирование «Сообщества единой судьбы в киберпространстве», что можно интерпретировать как продвижение и легитимацию на глобальном уровне китайских подходов по управлению Интернетом и развитию цифровых платформ[57].

Эти идеологические установки подкрепляются Пекином в рамках реализации проектов Цифрового шелкового пути: китайское правительство и корпорации вкладывают деньги в развитие цифровой инфраструктуры

---

[53] Ministry of Foreign Affairs The People's Republic of China. (2024, September 5). Beijing Declaration on Jointly Building an All-Weather China-Africa Community with a Shared Future for the New Era. https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485993.html

[54] Ministry of Foreign Affairs The People's Republic of China. (2024, September 5). Forum on China-Africa Cooperation Beijing Action Plan (2025–2027). https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485719.html

[55] Китай выделил на сотрудничество с Африкой $51 млрд и выдвинул десять новых инициатив в рамках сотрудничества с африканскими странами. (2024, 6 сентября). РБК. https://www.rbc.ru/politics/06/09/2024/66db19529a79470f083dab3f

[56] Codreanu, C. (2022, June 30). Using And Exporting Digital Authoritarianism: Challenging Both Cyberspace And Democracies. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5061337

[57] Нежданов, В. (2021, 26 июля). Цифровой шелковый путь: возможности и вызовы для постсоветской Евразии. Евразия Эксперт. https://eurasia.expert/tsifrovoy-shelkovyy-put-vozmozhnosti-i-vyzovy-dlya-postsovetskoy-evrazii/

стран-реципиентов, охотно внедряют собственные практики и стандарты, расширяют границы собственных сервисов, технологически привязывая государства к своей цифровой экосистеме и создавая режим невозможности выбора альтернативного пути.

Глубокая погруженность корпораций КНР в цифровую повестку суверенных стран и невозможность в силу технологических и экономических причин избавиться от китайского влияния являются для многих государств сдерживающим фактором для развития двусторонних отношений с КНР в рамках *DSR*.

Цифровой шелковый путь: современная геополитическая риторика

Главная задача России в рамках реализации Китаем инициативы *DSR* заключается в ее совмещении с проектами по цифровизации ЕАЭС.

Еще в 2015 г. Президент России поддержал инициативу «Один пояс, один путь» и предложил разработать планы сопряжения разнообразных интеграционных процессов, идущих в Европе и Азии, на основе универсальных принципов и норм ВТО.

Россия ориентирована на сохранение своего геополитического лидерства в странах ЕАЭС, но в то же время заинтересована в укреплении долгосрочного стратегического партнерства с Китаем, особенно в условиях обострившегося противостояния с Западом. В этой части велик риск уступки части своего влияния через поддержку китайских инфраструктурных проектов в странах Центральной Азии и Закавказья.

Влияние Китая в странах ЕАЭС ослаблено активной политикой США и ЕС в этих регионах. В 2015–2020 гг. доноры через целевые программы Всемирного банка, ОБСЕ и ОЭСР запустили в Киргизии, Казахстане и Армении проекты по развитию государственных цифровых услуг, внедрению систем цифрового мониторинга и контроля. Поддержка этих систем западными донорами препятствует широкомасштабной работе китайских корпораций, но не останавливает ее.

Ожидания Китая от взаимодействия с Россией сводятся к возможности через использование ее влияния в регионе способствовать развитию китайских цифровых сервисов. При этом китайские партнеры не хотят изменять свою риторику «великой цифровой державы» и рассматривать Россию как полноправного стратегического партнера в данной сфере. Об этом, в частности, свидетельствует слабая заинтересованность китайских технологических компаний в реализации совместных с российскими компаниями цифровых программ на паритетных началах в рамках ранее обозначенных приоритетных направлений инициативы *DSR*.

Ключевые задачи России в данном направлении сотрудничества российских и китайских компаний – в рамках следующих векторов:

– развитие сетей связи: Россия и Китай могут совместно инвестировать в создание оптоволоконных линий и *5G*-сетей в странах ЕАЭС, что улучшит связь и доступ к Интернету;

– создание совместных дата-центров для хранения и обработки данных, что будет способствовать развитию облачных технологий в регионе. Однако, для того чтобы Россия в этом направлении воспринималась как полноправный партнер, важно, чтобы она рассматривалась как лидер во внедрении единых цифровых стандартов в регионе;

– важно развивать совместные российско-китайские проекты электронной торговли, которые позволят малым и средним предприятиям из постсоветских стран выходить на китайский рынок и наоборот;

– создание совместных программ логистики и доставки: разработка логистических решений, включая совместные цифровые склады и транспортные маршруты для упрощения доставки товаров;

– внедрение единых цифровых финансовых коридоров и цифровых платежей; выстраивание коридоров бивалютных платежей с использованием цифрового юаня и цифрового рубля, а равно разработка новых моделей мобильных кошельков и совместных цифровых финансовых активов;

– создание совместных центров по мониторингу киберугроз в регионе с подключением российских и китайских технологических компаний;

– углубление сотрудничества между университетами и научными учреждениями для подготовки специалистов в области *IT*.

Многие из заданных направлений уже реализуются (совместные программы по развитию электронной торговли, открытие Центром Касперского своего отделения в Китае по вопросам кибербезопасности), но их явно недостаточно для того, чтобы говорить о системном и равноправном сотрудничестве.

Выводы

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

Инициатива Цифрового шелкового пути направлена на укрепление геополитических позиций Китая и его технологическое лидерство через продвижение глобальной интеграции на принципах открытости, взаимопомощи и сотрудничества, а также через утверждение нарративов, которые ставят под сомнение доминирование США и доллара в открытой цифровой экономике. Пекин акцентирует внимание на популяризации своего опыта цифрового управления, решая задачу по формированию новой бизнес-среды, ориентированной как на устранение внутренних цифровых дисбалансов, так и на продвижение китайских технологий за рубеж.

Главный ориентир китайской цифровой стратегии – не сквозные технологии, а созданные на их основе бизнес-площадки, готовые для пилотирования государственных и частных проектов в странах-реципиентах.

Основными инструментами реализации инициативы Цифрового шелкового пути являются: установление единых технологических стандартов, ориентированных на китайскую цифровую экономику и инфраструктуру; формирование норм киберуправления через развитие так называемой концепции кибersуверенитета с «китайской спецификой»; развитие инициативы преимущественно в рамках двусторонних соглашений.

В условиях активного технологического и торгового противостояния США и Китая последний заинтересован в расширении своего влияния на Евразийском континенте, и прежде всего в странах постсоветского пространства. Однако, судя по его сдержанной политике в этом регионе, он настороженно относится к идее паритетного сотрудничества с Россией в цифровой сфере.

Ключевыми достоинствами России для Китая являются ее исторически обусловленное геополитическое лидерство на постсоветском пространстве и особое географическое положение. Будучи заинтересованным в укреплении своего влияния в странах ЕАЭС и в иных странах на маршрутах Цифрового шелкового пути, Пекин понимает, что без поддержки России он не сможет реализовать свои планы по укреплению лидерства на сухопутной части инициативы «Один пояс, один путь». Это направление становится особенно важным в условиях обострения цифрового и торгового противостояния КНР и США на маршрутах «Морского шелкового пути XXI века».

Декларируемая Пекином ориентация на долгосрочное паритетное сотрудничество может быть обеспечена, только если Россия продолжит демонстрировать свое геополитическое лидерство во всех странах ЕАЭС, а также в Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане, создавать единые транспортные коридоры и цифровые экосистемы стран постсоветского пространства, если инициирует на площадке ЕАЭС выработку особых цифровых стандартов и их внедрение в совместные программы технологических компаний, если будет последовательно поддерживать свои технологические корпорации в регионах влияния.

Геополитическая риторика Китая в других странах убеждает в том, что в отношении России эффективной будет следующая стратегия: чем больше Российская Федерация будет демонстрировать свою технологическую независимость и цифровые амбиции на постсоветском пространстве и чем больше она будет ориентирована на развитие пророссийских нарративов в рамках ЕАЭС, тем большую ценность она будет представлять для Китая в рамках реализации его инициативы Цифрового шелкового пути.

В этом контексте смещение приоритетов в направлении БРИКС+ при несомненных геополитических преимуществах этой политики имеет и существенный недостаток: внимание смещается с России как ключевого актора развития ЕАЭС на Китай как лидера цифрового рынка БРИКС+. Для КНР развитие цифровой повестки БРИКС – возможность закрепить свое превосходство в странах-реципиентах, а для России – снижение возможностей ее цифрового влияния в Центральной Азии и Закавказье.

Приоритетными направлениями России в рамках ЕАЭС должны стать поддержка отечественных технологических компаний на зарубежных рынках, создание совместных предприятий, альянсов, партнерств, развитие аутсорсинговых отношений. Важно использовать также стратегии слияния и поглощения предприятий (*M&A*): вхождение в капитал крупнейших промышленных корпораций с покупкой больших пакетов акций, поглощение цифровых стартапов в странах присутствия для более глубокого проникновения на внутренние цифровые рынки Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Армении, Таджикистана, Туркменистана и др.

Уровень развития российско-китайских проектов убеждает в том, что единое понимание стратегии слияния интересов в цифровой сфере отсутствует. Сотрудничество происходит часто по инициативе отдельных российских и китайских компаний и носит стихийный и точечный характер. Без системного планирования сотрудничества и активной вовлеченности цифровых корпораций паритетное взаимодействие России и Китая вряд ли достижимо.

Список литературы

Виноградов, А. О., Салицкий, А. И., Семенова, Н. К. (2019). Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, *19*(1), 35–46. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46

Выходец, Р. С. (2022). Стратегия Китая в области искусственного интеллекта. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, *16*(2), 140–147. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-140-147

Данилин, И. В. (2020). Американо-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора. *Сравнительная политика*, *11*(4), 160–176.

Дегтерев, Д. А., Пискунов, Д. А., Еремин, А. А. (2023). 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: у истоков технологического декаплинга. *Полис. Политические исследования*, 3, 20–38. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.03

Дейч, Т. Л. (2018). Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, *11*(5), 119–141. https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141

Зайцев, С. Ю. (2022). Направления взаимодействия цифровых корпораций и государства в политической сфере России. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, *18*(1), 56–71. https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.104

Зайцев, С. Ю. (2023). Политическая власть цифровых транснациональных корпораций: к проблеме исследования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*, *10*(1), 116–129. https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-116-129

Кравченко, С. А. (2024). Синергия сложности как императивный принцип организации власти в цифровую эпоху: новые вызовы человеческому капиталу. *Полис. Политические исследования*, *2*, 65–79. https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.06

Кривохиж, С. В., Соболева, Е. Д. (2023). КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов. *Вестник международных организаций*, *18*(2), 178–192 (на русском и английском языках). https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-02-09

Куликова, Н. Н. (2016). Модель межорганизационных взаимоотношений в электронной промышленности. *Проблемы современной экономики*, *2*, 98–101. EDN: WONXVL

Михайличенко, К. М. (2018). Роль Африки в инициативе Китайской Народной Республики «Один Пояс и Один Путь». *Вестник РУДН. Серия: Политология*, *20*(1), 60–68. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-1-60-68

Поздняков, Е. И. (2020). «Сеть голубых точек» как инструмент конкуренции между Австралией и КНР в Южнотихоокеанском регионе. *Norwegian Journal of development of the International Science*, *39*, 50–53.

Сидоренко, Э. Л. (2024). Сращивание интересов правительств и западных монополий в сфере ИКТ: современные геополитические модели. *Полис. Политические исследования*, *6*, 22–39. https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.03

Сочжу, Х. (2022). Отношения Китая и Южной Кореи: роль американского фактора. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*, *24*(2), 73–84. https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/73-84

Срничек, Н. (2019). *Капитализм платформ* (пер. с англ.). Москва: Изд. дом ВШЭ.

Темирбулатов, Т. (2013). Транснациональные корпорации и геополитические стратегии США в Каспийском регионе. *Власть*, *12*, 81–83. EDN: RSCXSV.

Томин, Л. В. (2019). Отношения государств и корпораций в эпоху «капитализма платформ». *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, *15*(4), 483–496. https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.403

Федоров, А. В., Зиновьева, Е. С. (2017). *Информационная безопасность: политическая теория и дипломатическая практика*. Москва: МГИМО-Университет.

Хомский, Н. (2002). *Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок*. Москва: Праксис.

Чжиян Линь. (2022). Сотрудничество Китая и АСЕАН: перспективы и дилеммы. *Terra Incognita*, *19*, 139–158.

Buzan, B. (2004). *From International to World Society?: English School Theory and the Social Structure of Globalisation*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/cbo9780511616617

Cheng, Guo. (2022). China's Digital Silk Road in the age of the digital economy: Political analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, *22*(2), 271–287. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-271-287

Ciuriak, D. (2021, November 9). *Unfree Flow with No Trust: The Implications of Geoeconomics and Geopolitics for Data and Digital Trade*. Project for Peaceful Competition, The Policy Institute, King's College London, 6 December 2021; and Centre for International Governance Innovation, 14 February 2022. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3963074

Creemers, R. (2021, January 31). *China's Long and Winding Road in Global Cyberspace: Great Power Relationships or Common Destiny?* http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3776814

Duarte, L. Albro, R., & Hershberg, E. (2022, February 1). Communicating Influence: China's Messaging in Latin America and the Caribbean. *CLALS Working Paper Series*, *35*. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4061082

Erie, M. S., & Streinz, Th. (2021). The Beijing Effect: China's 'Digital Silk Road' as Transnational Data Governance. *New York University Journal of International Law and Politics (JILP)*, *54*, 1. https://ssrn.com/abstract=3810256

Farrell, H., & Newman, A. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*, *44*(1), 42–79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351

Ghiasy, R., & Krishnamurthy, R. (2020). *China's Digital Silk Road – Strategic Implications*. Institute of Peace and Conflict Studies (IPCS) and the Leiden Asia Centre (LAC).

Gong, S. & Li, B. (2019). The Digital Silk Road and the Sustainable Development Goals. *IDS Bulletin*, *50*(4). https://doi.org/10.19088/1968-2019.137

Huadong Guo, Jie Liu, Yubao Qiu, Massimo Menenti, Fang Chen, Paul F. Uhlir, Li Zhang, John van Genderen, Dong Liang, Ishwaran Natarajan, Lanwei Zhu, & Jiuliang Liu. (2018). The Digital Belt and Road program in support of regional sustainability. *International Journal of Digital Earth*, *11*(7), 657–669. https://doi.org/10.1080/17538947.2018.1471790

Jing Cheng, Zeng Jinghan. (2024). "Digital silk road" as a slogan instead of a grand strategy. *Journal of Contemporary China*, *33*(149), 823–838.

Krause, K. (1995). *Arms and the state: patterns of military production and trade (No. 22)*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nye, J. S. (2010). *The Future of Power*. New York: Public Affairs.

Peng, Shin-yi. (2021, October 1). The Uneasy Interplay between Digital Inequality and International Economic Law. *European Journal of International Law*, *33*(1), 205–235 (2022). https://doi.org/10.1093/ejil/chac019

Rahman, K. S., & Thelen, K. (2019). The rise of the platform business model and the transformation of twenty-first-century capitalism. *Politics & Society*, *47*(2), 177–204. https://doi.org/10.1177/0032329219838932

Rosecrance, R. (1986). *The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World*. New York: Basic Books.

Sahakyan, Mh., & Gärtner, H. (2022). *China and Eurasia: Rethinking Cooperation and Contradictions in the Era of Changing World Order*. Routledge. https://ssrn.com/abstract=4339053

Slaughter, A.-M. (2009). *A New World Order*. Princeton University Press.

Streinz, T. (2021). Designing International Economic Data Law. *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, *115*(2021), 73–78. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4079058

Taylor, R. D. (2021, August 1). Telecom's Road to 2030: 'What If We Were to Do Nothing?' *TPRC49: The 49th Research Conference on Communication, Information and Internet Policy*. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3897409

Vernengo, M., & Caldentey, E. (2016). Raúl Prebisch and economic dynamics: Cyclical growth and centre-periphery interaction. *CEPAL Review*, *2016*(118), 9–24. https://doi.org/10.18356/521ccb95-en

Yang, X. A., Yan, Xuetong. (2020). Leadership and the Rise of Great Powers. *Journal of Chinese Political Science*, *25*, 161–163. https://doi.org/10.1007/s11366-019-09644-9

Zhang, F. The Rise of Chinese Exceptionalism in International Relations. *European Journal of International Relations*, *19*(2), 305–328. https://doi.org/10.1177/1354066111421038

Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: Public Affairs.

References

Buzan, B. (2004). *From International to World Society?: English School Theory and the Social Structure of Globalisation*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/cbo9780511616617

Cheng, Guo. (2022). China's Digital Silk Road in the age of the digital economy: Political analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, *22*(2), 271–287. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-271-287

Ciuriak, D. (2021, November 9). *Unfree Flow with No Trust: The Implications of Geoeconomics and Geopolitics for Data and Digital Trade*. Project for Peaceful Competition, The Policy Institute, King's College London, 6 December 2021; and Centre for International Governance Innovation, 14 February 2022. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3963074

Creemers, R. (2021, January 31). *China's Long and Winding Road in Global Cyberspace: Great Power Relationships or Common Destiny?* http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3776814

Danilin, I. V. (2020). The U.S.-China Technology War: Risks and Opportunities for P.R.C. and Global Tech Sector. *Comparative Politics Russia*, *11*(4), 160–176. (In Russ.).

Degterev, D. A., Piskunov, D. A., & Eremin, A. A. (2023). U.S. – China rivalry in Latin America: at the origins of technological decoupling. *Polis. Political Studies*, 3. (In Russ.). https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.03

Deych, T. L. (2018). China in Africa: Neo-Colonial Power or "Win-Win" Strategy? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, *11*(5), 119–141. (In Russ.). https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141

Duarte, L. Albro, R., & Hershberg, E. (2022, February 1). Communicating Influence: China's Messaging in Latin America and the Caribbean. *CLALS Working Paper Series*, *35*. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4061082

Erie, M. S., & Streinz, Th. (2021). The Beijing Effect: China's 'Digital Silk Road' as Transnational Data Governance. *New York University Journal of International Law and Politics (JILP)*, *54*, 1. https://ssrn.com/abstract=3810256

Farrell, H., & Newman, A. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*, *44*(1), 42–79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351

Fyodorov, A. V., & Zinovyeva, E. S. (2017). *Information security: political theory and diplomatic practice*. Moscow: Moscow State Institute of International Relations. (In Russ.).

Ghiasy, R., & Krishnamurthy, R. (2020). *China's Digital Silk Road – Strategic Implications*. Institute of Peace and Conflict Studies (IPCS) and the Leiden Asia Centre (LAC).

Gong, S. & Li, B. (2019). The Digital Silk Road and the Sustainable Development Goals. *IDS Bulletin*, *50*(4). https://doi.org/10.19088/1968-2019.137

Huadong Guo, Jie Liu, Yubao Qiu, Massimo Menenti, Fang Chen, Paul F. Uhlir, Li Zhang, John van Genderen, Dong Liang, Ishwaran Natarajan, Lanwei Zhu, & Jiuliang Liu. (2018). The Digital Belt and Road program in support of regional sustainability. *International Journal of Digital Earth*, *11*(7), 657–669. https://doi.org/10.1080/17538947.2018.1471790

Jing Cheng, Zeng Jinghan. (2024). "Digital silk road" as a slogan instead of a grand strategy. *Journal of Contemporary China*, *33*(149), 823–838.

Chomsky, N. (2002). *Profit over People: Neoliberalism and Global Order*. Moscow: Praksis. (In Russ.).

Krause, K. (1995). *Arms and the state: patterns of military production and trade (No. 22)*. Cambridge: Cambridge University Press.

Krivokhizh, S., & Soboleva, E. (2023). Strategic Narratives in China's Bid for Discursive Hegemony. *International Organisations Research Journal*, *18*(2), 178–192. (In Russ.). https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-02-09

Kulikova, N. N. (2016). The model of inter-organizational interactions in the electronic industry. *Problems of Modern Economics*, *2*, 98–101. (In Russ.).

Lin, Zhiyang. (2022). Cooperation between China and Association of South-East Asian Nations (ASEAN): Prospects and Dilemmas. *Terra Incognita*, *19*, 139–158. (In Russ.).

Mikhaylichenko, Ch. M. (2018). Africa's Role in Chinese People's Republic Initiative "One Belt and One Road". *RUDN Journal of Political Science*, *20*(1), 60–68. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-1-60-68

Nye, J. S. (2010). *The Future of Power*. New York: Public Affairs.

Peng, Shin-yi. (2021, October 1). The Uneasy Interplay between Digital Inequality and International Economic Law. *European Journal of International Law*, *33*(1), 205–235 (2022). https://doi.org/10.1093/ejil/chac019

Pozdnyakov, E. (2020). "Blue Dot Network" As An Instrument Of Competition Between Australia And The Prc In The South-Pacific Ocean Region. *Norwegian Journal of development of the International Science*, *39*, 50–53. (In Russ.).

Rahman, K. S., & Thelen, K. (2019). The rise of the platform business model and the transformation of twenty-first-century capitalism. *Politics & Society*, *47*(2), 177–204. https://doi.org/10.1177/0032329219838932

Rosecrance, R. (1986). *The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World*. New York: Basic Books.

Sahakyan, Mh., & Gärtner, H. (2022). *China and Eurasia: Rethinking Cooperation and Contradictions in the Era of Changing World Order*. Routledge. https://ssrn.com/abstract=4339053

Sidorenko, E. L. (2024). Merging the interests of governments and Western monopolies in the field of ICT: modern geopolitical models. *Polis. Political Studies*, 6. (In Russ.). https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.03

Slaughter, A.-M. (2009). *A New World Order*. Princeton University Press.

Srnicek, N. (2019). *Platform Capitalism*. Moscow: VSE Publisher House. (In Russ.).

Streinz, T. (2021). Designing International Economic Data Law. *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, *115*(2021), 73–78. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4079058

Suozhu, H. (2022). Relations between China and South Korea: the role of the American factor. *Pacific RIM: Economics, Politics, Law*, *24*(2), 73–84. (In Russ.). https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/73-84

Taylor, R. D. (2021, August 1). Telecom's Road to 2030: 'What If We Were to Do Nothing?' *TPRC49: The 49th Research Conference on Communication, Information and Internet Policy*. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3897409

Temirbulatov, A. (2013). Transnational corporations and US geopolitical strategies in the Caspian Sea region. *The Authority*, *12*, 81–83. (In Russ.).

Tomin, L. (2020). The Relationship of the State and Corporations in the Age of "Platform Capitalism". *Political Expertise: POLITEX*, *15*(4), 483–496. (In Russ.). https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.403

Vernengo, M., & Caldentey, E. (2016). Raúl Prebisch and economic dynamics: Cyclical growth and centre-periphery interaction. *CEPAL Review*, *2016*(118), 9–24. https://doi.org/10.18356/521ccb95-en

Vinogradov, A. O., Salitsky, A. I., & Semenova, N. K. (2019). US-China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning. *Vestnik RUDN. International Relations*, *19*(1), 35–46. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46

Vykhodets, R. S. (2022). China's AI Strategy. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, *16*(2), 140–147. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-140-147

Yang, X. A., Yan, Xuetong. (2020). Leadership and the Rise of Great Powers. *Journal of Chinese Political Science*, *25*, 161–163. https://doi.org/10.1007/s11366-019-09644-9

Zaitsev, S. (2022). Areas of interaction between digital corporations and the government in the political sphere of Russia. *Political Expertise: POLITEX*, *18*(1), 56–71. (In Russ.). https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.104

Zaytsev, S. Y. (2023). Political Power of Digital Transnational Corporations: To the Problem of Research. *RUDN Journal of Public Administration*, *10*(1), 116–129. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-116-129

Zhang, F. The Rise of Chinese Exceptionalism in International Relations. *European Journal of International Relations*, *19*(2), 305–328. https://doi.org/10.1177/1354066111421038

Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: Public Affairs.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 20.12.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 10.02.2025
Дата принятия в печать / Accepted 10.02.2025

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

Редактор рубрики *Н. С. Селиверстова* / Rubric editor *N. S. Seliverstova*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.80-99**

УДК / UDC [338.45:630](470+571):341.655
JEL: F51, L73, Q23

А. И. Пыжев[1]

[1] *Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия*

Адаптация российской лесной промышленности к постсоветской структурной трансформации экономики и санкционному кризису последних лет

Пыжев Антон Игоревич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом прогнозирования экономического развития Красноярского края, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук
E-mail: anton@pyzhev.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7909-3227
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/ R-3029-2017
Scopus ID: 57209504336
eLIBRARY SPIN-код: 3984-2277

Аннотация

Цель: анализ структурной трансформации российской лесной промышленности с момента распада СССР до новейшего периода с учетом эффектов экономических санкций, введенных начиная с 2022 г., с целью выявления ключевых вызовов и формирования стратегических направлений для ее дальнейшего развития.

Методы: монографический, исторический, статистический, графический, сравнительно-сопоставительный.

Результаты: несмотря на глубокий трансформационный кризис российской экономики, последовавший за распадом СССР, спустя годы отечественной лесной промышленности удалось не только сохранить, но и упрочить свои позиции на мировом рынке лесной продукции, расширить экспорт и нарастить обеспеченность внутреннего рынка лесоматериалами и потребительскими товарами. Даже тяжелый удар европейских санкций 2022–2023 гг. отрасль проходит достойно, хотя и не без потерь, особенно по тем видам продукции, которые были ориентированы исключительно на экспорт. Однако отрасль по-прежнему не использует свой потенциал в полной мере, особенно в условиях новых санкций, которые привели к сокращению экспорта в Европу и росту зависимости от китайского рынка. Отмечается, что для дальнейшего развития необходимы долгосрочные инвестиции в переработку древесины и управление лесными ресурсами. Приводится аргументация в пользу того, что потенциал использования древесного сырья в стране мог бы позволить выйти на лидерские позиции в мире по производству многих видов лесной продукции.

Научная новизна: в работе впервые проведено сопоставление текущей структуры выпуска и роли лесной промышленности России на мировом рынке с пиком развития отрасли в советские годы. Также впервые подробно рассматривается влияние санкций 2022–2023 гг. на отрасль, что ранее не было предметом глубокого изучения.

© Пыжев А. И., 2025

Практическая значимость: полученные результаты могут быть использованы для развития исследований по экономике лесной промышленности России, определения стратегических направлений ее развития. Предложенные рекомендации по инвестициям в переработку и управление лесными ресурсами могут способствовать повышению конкурентоспособности отрасли на мировом рынке.

Ключевые слова:
региональная и отраслевая экономика, экономика лесной промышленности, история экономики СССР, постсоветская трансформация, экономические санкции

Благодарности
Автор благодарит анонимного рецензента за ценные замечания, учет которых позволил улучшить материал статьи и уточнить ее название.

Финансирование
Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по проекту «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов» (шифр научной темы FWZF-2024-0001).

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Пыжев, А. И. (2025). Адаптация российской лесной промышленности к постсоветской структурной трансформации экономики и санкционному кризису последних лет. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 80–99. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.80-99

Scientific article

A. I. Pyzhev[1]

[1] *Institute of Economics and Industrial Production Organization of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

Adaptation of the Russian forestry industry to the post-Soviet structural transformation of the economy and the recent sanctions crisis

Anton I. Pyzhev, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Deputy Director on Research, Head of the Department of forecasting the economic development of Krasnoyarsk krai, Institute of Economics and Industrial Production Organization of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
E-mail: anton@pyzhev.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7909-3227
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/ R-3029-2017
Scopus ID: 57209504336
eLIBRARY SPIN-code: 3984-2277

Abstract
Objective: to analyze the structural transformation of the Russian forestry industry from the collapse of the USSR to the modern period, taking into account the effects of economic sanctions imposed starting from 2022, in order to identify key challenges and form strategic directions for its further development.
Methods: monographic, historical, statistical, graphic, and comparative.

Results: despite the deep transformational crisis of the Russian economy following the collapse of the USSR, over the years the Russian forest industry has managed not only to maintain but also to strengthen its position in the global market of forest products, expand exports and increase the supply of timber and consumer goods to the inner market. Even under the heavy blow of the European sanctions of 2022-2023 the industry is running well, although not without losses, especially in those types of products that had been exclusively export-oriented. However, the industry is still not using its full potential, especially under the new sanctions, which reduced exports to Europe and increased dependence on the Chinese market. The author notes that development of wood processing and forest resource management requires long-term investments. The author argues that the potential of using wood raw materials in the country could allow it to take a leading position in the world in the production of many types of forest products.
Scientific novelty: the paper is the first to compare the current production structure and the role of the Russian timber industry in the global market with the industry's peak in the Soviet years. It is also the first time that the impact of the 2022–2023 sanctions on the industry is being considered in detail, which has not previously been the subject of in-depth study.
Practical significance: the results can be used to develop research on the economics of the Russian forest industry and to determine the strategic directions of its development. The proposed recommendations on investments in processing and management of forest resources can help to increase the industry competitiveness in the global market.

Keywords:
regional and branch economy, economics of the forest industry, the USSR economy history, post-Soviet transformation, economic sanctions

Acknowledgements
The author thanks the anonymous reviewer for valuable comments that helped to improve the article and clarify its title.

Financial Support
The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the project "Expert-analytical, organizational and methodological components of the system of indicative planning of the scientific-technological and balanced spatial development of Russia during implementation of large investment projects" (scientific area code FWZF-2024-0001).

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Pyzhev, A. I. (2025). Adaptation of the Russian forestry industry to the post-Soviet structural transformation of the economy and the recent sanctions crisis. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 80–99. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.80-99

Введение

Ожидание завершения текущей фазы геополитического противостояния между Россией и Западом многие связывают с частичным или полным снятием основных барьеров для ведения взаимовыгодной торговли на справедливых условиях со странами-санкционерами. Стоит усомниться, что это будет полезно для нашей страны. Начавшийся процесс сложной и глубокой структурной трансформации экономики можно довести до логического завершения только спустя время и только при условии стабильных внешних условий. В данном случае это долгосрочное сохранение введенных ограничений – насколько бы парадоксально ни звучал этот тезис. Не секрет, что именно ожидания хотя бы частичного смягчения санкций, по-прежнему распространенные среди части политической и экономической элиты, являются важным сдерживающим фактором для суверенизации российской экономики (Ильин & Морев, 2024).

Однако даже при таких условиях основным вызовом для перспективы развития российской экономики является отсутствие ее оформленного целевого образа в долгосрочной перспективе. К какой ее структуре мы должны прийти, например, к 2050 г.? На чем должны зарабатывать больше всего? Какие новые отрасли следует создавать и сколько это будет стоить? Как повысить эффективность использования задействованных

ресурсов? Без ответов на эти вопросы не удастся приоритизировать усилия по трансформации всей экономики, повышению ее устойчивости к внешним шокам, достижению траектории высоких темпов роста.

В общественном и даже профессиональном дискурсе Россия, прежде всего, нефтегазовая экономика[1]. Иногда – «важнейший экспортер», имеется в виду в первую очередь металлургический комплекс[2]. Данные отрасли относились к традиционной специализации еще советской экономики, поэтому, несмотря на определенные усилия по их модернизации, сегодняшние успехи основаны на мощных капиталовложениях 1960–1980-х гг. и долгосрочно растущих мировых ценах на сырье.

Несмотря на снижение зависимости от нефтегазовых доходов, российская экономика и государственный бюджет по-прежнему планируются исходя из конъюнктуры нефтяного рынка. Неизвестно, когда именно следует ожидать достижения «нефтяного пика», т. е. максимума спроса мировой экономики на нефтегазовые ресурсы, после которого прогнозируется постепенное сокращение доли углеводородов в глобальном энергобалансе (Murray & King, 2012; Norouzi et al., 2020). Однако можно с уверенностью сказать, что только в самых благоприятных и, видимо, малореалистичных сценариях (например, повторение кратного всплеска цен на нефть, аналогичного событиям 1973–1974 гг.) нефтегазовые доходы российской экономики получат новый импульс роста. Скорее в ближайшие годы будет наблюдаться сохранение текущих обстоятельств: искусственные трудности для логистики и обработки платежей, ограничения на закупку иностранного оборудования, отсутствие новых источников роста мирового спроса, при которых нефтегазовая отрасль не сможет генерировать дополнительные прибыли (Андреев, Полбин, 2023).

В этих условиях критически важно искать новые источники экономического роста, в том числе в тех отраслях, которые останутся в тени, например, сельском и лесном хозяйстве и связанных с ними промышленных секторах. Агропромышленный экспорт России в последние годы превысил 45 млрд долл. США[3], и даже критики отмечают, что это большой успех после того, как в советские времена страна была вынуждена импортировать зерно из-за рубежа[4]. Лесная промышленность дает существенно более низкую экспортную выручку – на уровне 17 млрд долл. США в год (Гордеев, Пыжев, 2023), при этом ее вклад в ВВП страны несущественен и составляет 0,74 %[5]. Если рассуждать поверхностно, то на фоне других отраслей экономики сектор не играет существенной роли и потому воспринимается как вторичный, недостойный особенного внимания экономической повестки. Такое положение дел влияет и на спрос на научные исследования, в результате чего наблюдается существенный недостаток работ, направленных на комплексное исследование проблемы экономики национальной лесной промышленности (Пыжев, 2021).

Прошедшие с момента начала рыночных реформ в России 30 лет отмечают логичный момент для осмысления результатов коренной перестройки всей системы хозяйственных отношений в стране (Алексеев, Лавровский, 2021). Это необходимо не только для того, чтобы дать оценку этим изменениям, но и поразмышлять о том, какие полезные уроки можно извлечь из накопленного опыта, как можно безболезненно отказаться от бесполезного и сконцентрировать усилия на критически необходимом для устойчивого социально-экономического развития страны.

Как и почему изменилась роль лесной экономики в России с момента распада СССР? Какие вызовы стоят перед ней сегодня, в условиях жесткого санкционного давления, сменившего интенсивный рост отрасли 2000–2010-х гг.? В статье будет дан краткий фактологический и статистический очерк к ответу на эти вопросы. Анализ исторического опыта используется для формулирования предложений по стратегическому управлению развитием отрасли.

---

[1] Петлевой, В., Топорков, А. (2019, 15 октября). Как государство за 20 лет вернуло себе контроль над нефтегазовой отраслью. Ведомости. https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/10/15/813716-gosudarstvo-20-let

[2] Бойко, А., Милькин, В. (2021, 30 сентября). Экспорт металлов из России в денежном выражении в июле вырос в 3 раза. Ведомости. https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/09/29/889010-eksport-metallov

[3] Как российскому агропрому сохранить лидерство на внешних рынках. (2024, 15 марта). РБК. https://www.rbc.ru/industries/news/65f300d59a79471bccacd178

[4] Речь, например, о книге Густафсона (Gustafson, 2021). Обзор и авторская позиция, оппонирующая Т. Густафсону, изложены в работе Пыжева (2022a).

[5] Оценка Рослесхоза. Приводится по: Стратегия развития лесной отрасли до 2030 г. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации № 321-р от 11.02.2021.

Результаты исследования

Было ли «золотой эпохой» советское прошлое российской лесной промышленности?

В советской экономике практически не было примеров высокой эффективности организации больших отраслей гражданского сектора народного хозяйства по причине изъянов самого хозяйственного механизма (Колганов, 2021; Ленчук и др., 2020; Яременко, 2000, 2001). Поэтому было бы странно обнаружить, что, например, лесной комплекс существенно отличается в этом смысле от сельского хозяйства или металлургического комплекса.

Плановая экономика требовала неуклонного увеличения валовых натуральных показателей производства продукции, при этом задача обеспечения общественных потребностей решалась как второстепенная (Ханин, 2016). Наблюдавшееся в 1970–1980-х гг. резкое возрастание доли военно-промышленного комплекса в структуре валового продукта СССР привело к стагнации всех прочих отраслей народного хозяйства, что наглядно видно на примере лесного комплекса.

В предисловии к статистическому справочнику о лесном комплексе СССР, вышедшему в свет летом 1991 г., накануне событий, приведших к ликвидации Советского Союза, составители книги, по сути, подводили итоги развития отрасли всего советского периода следующими словами:

> *«…в целом темпы развития лесного комплекса и эффективность отдельных его отраслей, особенно лесного хозяйства, лесозаготовительной и целлюлозно-бумажной промышленности, не отвечают требованиям народного хозяйства. Не удовлетворяются потребности страны в бумаге, картоне, мебели. Обладая самыми богатыми лесными ресурсами, СССР уступает передовым зарубежным странам в уровне комплексной переработки древесины. Крайне слабо развита химическая переработка древесного сырья»*[6].

В силу естественных географо-экологических причин именно на территории нынешней Российской Федерации (тогда – РСФСР) была сосредоточена бóльшая часть лесов Советского Союза (96,3 %), но доля в фактической вывозке древесины была ниже (91 %)[7]. В то же время политика равномерного территориального размещения производительных сил диктовала необходимость концентрировать мощности по глубокой переработке, в том числе на существенном удалении от ресурсной базы. В результате доля России в общесоюзном выпуске лесной, целлюлозно-бумажной и деревоперерабатывающей промышленности по численности промышленного производственного персонала составляла 72,6 %, по продукции – 73,5 %, по стоимости промышленно-производственных основных фондов – 81,3 %. При этом развитые производственные мощности отрасли располагались в относительно малолесных Украинской, Белорусской и Казахской ССР, а также прибалтийских республиках. Например, сопоставимые доли для Украинской ССР составляли 11,8; 10,5; 6,8 %, притом что доля в общесоюзной вывозке древесины не превышала 1,8 %.

По перечисленным причинам и в связи с большей доступностью статистической информации по СССР в целом[8] дальнейший анализ будет оперировать именно масштабом Советского Союза, имея в виду, что полученные на его основе выводы распространяются на РСФСР как основного производителя лесной продукции в стране.

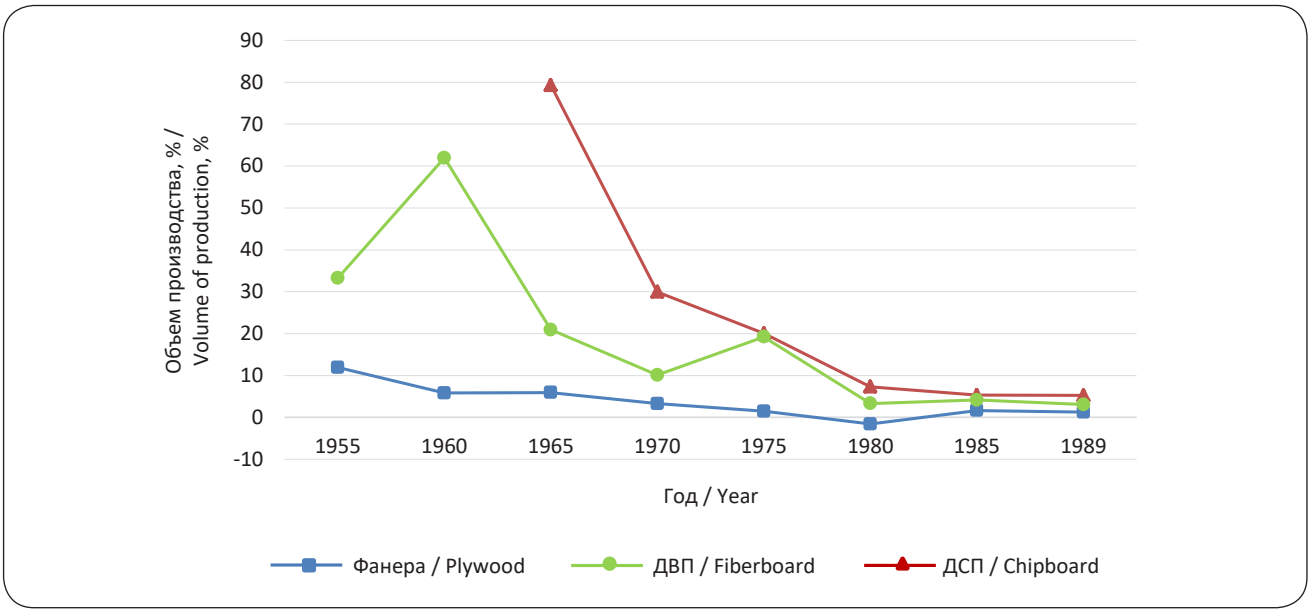
Бурный рост валовых показателей производства большинства видов лесопромышленной продукции и потребления древесины завершился уже к 1960-м гг. (рис. 1). К началу 1970-х гг. по всем видам продукции наблюдалось сильное торможение темпов роста производства, а в 1980-х гг. они и вовсе приблизились к околонулевым значениям. Например, производство бумаги и картона росло на 3 % в год в 1980–1985 гг. и лишь на 1,6 % в год в 1985–1989 гг., несмотря на неуклонный рост спроса на бумагу для различных целей

---

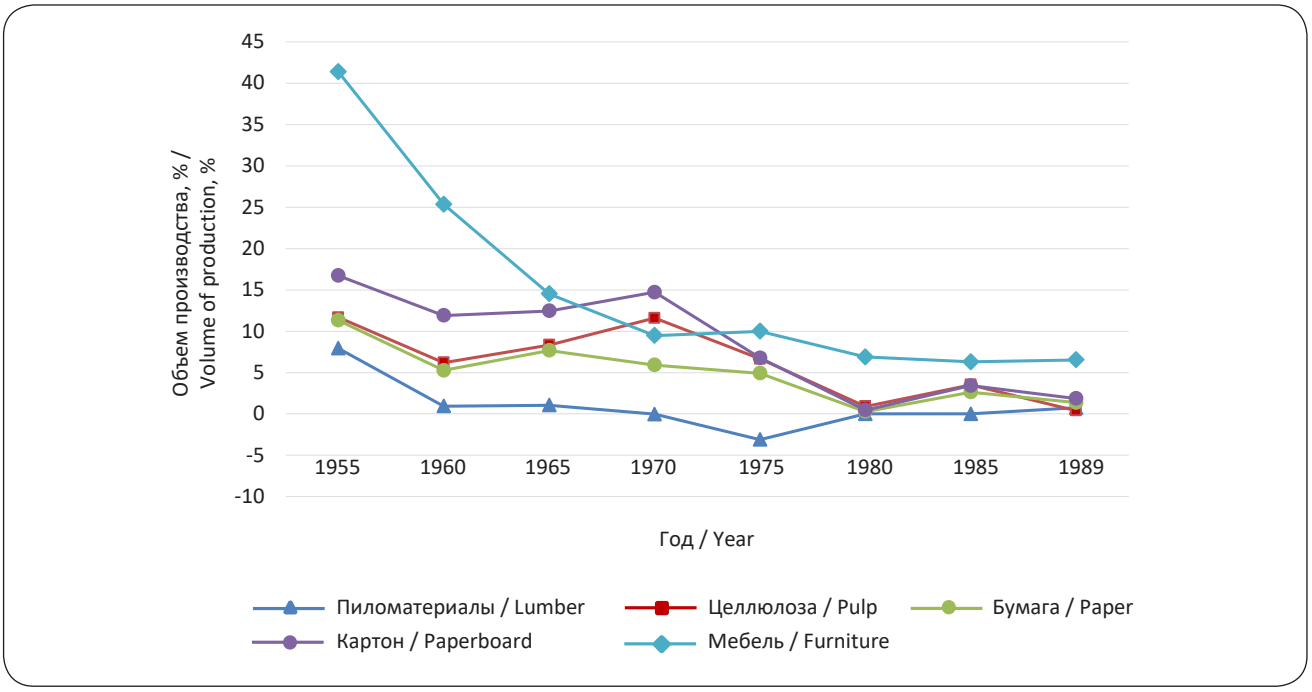
[6] Лесной комплекс СССР. Статистический справочник. Ч. 1. (1991). ВНИПИЭИлеспром.

[7] Здесь и далее, если не указано иное, источником данных о советском периоде развития лесного комплекса являются: Лесной комплекс СССР. Статистический справочник. Ч. 1. (1991). ВНИПИЭИлеспром и расчеты автора на его основе. Цифры в данном абзаце приведены по состоянию на 1989 г.

[8] Это особенно проявляется для статистики внешнеторговых операций, поскольку политико-экономическая специфика рассматриваемого исторического периода подразумевала, что все отношения с зарубежными странами централизованы. Следовательно, статистики торговли в разрезе республик и тем более краев и областей Советского Союза не существует.



(а) Плитная продукция / Plate products



(б) Прочие виды продукции / Other types of products

Рис. 1. Динамика темпов роста объемов производства важнейших видов продукции лесного комплекса СССР в 1960–1989 гг., % к предыдущему периоду

Источник: рассчитано автором[9].

Fig. 1. Dynamics of the growth rates of the most important types of products of the USSR forestry complex in 1960–1989, % compared to the previous period

Source: calculated by the author[9].

[9] По данным: Лесной комплекс СССР. Статистический справочник. Ч. 1. (1991). Москва: ВНИПИЭИлеспром.

и картон – прежде всего для производства тары и упаковки продукции (производство тарного картона в стране выросло в 8,2 раза – со 170 тыс. т в 1960 г. до 1400 тыс. т в 1989 г.).

Для плитной продукции фаза интенсивного развития производства пришлась на период 1960–1970-х гг. и была связана с расширением применения древесностружечных (далее – ДСП) и древесноволокнистых плит (далее – ДВП) в производстве мебели. Если в 1970 г. на пиломатериалы приходилось 45 % потребления лесоматериалов для производства мебели, то к 1989 г. их доля сократилась до 14 %, притом что доля ДСП возросла за тот же период с 28 до 70 %, а ДВП – с 5 до 7 % (одновременно доля фанеры упала с 20 до 9 %). Отмеченное изменение структуры потребления ресурсов сопровождалось и ростом объемных показателей использования древесины в мебельном производстве: с 1970 по 1989 г. потребление условного круглого леса на эти цели возросло с 19 до 33,3 млн куб. м соответственно. Тем не менее в 1980-х гг. и по этой группе лесопромышленной продукции наблюдалось резкое замедление выпуска: в последнюю пятилетку существования СССР темпы роста производства ДСП были на уровне 5,2 %, ДВП – 3,1 %, фанеры – 1,3 %.

Отдельно следует прокомментировать динамику производства пиломатериалов: в 1960 г. их выпуск составлял 105,6 млн куб. м, находился на схожих уровнях в следующие десятилетия, а в 1989 г. сократился до 101,1 млн куб. м. Таким образом, наиболее емкий с точки зрения потребления древесины вид продукции лесной промышленности фактически показывал отрицательную динамику, несмотря на рост численности населения страны и национального дохода. По мере развития массового домостроения из железобетонных изделий сокращалось потребление лесоматериалов в строительстве: если в 1970 г. оно требовало 26 млн куб. м пиломатериалов, то в 1989 г. – уже лишь 17 млн куб. м. Как отмечалось выше, более дешевые и легкие упаковочные материалы из картона сократили потребление пиломатериалов на эти цели за аналогичный период с 11,6 до 5,9 млн куб. м соответственно.

Описанные тенденции полностью соответствовали общей экономической динамике страны, которые в итоге явились одной из ключевых причин тяжелого кризиса 1990-х гг. (Коссов, 2020; Мау, 2024; Яременко, 1998).

Петр I в начале XVIII в. создавал деревообрабатывающую промышленность России в интересах, прежде всего, военного кораблестроения, не жалея на это дело ни ресурсов, ни личного внимания (Любомиров, 1941; Мустафин, 2023). Поскольку с промышленной революцией уже к началу XX в. лесная продукция утратила свое значение для мирового хозяйства, основные сферы ее применения переключились преимущественно на гражданские цели. Именно малая востребованность лесной продукции в военно-промышленном комплексе послевоенного СССР предопределяла невозможность получения фондов на развитие мощностей отрасли в условиях действовавшего механизма государственного планирования ресурсов (Фролов, 2024).

Замедление темпов роста производства в лесном комплексе не позволяло наращивать потребление конечной продукции населением, которое испытывало последствия все более непреодолимого дефицита элементарных товаров. По удельным показателям потребления на душу населения СССР существенно уступал практически всем капиталистическим странам. Например, отставание по потреблению бумажно-картонных изделий оказалось столь велико, что его не удается полноценно преодолеть по сей день (Пыжев, 2023).

Лесной комплекс был важным экспортером Советского Союза: его доля во внешней торговле в 1980-х гг. в среднем составляла 3,6 %[10], причем за рубежом удавалось реализовывать достаточно широкую номенклатуру товаров (табл. 1). Советские пиломатериалы, шпалы, круглый лес были широко востребованы в том числе в странах Западной Европы: Великобритании, ФРГ, Франции, Испании, – куда доставлялись даже по Северному морскому пути, за многие тысячи километров (Лапин, 2019). Однако бóльшая часть продукции лесного комплекса все равно потреблялась внутри страны: лишь фанера, ДВП и целлюлоза экспортировались за рубеж более чем на 10 % от объема производства, притом большая часть оставалась внутри стран социалистического блока. В таких случаях расчеты велись не через свободно конвертируемую валюту (доллары США, немецкие марки и другие резервные валюты; далее – СКВ), а в рамках взаимозачетов, в том числе товарных. Такие сделки, очевидно, не являлись рыночными, а зачастую содержали в себе элементы геополитических обменов между советской империей и ее сателлитами.

[10] Оценка автора, рассчитанная по данным сборников (Лесной комплекс СССР. Статистический справочник. Ч. 1. (1991). Москва: ВНИПИЭИлеспром; Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Статистический ежегодник. (1991). Финансы и статистика. https://istmat.org/files/uploads/433/narodnoe_hozyaystvo_sssr_v_1990_g.pdf).

Таблица 1

Структура экспорта лесного комплекса СССР в 1989 г.
Table 1. Export structure of the USSR forest complex in 1989

Наименование товара / Name of goods	Производство / Production	Экспорт (в том числе на СКВ) / Export (including for foreign currency)	Доля экспорта в производстве, % (в том числе на СКВ) / Share of export in production, % (including for foreign currency)	Экспорт, млн инвалют. руб. / Export, mln foreign currency rubles	Экспорт, млн долл. США / Export, mln US$
Круглые лесоматериалы, млн м³ / Round wood, mln m³	267,1	19,0 (9,4)	7,1 (3,5)	679	1 132,3
Пиломатериалы, млн м³ / Lumber, mln m³	101,1	7,8 (4,6)	7,7 (4,5)	818	1 363,9
Шпалы, млн шт. / Cross-ties, mln units	27,8	0,9	3,2	11	18,5
Фанера, тыс. м³ / Plywood, thousand m³	2 298,2	418,8 (224)	18,2 (9,8)	109	181,1
ДСП, тыс. м³ / Chipboard, thousand m³	8 342,1	363,2	4,4	23	39,1
ДВП, тыс. м³ / Fiberboard, thousand m³	646,0	86,4	13,4	38	63,0
Целлюлоза, тыс. т / Pulp, thousand tons	8 508,9	1 020,4	12,0	384	639,7
Бумага, тыс. т / Paper, thousand tons	6 315,4	667,9 (68,6)	10,6 (1,1)	237	395,4
Картон, тыс. т / Paperboard, thousand tons	4 335,4	352,5 (35)	8,1 (0,8)	105	175,2
Мебель, млн руб. / Furniture, mln rubles	–	40,3	–	40,3	67,2
			Итого / Total:	2 445	3 879

Примечание: данные по производству мебели не приводятся, поскольку сопоставление стоимостных величин, выраженных в инвалютных рублях, и тех, что имели хождение внутри СССР, напрямую некорректно. Пересчет экспорта из инвалютных рублей в доллары США осуществлен по официальному курсу Госбанка СССР в 1989 г. (0,6 руб. за долл. США). Под экспортом «на свободно конвертируемую валюту» подразумевается торговля со странами вне социалистического блока.

Источник: рассчитано автором[11].

Note: data on furniture production is not provided, since the direct comparison of values expressed in foreign currency rubles and those that were in circulation in the USSR is incorrect. The conversion of exports from foreign currency rubles into US dollars was carried out at the official exchange rate of the USSR State Bank in 1989 (0.6 rubles per US dollar). Export “for foreign currency” implies trading with countries outside the socialistic bloc.

Source: calculated by the author[11].

Отдельно можно отметить, что страна была крупным экспортером оборудования для лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, отправляя за рубеж в среднем не менее 30 % всей такой произведенной техники, что было сопоставимо, например, с экспортом востребованных даже в капиталистических странах советских легковых автомобилей. Однако такие успехи объяснялись не передовым технологическим уровнем соответствующих машин, а возможностью диктовать условия по их покупке странам социалистического блока, а также относительной дешевизной устаревших образцов. Как показал последующий опыт, экспорт машиностроительной продукции из СССР практически обнулился сразу с распадом государства по причине полной неконкурентоспособности данной продукции в условиях открытого рынка.

В то же время страна импортировала наиболее востребованную внутренним рынком потребительскую продукцию, которую так и не смогла в достаточном количестве и с достойным качеством производить сама. В 1990 г. в СССР было ввезено 504 тыс. т бумаги, что сопоставимо с 8 % от внутреннего производства, причем 128

[11] По данным: Лесной комплекс СССР. Статистический справочник. Ч. 1. (1991). Москва: ВНИПИЭИлеспром.

тыс. т – «на свободно конвертируемую валюту», т. е. в рамках коммерческого импорта из капиталистических стран. Официальная статистика не раскрывала детальную структуру этого импорта, но можно предположить, что речь шла о наиболее качественной мелованной бумаге для печати книг, фотографий и аналогичных видах наиболее технологически сложной целлюлозно-бумажной продукции.

Аналогичная ситуация складывалась на рынке мебельной продукции, где за счет импорта в 1990 г. было ввезено изделий на сумму 614 млн инвалютных рублей (экспорт за тот же период составил лишь 40,3 млн инвалютных рублей). Внутри страны было произведено мебели на 10 031,7 млн рублей, т. е., на первый взгляд, импорт играл не столь значительную роль. Полноценное сопоставление стоимости внешнеторговых операций с внутренними крайне затруднительно по причине планового ценообразования на продукцию советского народного хозяйства и отсутствия рыночного механизма валютных операций (Voskoboynikov, 2021; Воскобойников, Дрябина, 2010; Пономаренко, 2000). Однако если исходить из того, что индикативная стоимость инвалютного рубля была искусственно и кратно завышена по сравнению с гипотетическим «справедливым» рыночным обменным курсом, то становится очевидным, что импорт мебели играл весьма существенную роль в обеспечении советских граждан данным видом продукции. Например, только импортные (пусть и происходящие из стран, находившихся под влиянием СССР) мебельные гарнитуры могли считаться предметом действительно престижного потребления и символом высокого достатка советского человека эпохи «развитого социализма». Не говоря о том, что именно такой мебелью без особой огласки обставлялись наиболее важные правительственные и культурные учреждения страны. Все это происходило потому, что, как и с бумагой, внутри страны не удавалось наладить выпуск действительно качественных и востребованных потребителем изделий. При этом сбыт фактически выпускавшейся продукции был гарантирован, поскольку, несмотря на зачастую сомнительные потребительские свойства, и она была в большем или меньшем дефиците по причине недостаточных объемов производства, давно отставших от темпов роста населения и запроса современного общества на продукцию лесной промышленности.

Наиболее наглядно слабость лесного комплекса СССР (РСФСР) заметна при сравнении с показателями производства в странах мира с наибольшими объемами выпуска отдельных видов лесопромышленной продукции (табл. 2). Далее для возможности сопоставления с постсоветским периодом приводится место РСФСР в мировом производстве, а страны Европы рассматриваются агрегированно, без учета СССР.

Таблица 2

Вывозка древесины и производство основных видов продукции лесной промышленности СССР и РСФСР в сравнении с ведущими мировыми конкурентами в 1989 г.

Table 2. Wood export and production of the main types of products of the forestry industry of the USSR and the RSFSR in comparison with the world's leading competitors in 1989

Страны-экспортеры / Exporting countries	Вывозка древесины, млн м³ / Wood export, mln m³	Пиломатериалы, млн м³ / Lumber, mln m³	Фанера, млн м³ / Plywood, mln m³	ДСП, млн м³ / Chipboard, mln m³	ДВП, млн м³ / Fiberboard, mln m³	Бумага и картон, млн т / Paper and paperboard, mln tons
Мир в целом / The world	3462,9	500,7	51,3	54,7	18,4	230,9
СССР / USSR	369,5	101,1	2,3	8,3	0,7	10,6
РСФСР / RSFSR	338	81,9	1,6	5,6	0,5	8,5
(место в мире) / (position in the world)	(3)	(3)	(7)	(3)	(7)	(6)
Европа (без СССР) / Europe (without the USSR)	368,2	86,3	3,3	28,3	4,7	66,8
Канада / Canada	176,9	59,2	2,2	3,5	0,8	16,6
США / USA	533,2	103	19,8	8,6	4,8	69,5

Окончание табл. 2 / End of Table 2

Страны-экспортеры / Exporting countries	**Вывозка древесины, млн м³ / Wood export, mln m³**	**Пиломатериалы, млн м³ / Lumber, mln m³**	**Фанера, млн м³ / Plywood, mln m³**	**ДСП, млн м³ / Chipboard, mln m³**	**ДВП, млн м³ / Fiberboard, mln m³**	**Бумага и картон, млн т / Paper and paperboard, mln tons**
Бразилия / Brasil	255,5	18,2	1,3	0,7	0,7	4,8
Китай / China	274,6	25	1,7	0,5	1,5	15,4
Индия / India	269,5	17,5	0,4	0,03	0,05	1,9
Индонезия / Indonesia	175,7	10,4	8,8	–	–	1
Япония / Japan	31,9	30,5	6,7	1,1	0,9	26,8

Источник: Лесной комплекс СССР. Статистический справочник. Ч. 1. (1991). Москва: ВНИПИЭИлеспром.

Source: Forest complex of the USSR. Statistical reference book. Part 1. (1991). Moscow: VNIPIEIlesprom.

Ни по одному показателю РСФСР не поднималась выше 3-го места в мировых рейтингах производства лесопромышленной продукции, а по наиболее важным для потребительского рынка плитной продукции бумаги и картону и вовсе находилась на 6–7-м местах в мире. При этом разрыв по бумаге и картону, по сравнению с тогдашним лидером сектора, США, достигал 7 раз в пользу последних.

Поучителен уникальный пример Японии, страны с очень скромными запасами и возможностями заготовки собственной древесины, но при этом обладавшей (и обладающей) развитой лесной промышленностью. Заготавливая всего 31,9 млн м³ собственной древесины и закупая большой объем сырья из ближайших стран (прежде всего, Индонезии), Япония производила втрое больше фанеры, бумаги и картона соответственно и вдвое больше ДВП по сравнению с Советским Союзом.

Итак, советскую лесную промышленность вряд ли можно назвать передовой отраслью тогдашней экономики страны. Торможение экономики СССР в 1970–1980-х гг. не позволило отрасли уверенно развиваться, что привело к стагнации объемов производства. С трудом обеспечивались потребности большого внутреннего рынка крупнейшей в мире страны с огромной по протяженности транспортной инфраструктурой. При этом цели становиться лидером мировой торговли лесной продукцией или хотя бы с полным толком использовать богатейшие запасы лесов, очевидно, не было.

V-образное восстановление российской лесной промышленности после распада СССР

Распад СССР привел к глубокому экономическому кризису экономик отделившихся друг от друга 15 республик. Фактически мгновенная ликвидация необъятного государственного заказчика сделала продукцию множества промышленных предприятий никому не нужной. Серьезный удар пришелся на кооперационные связи внутри Советского Союза и стран социалистического блока: их экономическая система десятилетиями выстраивалась как замкнутая, и теперь эта взаимная зависимость приводила к эффекту карточного домика. Отмена задания на производство чуть ли не всех видов продукции на конкретном предприятии в большинстве случаев приводила к его быстрой ликвидации, поскольку заместить выпавший объем было нечем. Ни руководители предприятий, ни тем более их рядовые работники не понимали, как действовать в этой ситуации, не были готовы к вожделенным «рыночным отношениям», что лишь дополнительно усугубляло тяжелое положение (Прохоров, 2021).

Больше всего кризисные явления затронули развитое советское машиностроение, во многом работавшее на военно-промышленный комплекс. В относительно привилегированном положении оказались предприятия нефтегазовой и металлургической промышленности, имевшие широкую базу экспорта своей продукции. Они без существенных потерь пережили сокращение внутреннего спроса на свою продукцию и гиперинфляцию первых лет кризиса, поскольку имели твердую долларовую выручку и стабильных заказчиков.

Лесной промышленности пришлось существенно сложнее. Как показано выше, доля экспорта в капиталистические страны в производстве продукции отрасли была незначительной, поэтому здесь в полной мере проявилось резкое сокращение государственного заказа: строительство фактически остановилось, а потребительский рынок испытывал шок и структурную перестройку (рис. 2). В результате даже по бумаге и картону к 1995 г. отрасль лишилась половины позднесоветского спроса. В то же время заготовка древесины[12] и производство пиломатериалов и вовсе сократились почти в три раза (до 35,7 и 35,8 % соответственно).

Несколько лучше обстояло дело с производством плитной продукции (рис. 3): производство фанеры в 1995 г. сократилось до 58,8 % от уровня 1990 г., ДВП – до 48,4 %, ДСП – до 40 %. Экспортные поставки поддерживали продажи, но поначалу их было явно недостаточно для полного замещения выбывшего внутреннего спроса. Еще более глубокий кризис машиностроения привел к существенным трудностям с поддержанием производственных мощностей, а технологическое отставание оборудования от передового уровня не позволяло быстро наращивать производство наиболее востребованных мировым рынком видов продукции (Одлис, Шегельман, 2012).

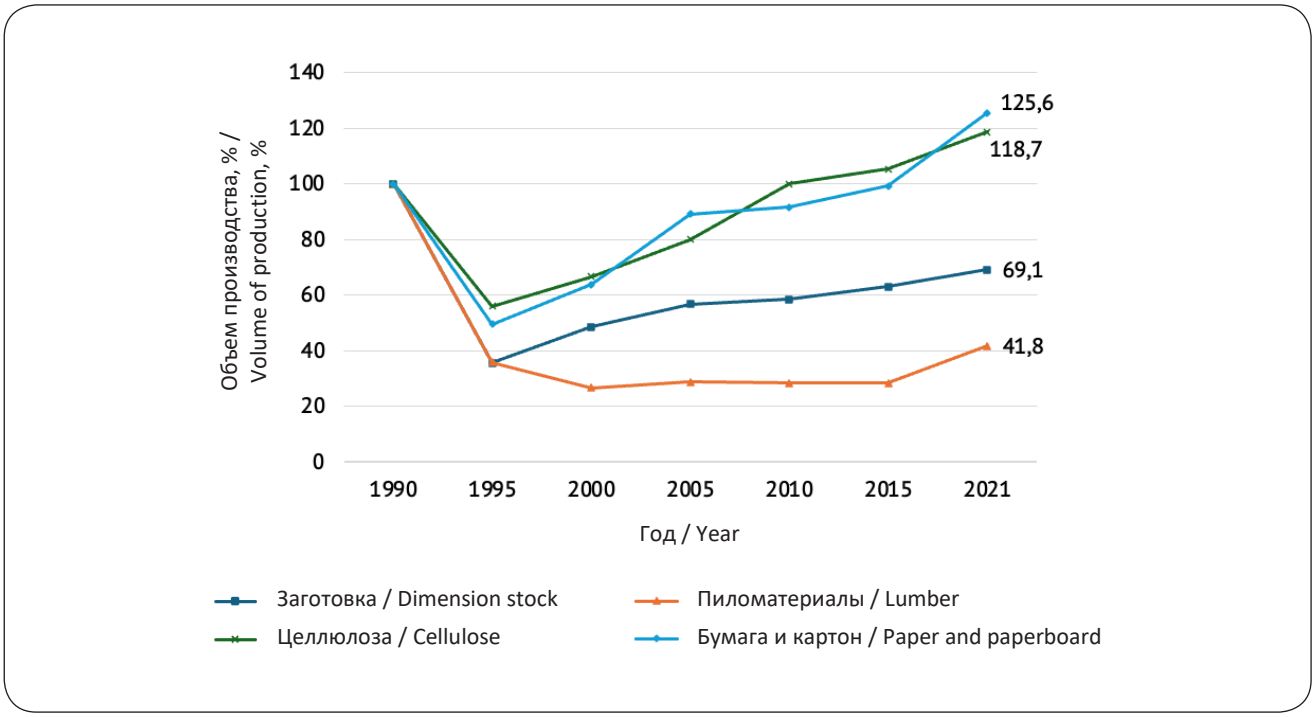


Рис. 2. Индексы объемов лесозаготовки, производства пиломатериалов, целлюлозы, бумаги и картона в России в 1990–2021 гг. (100 % = уровень 1990 г.)

Fig. 2. Indices of production volumes of dimension stock, lumber, cellulose, paper and paperboard in Russia in 1990–2021 (100 % = year of 1990)

[12] Ряд данных по объемам лесозаготовки реконструирован на основе подхода, предложенного в работе Пыжева (2022b).

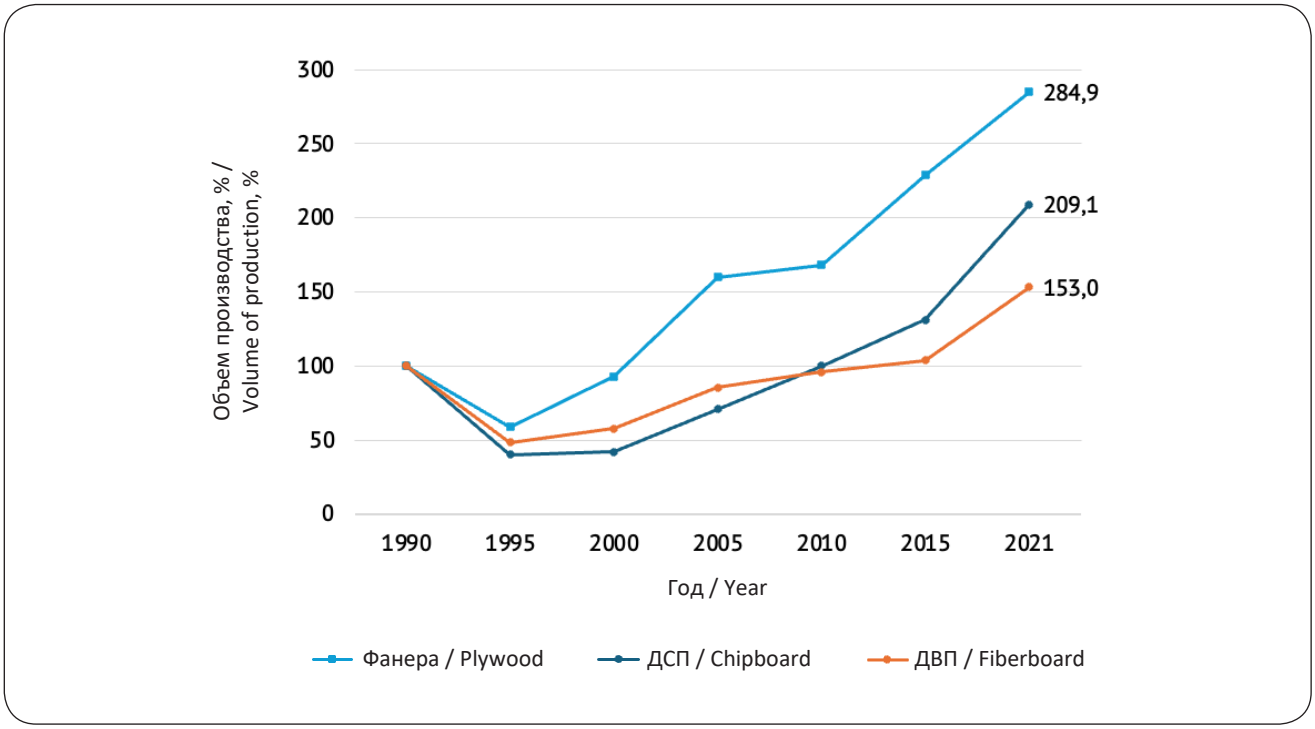


Рис. 3. Индексы объемов производства плитной продукции в России в 1990–2021 гг. (100 % = уровень 1990 г.)
Fig. 3. Indices of production volumes of plate products in Russia in 1990–2021 (100 % = year of 1990)

Традиционно в таких случаях восстановление производства идет по V-образной кривой. Однако для разных видов здесь наблюдаются существенно различимые траектории. Непосредственно заготовка древесины так и не восстановилась с советского пика (в 2021 г.[13] она составляла лишь 69,1 % к уровню 1990 г.), что вызвано в основном существенным и, видимо, уже непреодолимым сокращением производства пиломатериалов (их выпуск и вовсе упал до 41,8 % от уровня 1990 г.). Современному строительству все меньше нужны брусовые изделия, которые стали нишевым продуктом для индивидуального и не самого дешевого домостроительства, как правило, в холодных регионах страны. Сохраняется стабильный спрос на лесоматериалы для дальнейшей обработки со стороны отдельных импортеров (например, Японии), но его объем недостаточен для поддержания общероссийского производства на уровне советских 80–90 млн куб. м.

Лишь к середине 2010-х гг. удалось полностью восстановить объемы производства бумаги и картона, которые в 2021 г. уже были на 25,6 % больше советских уровней. Это небольшой успех, особенно на фоне масштабных иностранных инвестиций в модернизацию производства в течение всех 2000–2010-х гг. и устойчиво растущего спроса на бумагу и упаковку внутри страны (Белоусов и др., 2008; Миронов, 2015; Пыжев, 2023).

Существенно лучше развивалось производство плитной продукции. Новые крупные производители фанеры, древесно-стружечных плит, как правило, строились крупными иностранными лесопромышленными группами для снабжения своих предприятий в Европе относительно дешевыми материалами для производства мебели. Редкая российская березовая фанера становилась все более востребованной в транспортном машиностроении по всему миру. В свою очередь, модернизация предприятий сектора позволила выпускать конкурентоспособные и качественные изделия, в том числе для внутреннего рынка. В результате к 2021 г. производство фанеры в России почти утроилось (+184,9 %), а ДСП – удвоилось (+109,1 %). Рост производ-

[13] Здесь и далее для анализа долгосрочной динамики российской лесной промышленности рассматривается 2021 г. как пиковый по производству до начала санкций 2022 г. Для международных сопоставлений рассматривается 2019 г., последний «доковидный», поскольку пандемия коронавируса оказала существенное воздействие на структуру мирового лесного сектора (Bottaro et al., 2024).

ства древесноволокнистых плит, в основном за счет внутреннего рынка (экспорт здесь не превышает 31 %), вырос менее значительно, но больше, чем для прочих видов лесной продукции (+53 %).

Появился и новый вид продукции, о котором довольно много говорится в последние годы. В конце 2000-х в мире начал активно расти спрос на биотопливо – прессованные отходы лесозаготовки и деревопереработки, сжигаемые с целью получения тепловой энергии. В зависимости от размера фасовки конечного продукта выделяют топливные гранулы (пеллеты) и брикеты. Основной причиной роста интереса к данному виду использования древесных ресурсов явилось развитие климатической повестки, требующей сокращения удельных выбросов парниковых газов, прежде всего в энергетике (Johnston et al., 2022; Jonsson & Rinaldi, 2017). По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, только за последнее десятилетие производство топливных пеллет и брикетов в мире более чем удвоилось: в 2012 г. его объем составлял 21,1 млн т, а в 2022 г. – превысил 51,7 млн т[14].

Если просуммировать общий выпуск топливных пеллет, брикетов с помощью объемно-массовых переводных коэффициентов[15], то можно подсчитать, что в России выпуск биотоплива вырос на порядок за десять лет: в 2010 г. значение показателя составляло 0,4 млн т против 4 млн т в 2021 г. Поскольку биотопливо обычно производится из отходов лесной промышленности и требует относительно небольших капитальных затрат[16], российские предприятия быстро наладили производство дорогого и востребованного мировым рынком продукта.

Как отмеченные тенденции повлияли на позиционирование российской лесной промышленности на мировых рынках? Несмотря на существенный рост переработки древесины в мире за тридцать лет, прошедших с момента распада СССР и описанные выше последствия кризиса отечественной лесной промышленности, который сопровождал это событие, стране удалось практически не утратить положение в условном рейтинге мировых лидеров сектора (табл. 3). Причем по отдельным позициям, например, по ДВП и ДСП Россия буквально сохранила те же места (3-е и 7-е соответственно), несмотря на сильное переформатирование всего мирового рынка, огромный отрыв Китая от всех остальных стран. Довольно сильное проседание наблюдается только по бумаге и картону (10-е место против 6-го у РСФСР в 1989 г.), что объясняется стагнацией объемов производства в стране на фоне почти двукратного роста производства данных видов продукции в мире. На поле нового биотопливного сектора удалось сразу занять высокую долю рынка (7,1 %) и достойное место в рейтинге (5-е).

Таким образом, несмотря на серьезнейший трансформационный кризис, через который пришлось пройти российской лесной промышленности в 1990-х гг., к концу 2020-х гг. удалось полностью восстановить и даже существенно нарастить позиции по основным и наиболее прибыльным видам продукции, сохранив влияние на мировой рынок и увеличив обеспеченность внутреннего потребителя конечной продукцией.

Следует признать, что потенциал развития отрасли был по-прежнему больше его фактического использования. Широка критика состояния российского лесного хозяйства, которое в течение всего постсоветского периода постепенно деградировало из-за недостаточного финансирования и незавершенности реформы по передаче части лесов в частную собственность (Bösch, 2021; Sohag et al., 2023; Torniainen et al., 2006; Ulybina, 2014; Антонова, 2017). Это приводит к постепенному ухудшению доступности сырья и возрастанию его стоимости, в результате чего возможность существенного увеличения производства лесной продукции будет ограничена. Для дальнейшей мировой экспансии в условиях медленно растущего спроса и сравнительно невысоких цен необходимы минимальные издержки, которых можно добиться лишь за счет достижения наименьшей возможной стоимости сырья.

---

[14] FAOSTAT. Food and Agricultural Organizaton of the United Nations. https://www.fao.org/faostat/en/#data/FO

[15] Межгосударственный стандарт «Биотопливо твердое. Технические характеристики и классы топлива. Часть 1. Общие требования». ГОСТ 33103.1-2017 (ISO 17225-1:2014). Дата введения: 01.01.2018.

[16] Например, крупнейшей лесопромышленной компании Дальнего Востока RFP Group завод по производству пеллет мощностью 100 тыс. т в год обошелся в 2,5 млрд руб. См.: В Хабаровском крае завершено строительство завода по производству пеллет за 2,5 млрд рублей. (2021, 31 августа). Russia forest products. https://www.rfpgroup.ru/news/v-habarovskom-krae-zavershenostroitelstvo-zavoda-po-proizvodstvu-pellet-za-25-mlrd-rubley

Таблица 3

Вывозка древесины и производство основных видов продукции лесной промышленности в России в сравнении с ведущими мировыми конкурентами в 2019 г.

Table 3. Wood export and production of the main types of products of the forestry industry in Russia in comparison with the world's leading competitors in 2019

Страны-экспортеры / Exporting countries	Вывозка древесины, млн м³ / Wood export, mln m³	Пиломатериалы, млн м³ / Lumber, mln m³	Фанера, млн м³ / Plywood, mln m³	ДСП, млн м³ / Chipboard, mln m³	ДВП, млн м³ / Fiberboard, mln m³	Бумага и картон, млн т / Paper and paperboard, mln tons	Биотопливо, млн т / Biofuel, mln tons
Мир в целом / The world	3 922,5	483,9	108,5	100,3	122,5	404,2	46,7
Россия / Russia	218,4	44,8	4,1	7,2	3,7	9,2	3,3
(место в мире) / (position in the world)	(6)	(4)	(6)	(3)	(7)	(10)	(5)
(доля в мире) / (share in the world)	5,6	9,3	3,8	7,2	3,0	2,3	7,1
Европейский союз / European Union	501,5	108,8	5	30	1,8	85,5	21,1
США / USA	459,1	82,4	9,9	3,9	6,7	68,1	8,7
Бразилия / Brasil	264,6	10,1	2,9	3,4	5,3	10,5	0,7
Китай / China	308,8	67,5	56,6	30,6	62	111,7	0,9
Индия / India	352,1	24	10	1,2	1,1	16,8	0
Канада / Canada	141,7	41,8	1,9	1,7	1,5	9,5	3,4
Индонезия / Indonesia	123,8	2,7	4,5	0,1	0,7	12	0,3
Эфиопия / Ethiopia	116,1	0,03	0,02	0,02	0	0,08	0
ДР Конго / Democratic Republic of the Congo	91,3	0,2	0,002	0	0	0,08	0
Япония / Japan	30,4	9	3,4	1,1	0,8	25,4	0,2

Источник: FAOSTAT.

Source: FAOSTAT.

Очень успешными для отечественных лесопромышленников оказались 2020–2021 гг., когда введенные по всему миру «ковидные» ограничения стимулировали спрос на лесную продукцию и привели к кратному росту цен на отдельные виды, например, пиломатериалы и биотопливо (Рязанов, 2023). Рыночная конъюнктура позволила получить дополнительные, фактически рентные доходы, которые отразились на высокой прибыли всей отрасли и ожиданиях дальнейшего роста производства (Кувалин и др., 2021; Сальников, 2021; Широв и др., 2020).

Начало 2020-х гг.: новые санкции вместо воплощения новых надежд

Итак, к рубежу 2020-х гг. российская лесная промышленность подошла с уверенным ростом производства и продаж своей продукции как внутри страны, так и на экспорт. Тем не менее роль отрасли как игрока глобального рынка оказалась недостаточно значительной, чтобы получить «индульгенцию» или отсрочку от западных санкций 2022-го и последующих годов. Поскольку инициируемые США экономические ограничения публично позиционируются как имеющие политические цели, но на деле несут антиконкурентный смысл (Демаре, 2024), их структура и сила в конечном итоге отражают экономические интересы определенных групп влияния.

Для российской лесной промышленности наиболее чувствительный удар оказали санкции Европейского союза, поскольку страны объединения были крупными покупателями российских лесоматериалов (Гордеев, Пыжев, 2023).

Общий объем заготовки деловой древесины (необработанных лесоматериалов) сократился менее значительно, чем ожидалось: со 183,5 млн куб. м в 2021 г. до 171,1 млн куб. м (−6,8 %). По отдельным видам продукции кризис оказался глубже. Ориентированное на экспорт, преимущественно в Европу, производство биотоплива потеряло 2/3 спроса (Вукович, Мехренцев, 2023). Это оказалось чувствительным ударом, особенно для тех предприятий, которые буквально накануне инвестировали в расширение соответствующих производственных мощностей, причем, как правило, в долг[17].

Аналогичная ситуация сложилась с фанерой. Ее производство сократилось с 4,5 млн куб. м в 2021 г. до 3,3 млн куб. м в 2023 г. (−26,7 %). Судя по оперативной (помесячной) статистике, пока не наблюдается признаков восстановления этого производства (рис. 4). Причина заключается в факторе, который в прежние годы способствовал развитию сектора, – высоком спросе со стороны западных потребителей.

Регионы российского северо-запада, исторически ориентированные на эти экономические связи, испытали наибольший шок от их прекращения (Лукин, 2023; Чеплинските, Лукин, 2024). Однако негативные эффекты наблюдались и для других экспортных направлений, поскольку, помимо прямых запретов на поставки продукции в определенные страны, для всей российской экономической деятельности наступила эпоха трудностей с логистикой поставок и ведения финансовой деятельности, отразившаяся на ее объемах (Андрюшин, Григорьев, 2022; Малкина, Балакин, 2024).

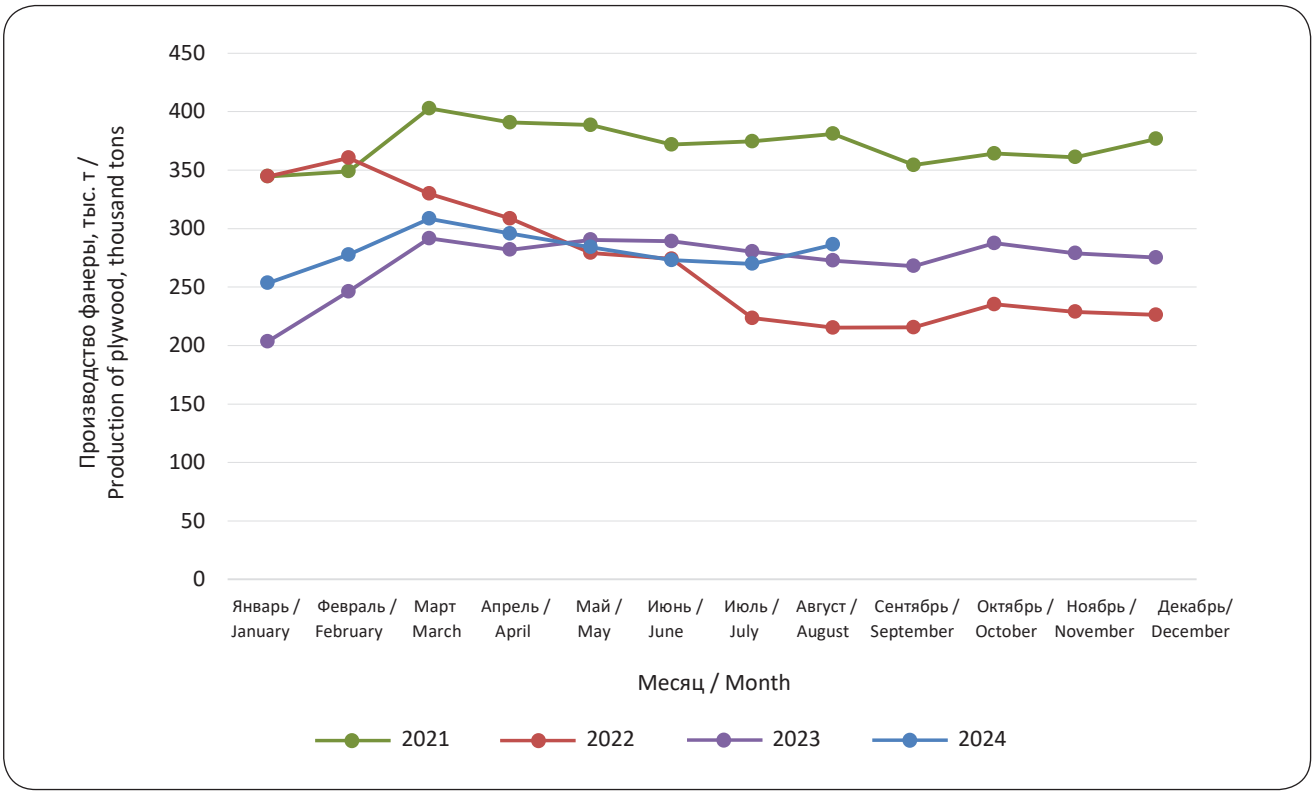


Рис. 4. Оперативная (помесячная) динамика производства фанеры в России в 2021–2024 гг.

Источник: Росстат.

Fig. 4. Operational (monthly) dynamics of plywood production in Russia in 2021–2024, thousand tons

Source: Rosstat.

[17] Выше приводился такой пример: производство RFP Group.

Важно понимать, что Китай как крупнейший импортер лесной продукции в мире и главный зарубежный партнер российской лесной промышленности заинтересован в ценовом демпинге и прагматично пользуется возможностью получить существенные скидки на закупки продукции, которую российские поставщики направляют в том числе с ныне закрытого европейского рынка. При этом замедление экономического роста в КНР, а также стратегический курс на развитие внутренней лесной промышленности не позволяют рассчитывать на дополнительные емкости рынка для сбыта российской лесной продукции. Например, средние цены реализации на пиломатериалы на условиях поставки FCA ПАО «Сегежа Групп» сократились с 239 евро/м³ в 2021 г. до 151 евро/м³ в 2023 г. Стагнация цен происходит на фоне резкого роста стоимости фрахта: на китайском направлении в 2023 г. он стоил 73 долл. США/м³ (+52 % к 2022 г.) для пиломатериалов и 77 долл. США/м³ (+52 %) – для фанеры[18].

Новые рынки сбыта оказываются недоступными для российского лесопромышленного экспорта по причине транспортной удаленности и низкой стоимости продукции, которая не позволяет покрывать логистические и финансовые издержки, сохраняя приемлемый уровень рентабельности.

Внутренний рынок остается стабильным, но также испытывает влияние переориентации транспортных потоков внутри страны с европейского на южное и восточное направления. Средняя ставка на грузоперевозку бумаги и бумажной упаковки в России выросла с 3,5 тыс. рублей в 2022 г. до 5,5 тыс. руб. в 2023 г., т. е. на 56 %[19].

В результате сложившихся обстоятельств сохранение позиций российской лесной промышленности на экспортных рынках происходит за счет сокращения выручки, что неизбежно сказывается на финансовой устойчивости компаний отрасли. Несмотря на то, что в целом кризис в отрасли оказался гораздо менее глубоким, чем ожидалось в 2022 г., совокупный негативный эффект санкций, безусловно, существенно затормозил развитие российской лесной промышленности.

Заключение

Лесная промышленность не привлекает большого внимания общественности, государственной власти и инвесторов. Промышленная революция создала множество альтернатив продукции из древесины, сведя на нет лесную ренту. Поэтому в отличие от нефти и газа лесные товары стоят ровно столько, сколько необходимо для их нормального производства. На лесном бизнесе не удается много заработать, а для государств зачастую лесное дело и вовсе является обременением. Именно по этой причине в мире нет стран, в которых лесная промышленность была бы важнейшим сектором экономики.

В работе показано, что, несмотря на кризис, последовавший за распадом СССР, российской лесной промышленности удалось не только сохранить, но и упрочить свои позиции на мировом рынке лесной продукции, расширить экспорт и нарастить обеспеченность внутреннего рынка лесоматериалами и потребительскими товарами. Даже тяжелый удар европейских санкций 2022–2023 гг. отрасль прошла достойно, хотя и не без потерь.

Между тем анализ на длительном промежутке времени показывает, что все эти драматические кратко- и среднесрочные события не меняют главного факта: отрасли не удается полноценно использовать свой потенциал, имея в виду гигантские по меркам всей планеты запасы древесного сырья. Его, очевидно, достаточно, чтобы серьезно изменить положение дел во всем мировом лесном деле. Однако для этого необходимы долгосрочные инвестиции не только в расширение выпуска продукции, но и в воспроизводство лесных ресурсов, создание системы управления ими на десятилетия вперед.

Развитие внутреннего спроса зависит от покупательской способности населения и его численности. В условиях сложной демографической ситуации единственная надежда остается на опережающий экономический рост, причем не только за счет отдельных секторов экономики, но и в «неприоритетных» ее частях. Только интенсивный рост благосостояния населения позволит предъявить повышенный спрос на жилищное и коммерческое строительство, мебель, товары для дома, упаковочные материалы, востребованные современной городской экономикой.

---

[18] Segezha Group. Годовой отчет – 2023. https://segezha-group.com/upload/iblock/166/nyak13rwuscd1qrf5gi6880ssmzp1qg6.pdf

[19] Там же.

Список литературы

Алексеев, А., Лавровский, Б. (2021). Тридцать лет без СССР (годовщина или година?). *ЭКО*, *51*(12), 9–23. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-12-9-23

Андреев, М. Ю., Полбин, А. В. (2023). Оценка макроэкономических эффектов от ожидаемого сокращения нефтегазовых доходов. *Вопросы экономики*, *4*, 5–28. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-5-28

Андрюшин, С. А., Григорьев, Р. А. (2022). Обрабатывающая промышленность России, антикризисные меры, кредитный перегрев и предложения для Банка России в условиях новых антироссийских санкций. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(2), 294–314. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.294-314

Антонова, Н. (2017). Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: Дальневосточный срез. *Пространственная экономика*, *3*(51), 83–106. https://doi.org/10.14530/se.2017.3.083-106

Белоусов, Д. Р., Сальников, В. А., Апокин, А. Ю., Фролов, И. Э. (2008). Направления технологической модернизации ведущих отраслей российской промышленности. *Проблемы прогнозирования*, *6*, 3–18.

Воскобойников, И. Б., Дрябина, Е. В. (2010). Историческая статистика основных фондов российской промышленности в 1970– 2004 годах. *Вопросы статистики*, *3*, 28–45.

Вукович, Н. А., & Мехренцев, А. В. (2023). Состояние и перспективы развития рынка древесных пеллет в России. *ЭКО*, *53*(6), 122–136. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-6-122-136

Гордеев, Р. В., & Пыжев, А. И. (2023). Лесная промышленность России в условиях санкций: Потери и новые возможности. *Вопросы экономики*, *4*, 45–66. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-45-66

Демаре, А. (2024). *Обратный эффект санкций. Как санкции меняют мир не в интересах США*. Москва: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус.

Ильин, В. А., Морев, М. В. (2024). «Вернуть государство в родную гавань». К вопросу об обеспечении преемственности суверенного развития. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, *4*, 9–38. https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.1

Колганов, А. И. (2021). Советское планирование: Что и почему актуально в XXI в. *Экономическая наука современной России*, *4*, 127–132. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4(95)-127-132

Коссов, В. В. (2020). Работа Госплана СССР как искусство возможного. Беседа Алексея Сафронова с Владимиром Коссовым. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, *5*, 189–206.

Кувалин, Д. Б., Зинченко, Ю. В., Лавриненко, П. А. (2021). Российские предприятия весной 2020 года: Реакция на пандемию COVID-19 и мнения о роли государства в экономике. *Проблемы прогнозирования*, *32*(1), 164–176. https://doi.org/10.47711/0868-6351-184-164-176

Лапин, Г. П. (2019). *Эпоха лесного экспорта на Енисее (летопись Игарского ЛПК за 80 лет)*. Красноярск: ИД «Класс Плюс».

Ленчук, Е. Б., Войтоловский, Ф. Г., Кувалин, Д. Б. (2020). Стратегическое планирование в государственном управлении: Опыт, возможности и перспективы. *Проблемы прогнозирования*, *6*, 46–55. https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-46-55

Лукин, Е. В. (2023). Экономика Северо-запада России: в поисках перспективной специализации. *ЭКО*, *53*(8), 8–34. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-8-8-34

Любомиров, П. Г. (1941). Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX вв. В кн. *Исторические записки* (с. 222–249). Москва: АН СССР.

Малкина, М. Ю., & Балакин, Р. В. (2024). Тенденции развития российской экономики в период новых антироссийских санкций. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 287–313. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.287-313

Мау, В. А. (2024). Экономика развитого социализма: Опыт и уроки. *Вопросы экономики*, *11*, 90–119. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-11-90-119

Миронов, А. В. (2015). Проблемы развития целлюлозно-бумажной промышленности в России. *Проблемы развития территории*, *6*, 63–72.

Мустафин, А. Р. (2023). Краски, бумага и «ножницы» цен: к вопросу об экономической отсталости России в XVIII веке. *Вопросы экономики*, *11*, 109–122. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-109-122

Одлис, Д. Б., Шегельман, И. Р. (2012). Анализ состояния лесного машиностроения в дореформенной экономике Карелии и выбор перспективных направлений его развития. *Микроэкономика*, *1*, 73–75.

Пономаренко, А. Н. (2000). Исторические национальные счета России: 1961–1990 гг. *Экономический журнал ВШЭ*, *4*, 505–527.

Прохоров, А. (2021). *Русская модель управления* (6-е изд.). Москва: Изд-во Студии Артемия Лебедева.

Пыжев, А. И. (2021). Исследования экономики лесного комплекса России: Библиометрический анализ. *Terra Economicus*, *19*(1), 63–77. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-63-77

Пыжев, А. И. (2022a). Климатическую повестку никто не отменял: почему это важно для российской экономики. *ЭКО*, *7*, 31–50. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-7-31-50

Пыжев, А. И. (2022b). Лесной комплекс России за годы реформ: Больше законов, но меньше порядка? *Journal of Institutional Studies*, *14*(3), 91–102. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.091-102

Пыжев, А. И. (2023). Российская целлюлозно-бумажная промышленность: В поисках новых точек роста. *Экономика и управление*, *29*(8), 847–862.

Рязанов, В. А. (2023). Япония и Южная Корея как рынки для российских экспортеров древесных гранул. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, *1*, 130–142. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_1_130_142

Сальников, В. А. (2021). Прохождение кризиса COVID-19 российской промышленностью: Взгляд с макроуровня. *Журнал Новой экономической ассоциации*, *4*(52), 246–252. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-52-4-13

Фролов, И. Э. (2024). Академик Ю. В. Яременко: Мы должны быть равны сами себе. *AlterEconomics*, *21*(1), 123–140. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.8

Ханин, Г. И. (2016). Надо ли защищать советскую экономику лукавыми цифрами? *Terra Economicus*, *14*(1), 18–26. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2016-14-1-18-26

Чеплинските, И. Р., Лукин, Е. В. (2024). Особенности экспортной специализации регионов СЗФО в рамках концепции экономической сложности. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, *17*(2), 81–95. https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.4

Широв, А. А., Белоусов, Д. Р., Блохин, А. А., Борисов, В., Ганичев, Н., Говтвань, О., Гусев, М., Единак, Е., Клепач, А., Колпаков, А. et al. (2020). *Посткризисное восстановление экономики и основные направления прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г.: научный доклад*. Москва: Наука.

Яременко, Ю. В. (1998). *Экономические беседы. Запись С. А. Белановского*. Москва: Центр исследований и статистики науки.

Яременко, Ю. В. (2000). *Теория и методология исследования многоуровневой экономики*. Москва: Наука.

Яременко, Ю. В. (2001). Экономический рост. Структурная политика. *Проблемы прогнозирования*, *1*, 6–14.

Bösch, M. (2021). Institutional quality, economic development and illegal logging: A quantitative cross-national analysis. *European Journal of Forest Research*, *140*(5), 1049–1064. https://doi.org/10.1007/s10342-021-01382-z

Bottaro, G., Liagre, L., & Pettenella, D. (2024). The forest sector in EU member states' national recovery and resilience plans: A preliminary analysis. *Forest Policy and Economics*, *160*, 103157. https://doi.org/10.1016/j.forpol.2024.103157

Gustafson, T. (2021). *Klimat: Russia in the age of climate change*. Harvard University Press.

Johnston, C. M. T., Guo, J., & Prestemon, J. P. (2022). U.S. and global wood energy outlook under alternative shared socioeconomic pathways. *Forests*, *13*(5), 786. https://doi.org/10.3390/f13050786

Jonsson, R., & Rinaldi, F. (2017). The impact on global wood-product markets of increasing consumption of wood pellets within the European Union. *Energy*, *133*, 864–878. https://doi.org/10.1016/j.energy.2017.05.178

Murray, J., & King, D. (2012). Oil's tipping point has passed. *Nature*, *481*(7382), 433–435. https://doi.org/10.1038/481433a

Norouzi, N., Fani, M., & Ziarani, Z. K. (2020). The fall of oil age: a scenario planning approach over the last peak oil of human history by 2040. *Journal of Petroleum Science and Engineering*, *188*, 106827. https://doi.org/10.1016/j.petrol.2019.106827

Sohag, K., Gainetdinova, A., & Mariev, O. (2023). Economic growth, institutional quality and deforestation: Evidence from Russia. *Forest Policy and Economics*, *150*, 102949. https://doi.org/10.1016/j.forpol.2023.102949

Torniainen, T. J., Saastamoinen, O. J., & Petrov, A. P. (2006). Russian forest policy in the turmoil of the changing balance of power. *Forest Policy and Economics*, *9*(4), 403–416. https://doi.org/10.1016/j.forpol.2005.12.003

Ulybina, O. (2014). Russian forests: The path of reform. *Forest Policy and Economics*, *38*, 143–150. https://doi.org/10.1016/j.forpol.2013.06.019

Voskoboynikov, I. B. (2021). Accounting for growth in the USSR and Russia, 1950–2012. *Journal of Economic Surveys*, *35*(3), 870–894. https://doi.org/10.1111/joes.12426

References

Alekseev, A., & Lavrovsky, B. (2021). Thirty years without the USSR. *ECO*, *51*(12), 9–23. (In Russ.). https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-12-9-23

Andreev, M. Y., & Polbin, A. V. (2023). Macroeconomic effects of the expected future decline in oil revenues for the Russian economy under capital control. *Voprosy ekonomiki*, *4*, 5–28. (In Russ.). https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-5-28

Andryushin, S. A., & Grigoriev, R. A. (2022). Processing industry of Russia, anticrisis measures, credit excess and offers for the Bank of Russia under new anti-Russia sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, *16*(2), 294–314. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.294-314

Antonova, N. (2017). Transformation of the forest complex during the years of Russian reforms: The Far Eastern Viewpoint. *Spatial Economics*, *3*(51), 83–106. (In Russ.). https://doi.org/10.14530/se.2017.3.083-106

Belousov, D. R., Salnikov, V. A., Apokin, A. Y., & Frolov, I. E. (2008). Directions of technological modernization of the leading branches of Russian industry. *Problemy Prognozirovaniya*, *6*, 3–18. (In Russ.).

Bösch, M. (2021). Institutional quality, economic development and illegal logging: A quantitative cross-national analysis. *European Journal of Forest Research*, *140*(5), 1049–1064. https://doi.org/10.1007/s10342-021-01382-z

Bottaro, G., Liagre, L., & Pettenella, D. (2024). The forest sector in EU member states' national recovery and resilience plans: A preliminary analysis. *Forest Policy and Economics*, *160*, 103157. https://doi.org/10.1016/j.forpol.2024.103157

Cheplinskite, I. R., & Lukin, E. V. (2024). Characterizing Export Specialization of Northwestern Federal District Regions within the Framework of the Economic Complexity Concept. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, *17*(2), 81–95. (In Russ.). https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.4

Demare, A. (2024). *The reverse effect of sanctions. How sanctions are changing the world not in the interests of the United States*. Moscow: Azbuka Business, Azbuka-Atticus. (In Russ.).

Frolov, I. E. (2024). Academician Yu. V. Yaremenko: We must be equal to ourselves. *AlterEconomics*, *21*(1), 123–140. (In Russ.). https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.8

Gordeev, R. V., & Pyzhev, A. I. (2023). The timber industry in Russia under sanctions: Losses and opportunities. *Voprosy Ekonomiki*, *4*, 45–66. (In Russ.). https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-45-66

Gustafson, T. (2021). *Klimat : Russia in the age of climate change*. Harvard University Press.

Ilyin, V. A., & Morev, M. V. (2024). "Returning the State to Its Native Harbor". On the Issue of Ensuring the Continuity of Sovereign Development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, *17*(4), 9–38. (In Russ.). https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.1

Johnston, C. M. T., Guo, J., & Prestemon, J. P. (2022). U.S. and global wood energy outlook under alternative shared socioeconomic pathways. *Forests*, *13*(5), 786. https://doi.org/10.3390/f13050786

Jonsson, R., & Rinaldi, F. (2017). The impact on global wood-product markets of increasing consumption of wood pellets within the European Union. *Energy*, *133*, 864–878. https://doi.org/10.1016/j.energy.2017.05.178

Khanin, G. I. (2016). Whether Soviet economy needs to be protected by the crafty figures? *Terra Economicus*, *14*(1), 18–26. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2016-14-1-18-26

Kolganov, A. I. (2021). Soviet Planning: What and Why is Relevant in the XXI Century. *Economics of Contemporary Russia*, *4*, 127–132. (In Russ.). https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-4(95)-127-132

Kossov, V. V. (2020). The work of the USSR State Planning Committee as the art of the possible. Aleksey Safronov's conversation with Vladimir Kossov. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kulture*, *5*, 189–206. (In Russ.).

Kuvalin, D. B., Zinchenko, Y. V., & Lavrinenko, P. A. (2021). Russian enterprises in the spring 2020: Covid-19 pandemic reactions and opinions on the role of the state in the economy. *Studies on Russian Economic Development, 32*(1), 164-176. (In Russ.). https://doi.org/10.47711/0868-6351-184-164-176

Lapin, G. P. (2019). *The era of forest exports on the Yenisei (the 80 years chronicle of the Igarsky timber industry complex))*. Class Plus Publishing House. (In Russ.).

Lenchuk, E. B., Voytolovsky, F. G., & Kuvalin, D. B. (2020). Strategic planning in public administration: experience, opportunities and prospects. *Problemy Prognozirovaniya*, *6*, 46–55. (In Russ.). https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-46-55

Lukin, E. V. (2023). The economy of northwest Russia: In search of prospective specialization. *EKO*, *53*(8), 8–34. (In Russ.). https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-8-8-34

Lyubomirov, P. G. (1941). From the history of sawmill production in Russia in the 17th, 18th and early 19th centuries. In *Historical notes* (pp. 222–249). Moscow: AS USSR. (In Russ.).

Malkina, M. Y., & Balakin, R. V. (2024). Trends in the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(2), 287–313. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.287-313

Mau, V. A. (2024). Economic system of developed socialism: Experience and lessons. *Voprosy Ekonomiki*, *11*, 90–119. (In Russ.). https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-11-90-119

Mironov, A. V. (2015). Iswsues of development of pulp and paper industry in Russia. *Problems of Territory's Development*, *6*(80), 63–72. (In Russ.).

Murray, J., & King, D. (2012). Oil's tipping point has passed. *Nature*, *481*(7382), 433–435. https://doi.org/10.1038/481433a

Mustafin, A. R. (2023). Paints, paper and "scissors" prices: On economic backwardness of eighteenth-century Russia. *Voprosy Ekonomiki*, *11*, 109–122. (In Russ.). https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-109-122

Norouzi, N., Fani, M., & Ziarani, Z. K. (2020). The fall of oil age:a scenario planning approach over the last peak oil of human history by 2040. *Journal of Petroleum Science and Engineering*, *188*, 106827. https://doi.org/10.1016/j.petrol.2019.106827

Odlis, D. B., & Shegelman, I. R. (2012). Analysis of the state of forestry machine-building in the pre-reform economy of Karelia and selection of promising areas for its development. *Microeconomics*, *1*, 73–75. (In Russ.).

Ponomarenko, A. N. (2000). Historical national accounts of Russia: 1961–1990. *Economic Journal of the Higher School of Economics*, *4*(4), 505–527. (In Russ.).

Prokhorov, A. (2021). *Russian management model* (6th ed.). Artemy Lebedev Studio. (In Russ.).

Pyzhev, A. I. (2021). Studies on the Russian forest industry: Bibliometric analysis. *Terra Economicus*, *19*(1), 63–77. (In Russ.). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-63-77

Pyzhev, A. I. (2022a). No one has cancelled the climate agenda: why is it important for the Russian Economy? *ECO*, *7*, 31–50. (In Russ.). https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-7-31-50

Pyzhev, A. I. (2022b). Russia's forest sector after the years of reforms: more laws, but less order? *Journal of Institutional Studies*, *14*(3), 91–102. (In Russ.). https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.091-102

Pyzhev, A. I. (2023). Russian pulp and paper industry: In search of new points of growth. *Economy and Management*, *29*(8), 847–862. (In Russ.).

Ryazanov, V. A. (2023). Japan and South Korea as markets for Russian exporters of wood pellets. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*, *1*, 130–142. (In Russ.). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_1_130_142

Salnikov, V. A. (2021). Passage of the COVID-19 crisis by Russian industry: A macro-level view. *Journal of the New Economic Association*, 4(52), 246–252. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-52-4-13

Shirov, A. A., Belousov, D. R., Blokhin, A. A., Borisov, V., Ganichev, N., Govtvan, O., Gusev, M., Yedinak, E., Klepach, A., Kolpakov, A. et. al. (2020). *Post-crisis economic recovery and the main directions of forecasting Russia's socio-economic development up to 2035: scientific report*. Moscow: Science.

Sohag, K., Gainetdinova, A., & Mariev, O. (2023). Economic growth, institutional quality and deforestation: Evidence from russia. *Forest Policy and Economics*, *150*, 102949. https://doi.org/10.1016/j.forpol.2023.102949

Torniainen, T. J., Saastamoinen, O. J., & Petrov, A. P. (2006). Russian forest policy in the turmoil of the changing balance of power. *Forest Policy and Economics*, *9*(4), 403–416. https://doi.org/10.1016/j.forpol.2005.12.003

Ulybina, O. (2014). Russian forests: The path of reform. *Forest Policy and Economics*, *38*, 143–150. https://doi.org/10.1016/j.forpol.2013.06.019

Voskoboynikov, I. B. (2021). Accounting for growth in the USSR and Russia, 1950–2012. *Journal of Economic Surveys*, *35*(3), 870–894. https://doi.org/10.1111/joes.12426

Voskoboynikov, I. B., & Dryabina, E. V. (2010). Historical statistics of the Russian industry fixed assets in 1970-2004. *Voprosy Statistiki*, *3,* 28–45. (In Russ.).

Vukovich, N. A., & Mekhrentsev, A. V. (2023). The state and development prospects of the wood pellet market in Russia. *ECO*, *53*(6), 122–136. (In Russ.). https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-6-122-136

Yaremenko, Y. V. (1998). *Conversations on Economics. Recording by S. A. Belanovsky.* Moscow: Center for research and statistics of science. (In Russ.).

Yaremenko, Y. V. (2000). *Theory and methodology of multilevel economics research*. Moscow, Nauka. (In Russ.).

Yaremenko, Y. V. (2001). Economic growth. Structural policy. *Studies on Russian Economic Development*, *1*, 6–14. (In Russ.).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 21.01.2025
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 10.02.2025
Дата принятия в печать / Accepted 10.02.2025

ТРУДОВОЕ ПРАВО / LABOR LAW

Редактор рубрики *А. Г. Никитин* / Rubric editor *A. G. Nikitin*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/ 2782-2923.2025.1.100-109**

УДК / UDC 340.1:349.2

К. Л. Томашевский[1, 2]

[1] Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань, Россия

[2] Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия

Научные идеи С. С. Алексеева и их влияние на систему и принципы трудового права

Томашевский Кирилл Леонидович, доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова; главный научный сотрудник научно-исследовательского сектора управления научной и инновационной деятельности, Марийский государственный университет
E-mail: k_tomashevski@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-4098-4943
Scopus Author ID: 13608916900
Web of Science Researcher ID: K-9961-2016
eLIBRARY SPIN-код: 8440-8299

Аннотация

Цель: выявление степени влияния концептуальных научных идей С. С. Алексеева на развитие доктрины трудового права.

Методы: диалектический метод познания, а также комплекс общенаучных (системного анализа, синтеза, классификации, обобщения, индукции, дедукции) и частноправовых методов (формально юридического, сравнительно-правового).

Результаты: исследован генезис взглядов С. С. Алексеева на систему и структуру права, их восприятие и учет в системе отрасли трудового права. Автором показаны три концептуальных подхода к построению системы отрасли трудового права и обосновывается деление особенной части трудового права на три подотрасли: индивидуальное, коллективное и процедурно-процессуальное трудовое право. Проанализированы взгляды С. С. Алексеева на принципы права, в том числе их классификацию и выделение основных, межотраслевых, отраслевых принципов права и принципов правовых институтов.

Научная новизна: анализ влияния и восприятия идей С. С. Алексеева на отраслевом уровне (прежде всего в науке трудового права) не был до настоящего времени предметом научного исследования. В работе показана значимость идей естественного права и их восприятия в позитивном праве, в том числе трудовом, а также воплощение идей С. С. Алексеева на человекоцентризм и гуманизм в национальном трудовом праве. Обоснован вывод о влиянии взглядов С. С. Алексеева на формулирование ряда принципов трудового права, закрепленных в Конституции РФ и Трудовом кодексе РФ, в том числе свободы труда, социальной справедливости и некоторых иных руководящих правовых начал данной отрасли.

© Томашевский К. Л., 2025

Практическая значимость: выражается в том, что положения о системе трудового права могут быть использованы при последующей систематизации, в том числе при новой кодификации трудового законодательства, а идеи о принципах трудового права могут быть применены при совершенствовании ст. 2 Трудового кодекса РФ и учитываться судами и иными правоприменительными органами при преодолении пробелов в праве и разрешении юридических коллизий и иных дефектов в праве.

Ключевые слова:
трудовое право, научные идеи С. С. Алексеева, трудовое право, система трудового права, принципы трудового права

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Томашевский, К. Л. (2025). Научные идеи С. С. Алексеева и их влияние на систему и принципы трудового права. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 100–109. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.100-109

Scientific article

K. L. Tomashevski[1, 2]

[1] *Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia*

[2] *Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia*

Scientific ideas of S. S. Alekseyev and their influence on the system and principles of labor law

Kirill L. Tomashevski, Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean of Law Faculty on scientific research, Professor of the Department of Civil and Entrepreneurship Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov; Chief Researcher, scientific-research sector of the office for scientific and innovative activity, Mari State University
E-mail: TomashevskijKL@ieml.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4098-4943
Scopus Author ID: 13608916900
Web of Science Researcher ID: K-9961-2016
eLIBRARY SPIN-code: 8440-8299

Abstract
Objective: to identify the influence of conceptual scientific ideas of S. S. Alekseev on the development of the labor law doctrine.
Methods: dialectical method of cognition, as well as a set of general scientific (system analysis, synthesis, classification, generalization, induction, deduction) and specific-legal (formal-legal, comparative-legal) methods.
Results: the genesis of S. S. Alekseev's views on the system and structure of law, their perception and consideration in the system of labor law was investigated. The author shows three conceptual approaches to building the labor law system and substantiates the division of the special part of labor law into three sub-branches: individual, collective and procedural labor law. S. S. Alekseev's views on the principles of law are analyzed, including their classification into basic, inter-sectoral, and sectoral principles of law and principles of legal institutions.
Scientific novelty: the analysis of the influence and perception of S. S. Alekseev's ideas at the sectoral level (primarily in the science of labor law) has not been the topic of scientific research so far. The work shows the significance of the ideas of natural law and their perception in positive law, including labor law, as well as the embodiment of S. S. Alekseev's ideas on human-centrism and humanism in the national labor law. The author substantiates the conclusion about the influence of S. S. Alekseev's views on the formulation of labor law, enshrined in the Constitution of the Russian Federation and the Labor Code of the Russian Federation, including freedom of labor, social justice and some other guiding legal principles of this sector.

Practical significance: is expressed in the fact that the ideas about the labor law system can be used in the subsequent systematization, including in the new codification of labor legislation. The ideas about the labor law principles can be applied for the improvement of Article 2 of the Labor Code of the Russian Federation and be taken into account by courts and other law enforcement agencies in overcoming gaps in law and resolving legal conflicts and other defects in law.

Keywords:

labor law, scientific ideas of S. S. Alekseev, labor law, system of labor law, principles of labor law

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Tomashevski, K. L. (2025). Scientific ideas of S. S. Alekseyev and their influence on the system and principles of labor law. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 100–109. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.100-109

Введение

В 2024 г. отмечается 100-летний юбилей выдающегося советского и российского ученого-теоретика и правоведа-цивилиста Сергея Сергеевича Алексеева (1924–2013). Его научному наследию в России, на первый взгляд, уделяется довольно много внимания. В 2010 г. был издан 10-томник его трудов, состоящий преимущественно из научных и учебных работ. Последняя сессия Европейско-Азиатского правового конгресса, проходившая 23–24 мая 2024 г. в Екатеринбурге, была посвящена его 100-летнему юбилею, где были озвучены некоторые мысли, изложенные в настоящей статье.

Вместе с тем анализ влияния и восприятия научных общетеоретических идей С. С. Алексеева на отраслевом уровне (прежде всего в науке трудового права) не был до настоящего времени предметом научного исследования. Этим фактом и обусловлены как новизна, так и цель написания настоящей статьи – выявить степень влияния научных идей и взглядов С. С. Алексеева на развитие доктрины трудового права на примере двух фундаментальных проблем общей части трудового права, таких как система и принципы трудового права.

Правовая доктрина, формируемая в первую очередь в рамках научных разработок известных ученых-юристов, оказывала в прошлом и продолжает оказывать в настоящее время воздействие на построение всей системы права, системы законодательства, а также на принципы права. Иногда это воздействие носит позитивный, прогрессивный характер, совершенствуя действующее законодательство, порой – негативный, приводя к его разбалансировке, появлению тех или иных пробелов в праве, юридических коллизий и иных дефектов. Не является исключением и трудовое право, на развитие которого в той или иной степени оказали влияние и концептуальные научные идеи С. С. Алексеева, воплощенные и учитываемые в доктрине трудового права учеными-правоведами, а также в закреплении принципов трудового права в трудовом законодательстве России.

Результаты исследования

1. Идеи С. С. Алексеева по системе и структуре права и их влияние на систему и структуру трудового права

Из более чем двух десятков учебников, пособий и научных работ С. С. Алексеева монография «Структура советского права» (Алексеев, 1975) относится к циклу его фундаментальных научных разработок в общей теории права и в цивилистике и одновременно обозначает дальнейшие углубленные концептуальные подходы правоведа к общетеоретическим вопросам системы и структуры права. В 10-томном собрании сочинений С. С. Алексеева эта монография включена во второй том «Специальные вопросы правоведения». Далее процитируем некоторые концептуальные идеи автора этой книги, с которыми специалисты в области трудового права вряд ли будут спорить и которые имеют прямое отношение к структуре и системе, в том числе и трудового права.

С. С. Алексеев писал во введении: «Если право, правосознание, нормативные и индивидуальные акты, правоотношения – словом, все части юридической надстройки образуют цельный, взаимодействующий во всех своих частях механизм регулирования общественных отношений, то и сами нормы – основа механизма правового регулирования – выступают в качестве единой структурно-сложной регулятивной системы» (Алексеев, 1975. С. 4). В этой работе, хотя и не столь однозначно, но уже намечается постепенный отход ученого от господствовавшей в советской теории права с конца 1930-х гг. узко-нормативистской (юридико-позитивистской, легистской) концепции правопонимания. Параллельно с С. С. Алексеевым этот концепт широкого правопонимания стал обосновывать в своих работах конца 1970-х – начала 1980-х гг. В. С. Нерсесянц (Нерсесянц, 1983).

С. С. Алексеев пишет: «Структура права при такой трактовке выражается в первую очередь в реальной внутренней расчлененности данной национальной правовой системы, дифференцированности, в «наборе» ее составных компонентов – отраслей, институтов, норм, их элементов. Лишь при таком подходе к структуре права возможно решение теоретико-практических задач, стоящих перед юридической наукой» (Алексеев, 1975. С. 18). С этим утверждением сложно поспорить. Подобный подход к построению структуры права является классическим и характерным как для советской, так и постсоветской юриспруденции.

В следующей главе той же монографии, рассуждая об элементах структуры права, С. С. Алексеев отмечает: «Разумеется, этой триадой (норма, институт, отрасль) не исчерпывается сложное строение права. Указанные звенья характеризуют лишь главные вехи правовой системы. Кроме норм, институтов, отраслей, которые являются необходимыми элементами правовой системы и потому «обязательно следуют один за другим», есть и такие не всегда необходимые правовые образования, как субинституты и подотрасли. Особое место в правовой системе занимают правовые принципы» (Алексеев, 1975. С. 23). Этот тезис об элементах системы (структуры права) также был воспринят в науке трудового права и широко представлен в учебной литературе. Ограничимся одним примером: институт трудового договора, который относится к центральному институту трудового права (его особенной части), делится как минимум на три правовых подынститута: заключение трудового договора, изменение трудового договора и прекращение трудового договора. Заметим, что Л. Ю. Бугров позднее обосновал отнесение к этому правовому институту еще и четвертого субинститута – приостановление трудового договора (Бугров, 2013. С. 411–432), что было поддержано как российскими (Чуча, 2023. С. 97), так и белорусскими учеными-юристами (Курылева, Томашевский, 2014. С. 300–302).

Из концептуальных идей С. С. Алексеева о структуре права и его элементов могут быть реализованы на отраслевом уровне, в том числе и в трудовом праве, различные собственные концептуальные подходы.

Здесь уместно вспомнить и про монографию М. В. Молодцова, посвященную системам трудового права и трудового законодательства (Молодцов, 1985), многие научные идеи которого также внесли свою лепту в научное обоснование построения российской отрасли трудового права и опирались на предшествующие общетеоретические разработки С. С. Алексеева.

Вообще, в науке трудового права (не только российской, но и белорусской) сформировались по меньшей мере **три концептуальных подхода** к системе отрасли трудового права:

1) *традиционный подход*, широко разделяемый в науке трудового права, предполагающий деление отрасли трудового права на общую и особенную части с последующим разделением частей на правовые институты, иногда и подынституты[1];

2) *концептуальный подход В. М. Лебедева* (Лебедев, 1997. С. 15–18), который обосновал выделение наряду с общей и особенной частями отрасли еще и специальной части, в которой представлены нормы трудового права, обеспечивающие дифференциацию правового регулирования труда с отдельными категориями работников. К этому подходу позднее присоединились и некоторые другие ученые-юристы[2];

3) *концептуальный подход В. Г. Мельниковой* (Мельникова, 2004. С. 19–25) и К. Л. Томашевского (Томашевский, 2009. С. 145–149)[3], согласно которому в структуре особенной части трудового права выделяются блоки

[1] Куренной, А. М. (2020). Трудовое право России: учебник (4-е изд., испр. и доп.). Москва: Проспект; Гусов, К. Н., Лютов, Н. Л. (ред.) (2023). Трудовое право России: учебник для бакалавров. Москва: Проспект.

[2] Лушников, А. М., Лушникова, М. В. (2024). Трудовое право: учебник. Москва: Проспект. С. 84; Еремина, С. Н., Степанова, Е. А. (ред.) (2023). Трудовое право: учебник. Москва: ИНФРА-М. С. 42–43.

[3] Томашевский, К. Л., Волк, Е. А. (2023). Трудовое право: учеб. пособие (5-е изд., испр. и доп.). Минск: Амалфея. С. 45–46.

(по сути подотрасли): индивидуального трудового права, коллективного трудового права и процедурно-процессуального трудового права с последующим делением их на правовые институты. Данный концептуальный подход с делением трудового права на три части (индивидуальное, коллективное и процессуальное трудовое право) характерен для романо-германской правовой семьи (Австрия, Германия). Российская и белорусская правовые системы, как известно, относятся к романо-германской правовой семье, что не может не оказывать влияния и на построение отраслей национального права.

Обратим внимание, что условное деление на общую и особенную части, а также структурирование в последней индивидуального, коллективного и процедурно-процессуального трудового права с теми и или иными национальными особенностями встречается и в трудовом законодательстве государств – членов ЕАЭС. Так, хотя общая и особенная части в Трудовом кодексе Российской Федерации структурно не выделены, но, по сути, общая часть охватывается частью первой с разд. I «Общие положения», коллективное трудовое право – частью второй с разд. II «Социальное партнерство в сфере труда», индивидуальное трудовое право – частями третьей и четвертой, а процессуальное трудовое право – частью пятой с разд. XIII «Защита трудовых прав и свобод. Рассмотрение и разрешение трудовых споров…». Схожую структуру имеет и Трудовой кодекс Кыргызской Республики 2004 г., в котором разд. I назван «Общая часть», разд. II включает нормы коллективного трудового права (права социального партнерства), а разд. IX – процессуального трудового права. В структуре Трудового кодекса Республики Беларусь также при отсутствии выделения общей и особенной частей, разд. I «Общие положения» концентрирует в себе нормы общей части отрасли, разд. II «Общие правила регулирования индивидуальных трудовых и связанных с ними отношений» в гл. 2–16 сосредоточил в себе институты индивидуального трудового права, а разд. IV «Общие правила регулирования коллективных трудовых отношений» – нормы коллективного трудового права. При этом институты индивидуальных и коллективных трудовых споров оказались в различных разделах ТК Беларуси (гл. 17 и 36), что не является оптимальным законодательным решением с точки зрения отражения в структуре ТК системы отрасли трудового права, о чем мы ранее писали (Томашевский, 2009). Для сравнения в Трудовом кодексе Республики Казахстан 2015 г. четко выделены общая и особенная части. При этом общей частью охватываются гл. 1–3, особенной частью – все оставшиеся. Недостаток же структуры ТК Казахстана усматривается в том, что в разд. III «Социальное партнерство и коллективные отношения в сфере труда» оказались индивидуальные трудовые (гл. 15) и коллективные трудовые споры (гл. 16). Очевидно, что институт индивидуальных трудовых споров отношения к сфере социального партнерства и коллективным отношениям в сфере труда не имеет (за исключением порядка формирования согласительных комиссий). Более логичным в этом вопросе представляется подход, избранный российским и кыргызским законодателями, которые перенесли главы об индивидуальных и коллективных трудовых спорах в отдельный раздел, посвященный защите трудовых прав, т. е., по существу, процессуальному трудовому праву.

С. С. Алексеев, рассматривая разновидности отраслей права, проводил разграничительные линии между «основными отраслями, выражающими главную структуру права, и комплексными отраслями» (Алексеев, 2010. Т. 2. С. 160).

В основных отраслях права, по мысли ученого, «воплощаются все признаки и особенности, свойственные отраслям как наиболее крупным и важным подразделениям правовой системы» (Алексеев, 2010. Т. 2. С. 163).

Среди основных отраслей права С. С. Алексеев выделял профилирующие (государственное, административное, гражданское, уголовное право) и специальные. По мнению того же ученого, «специальные основные отрасли – это развившиеся на базе профилирующих отраслей правовые общности, призванные обеспечить специализированный правовой режим для данного вида социалистических общественных отношений» (Алексеев, 2010. Т. 2. С. 165). К ним С. С. Алексеев относил и трудовое право, а вот исправительно-трудовое право рассматривал как комплексную отрасль. Согласимся с тезисом о том, что трудовое право – это специальная основная отрасль права. Отметим, что многие ученые-теоретики считают ее отраслью частного права. Здесь уместно вспомнить мысли С. С. Алексеева на соотношение публичного и частного в праве. Ученый не без основания писал, что «в результате взаимодействия публичного и частного права границы между ними не всегда являются достаточно строгими (пример тому – трудовое право, семейное право)» (Алексеев, 1999a. С. 218). В другой своей работе он подчеркивает, что «в практической жизни, особенно на нынешних этапах развития общества, публичное и частное право во многих случаях оказываются перемешанными”» (Алексеев, 1999b. С. 26). Неслучайно большинство ученых в области трудового права считают эту отрасль права частно-публичной или публично-частной.

В разделе монографии, посвященной генетическим связям отраслей права, С. С. Алексеев анализирует, в том числе и на примере трудового права, генезис формирования специальных основных отраслей права на базе гражданского и административного права. В частности, он пишет о том, что «преобразование первичной правовой ткани, обусловленное усилением императивного регулирования, пусть в небольшой степени, но приблизило регулирование трудовых, колхозных, семейных отношений к тому типу, который свойствен административному праву. И это повысило уровень совместимости рассматриваемых видов регулирования. Отсюда становится понятным, почему институты трудового, колхозного и семейного права могут объединяться с институтами административного права в цельные комплексы» (Алексеев, 1975. С. 230). В качестве примера он называет институты трудоустройства, надзора и контроля за трудовым законодательством, которые действительно можно рассматривать в качестве комплексных.

2. О принципах права и принципах трудового права

Проблема принципов права является одной из фундаментальных, наряду с предметом и методом правового регулирования, функциями права. Не случайно, что к ней было приковано внимание большинства ученых-теоретиков и специалистов в отраслевых юридических науках.

Очень кратко коснемся взглядов и идей С. С. Алексеева на принципы права и то, как они повлияли на их обоснование в науке трудового права и последующее закрепление в трудовом законодательстве.

За основу возьмем фундаментальный двухтомный курс «Проблемы теории права» (1972 г.), в первом томе которого С. С. Алексеев довольно емко изложил свои взгляды на принципы социалистического права (Алексеев, 2010. Т. 3. С. 100–110).

По мнению С. С. Алексеева, принципы права – это «выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни» (Алексеев, 2010. Т. 3. С. 100). Приведенное научное определение повторяется и в других его книгах[4]. С этими доктринальными дефинициями сложно поспорить, они уже являются общепризнанными. Опираясь в том числе и на научные разработки С. С. Алексеева, ученый в области трудового права О. В. Смирнов писал, что принципы права – «не что иное, как концентрированное выражение совокупности сущностных системных свойств определенного множества отдельных норм права» (Смирнов, 1977). В свою очередь, И. К. Дмитриева под принципами трудового права понимала «исходные начала, основные положения, определяющие его единство, сущность правового регулирования и общую направленность развития отрасли трудового права» (Дмитриева, 2004. С. 53).

Весьма ценны рассуждения С. С. Алексеева о значении принципов права, в особенности правоприменительном значении. Ученый обращал внимание на значение принципов права для юридического регулирования общественных отношений, для юридической практики: «Претворение требований права в жизнь – это прежде всего полная и последовательная реализация заложенных в нем принципов. На практике при решении юридических дел необходимо в первую очередь руководствоваться правовыми принципами, что позволяет точно и правильно применять юридические нормы, принимать обоснованные и законные решения» (Алексеев, 2010. Т. 3. С. 102).

Здесь уместно заметить, что в реальной правоприменительной практике суды общей юрисдикции далеко не всегда, а скорее в редких случаях ориентируются на данный подход и рекомендацию ученого, обращаясь к принципам не в первую и даже не во вторую очередь, а скорее в последнюю: только в случае выявления явного пробела в трудовом законодательстве, когда нельзя преодолеть этот пробел по аналогии закона, обращаются к аналогии права, применяя принцип права.

С. С. Алексеев, рассуждая скорее о должном в праве, чем о сущем, высказывал следующие идеи: «Правовые принципы определяют линии судебной и иной юридической практики. Они помогают установить пробелы в законодательстве, необходимость отмены устаревших и принятие новых правовых норм. Правовые принципы – необходимая юридическая основа при восполнении “пробелов в праве”» (Алексеев, 2010. Т. 3. С. 102).

[4] Алексеев, С. С. (2008). Общая теория права: учебник (2-е изд., перераб. и доп.). Москва: ТК Велби, Изд-во Проспект. С. 75.

В качестве примера сошлемся на п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», согласно которому при рассмотрении дел о восстановлении на работе следует иметь в виду, что при реализации гарантий, предоставляемых ТК РФ работникам в случае расторжения с ними трудового договора, должен соблюдаться общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом, в том числе и со стороны самих работников. В п. 53 того же постановления суды ориентированы на то, что при привлечении работников к дисциплинарной ответственности работодателем должны соблюдаться общие принципы юридической, а следовательно, и дисциплинарной ответственности, таких как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм[5].

С. С. Алексеев классифицировал принципы права на общие, межотраслевые, отраслевые и принципы институтов (Алексеев, 1975). Для сравнения: другой ученый-теоретик и одновременно специалист в трудовом праве Н. Г. Александров проводил деление на общие, межотраслевые и внутриотраслевые принципы права (Александров, 1972. С. 69). Идеи этих ученых-юристов нашли дальнейшее развитие как в советской (Смирнов, 1977. С. 44–79), так и в современной российской науке трудового права (Дмитриева, 2004)[6]. Кроме того, отдельными учеными выделяются также принципы подотраслей трудового права (к примеру, основные принципы социального партнерства – это, по сути, принципы подотрасли коллективного трудового права) и даже принципы отдельных подынститутов (например, принципы подынститутов заключения трудового договора, изменения трудового договора, прекращения трудового договора).

К числу общих правовых (специальных юридических) принципов права С. С. Алексеев относил: 1) принцип законности; 2) принцип справедливости; 3) принцип юридического равенства (всеобщности правосубъектности); 4) принцип социальной свободы; 5) принцип социального, гражданского долга (дисциплины); 6) принцип объективной истины («правды»); 7) принцип ответственности за вину (Алексеев, 2010. Т. 3. С. 106–107).

Во многом эти основные принципы права остались неизменными за более чем 50 лет, прошедших с момента издания книги ученого. Многие из них находят отражение в межотраслевых принципах социальной справедливости, свободы договора, свободы труда, а также в ряде отраслевых принципов трудового права, в том числе в либертарных принципах трудового права (свободе труда, свободе трудового договора, свободе коллективного договора, соглашения, запрета принудительного или обязательного труда) (Томашевский, 2024).

Уже в середине 1970-х гг. С. С. Алексеев писал о нравственных началах – «принципах гуманизма (человеколюбия), гармонического сочетания непосредственно личных и общественных интересов» (Алексеев, 2010. Т. 3. С. 105). Для того периода советской истории (брежневского застоя) эти принципы социализма (точнее – принципы социалистического права), упоминались в последнюю очередь после экономических, политических и идеологических принципов. При этом для трудового права они в значительной степени были важны, на что было обращено внимание в ряде монографий начала 1980-х гг., изданных в СССР (Иванов, Лившиц, 1982; Киселев, 1982, Процевский, 1982).

Позднее, в 1990-е гг., гуманистические начала стали определяющими в философско-правовых взглядах С. С. Алексеева. Особое место здесь занимает книга С. С. Алексеева, посвященная философии права (Алексеев, 1997).

Главный мировоззренческий момент – это уход С. С. Алексеева с позиций нормативизма и юридического позитивизма, господствовавшего в советской теории права, в широкое правопонимание с признанием первостепенности естественного права и подчинением ему позитивного права. По сути С. С. Алексеев в своих поздних философско-правовых трудах под влиянием работ И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, И. А. Покровского стал сторонником возрожденной естественно-правовой школы. Особое внимание в 1990-е гг. ученый уделял учению И. Канта о праве. Неудивительно, что в название одной из своих книг ученый вынес слова Иммануила Канта, которыми тот определял право: «Самое святое, что есть у Бога на Земле» (Алексеев, 1998). Уместно привести следующую цитату С. С. Алексеева, объясняющую его трактовку правообразования: «Естественное право, следовательно, – это и есть обусловленные природной и социально-естественной средой требования и идеалы, которые, преломившись через правосознание,

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2. СПС «ГАРАНТ». https://base.garant.ru/12134976/

[6] Куренной, А. М. (2020). Трудовое право России: учебник (4-е изд., испр. и доп.). Москва: Проспект. С. 59–62.

его культурные коды, приобретают правовой облик и в соответствии с этим выступают в виде правовых требований и прообразов (или в ином словесном эквиваленте – первообразов) юридических норм – норм позитивного права» (Алексеев, 2010. Т. 7. С. 35).

Многие правовые идеи, развивавшиеся в трудах С. С. Алексеева, нашли отражение в конституционных принципах, закрепленных в гл. 2 Конституции РФ (гарантированности государством прав и свобод человека и гражданина; непосредственного действия этих прав и свобод; юридического равенства прав и свобод без какой-либо дискриминации – ст. 17, 18, 19 и др.). И это не случайно, поскольку С. С. Алексеев был в числе разработчиков альтернативного проекта Конституции РФ. Как писал сам ученый, многие идеи и замыслы этого проекта, который он разрабатывал совместно с А. А. Собчаком, Ю. Х. Колмыковым и С. А. Хохловым, так и не были в ней воплощены в полной мере (Алексеев, 1997. С. 223–239). В русле идеи С. С. Алексеева о человекоцентризме в праве лежит также введенное в 2020 г. новое положение Конституции РФ об уважении человека труда (ст. 75.1).

Попутно заметим, что идеи естественного права посредством интегративного правопонимания проникли в 1990-е гг. и начале 2000-х гг. в доктрину современного трудового права (благодаря научным взглядам С. П. Маврина[7], Е. А. Ершовой (Ершова, 2008. С. 19–21) и других ученых-юристов). Естественно-правовые идеалы, в том числе либертарные принципы трудового права, нашли отражение в провозглашении свободы труда в ст. 37 Конституции РФ, в ряде отраслевых принципов трудового права, закрепленных в ст. 2–4 ТК РФ, анализ которых мы оставляем за рамками данной статьи. Вместе с тем нормы-принципы ст. 2 ТК РФ могут быть дополнены и двумя новыми принципами трудового права с учетом положений ст. 75.1 Конституции РФ и идей С. С. Алексеева о человекоцентризме: гуманизм в сфере труда и обеспечение уважения человека труда.

Концепция правозаконности, которую развивал С. С. Алексеев в последние годы своей жизни, означает «краткое, концентрированное выражение содержания философии гуманистического права», смысл правозаконности состоит в строжайшем проведении в жизнь не права «вообще», не любых и всяких норм, а принципов гуманистического права – фундаментальных основных прав человека, общедемократических правовых принципов, частного права, независимого правосудия. А значит, и в реальном построении на последовательно демократических, гуманистических началах всей юридической системы, всей политико-государственной жизни» (Алексеев, 1997. С. 328–329). Максимально полное и всестороннее освещение философия гуманистического права, или философия правозаконности, получила в фундаментальной монографии С. С. Алексеева «Восхождение к праву» (Алексеев, 2001. С. 440–486). Не менее интересны рассуждения С. С. Алексеева в его книге 2000 г., посвященной праву на пороге XXI в. (Алексеев, 2000), в том числе такой тенденции в развитии права, как правовая конвергенция, которая находит свое отражение и в системах трудового права различных стран (их источниках, отдельных правовых институтах и нормах), особенно в условиях глобализации и региональной интеграции, в которые вовлечена и правовая система современной России.

Заключение

Концепция правозаконности С. С. Алексеева, воплощения идей естественного права в нормах позитивного трудового права, в его отраслевых и межотраслевых принципах, полагаем, как никогда актуальна на современном этапе развития российского общества. Она должна найти свое дальнейшее развитие в теории трудового права и других юридических науках, но самое главное – воплощение в жизни в реальных трудовых и непосредственно связанных с ними отношениях. Большую роль в этом процессе должны играть Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, направляя судебную практику в русле утверждения идей социальной справедливости, формального равенства, всеобщей свободы и гуманизма.

С учетом внесенных в 2020 г. изменений и дополнений в Конституцию РФ и идеи С. С. Алексеева о человекоцентризме представляется необходимым дополнить ст. 2 ТК РФ двумя новыми, взаимосвязанными принципами трудового права: гуманизм в сфере труда и обеспечение уважения человека труда.

[7] Маврин, С. П., Филиппова, М. В., Хохлов, Е. Б. (2005). Трудовое право России: учебник. Санкт-Петербург: Изд. дом СПбГУ. С. 39.

Список литературы

Александров, Н. Г. (ред.) (1972). *Советское трудовое право*. Москва: Юридическая литература.

Алексеев, С. С. (2001). *Восхождение к праву. Поиски и решения*. Москва: НОРМА.

Алексеев, С. С. (1999a). *Право: азбука, теория, философия*. Москва: Статут.

Алексеев, С. С. (2000). *Право на пороге нового тысячелетия*. Москва: Статут.

Алексеев, С. С. (1998). *Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху*. Москва: НОРМА.

Алексеев, С. С. (2010). *Собрание сочинений*. В 10 т. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. Москва: Статут.

Алексеев, С. С. (2010) *Собрание сочинений*. В 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. Москва: Статут.

Алексеев, С. С. (2010) *Собрание сочинений*. В 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. Москва: Статут.

Алексеев, С. С. (1975). *Структура советского права*. Москва: Юридическая литература.

Алексеев, С. С. (1997). *Философия права*. Москва: НОРМА.

Алексеев, С. С. (1999b). *Частное право*. Москва: Статут.

Бугров, Л. Ю. (2013). *Трудовой договор в России и за рубежом*. Пермь: Пермский национальный исследовательский университет.

Дмитриева, И. К. (2004). *Принципы российского трудового права*. Москва: РПА МЮ РФ, ООО «Цифровичок».

Ершова, Е. А. (2008). *Сущность, источники и формы трудового права в Российской Федерации*. Москва: Российская академия правосудия.

Иванов, С. А., Лившиц, Р. З. (1982). *Личность в советском трудовом праве*. Москва: Наука.

Киселев, И. Я. (1982). *Личность в буржуазном трудовом праве*. Москва: Наука.

Курылева, О. С., Томашевский, К. Л. (ред.) (2014). *Курс трудового права. Особенная часть. Кн. 1: Индивидуальное трудовое право*. В 3 т. (Т. 1). Минск: Амалфея.

Лебедев, В. М. (1997). *Трудовое право: проблемы общей части*. Томск: ТГУ.

Мельникова, В. Г. (2004). *Система трудового права Российской Федерации*: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск.

Молодцов, М. В. (1985). *Система советского трудового права и система законодательства о труде*: монография. Москва: Юридическая литература.

Нерсесянц, В. С. (1983). *Право и закон. Из истории правовых учений*. Москва: Наука.

Процевский, А. И. (1982). *Гуманизм норм советского трудового права*. Харьков: Вища шк.: Изд-во при Харьк. ун-те.

Смирнов, О. В. (1977). *Основные принципы советского трудового права*. Москва: Юридическая литература.

Томашевский, К. Л. (2024). Либертарные принципы трудового права в государствах – членах Евразийского экономического союза. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 134–147. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.134-147

Томашевский, К. Л. (2009). *Очерки трудового права (История, философия, проблемы систем и источников)*. Минск: Изд. центр БГУ.

Чуча, С. Ю. (2023). Приостановление действия трудового договора. *Государство и право*, *6*, 91–98. http://gospravo-journal.ru/s102694520026146-1-1/

References

Aleksandrov, N. G. (ed.) (1972). *Soviet labor law.* Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.).

Alekseev, S. S. (2001). *Ascend to law. Search and solutions*. Moscow: NORMA. (In Russ.).

Alekseev, S. S. (1999a). *Law: ABC, theory, philosophy*. Moscow: Statut. (In Russ.).

Alekseev, S. S. (2000). *Law at the threshold of the new millennium*. Moscow: Statut. (In Russ.).

Alekseev, S. S. (1998). *The most sacred of what God has on the Earth. Immanuel Kant and issues of law in the modern epoch*. Moscow: NORMA. (In Russ.).

Alekseev, S. S. (2010). *Collection of works*. In 10 vol. Vol. 2: Special issues of jurisprudence. Moscow: Statut. (In Russ.).

Alekseev, S. S. (2010). *Collection of works*. In 10 vol. Vol. 3: Issues of the theory of law: lecture course. Moscow: Statut. (In Russ.).

Alekseev, S. S. (2010). *Collection of works*. In 10 vol. Vol. 7: *Philosophy of law and theory of law*. Moscow: Statut. (In Russ.).

Alekseev, S. S. (1975). *Structure of Soviet law*. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.).

Alekseev, S. S. (1997). *Philosophy of law*. Moscow: NORMA. (In Russ.).

Alekseev, S. S. (1999b). *Private law*. Moscow: Statut. (In Russ.).

Bugrov, L. Yu. (2013). *Labor contract in Russia and abroad*. Perm: Perm State University. (In Russ.).

Dmitrieva, I. K. (2004). *Principles of the Russian labor law*. Moscow: RPA MYu RF, Czifrovichok. (In Russ.).

Ershova, E. A. (2008). *Essence, sources and forms of labor law in the Russian Federation*. Moscow: Russian State University of Justice. (In Russ.).

Ivanov, S. A., & Livshicz, R. Z. (1982). *Personality in the Soviet labor law*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Kiselev, I. Ya. (1982). *Personality in the bourgeois labor law*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Kuryleva, O. S., & Tomashevski, K. L. (Eds.) (2014). *Course in labor law. Special part. Book 1: Individual labor law.* In 3 vol. (Vol. 1). Minsk: Amalfeya. (In Russ.).

Lebedev, V. M. (1997). *Labor law: issues of the general part*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russ.).

Melnikova, V. G. (2004). *System of labor law of the Russian Federation*: abstract of the Cand. Sci. (Law) thesis. Tomsk.

Molodczov, M. V. (1985). *System of the Soviet labor law and system of legislation on labor*: monograph. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.).

Nersesyancz, V. S. (1983). *Law and legislation. From the history of legal doctrines*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Proczevskij, A. I. (1982). *Humanism of the norms of the Soviet labor law*. Kharkov: Vishha shk.: Publishing house at Kharkov University. (In Russ.).

Smirnov, O. V. (1977). *Main principles of the Soviet labor law*. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.).

Tomashevski, K. L. (2024). Libertarian principles of labor law in the member states of the Eurasian Economic Union. *Russian Journal of Economics and Law*, *18*(1), 134–147. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.134-147

Tomashevski, K. L. (2009). *Sketches of labor law (History, philosophy, problems of systems and sources)*. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University. (In Russ.).

Chucha, S. Yu. (2023). Suspension of a labor contract. *State and Law*, *6*, 91–98. (In Russ.). http://gospravo-journal.ru/s102694520026146-1-1/

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 23.07.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 06.09.2024
Дата принятия в печать / Accepted 15.02.2025

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики *П. А. Кабанов* / Rubric editor *P. A. Kabanov*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.110-125**

УДК / UDC 328.185:343.35:343.9:303.7

Е. А. Акунченко[1]

[1] *Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия*

Таксономические координаты антикоррупционной экспертизы

Акунченко Евгений Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра противодействия коррупции и правовых экспертиз департамента по профилактике коррупционных правонарушений, Сибирский федеральный университет
E-mail: eakunchenko@sfu-kras.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9030-7422
Web of Science Researcher ID: N-1511-2017
eLIBRARY SPIN-код: 9715-6373

Аннотация

Цель: разработка научно обоснованных предложений по определению таксономических координат антикоррупционной экспертизы среди иных видов экспертиз.

Методы: общенаучный метод диалектического познания, а также ряд частнонаучных методов, таких как системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-логический (дедукции, индукции, определения и деления понятия), статистический и др.

Результаты: в работе на основе анализа предложенных в научной литературе подходов к пониманию антикоррупционной экспертизы и ее соотношению с иными таксономическими единицами (правовой, судебной и криминологической экспертизами) сформулирован вывод о том, что данный институт имеет комплексный характер и представляет собой самостоятельное явление, которое не тождественно ни одному из указанных видов экспертиз. По мнению автора, нормативная оболочка, определенная в специальном федеральном законе, фактически ограничивает ученых в изучении перспектив развития антикоррупционной экспертизы как элемента отечественной системы противодействия коррупции, а практиков – в эффективном ее применении для выявления и устранения коррупциогенных факторов. В целях преодоления сложившейся научной стагнации необходимо переосмысление сущности и природы антикоррупционной экспертизы на новой методологической основе и с учетом актуальных таксономических координат.

Научная новизна: обоснована идея о том, что действующая модель антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов нуждается в трансформации для перехода на качественно новый уровень, позволяющий оценивать на предмет наличия коррупциогенных факторов не только регулирующее воздействие правовых норм, но и любую преобразующую деятельность субъектов социального управления. В связи с этим предлагается рассматривать институт антикоррупционной экспертизы в качестве перспективного объекта познания в структуре теории антикоррупционной безопасности.

© Акунченко Е. А., 2025

Практическая значимость: предложенные результаты изучения таксономических координат антикоррупционной экспертизы могут быть использованы для качественного преобразования теории и практики экспертной деятельности, а также при определении основных направлений повышения эффективности данного института в процессе подготовки нового Национального плана противодействия коррупции на ближайшую перспективу.

Ключевые слова:

уголовно-правовые науки, коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная безопасность, антикоррупционная экспертиза, правовая экспертиза, судебная экспертиза, криминологическая экспертиза, коррупциогенные факторы, криминологическая таксономия

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Акунченко, Е. А. (2025). Таксономические координаты антикоррупционной экспертизы. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 110–125. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.110-125

Scientific article

E. A. Akunchenko[1]

[1] *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Taxonomy coordinates of anticorruption expertise

Evgeniy A. Akunchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher of the Centre for Corruption Counteraction and Legal Expertise, Department for corruption offenses prevention, Siberian Federal University
E-mail: eakunchenko@sfu-kras.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9030-7422
Web of Science Researcher ID: N-1511-2017
eLIBRARY SPIN-code: 9715-6373

Abstract

Objective: to develop scientifically sound proposals for determining the taxonomic coordinates of anti-corruption expertise among other types of expertise.

Methods: the general scientific method of dialectical cognition, as well as a number of specific scientific methods, such as system-structural, comparative-legal, formal-logical (deduction, induction, definition and division of concepts), statistical, etc.

Results: based on the analysis of approaches proposed in the scientific literature to understanding anti-corruption expertise and its relationship to other taxonomic units (legal, judicial and criminological expertise), the author concludes that this institution is complex and represents an independent phenomenon that is not identical to any of the above types of expertise. According to the author, the regulatory framework defined in a special federal law actually restricts scholars in studying the anti-corruption expertise development prospects as an element of the Russian anti-corruption system, and practitioners – in its effective application with a view of identifying and eliminating corruption-causing factors. In order to overcome the current scientific stagnation, it is necessary to rethink the essence and nature of anti-corruption expertise on a new methodological basis and take into account current taxonomic coordinates.

Scientific novelty: the idea is substantiated that the current model of anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts needs to be transformed in order to move to a qualitatively new level. It allows assessing for the presence of corruption-causing factors not only the regulatory impact of legal norms, but also any transformative activity of social management subjects. In this regard, it is proposed to consider the institute of anti-corruption expertise as a promising object of cognition within the structure of the anti-corruption security theory.

Practical significance: the presented results of studying the taxonomic coordinates of anti-corruption expertise can be used for a qualitative transformation of the theory and practice of expert activity, as well as in determining the main directions for improving the effectiveness of this institution while preparing a new National anti-corruption plan for the near future.

Keywords:
criminal-legal sciences, corruption, anti-corruption, anti-corruption security, anti-corruption expertise, legal expertise, forensic expertise, criminological expertise, corruption-causing factors, criminological taxonomy

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Akunchenko, E. A. (2025). Taxonomy coordinates of anticorruption expertise. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 110–125. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.110-125

Введение

В соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[1] (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ) антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов отнесена к числу основных мер по профилактике коррупции. Целевое предназначение данного антикоррупционного инструмента заключается в обнаружении и устранении (предотвращении появления) линий детерминации коррупционного поведения, потенциально возникающего в результате применения действующих или проектируемых правовых норм (Астанин, 2009. С. 223). В специальной литературе подчеркивается, что антикоррупционная экспертиза доказала свою результативность в процессе апробации и теперь вполне заслуженно занимает особое место среди механизмов сдерживания коррупции на социально терпимом уровне (Кабанов, 2010. С. 53). При этом отличительной чертой антикоррупционной экспертизы выступает направленность не только на выявление коррупциогенных факторов для непосредственного предупреждения коррупционных правонарушений, но и на обеспечение качества нормативных правовых актов в целом (Хабриева, 2009. С. 8).

Антикоррупционная экспертиза является относительно новым институтом для российской правовой системы, аналоги которого практически не встречаются в зарубежных юрисдикциях (Цирин, 2018. С. 139). Инновационный характер данного вида антикоррупционной деятельности предопределяет появление теоретико-прикладных проблем, связанных с его развитием по методу проб и ошибок. Учитывая предупредительный потенциал, которым обладает антикоррупционная экспертиза, формирование ее целостной научно обоснованной концепции представляется значимой исследовательской задачей.

Результаты исследования

Концептологические основания исследования. Научные труды, посвященные проблемам снижения коррупциогенности законодательства (Головщинский, 2004; Тихомиров, 2004; Краснов и др., 2005), начали появляться задолго до разработки Федерального закона № 273-ФЗ в связи с принятием Конвенции ООН против коррупции, а также ряда субрегиональных и национальных правовых актов в области организации антикоррупционной деятельности. За почти два десятка лет, прошедших с момента активизации исследований антикоррупционной экспертизы, опубликовано внушительное число работ, затрагивающих ключевые аспекты данного феномена. Среди них: понятие, признаки и виды антикоррупционной экспертизы (Астанин, 2016; А. Г. Горшенков, 2009; Кабанов, 2009; Талапина, 2007; Бахтина, Хазанов, 2016); общая концепция и методика ее проведения (Астанин, 2007; Барциц, 2010; Кочура, 2012; Цирин, 2009; Южаков, 2008); содержание объекта и предмета антикоррупционной экспертизы (Будатаров, 2009; Газимзянов, 2009; Кабанов, 2014b; Кудашкин, 2010; Мелешко, 2012); понятие и виды коррупциогенных факторов (Будатаров, 2013b; Г. Н. Горшенков, 2009; Корякин, 2013; Красинский, 2010; Лопашенко, 2009); компетенция субъектов антикоррупционной экспертизы и ресурсное обеспечение их деятельности (Астанин, 2017; Дамм, 2021b; Ким, 2016; Кудашкин, 2011; Туранин, 2018); проблемы организации и проведения антикоррупционной экспертизы, а также перспективы

[1] Здесь и далее, если не указано иное, нормативно-правовые акты по СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru

ее развития в системе противодействия коррупции (Баранов и др., 2022; Кабанов, 2014а; Коробкин, 2012; Судакова, Васильева, 2018; Талапина, 2021). Кроме того, изучение антикоррупционной экспертизы в качестве объекта диссертационного исследования проводилось специалистами в области теории государства и права (Ермакова, 2014; Мелешко, 2015), конституционного (Воронина, 2016; Ермакова, 2014), административного (Балдин, 2014; Ким, 2017а; Бахтина, 2021) и военного (Колесов, 2011) права, криминологии (Мелекаев, 2011), правоохранительной деятельности (Ланцевич, 2012; Чечко, 2016) и пр. Также необходимо отметить интерес зарубежных авторов к изучению различных сторон антикоррупционной экспертной деятельности (Bautista-Beauchesne, 2021; Oyamada, 2015; Quah, 2017; Schmidt-Pfister & Moroff, 2012; Villacis, 2024).

Накопленный теоретический материал и практический опыт осуществления антикоррупционной экспертизы позволяют выделить как плюсы, так и минусы сложившейся модели, а также предложить способы ее оптимизации. Вместе с тем подобные решения вряд ли могут ощутимо усилить предупредительный эффект, поскольку развитие антикоррупционной деятельности в Российской Федерации достигло пределов своего расширения в существующих концептуальных параметрах. В доктрине намечается и другая тенденция: ежегодно растущее количество научных работ по соответствующей тематике создает предпосылки для перехода на качественно новый уровень обобщения теории и практики противодействия коррупции. Полагаем, что антикоррупционную экспертизу следует рассматривать как потенциальную значимую точку роста для новаторских идей в рамках системы обеспечения антикоррупционной безопасности (Дамм, 2021с).

Постановка проблемы. Анализ представленных в специальной литературе позиций позволяет сделать вывод о том, что консенсус относительно сущностных характеристик антикоррупционной экспертизы еще не достигнут. Отчасти это связано с тем, что правовое регулирование рассматриваемого института значительно опережает его научное осмысление. Нормативные рамки, заданные в Федеральном законе от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – Федеральный закон № 172-ФЗ), не соответствуют предупредительному потенциалу антикоррупционной экспертизы и отчасти ограничивают правоведов в изучении вопросов ее природы, содержания и соотношения объекта и предмета экспертизы, понимания и классификации коррупциогенных факторов и пр.

Если учесть недостаточную прочность теоретического фундамента, поставленная в разделе XI Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 гг. задача повышения эффективности антикоррупционной экспертизы не может быть решена путем тривиального выделения дополнительных финансовых или кадровых ресурсов. Некоторые исследователи отмечают, что в нынешнем виде антикоррупционная экспертиза «удобна для имитации кипучей деятельности по борьбе с коррупцией» (Казанцев, 2019. С. 449). Поэтому устранение давних прикладных проблем ее организации и проведения может быть достигнуто путем формирования единой концептуальной основы, включающей в себя систему взаимосвязанных и взаимозависимых категорий. Полагаем, что отправным пунктом движения к указанной познавательной цели должно стать определение таксономических координат[2] института антикоррупционной экспертизы.

Основные научные наработки по данному вопросу сводятся к поиску места антикоррупционной экспертизы среди иных экспертиз. При этом в доктрине отсутствует единство мнений относительно ее видовой принадлежности. Рассматривая перспективы развития экспертной деятельности в правотворчестве, ученые перечисляют антикоррупционную экспертизу в одном ряду с правовой, научной, лингвистической, общественной, экономической, финансовой, педагогической, психологической, гендерной, криминологической, этнокультурной и другими видами экспертиз (Черногор, Залоило, 2018. С. 103). В свою очередь, изучение научных источников свидетельствует о том, что антикоррупционная экспертиза наиболее часто сравнивается с правовой, судебной или криминологической экспертизой. Кроме того, некоторые исследователи соотносят антикоррупционную экспертизу с оценкой регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов (Коннов, 2020).

---

[2] Таксономия, как теория и практика систематизации сложных иерархически организованных объектов, получила широкое распространение в естественных науках. Вместе с тем в литературе обоснована необходимость формирования самостоятельного «учения о систематизации и классификации криминологических знаний, явлений и процессов – криминологической таксономии» (Кабанов, 2007). Поскольку антикоррупционная экспертиза имеет значительный предупредительный потенциал, представляется уместным использовать таксономический подход для интеграции результатов настоящего исследования в систему существующего криминологического знания.

Обсуждение. В целях определения таксономических координат антикоррупционной экспертизы рассмотрим основные теоретические подходы, представленные в специальной литературе.

Большинство исследователей, рассматривая природу антикоррупционной экспертизы, проводят ее сопоставление с *правовой экспертизой*. В научной литературе отмечается, что правовая экспертиза представляет собой «исследование, проводящееся экспертом по решению или поручению уполномоченных на то лиц, либо без такового, но в силу прямого указания нормативных правовых актов, основанное на применении специальных знаний с целью использования его результатов в юридической деятельности» (Закиров, 2008. С. 8). На первый взгляд, признаки, перечисленные в приведенном определении, полностью охватывают понятие «антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Однако среди специалистов до настоящего времени не утихают споры относительно соотношения данных категорий. При этом, несмотря на аналогичные в целом результаты сравнения правовой и антикоррупционной экспертиз, выраженные в перечислении близких по содержанию и отличительных характеристик, авторы приходят к противоположным выводам.

В частности, М. С. Бахтина, подчеркивая разницу между правовой и антикоррупционной экспертизами (количество стадий, перечень субъектов, содержание целей, наличие предложений по устранению выявленных дефектов и др.), резюмирует, что антикоррупционная экспертиза может быть «признана в качестве специальной правовой экспертизы со своей узкой специальной задачей по выявлению и устранению в нормативном акте коррупциогенных факторов» (Бахтина, 2021. С. 28). В свою очередь, А. В. Ким отмечает, что правовая и антикоррупционная экспертизы хоть и имеют схожие по своей юридической природе черты, однако разграничиваются отдельными полномочиями субъектов, уполномоченных на их проведение, а потому представляют собой разные виды экспертиз (Ким, 2017b. С. 84).

Компромиссной точки зрения по вопросу соотношения правовой и антикоррупционной экспертиз придерживается А. В. Кудашкин, по мнению которого они могут выступать в следующих качествах: 1) антикоррупционная экспертиза является одним из этапов правовой экспертизы наряду с юридико-лингвистической экспертизой; 2) антикоррупционная экспертиза является самостоятельным видом экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Основанием для данного разграничения служит компетенция субъектов, осуществляющих антикоррупционную экспертизу. Для первого случая характерно проведение антикоррупционной экспертизы в деятельности «внутренних» субъектов (органов, организаций, их должностных лиц в процессе нормотворчества), а для второго – в деятельности «внешних» субъектов (органов прокуратуры и юстиции, а также независимых экспертов) (Кудашкин, 2012. С. 43).

Есть и другие авторские подходы к определению правовой природы антикоррупционной экспертизы. В частности, А. О. Мелешко относит антикоррупционную экспертизу к числу юридических экспертиз наравне с правовой и формально-юридической, которые различаются между собой по предмету исследования: «Если это правомерность, то мы говорим о проведении правовой экспертизы. В случае изучения объекта на предмет его соответствия положениям позитивного права и другим формально-юридическим критериям, речь идет именно о формально-юридической экспертизе» (Мелешко, 2015. С. 27). В свою очередь, по мысли данного автора, антикоррупционная экспертиза «является правовым исследованием, при этом сочетает в себе черты правовой и формально-юридической экспертизы» (Мелешко, 2015. С. 27). Полагаем, что данная трактовка заслуживает внимания, однако не позволяет определить место антикоррупционной экспертизы среди юридических экспертиз, поскольку не содержит четкие критерии их разграничения.

Отдельные специалисты и вовсе отрицают правовую природу антикоррупционной экспертизы. Например, как отмечает С. М. Будатаров, антикоррупционная экспертиза не связана с буквой закона, и в отличие от правовой экспертизы она требует от эксперта «выходить за рамки принципа законности – критиковать, уточнять и детализировать положения правового акта или его проекта» (Будатаров, 2013a. С. 30). Приведенные позиции лишь подчеркивают многообразие мнений относительно соотношения правовой и антикоррупционной экспертиз, которое вызвано рядом причин. С одной стороны, в Российской Федерации фактически отсутствует законодательная основа, регламентирующая общие вопросы организации и проведения правовой экспертизы, а с другой – сама теория правовой экспертизы находится на стадии своего формирования и не является устоявшейся.

Таким образом, понимание антикоррупционной экспертизы в качестве разновидности правовой экспертизы является дискуссионным. Не совпадая по признакам, характеризующим формальную сторону их проведения,

данные виды экспертиз до степени смешения сходны по своему содержанию, а именно заключаются в исследовании нормативных положений на предмет наличия в них дефектов, снижающих качество правового регулирования общественных отношений. При этом антикоррупционная экспертиза, в отличие от правовой экспертизы, направлена на предупреждение коррупционных правонарушений, а значит, она потенциально не ограничена в оценке только самих правовых формул и может также учитывать их влияние на развитие механизма коррупционного поведения. Указанное обстоятельство существенно расширяет предметное поле антикоррупционной экспертной деятельности.

Другая группа ученых полагает, что антикоррупционная экспертиза является разновидностью *судебной экспертизы*. По мнению представителей данного подхода, научное осмысление антикоррупционной экспертизы должно осуществляться в рамках общей теории экспертологии, которая «дает единый подход к экспертным исследованиям, позволяет сформулировать предмет и задачи новых классов и родов экспертиз» (Россинская, Галяшина, 2012. С. 1056). Как полагают Е. Р. Россинская и Е. И. Галяшина, «специфика любой экспертизы, в том числе антикоррупционной, состоит в проведении исследования, основанного на применении специальных знаний. Эксперт не объясняет уже имеющийся факт, а добывает новый и дает ему профессиональную оценку, которая и составляет содержание заключения эксперта» (Россинская, Галяшина, 2014. С. 33).

Судебная экспертиза традиционно понимается как исследование, основанное на использовании специальных знаний и выполняемое в ходе юрисдикционной деятельности компетентных органов по раскрытию и расследованию преступлений, судебному разбирательству не только уголовных, но и гражданских дел (в том числе арбитражных споров), дел об административных правонарушениях, а также при рассмотрении дел в Конституционном Суде РФ (Россинская, 2018. С. 23). Одним из аргументов против отнесения антикоррупционной экспертизы к числу судебных экспертиз выступает тезис об экстраординарном характере судебного порядка рассмотрения вопросов о наличии или отсутствии коррупциогенных факторов в положениях действующих или проектируемых нормативных правовых актов. Так, по утверждению М. С. Бахтиной, «предметом судебно-нормативных экспертиз являются факты, устанавливаемые в ходе судопроизводства, а антикоррупционные экспертизы нормативных правовых актов далеко не всегда проводятся в судебном процессе» (Бахтина, 2021. С. 24). Полагаем, что данный аргумент при соотношении судебной и антикоррупционной экспертиз является дискуссионным, поскольку необходимо различать:

– назначение и проведение судебной антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях установления обстоятельств, имеющих значение для решения конкретного дела в ходе конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства;

– судебное обжалование результатов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, проведенной ранее во внесудебном порядке.

В первом случае антикоррупционная экспертиза может быть отнесена к числу судебных экспертиз наряду с лингвистической, экономической и пр. Вместе с тем практика назначения и проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в ходе судебного исследования практически отсутствует. Одной из возможных причин этого является ограничение на постановку перед экспертом вопросов права, поскольку юридические знания не являются специальными для суда. Однако справедливости ради отметим, что данный постулат постепенно утрачивает свою категоричность. Так, анализ практики Конституционного Суда РФ свидетельствует о том, что «во многих случаях в качестве экспертов вызываются высококвалифицированные юристы, и на их разрешение ставятся вопросы, касающиеся трактовки и использования отдельных норм материального и процессуального права» (Россинская, 2015. С. 150).

В свою очередь, отдельные авторы полагают, что антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов может быть признана видом судебной экспертизы в тех ситуациях, когда она осуществляется по решению суда в целях выявления причин и условий, которые способствовали совершению противоправных деяний коррупционной направленности. Например, представляет интерес позиция А. Ю. Афанасьева, А. Ф. Лубина и М. А. Миловидовой. На их взгляд, наличие коррупциогенных факторов в нормативном правовом акте может расцениваться как смягчающее обстоятельство, подлежащее доказыванию в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Поэтому уместно говорить о проведении судебной антикоррупционной экспертизы на основании постановления следователя или ходатайства сторон (Афанасьев и др., 2015. С. 37–38).

Во втором случае обстоятельства проведения и результаты антикоррупционной экспертизы являются предметом разбирательства по гражданским или административным делам. Полагаем, что судебное исследование вопросов обоснованности и объективности заключения эксперта (требования прокурора об изменении нормативного правового акта) не должно отождествляться с антикоррупционной экспертизой нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, поскольку суд не относится к числу субъектов, уполномоченных на ее проведение в соответствии со ст. 3 Федерального закона № 172-ФЗ.

Кроме того, как отмечает А. О. Мелешко, при обращении эксперта в суд для оспаривания нормативного правового акта ввиду коррупциогенности его положений автоматически возникает коллизия со статусом административного истца: «Следовательно, экспертное заключение преобразуется в другое доказательство – объяснение стороны по делу, как это происходит при обращении прокурора в суд с требованием о признании нормативного правового акта недействующим по причине его коррупциогенности» (Мелешко, 2014. С. 63). В подобных условиях может быть востребовано назначение самостоятельной судебной антикоррупционной экспертизы и ее поручение иному эксперту в целях подтверждения или опровержения доводов о коррупциогенности оспариваемого нормативного правового акта.

Таким образом, сравнение судебной и антикоррупционной экспертиз уместно при постановке вопроса о соотношении формы и содержания экспертной деятельности. Исследование, основанное на использовании специальных знаний и направленное на выявление коррупциогенных факторов в действующих или проектируемых нормативных правовых актах, потенциально может иметь как процессуальную, так и непроцессуальную форму. Соответственно, судебная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов на предмет наличия в них коррупциогенных факторов является видом антикоррупционной экспертизы, а не наоборот. Сказанное также позволяет предположить, что, помимо судебной антикоррупционной экспертизы, можно выделить административную антикоррупционную экспертизу (т. е. антикоррупционную экспертизу, осуществляемую в административном порядке органами прокуратуры, юстиции и субъектами нормотворческого процесса) и общественную антикоррупционную экспертизу (т. е. антикоррупционную экспертизу, осуществляемую в инициативном порядке независимыми экспертами, уполномоченными на ее проведение).

Иные авторы разделяют мнение о том, что антикоррупционная экспертиза является видом *криминологической экспертизы*. Краеугольным камнем данного подхода выступает цель антикоррупционной экспертизы, заявленная в ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 172-ФЗ, – выявление коррупциогенных факторов и их последующее устранение, т. е. непосредственное предупредительное воздействие на причины и условия коррупционных правонарушений.

В учебной литературе отмечается, что криминологическая экспертиза представляет собой «изучение, анализ, оценку экономических, социальных, культурно-воспитательных и иных мероприятий, включаемых в решения, с целью определения их возможного влияния на преступность, ее причинный комплекс, социальные последствия и другие криминологически значимые факторы»[3].

Как отмечает Л. В. Пинчук, в ходе криминологической экспертизы законодательства исследуются правовые нормы на предмет их криминогенности, социально-криминологической обусловленности и специально-криминологической эффективности (Пинчук, 2011. С. 15). Исходя из указанных теоретических позиций, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в полной мере соответствует целевому предназначению криминологической экспертизы в ракурсе противодействия общественно опасным проявлениям коррупции. В этой связи А. И. Долгова подчеркивала, что поскольку коррупция проявляется в основном в уголовно наказуемых формах, то и в рамках рассмотрения антикоррупционной экспертизы речь может идти о частном варианте предупреждения преступности, т. е. о сфере криминологической деятельности (Долгова, 2011. С. 463).

На единство антикоррупционной и криминологической экспертиз указывает схожий методологический инструментарий, который позволяет обнаруживать проблемные сферы нормативного регулирования. Как образно замечают А. В. Шеслер и Р. Н. Боровских, «криминологическая антикоррупционная экспертиза позволяет выявить коррупционные “ниши” нашего общества» (Шеслер, Боровских, 2013. С. 120). Вместе с тем, рассматривая потенциальный результат антикоррупционной и криминологической экспертиз, необходимо

[3] Малков, В. Д. и др. (2006). Криминология. Москва: Юстицинформ.

сделать акцент не столько на самом выявлении дефектов нормативного регулирования, сколько на разработке мер, адекватных с точки зрения целей предупреждения преступности (в том числе коррупционной). Согласимся с мнением И. Н. Клюковской и Р. К. Мелекаева о том, что «ценность экспертизы состоит не только в прогнозировании проявлений коррупционных преступлений, хотя без этого невозможна сама экспертиза, но и в опережающей разработке профилактических мер – строгих и четких правовых антикоррупционных способов, блокирующих или смягчающих возможные негативные последствия принимаемых решений» (Клюковская, Мелекаев, 2011. С. 136). Неслучайно одним из требований к результатам антикоррупционной экспертизы выступает рекомендация конкретных способов устранения выявленных коррупциогенных факторов (ч. 2 ст. 4 и ч. 2 ст. 5 Федерального закона № 172-ФЗ).

Одной из проблем соотнесения антикоррупционной и криминологической экспертиз является отсутствие какой-либо законодательной регламентации последней. Об этом, в частности, пишет М. П. Клейменов: «В России существует некий аналог криминологической экспертизы – в виде антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Но, во-первых, он охватывает только часть работы по криминологической экспертизе, поскольку криминогенные положения законопроекта не исчерпываются коррупциогенностью. Во-вторых, заключения антикоррупционной экспертизы имеют рекомендательный характер, что во многом превращает их в фикцию (имитацию антикоррупционной деятельности)» (Клейменов, 2018. С. 154). Здесь также следует добавить и третье несоответствие: текущая организационно-правовая модель антикоррупционной экспертизы направлена не столько против криминальных проявлений коррупции, сколько против иных противоправных деяний коррупционной направленности. Как верно замечает С. Н. Шевердяев, активное обсуждение в научном сообществе не криминологической, а антикоррупционной экспертизы «объясняется особым акцентом на профилактике именно коррупционных правонарушений, который был сделан в ходе разработки идеологии текущей административной реформы» (Шевердяев, 2009. С. 6). В связи с этим логично предположить, что криминологическая и антикоррупционная экспертизы не совпадают по объекту предупредительного воздействия, поскольку антикоррупционная экспертиза может быть не только криминологической, но и деликтологической.

Зеркальное отражение указанных выше проблем соотношения антикоррупционной и криминологической экспертиз мы можем встретить в практике зарубежных стран. Например, в Республике Беларусь установлены организационно-правовые основы криминологической экспертизы, которая представляет собой исследование содержания проекта нормативного правового акта «в целях выявления в нем норм, реализация которых может повлечь возникновение криминогенных последствий в финансово-экономической сфере, в сферах правоохранительной деятельности (включая борьбу с преступностью и коррупцией), государственной службы, социальной защиты, здравоохранения, образования, охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и других сферах общественных отношений»[4]. При этом, как отмечает белорусский исследователь А. М. Хлус, «криминологическая экспертиза не должна ограничиваться выявлением реальных или возможных факторов, влекущих за собой только преступные последствия. Особенно когда это касается такого явления, как коррупция» (Хлус, 2013. С. 64). Схожие идеи высказываются и другими представителями научного сообщества на постсоветском пространстве (Кысыкова, 2010; Рустемова, 2012; Бабий, 2019; Хамедов, 2020; Супатаева, 2023). Следовательно, тенденция к теоретической и практической интеграции криминологической и антикоррупционной экспертиз носит межнациональный характер.

Таким образом, несмотря на существенное сходство, антикоррупционная и криминологическая экспертизы также не могут быть соотнесены в рамках родо-видового формально-логического деления. С одной стороны, они преследуют схожие цели, а также используют аналогичный методологический инструментарий. С другой – действующая на сегодняшний день легальная модель антикоррупционной экспертизы существенно ограничена в объекте исследования, который составляют только положения нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Вместе с тем предупредительный потенциал антикоррупционной экспертизы гораздо шире, поскольку она направлена на устранение причин и условий не только коррупционных преступлений, но и коррупционных правонарушений, а также потенциально коррупционных этических

[4] См.: Положение о порядке проведения криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь 29.05.2007 № 244. (2009). Криминология: вчера, сегодня, завтра, 17, 39–43.

отклонений. Сообразно тому, как в доктрине выдвинута гипотеза о типах антикоррупционной безопасности, выделяемых в зависимости от степени общественной опасности различных коррупционных деяний (антикоррупционная криминологическая безопасность, антикоррупционная деликтологическая безопасность, антикоррупционная девиантологическая безопасность) (Дамм, 2021а. С. 737), следует предположить, что, помимо антикоррупционной криминологической экспертизы, возможно проведение антикоррупционной деликтологической экспертизы и антикоррупционной девиантологической экспертизы.

В завершение дискуссии относительно места антикоррупционной экспертизы среди иных экспертиз, распространенных в юридической практике, представляется возможным также рассмотреть соотношение данного института и *оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов*. Указанное направление деятельности федеральных органов власти, органов власти субъектов РФ и органов местного самоуправления начало формироваться с 2011 г., т. е. практически одновременно с появлением организационно-правовых основ антикоррупционной экспертизы, и продолжает активно развиваться в настоящий момент (Рахмеева, 2023. С. 6–9). Несмотря на то, что оценка регулирующего воздействия обладает антикоррупционным потенциалом, поскольку проводится в том числе в целях выявления «положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующих их введению»[5], она имеет существенные отличия от антикоррупционной экспертизы.

Во-первых, объектом антикоррупционной экспертизы являются как действующие, так и проектируемые нормативные правовые акты, в то время как оценка регулирующего воздействия осуществляется только в отношении проектов нормативных правовых актов. Во-вторых, виды проектов нормативных правовых актов, которые могут быть подвергнуты оценке, ограничены предметом регулирования и преимущественно связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. В свою очередь, антикоррупционной экспертизе подлежат любые правовые акты и их проекты, обладающие признаками нормативности. В-третьих, в основе оценки регулирующего воздействия лежит экономический анализ проблемной ситуации, на решение которой направлено принятие проекта соответствующего нормативного правового акта, а также определение степени его эффективности с позиции предполагаемых финансовых (материальных) затрат и вводимых ограничений для юридических и физических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Антикоррупционная экспертиза, напротив, предполагает юридическую оценку положений действующих или проектируемых нормативных правовых актов на предмет наличия в них коррупциогенных факторов, способствующих возникновению или развитию коррупционных проявлений в различных сферах общественных отношений. Данный список можно продолжать в части перечня субъектов, регламентации процедур, обязательности результатов и пр. Вместе с тем представляется важным наметить точки соприкосновения рассматриваемых видов деятельности.

Интеграция механизмов оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов в систему антикоррупционной экспертизы способна существенно повысить предупредительный потенциал данного института в аспекте выявления криминогенных детерминант коррупционного поведения. Это связано с тем, что анализу и оценке на предмет коррупциогенности в таком случае будут подвергнуты не только правовые нормы, но и экономические последствия их применения. Следовательно, предметная область антикоррупционной экспертизы получит возможность расширения за пределы прикладной юридической деятельности в целях воздействия на экономические детерминанты коррупционной преступности. О наличии ресурса для развития в указанном направлении свидетельствует региональная статистика. Так, в 2022 г. территориальным органом юстиции по результатам антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органов исполнительной власти Красноярского края выявлено 24 коррупциогенных фактора, предусмотренных подп. «а» п. 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для

[5] См.: О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318. (2012). Собрание законодательства РФ, 52. Ст. 7491.

реализации принадлежащего ему права)[6]. В свою очередь, по результатам оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проведенной Министерством экономики и регионального развития Красноярского края, за аналогичный период подготовлено 315 заключений, из которых 37 – отрицательные[7]. С учетом изложенного предупредительный эффект взаимодействия антикоррупционной экспертизы и оценки регулирующего воздействия является актуальной научной проблемой и заслуживает отдельного исследования. В связи с этим неслучайно, что российский опыт в указанной сфере предлагается использовать для повышения эффективности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в других странах, например, Республике Беларусь (Сороговец, 2016. С. 267).

Заключение. Проведенное аналитическое исследование наглядно свидетельствует о том, что с позиции текущих таксономических координат антикоррупционная экспертиза не является видом какой-либо экспертизы, распространенной в юридической практике. Она органично соединяет в себе атрибутивные признаки правовой, судебной и криминологической экспертиз, но не тождественна ни одной из них. В связи с этим антикоррупционная экспертиза может рассматриваться как уникальный институт в системе предупреждения коррупции, который не идентичен иным таксономическим единицам в рассматриваемой предметной области.

Существующая модель антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов сложилась на начальном этапе формирования антикоррупционной политики в Российской Федерации, когда в условиях ограниченности ресурсов оценка коррупциогенности законодательства была интегрирована в прокурорский надзор, правовую экспертизу, проводимую органами юстиции, а также общественный контроль со стороны гражданского общества. Однако на сегодняшний день есть все основания полагать, что для повышения эффективности антикоррупционной экспертизы целесообразно осуществить ее качественную теоретико-прикладную трансформацию и, как следствие, определить перспективные таксономические координаты, которых потенциально достигнет рассматриваемый институт в ходе своего преобразования.

Построение новой научной концепции обуславливает необходимость пересмотра мировоззренческих позиций относительно понимания сущностных характеристик антикоррупционной экспертизы. Полагаем, что выявление коррупциогенных факторов в действующих или проектируемых нормативных правовых актах не исчерпывает ее ресурсы. Сформированный применительно к антикоррупционной экспертизе принцип комплексной оценки правового регулирования на предмет потенциального причинения вреда общественным отношениям в результате применения коррупциогенных норм следует реализовывать при проведении экспертной оценки иных элементов системы социального управления, таких как объекты, субъекты и меры управления, а также их ресурсное обеспечение.

Аналогично тому, как в научной литературе выдвигаются идеи о расширении рамок криминологической экспертизы, которой могут быть подвергнуты не только законодательство, но и криминогенные последствия принятия нормативных правовых актов, криминальные риски финансово-экономических, инвестиционных и иных коммерческих проектов и др. (Дзиконская, 2012. С. 49), антикоррупционная экспертиза также должна проводиться в целях выявления источников коррупционной опасности и разработки эффективных мер, направленных на снижение негативного воздействия таких источников. В рамках подобного расширенного понимания она успешно встраивается в систему обеспечения антикоррупционной безопасности на правах самостоятельного структурного элемента – антикоррупционной меры безопасности (Щедрин, Дамм, 2021) – и может получить таксономическое определение на основе новых концептуальных параметров.

Список литературы

Астанин, В. В. (2007). Антикоррупционный мониторинг норм законодательства как направление научно-практического исследования (методологические аспекты). *Актуальные проблемы экономики и права*, *3*, 108–111.

Астанин, В. В. (2009). *Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты*: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва.

[6] См.: Ответ Управления Минюста России по Красноярскому краю от 17.05.2024 № 24/02-2302/5175 на запрос о предоставлении дополнительных сведений из федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

[7] См.: Официальный портал Красноярского края. http://econ.krskstate.ru/orv/0/id/62010

Астанин, В. В. (2016). Антикоррупционная экспертиза в вопросах доктрины и практики. *Российская юстиция*, *8*, 5–9.

Астанин, В. В. (2017). Корпоративный антикоррупционный комплаенс: проблемы и ресурсы практического обеспечения. *Российская юстиция*, *10*, 5–8.

Афанасьев, А. Ю., Лубин, А. Ф., Миловидова, М. А. (2015). Судебная антикоррупционная экспертиза правовых актов. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, *3*, 36–39.

Бабий, Н. А. (2019). Методологические проблемы криминологической экспертизы. *Право.by*, *6*, 78–85.

Балдин, А. К. (2014). *Правовые вопросы организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органами Минюста России*: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород.

Баранов, В. М., Лаврентьев, А. Р., Трусов, Н. А. (2022). Независимая антикоррупционная экспертиза в России: неудачный эксперимент. *Государство и право*, *1*, 110–119. https://doi.org/10.31857/s102694520018441-6

Барциц, И. Н. (2010). Антикоррупционная экспертиза в системе эффективного правотворчества (к разработке методики проведения антикоррупционной экспертизы). *Государство и право*, *9*, 16–25.

Бахтина, М. С. (2021). *Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов*: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург.

Бахтина, М. С., Хазанов, С. Д. (2016). Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как средство снижения коррупционных рисков. *Российский юридический журнал*, *3*, 59–67.

Будатаров, С. М. (2009). К вопросу о предмете антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов. *Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право*, *1*, 97–102.

Будатаров, С. М. (2013a). *Антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов: понятие, порядок проведения*. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия.

Будатаров, С. М. (2013b). Коррупциогенные факторы: понятие, виды, проблемы их практического применения. *Мониторинг правоприменения*, *2*, 19–26.

Воронина, Ю. И. (2016). *Антикоррупционная экспертиза законодательных актов (их проектов) в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование*: дис. … канд. юрид. наук. Тюмень.

Газимзянов, Р. Р. (2009). Объект антикоррупционной экспертизы: понятие, содержание, виды. *Актуальные проблемы экономики и права*, *4*, 32–35.

Головщинский, К. И. (2004). *Диагностика коррупциогенности законодательства*. Москва: Фонд Индем.

Горшенков, А. Г. (2009). Антикоррупционный мониторинг в сфере массовой коммуникации. *Актуальные проблемы экономики и права*, *4*, 42–44.

Горшенков, Г. Н. (2009). Коррупциогенные факторы антикоррупционных правовых актов. *Актуальные проблемы экономики и права*, *4*, 45–47.

Дамм, И. А. (2021a). Антикоррупционная криминологическая безопасность как новое направление научных исследований. *Всероссийский криминологический журнал*, *6*, 734–743. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(6).734-743

Дамм, И. А. (2021b). Об антикоррупционной экспертизе локальных нормативных актов образовательных организаций. В сб. *Правовые проблемы укрепления российской государственности* (с. 112–113). Томск: Томский государственный университет.

Дамм, И. А. (2021c). Предпосылки формирования теории антикоррупционной безопасности Российской Федерации. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*, *11*, 1690–1709. https://doi.org/10.17516/1997-1370-0850

Дзиконская, С. Г. (2012). Современное состояние криминологической экспертизы в России. *Российский следователь*, *23*, 48–50.

Долгова, А. И. (2011). *Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность*. Москва: Российская криминологическая ассоциация.

Ермакова, А. В. (2014). *Антикоррупционная экспертиза как элемент законодательного процесса в субъектах Российской Федерации: на примере субъектов Российской Федерации, входящих в Южный федеральный округ*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва.

Закиров, И. А. (2008). *Правовая экспертиза*: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород.

Кабанов, П. А. (2007). Криминологическая таксономия: понятие, содержание, таксономические единицы и основания их группировки. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*, *1-2*, 25–29.

Кабанов, П. А. (2009). Независимая антикоррупционная экспертиза: понятие, содержание, правовое регулирование и перспективы повышения качества экспертной деятельности. *Актуальные проблемы экономики и права*, *4*, 57–64.

Кабанов, П. А. (2010). Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы и перспективы правового регулирования. В сб. *Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов* (с. 53–56). Москва: Проспект.

Кабанов, П. А. (2014a). Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: опыт правового регулирования субъектов Российской Федерации. *Юридическая техника*, *8*, 172–182.

Кабанов, П. А. (2014b). Юридико-лингвистическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. *NB: Административное право и практика администрирования*, *3*, 61–71. https://doi.org/10.7256/2306-9945.2014.3.12055

Казанцев, М. Ф. (2019). Легальное понятие коррупциогенного фактора нормативного правового акта: логико-юридический анализ. В сб. *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции* (с. 436–452). Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН. https://doi.org/10.17506/articles.anticorruption.2018.436452

Ким, А. В. (2016). Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, выполняемая территориальными органами Минюста России: должное и сущее в юридической практике. *Законодательство и экономика*, *12*, 45–49.

Ким, А. В. (2017a). *Правовая и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в территориальных органах Министерства юстиции Российской Федерации: административно-правовое исследование*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва.

Ким, А. В. (2017b). Правовая и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: к вопросу о соотношении понятий. *Административное право и процесс*, *5*, 78–85.

Клейменов, М. П. (2018). Криминологическое законодательство и криминологическое право в России. *Lex russica*, *2*, 148–159. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.135.2.148-159

Клюковская, И. Н., Мелекаев, Р. К. (2011). Правовая природа и принципы криминологической антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. *Общество и право*, *5*, 134–137.

Колесов, Р. А. (2011). *Антикоррупционная экспертиза правовых актов и проектов правовых актов в Министерстве обороны Российской Федерации*: дис. … канд. юрид. наук. Москва.

Коннов, И. А. (2020). Антикоррупционная экспертиза и оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов. *Образование и право*, 5, 59–63.

Коробкин, А. Н. (2012). Проблемы осуществления независимой антикоррупционной экспертизы. *Журнал российского права*, *9*, 60–65.

Корякин, В. М. (2013). Коррупциогенные факторы закона о контрактной системе. *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*, *9*, 9–14.

Кочура, В. Н. (2012). Антикоррупционная экспертиза: методика проведения. *Журнал российского права*, *9*, 65–70.

Красинский, В. В. (2010). О коррупциогенных факторах избирательного законодательства. *Российская юстиция*, *2*, 22–24.

Краснов, М. А., Талапина, Э. В., Южаков, Н. В. (2005). Коррупция и законодательство: анализ закона на коррупциогенность. *Журнал российского права*, *2*, 77–88.

Кудашкин, А. В. (2010). К вопросу о предмете и объекте антикоррупционной экспертизы. *Административное и муниципальное право*, *8*, 26–30.

Кудашкин, А. В. (2011). Проблемы организации и проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы. *Журнал российского права*, *2*, 24–32.

Кудашкин, А. В. (2012). *Антикоррупционная экспертиза: теория и практика*. Москва: Норма.

Кысыкова, Г. Б. (2010). Соотношение научной, правовой, криминологической и антикоррупционной экспертизы законопроектов. *Вестник Института законодательства Республики Казахстан*, *4*, 100–103.

Ланцевич, Ю. М. (2012). *Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов*: дис. … канд. юрид. наук. Москва.

Лопашенко, Н. А. (2009). Коррупциогенные факторы: опасная трансформация нормативного толкования. *Законность*, *10*, 13–19.

Мелекаев, Р. К. (2011). *Определение и предупреждение коррупциогенности законодательства Российской Федерации*: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь.

Мелешко, А. О. (2012). Объект и предмет антикоррупционной экспертизы. *Вестник Омского университета. Серия: Право*, *1*, 155–163.

Мелешко, А. О. (2014). Административно-правовые проблемы использования результатов антикоррупционной экспертизы. *Алтайский юридический вестник*, *3*, 61–68.

Мелешко, А. О. (2015). *Административно-правовое регулирование антикоррупционной экспертизы правовых актов*: дис. ... канд. юрид. наук. Омск.

Пинчук, Л. В. (2011). *Криминологическая экспертиза законопроектов*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва.

Рахмеева, И. И. (2023). *Оценка регулирующего воздействия: методические основы, подходы к анализу типовых проектов и лучшие практики*. Москва: ИНФРА-М.

Россинская, Е. Р. (2015). Концепция судебно-нормативных экспертиз как основа использования специальных юридических знаний в судебно-экспертной деятельности. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2-1*, 149–152.

Россинская, Е. Р. (2018). *Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе*. Москва: Норма.

Россинская, Е. Р., Галяшина, Е. И. (2012). О комплексной природе антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. *Lex russica*, *5*, 1048–1063.

Россинская, Е. Р., Галяшина, Е. И. (2014). *Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики*. Москва: Норма.

Рустемова, Р. Г. (2012). Криминологическая экспертиза законопроектов Республики Казахстан и стран СНГ. *Вестник КРСУ*, *12*, 43–45.

Сороговец, Д. В. (2016). О соотношении институтов криминологической экспертизы и оценки регулирующего воздействия при разработке проектов нормативных правовых актов. В сб. *Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции*, *9-1*, 261–268.

Судакова, Т. М., Васильева, Н. В. (2018). Антикоррупционная экспертиза в оценках эффективности антикоррупционной политики. *Всероссийский криминологический журнал*, *5*, 689–698. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(5).689-698

Супатаева, Ж. Э. (2023). Некоторые вопросы совершенствования нового уголовного законодательства Кыргызской Республики. *Наука. Образование. Техника*, *2*, 268–273. https://doi.org/10.54834/16945220_2023_2_268

Талапина, Э. В. (2007). Об антикоррупционной экспертизе. *Журнал российского права*, *5*, 52–66.

Талапина, Э. В. (2021). Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, *12*(4), 865–881. https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.404

Тихомиров, Ю. А. (2004). Преодолевать коррупциогенность законодательства. *Право и экономика*, *5*, 3–6.

Туранин, В. Ю. (2018). О необходимости стимулирования независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. *Российская юстиция*, *2*, 35–37.

Хабриева, Т. Я. (2009). Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. *Журнал российского права*, *10*(154), 5–13.

Хамедов, И. А. (2020). Экспертные замечания по проекту закона Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах» (в новой редакции). *Наука и инновационное развитие*, *3*, 45–52.

Хлус, А. М. (2013). Криминологическая экспертиза нормативных правовых актов как условие недопущения коррупционных рисков. *Юстиция Беларуси*, *7*, 64–68.

Цирин, А. М. (2009). Методическая база оценки нормативных правовых актов на коррупциогенность. *Журнал российского права*, *10*, 22–29.

Цирин, А. М. (2018). Антикоррупционная экспертиза в России и зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, *4*, 138–145. https://doi.org/10.12737/art.2018.4.18

Черногор, Н. Н., Залоило, М. В. (2018). Экспертиза в правотворчестве: проблемы правового регулирования и вопросы его совершенствования. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, *3*, 100–108.

Чечко, О. Л. (2016). *Антикоррупционная экспертиза, осуществляемая органами прокуратуры: вопросы теории и практики*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва.

Шевердяев, С. Н. (2009). Формирование основ правового регулирования антикоррупционной экспертизы нормативных актов и вопросы совершенствования официальной методики ее проведения. *Конституционное и муниципальное право*, *20*, 5–11.

Шеслер, А. В., Боровских, Р. Н. (2013). Виды антикоррупционной экспертизы. *Вестник Томского государственного университета*, *375*, 119–121.

Щедрин, Н. В., Дамм, И. А. (ред.) (2021). *Антикоррупционные меры безопасности*. Москва: Проспект. https://doi.org/10.31085/9785392336746-2020-496

Южаков, В. Н. (2008). Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: методика, опыт и перспективы. *Вопросы государственного и муниципального управления*, *2*, 4–42.

Bautista-Beauchesne, N. (2021). Crafting anti-corruption agencies' bureaucratic reputation: an uphill battle. *Crime, Law and Social Change*, 75, 297–326. https://doi.org/10.1007/s10611-020-09928-9

Oyamada, E. (2015). Anti-corruption measures the Japanese way: prevention matters. *Asian Education and Development Studies*, *4*(1), 24–50. https://doi.org/10.1108/aeds-10-2014-0047

Quah, J. S. T. (2017). Combating Asian Corruption: Enhancing the Effectiveness of Anti-Corruption Agencies. *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*, 2, 1. https://digitalcommons.law.umaryland.edu/mscas/vol2017/iss2/1

Schmidt-Pfister, D., & Moroff, H. (Eds.). (2012). *Fighting Corruption in Eastern Europe: A Multilevel Perspective* (1st ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203718346

Villacis, B. (2024). The Gender Composition of the Anti-Corruption Expertise. *Corruption and Anti-Corruption Upside Down. Political Corruption and Governance*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-66032-0_5

References

Afanasev, A. Iu., Lubin, A. F., & Milovidova, M. A. (2015). Judicial anticorruption expertise of legal acts. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 36–39. (In Russ.).

Astanin, V. V. (2007). Anticorruption monitoring of legal norms as a field of scientific-practical research (methodological aspects). *Actual Problems of Economics and Law*, *3*, 108–111. (In Russ.).

Astanin, V. V. (2009). *Anticorruption policy of Russia: criminological aspects*: Dr. Sci. (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).

Astanin, V. V. (2016). Anticorruption expertise in the issues of doctrine and practice. *Rossiiskaya iustitsiya*, *8*, 5–9. (In Russ.).

Astanin, V. V. (2017). Corporate anticorruption compliance: problems and resources for practical provision. *Rossiiskaya iustitsiya*, *10*, 5–8. (In Russ.).

Babiy, N. A. (2019). Methodological problems of criminological expertise. *Pravo.by*, *6*, 78–85. (In Russ.)

Bahtina, M. S., & Khazanov, S. D. (2016). Anti-corruption expertise of normative legal acts as a mean to reduce corruption risks. *Russian Juridical Journal*, *3*, 59–67.

Bakhtina, M. S. (2021). *Administrative-legal bases of anticorruption expertise of normative-legal acts and their drafts*: Cand. Sci. (Law) thesis. Ekaterinburg. (In Russ.).

Baldin, A. K. (2014). *Legal aspects of organizing the anticorruption expertise of normative-legal acts by the bodies of the Russian Ministry of Justice*: Cand. Sci. (Law) thesis. Nizhny Novgorod. (In Russ.).

Baranov, V., Lavrentiev, A., & Trusov N. (2022). Independent anti-corruption expertise in Russia: an unsuccessful experiment. *Gosudarstvo i parvo*, *1*, 110–119. (In Russ.). https://doi.org/10.31857/s102694520018441-6

Bartsits, I. N. (2010). Anticorruption expertise in the system of efficient law-making (on developing the methodology of anticorruption expertise). *Gosudarstvo i parvo*, *9*, 16–25. (In Russ.).

Bautista-Beauchesne, N. (2021). Crafting anti-corruption agencies' bureaucratic reputation: an uphill battle. *Crime Law Soc Change*, *75*, 297–326. https://doi.org/10.1007/s10611-020-09928-9

Budatarov, S. M. (2009). On the issue of the object of anticorruption expertise of normative-legal acts and their drafts. *Nauchnyi vestnik Uralskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby: politologiia, ekonomika, sotsiologiia, parvo*, *1*, 97–102. (In Russ.).

Budatarov, S. M. (2013a). *Anticorruption expertise of normative-legal acts and their drafts: notion, order of implementation*. Saratov: Saratov State Law Academy. (In Russ.).

Budatarov, S. M. (2013b). Corruptogenicity factors: notion, types, problems of practical implementation. *Monitoring of Law Enforcement*, *2*, 19–26. (In Russ.).

Chechko, O. L. (2016). *Anticorruption expertise, carried out by the prosecutor's offices: issues of theory and practice*: Cand. Sci. (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).

Chernogor, N. N. & Zaloilo, M. V. (2018). Expertise in law-making: problems of legal regulation and issues of its improvement. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, *3*, 100–108. (In Russ.).

Damm, I. A. (2021a). Anti-corruption criminological security as a new direction of research. *Russian Journal of Criminology*, *15*(6), 734–743. (In Russ.). https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(6).734-743

Damm, I. A. (2021b). On anticorruption expertise of local normative acts of educational establishments. In *Legal issues of strengthening Russian statehood* (pp. 112–113). Tomsk. (In Russ.).

Damm, I. A. (2021c). Prerequisites for the Formation of the Anti-Corruption Security Theory in the Russian Federation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, *14*(11), 1690–1709. (In Russ.). https://doi.org/10.17516/1997-1370-0850

Dolgova, A. I. (2011). *Criminological estimations of organized crime and corruption, legal battles and national security*. Moscow: Rossijskaya kriminologicheskaya assocziacziya. (In Russ.).

Dzikonskaia, S. G. (2012). Modern state of criminological expertise in Russia. *Russian Investigator*, *23*, 48–50. (In Russ.).

Ermakova, A. V. (2014). *Anticorruption expertise as an element of legislative procedure in the Russian Federation subjects: by the example of the Russian Federation subjects within the Southern federal district*: Cand. Sci. (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).

Gazimzianov, R. R. (2009). Object of anti-corruption expertise: concept, content, types. *Actual Problems of Economics and Law*, *4*, 32–35. (In Russ.).

Golovshchinskii, K. I. (2004). Diagnostics of corruption-related legislation. Moscow. (In Russ.).

Gorshenkov, A. G. (2009). Anti-corruption monitoring in the field of mass communications. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, *4*, 42–44. (In Russ.).

Gorshenkov, G. N. (2009). Corruption-related factors of anti-corruption legal acts. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, *4*, 45–47. (In Russ.).

Kabanov, P. A. (2007). Criminological taxonomy: definition, content, taxonomy units and grounds for grouping them. *Criminology Journal of BNUEL*, *1-2*, 25–29. (In Russ.).

Kabanov, P. A. (2009). Independent anti-corruption expertise: concept, content, legal regulation, and the prospects for raising the quality of expert activities. *Actual Problems of Economics and Law*, *4*, 57–64. (In Russ.).

Kabanov, P. A. (2010). Independent anticorruption expertise of normative-legal acts and their drafts: problems and prospects of legal regulation. *Anticorruption expertise of normative-legal acts and their drafts* (pp. 53–56). Moscow. (In Russ.).

Kabanov, P. A. (2014a). Anticorruption expertise of normative-legal acts and their drafts: experience of legal regulation of the Russian Federation subjects. *Yuridicheskaya tekhnika*, *8*, 172–182. (In Russ.).

Kabanov, P. A. (2014b). Legal linguistic uncertainty as an object for the anti-corruption expertise of normative legal acts and drafts of normative legal acts. *NB: Administrative Law and Administration Practice*, *3*, 61–71. (In Russ.) https://doi.org/10.7256/2306-9945.2014.3.12055

Kazantsev, M. F. (2019). Legal definition of propensity for corruption factor of normative legal act: logical and juridical analysis. In *Current issues of scientific support for the state anti-corruption policy in the Russian Federation* (pp. 436–452). Ekaterinburg. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/articles.anticorruption.2018.436452

Khabrieva, T. Ia. (2009). Formation of Legal Basis for Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts. *Journal of Russian Law*, *10*(154), 5–13. (In Russ.).

Khamedov, I. A. (2020). Expert comments on the Draft law of the Republic of Uzbekistan "On regulatory legal acts" (New edition). *Nauka i innovatsionnoe razvitie*, *3*, 45–52. (In Russ.).

Khlus, A. M. (2013). Criminological expertise of normative-legal acts as a condition of corruption risks exclusion. *Justice of Belarus*, *7*, 64–68. (In Russ.).

Kim, A. V. (2016). Anticorruption expertise of normative-legal acts, carried out by the territorial bodies of the Russian Ministry of Justice: the due and the actual in juridical practice. *Zakonodatelstvo i ekonomika*, *12*, 45–49. (In Russ.).

Kim, A. V. (2017a). *Legal and anticorruption expertise of normative-legal acts and their drafts in territorial bodies of the Russian Ministry of Justice: administrative-legal research*: Cand. Sci. (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).

Kim, A. V. (2017b). Legal and Anti-Corruption Expert Evaluation of Laws and Regulations and their Projects: On Notion Correlation. *Administrative Law and Procedure*, *5*, 78–85. (In Russ.).

Kleimenov, M. P. (2018). Criminological Legislation and Criminological Law in Russia. *Lex russica*, *2*, 148–159. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.135.2.148-159

Kliukovskaia, I. N., & Melekaev, R. K. (2011). Legal nature and principles of criminological anticorruption expertise of normative-legal acts. *Society and Law*, *5*, 134–137. (In Russ.).

Kochura, V. N. (2012). Anticorruption expertise: methodology of implementation. *Journal of Russian Law*, *9*, 65–70. (In Russ.).

Kolesov, R. A. (2011). *Anticorruption expertise of normative-legal acts and their drafts in the Ministry of Defense of the Russian Federation*: Cand. Sci. (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).

Konnov, I. A. (2020). Anti-corruption examination and regulatory impact assessment of draft regulations. *Obrazovanie i Pravo*, *5*, 59–63. (In Russ.).

Koriakin, V. M. (2013). Corruptogenicity factors of the law on contractual system. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voenno-pravovoe obozrenie*, *9*, 9–14. (In Russ.).

Korobkin, A. N. (2012). Issues of implementation of an independent anticorruption expertise. *Journal of Russian Law*, *9*, 60–65. (In Russ.).

Krasinskii, V. V. (2010). On corruptogenicity factors of election legislation. *Rossiiskaya Yustitsiya*, *2*, 22–24. (In Russ.).

Krasnov, M. A., Talapina, E. V., & Iuzhakov, V. N. (2005). Corruption and legislation: analysis of a law for corruptogenicity. *Journal of Russian Law*, *2*, 77–88. (In Russ.).

Kudashkin, A. V. (2010). On the object and area of anticorruption expertise. *Administrative and Municipal Law*, *8*, 26–30. (In Russ.).

Kudashkin, A. V. (2011). Problems of organizing and implementing an anticorruption expertise by prosecutor's bodies. *Journal of Russian Law*, *2*, 24–32. (In Russ.).

Kudashkin, A. V. (2012). *Anticorruption expertise: theory and practice*. Moscow: Norma. (In Russ.)

Kysykova, G. B. (2010). Correlation between scientific, legal, criminological and anticorruption expertise of draft laws. *Bulletin of Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, *4*, 100–103. (In Russ.).

Lantsevich, Iu. M. (2012). *Organizational and legal bases of the activities of law-enforcement bodies on the anticorruption expertise of normative-legal acts and their drafts*: Cand. Sci. (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).

Lopashenko, N. A. (2009). Corruptogenic factors: dangerous transformation of statutory interpretation. *Zakonnost*, *10*, 13–19. (In Russ.).

Melekaev, R. K. (2011). *Defining and preventing the corruptogenicity of the legislation of the Russian Federation*: Cand. Sci. (Law) thesis. Stavropol. (In Russ.).

Meleshko, A. O. (2012). Object and subject of anti corruption expertise. *Herald of Omsk University. Series "Law"*, *1*, 155–163. (In Russ.).

Meleshko, A. O. (2014). Administrative-legal issues of using the results of anticorruption expertise. *Altai Law Journal*, *3*, 61–68. (In Russ.).

Meleshko, A. O. (2015). *Administrative-legal regulation of the anticorruption expertise of normative-legal acts*: Cand. Sci. (Law) thesis. Omsk. (In Russ.).

Oyamada, E. (2015). Anti-corruption measures the Japanese way: prevention matters. *Asian Education and Development Studies*, *4*(1), 24–50. https://doi.org/10.1108/aeds-10-2014-0047

Pinchuk, L. V. (2011). *Criminological expertise of draft laws*: Cand. Sci. (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).

Quah, J. S. T. (2017). Combating Asian Corruption: Enhancing the Effectiveness of Anti-Corruption Agencies. *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*, 2, 1. https://digitalcommons.law.umaryland.edu/mscas/vol2017/iss2/1

Rakhmeeva, I. I. (2023). *Assessing the regulatory impact: methodological bases, approaches to analyzing model draft laws, and best practices*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).

Rossinskaia, E. R., & Galiashina E. I. (2012). On the complex nature of anticorruption expertise of normative-legal acts and their drafts. *Lex russica*, *5*, 1048–1063. (In Russ.).

Rossinskaia, E. R., & Galiashina, E. I. (2014). *Anticorruption expertise of normative-legal acts and their drafts: issues of theory and practice*. Moscow. (In Russ.).

Rossinskaia, E. R. (2015). Concept of judicial-normative expertise as the basis of using special juridical knowledge in judicial-expert activity. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, *2-1*, 149–152. (In Russ.).

Rossinskaia, E. R. (2018). *Judicial expertise in the civil, arvbtration, administrative and criminal procedure*. Moscow. (In Russ.).

Rustemova, G. R. (2012). Criminological expertise of draft laws of the Republic of Kazakhstan and CIS states. *Herald of KRSU*, *12*, 43–45. (In Russ.).

Schmidt-Pfister, D., & Moroff, H. (Eds.). (2012). *Fighting Corruption in Eastern Europe: A Multilevel Perspective* (1st ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203718346

Shchedrin, N. V., & Damm, I. A. (Eds.) (2021). *Anti-corruption security measures*. Moscow: Prospect. (In Russ.). https://doi.org/10.31085/9785392336746-2020-496

Shesler, A. V., & Borovskikh, R. N. (2013). Types of anticorruption expertise. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, *375*, 119–121. (In Russ.).

Sheverdiaev, S. N. (2009). Forming the bases of legal regulation of anticorruption expertise of normative-legal acts and issues of improving the official methodology of its implementation. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe parvo*, *20*, 5–11. (In Russ.).

Sorogovets, D. V. (2016). On the correlation between institutes of criminological expertise and assessment of the regulatory impact when developing drafts of normative-legal acts. In *Issues of strengthening law and order: science, practice, trends*, *9-1* (pp. 261–268). (In Russ.).

Sudakova, T. M., & Vasileva, N. V. (2018). Anti-Corruption Expertise in Evaluating the Effectiveness of the Anti-Corruption Policy. *Russian Journal of Criminology*, *12*(5), 689–698. (In Russ.). https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(5).689-698

Supataeva, J. E. (2023). Some issues of improving the new criminal law of the Kyrgyz Republic. *Nauka. Obrazovanie. Tekhnika*, 2, 268–273. (In Kyrgyz). https://doi.org/10.54834/16945220_2023_2_268

Talapina, E. V. (2007). On anticorruption expertise. *Journal of Russian Law*, *5*, 52–66. (In Russ.).

Talapina, E. V. (2021). Artificial intelligence and legal expertise in public administration. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, *12*(4), 865–881. (In Russ.). https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.404

Tikhomirov, Iu. A. (2004). Overcoming corruptogenicity of legislation. *Law and Economics*, *5*, 3–6. (In Russ.).

Tsirin, A. M. (2009). Methodological basis of assessing normative-legal acts for corruptogenicity. *Journal of Russian Law*, *10*, 22–29. (In Russ.).

Tsirin, A. M. (2018). Anti-corruption expertise in Russia and foreign countries: comparative legal research. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, *4*, 138–145. (In Russ.). https://doi.org/10.12737/art.2018.4.18

Turanin, V. Iu. (2018). On the need to stimulate independent experts authorized for carrying out anticorruption expertise of normative-legal acts and their drafts. *Rossiiskaya yustitsiya*, *2*, 35–37. (In Russ.).

Villacis, B. (2024). The Gender Composition of the Anti-Corruption Expertise. *Corruption and Anti-Corruption Upside Down. Political Corruption and Governance*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-66032-0_5

Voronina, Iu. I. (2016). *Anticorruption expertise of normative-legal acts (and their drafts) in the Russian Federation: constitutional-legal research*: Cand. Sci. (Law) thesis. Tumen.

Yuzhakov, V. N. (2008). Anti-corruption expertise of regulatory legal acts: methodology, experience and prospects. *Public Administration Issues*, *2*, 4–42. (In Russ.).

Zakirov, I. A. (2008). *Legal expertise*: Cand. Sci. (Law) thesis. Nizhny Novgorod. (In Russ.).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 15.11.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 18.02.2025
Дата принятия в печать / Accepted 18.02.2025

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.126-140**
УДК / UDC 343.1:343.2:343.8

В. А. Маслов[1]

[1] *Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург, Россия*

Судейское усмотрение в уголовно-правовой политике. Изменение категории преступления судом

Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, Уральский юридический институт МВД России
E-mail: vmaslov-lex@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5539-5220
Web of Science Researcher ID: AAT-5483-2021
eLIBRARY SPIN-код: 6598-1292

Аннотация

Цель: исследование вопроса оптимальности широты судейского усмотрения в российском уголовном законодательстве и выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Методы: диалектический материализм, предполагающий объединение диалектического подхода к познанию окружающего мира с его материалистическим пониманием, и основанные на нем общенаучные (системно-структурный и формально-логический, индуктивный и дедуктивный, анализ и синтез) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы познания.

Результаты: проблема границ судейского усмотрения в уголовном праве является следствием попытки законодателя урегулировать нормами права всю широту и разнообразие общественных отношений. С учетом складывающейся правоприменительной практики признается дискуссионной доктринальная точка зрения о необходимости «сужения» границ наказуемости по ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ. Указывается на отсутствие негативных последствий расширения практики назначения наказания в виде лишения свободы условно с 2015 г. за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное с отягчающими обстоятельствами. Обосновано, что такие доводы противников существования ч. 6 ст. 15 УК РФ в уголовном законодательстве, как нарушение принципов разделения властей, справедливости, законности, а также коррупционность нормы нельзя признать убедительными. Предложено расширение практики освобождения от уголовной ответственности в рамках ст. 76^1, 76^2, 90 УК РФ после снижения категории преступления.

Научная новизна: в статье обосновано авторское видение дифференциации существующего в уголовном законодательстве усмотрения по характеру (правовым последствиям). В результате этого аргументируется точка зрения о необходимости существования в уголовном законе правомочия суда по изменению категории преступления, а также предпринята попытка разрешения ряда проблем, связанных с реализацией положений ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Практическая значимость: сформулированные выводы могут быть использованы в законодательной и правоприменительной практике в части оптимизации судейского усмотрения с учетом целей и задач уголовно-правовой политики.

Ключевые слова:

уголовно-правовые науки, судейское усмотрение, изменение категории преступления, уголовно-правовая политика, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, оценочные понятия

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Маслов В. А., 2025

Как цитировать статью: Маслов, В. А. (2025). Судейское усмотрение в уголовно-правовой политике. Изменение категории преступления судом. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 126–140. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.126-140

Scientific article

V. A. Maslov[1]

[1] *Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Yekaterinburg, Russia*

Judicial discretion in criminal law policy. Changing the category of a crime by the court

Villi A. Maslov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the scientific-research and editorial-publishing department, Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
E-mail: vmaslov-lex@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5539-5220
Web of Science Researcher ID: AAT-5483-2021
eLIBRARY SPIN-code: 6598-1292

Abstract

Objective: to study the issue of the optimal scale of judicial discretion in Russian criminal legislation and to develop scientifically grounded proposals for improving legal regulation in this area.

Methods: dialectical materialism, which involves combining a dialectical approach to cognition of the surrounding world with its materialistic understanding, and general scientific (system-structural and formal-logical, inductive and deductive, analysis and synthesis) and special (formal-legal, comparative-legal) methods of cognition based on it.

Results: the problem of the limits of judicial discretion in criminal law stems from the legislator's attempt to regulate the broad and diverse public relations by legal norms. Given the emerging law enforcement practice, the doctrinal view on the need to "narrow" the limits of criminality under Part 2 of Article 105 of the Russian Criminal Code is considered debatable. Experts point out that there are no negative consequences of the expanded (since 2015) imposition of a suspended sentence for deliberate serious harm to health, committed with aggravating circumstances. The author opposes the arguments of those who consider Part 6 of Article 15 of the Russian Criminal Code to be a violation of the principles of separation of powers, justice, legality, as well as the norm to be corruption-causing. The proposal is to expand the exemption from criminal liability under Articles 76^1, 76^2, 90 of the Russian Criminal Code after decreasing the crime category.

Scientific novelty: the article substantiates the author's opinion on the differentiation of discretion existing in criminal legislation by nature (legal consequences). As a result, the author argues that the court must have a discretion to change the crime category, and attempts to resolve problems related to the implementation of Part 6 of Article 15 of the Russian Criminal Code.

Practical significance: the formulated conclusions can be used in legislative and law enforcement practice in terms of optimizing judicial discretion, taking into account the goals and objectives of criminal law policy.

Keywords:

criminal-legal sciences, judicial discretion, changing the crime category, criminal law policy, exemption from criminal liability, exemption from punishment, evaluative concepts

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Maslov, V. A. (2025). Judicial discretion in criminal law policy. Changing the category of a crime by the court. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 126–140. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/ 2782-2923.2024.4.126-140

Введение

Вопросы оптимальности широты усмотрения (чаще всего судейского) в материальном уголовном законодательстве не теряют своей остроты, что обусловлено неустанными попытками законодателя сформулировать нормы уголовного закона таким образом, чтобы у правоприменителя была возможность максимального учета всех значимых фактических обстоятельств и выбора целесообразных и эффективных мер воздействия. В то же время излишняя широта представленных правоприменителю законодателем возможностей содержит потенциал дальнейшей неоднозначной правоприменительной практики, что с неизбежностью приводит к фактам отсутствия единообразия правоприменения (Босхолов, Максимов, 2018. С. 11) и, как следствие, вопросам о справедливости (соразмерности) принимаемых к преступникам мер воздействия.

С учетом указанного в качестве цели исследования можно определить разрешение проблем содержательной оптимальности имеющихся в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ, или уголовный закон) норм, предусматривающих право выбора в принятии решений правоприменителем.

Для достижения указанной цели видится необходимым решить следующие задачи: определиться с сущностью усмотрения, рассмотреть доктринальные точки зрения и правоприменительную практику, на основе чего сделать некоторые теоретические выводы и представить практические рекомендации.

Результаты исследования

1. Предмет публикации

Прежде всего, начать стоит с дефиниции. Так, под **усмотрением** (здесь и далее выделено нами. – В. М.) в уголовном судопроизводстве понимают «предусмотренное уголовным и уголовно-процессуальным законодательством право выбора в принятии решений субъектами правоотношений, порождаемых фактом совершения преступления либо возникающих в связи с реализацией такого правоотношения в рамках уголовной процедуры» (Жевлаков и др., 2010. С. 108).

Социальная обусловленность наличия усмотрения в уголовном законе вполне справедливо связывается исследователями с разнообразием общественных отношений (по существу, именуемый учеными «законом необходимого юридико-фактического разнообразия» (Пудовочкин, Адрианов, 2015. С. 17)), с тем, что «неопределенность дает определенную свободу и шанс обеспечить в процессе правоприменения соблюдение требований ст. 3, 6, 7, 43 УК РФ, т. е. назначить наказание, соответствующее критериям индивидуализации, справедливости, гуманизма и т. д.» (Бабаев, 2017. С. 14).

Как справедливо отмечает А. И. Бойко, «**оценочные понятия** представляют собой средство приспособления стандартизированного и лаконичного юридического метода к безразмерной и постоянно обновляющейся действительности, один из способов адаптации права к окружающей его среде обитания» (Бойко, 2008. С. 39). Стоит согласиться с А. И. Бойко и в том, что причинами обилия в уголовном законе **оценочных понятий** (равно как и отсутствия перспектив существенного сокращения данного объема) являются: «1) необходимость регулирования отношений нравственного порядка, которые невозможно формализовать с помощью количественных признаков, 2) естественная потребность в полноте отраслевого регулирования, что невозможно обеспечить с помощью строго определенных слов или методом перечисления, 3) отсутствие достойных эквивалентов языка для необъятной и постоянно меняющейся реальности, 4) традиционализм законодательного языка, ставящего на испытанные речевые образцы, в том числе и оценочного вида» (Бойко, 2008. С. 40).

А. В. Наумов объясняет использование в уголовном законе **оценочных понятий** стремлением законодателя дать субъекту применения уголовного закона (в первую очередь суду) «возможность максимального учета фактических обстоятельств конкретного уголовного дела, а также требований изменяющихся условий жизни и общества» (Наумов, 2013. С. 7). Указанный автор предлагает, не отказываясь от их употребления, свести возможность некорректной трактовки к минимуму путем расшифровки их в тексте Уголовного кодекса (Наумов, 2013. С. 10).

Если говорить о видах существующей в уголовном законе дискреции, налицо множественность вариантов классификации. Отметим интересующую нас в большей степени классификацию по характеру дискреционных полномочий (правовым последствиям).

Так, в первую очередь стоит выделять варианты усмотрения, результатом которых является факт привлечения лица к уголовной ответственности (признания в его действиях всех признаков состава преступления), либо, напротив, признания, что лицо не подлежит уголовной ответственности (или об отсутствии необходимости отбывать лицом наказание). К первому варианту стоит относить, к примеру, криминообразующие оценочные категории, закрепленные в диспозициях норм Особенной части УК РФ (различные вариации «значительного ущерба» и т. д.); ко второму варианту – к примеру, возможность признания деяния малозначительным (ч. 2 ст. 14 УК РФ), условного осуждения (ст. 73 УК РФ), освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ), а также варианты освобождения от отбывания наказания лица, заболевшего после совершения преступления тяжелой болезнью (за исключением психических расстройств), препятствующей отбыванию наказания (ч. 2 ст. 81 УК РФ); освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетнего, совершившего преступление небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 90 УК РФ); условно-досрочное освобождение от отбывания наказания несовершеннолетним (ст. 93 УК РФ);

Во вторую очередь стоит отметить варианты судебной дискреции, существующие в целях индивидуализации мер уголовного воздействия (в первую очередь наказания). К таковым можно отнести определение меры и объема наказания, отмеченного в санкции нормы Особенной части УК РФ; возможность изменения (снижения) категории преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ); признание какого-либо факта обстоятельством, смягчающим наказание (ч. 2 ст. 61 УК РФ); назначение обязанностей при условно-досрочном освобождении (ч. 2 ст. 79 УК РФ).

Значимость данной градации для нас видится в том, что в первом случае предполагается, по существу, некая форма наделения судебной власти несвойственными ей функциями признания деяния преступным (криминализация) либо, наоборот, правомерным (декриминализация). Уточним, что вопрос отнесения к данному виду усмотрения вариантов условного/условно-досрочного освобождения – дискуссионный, однако стоит признать, что данные меры фактически означают признание отсутствия необходимости как такового карательного воздействия на преступника, несмотря на наличие факта совершенного им общественно опасного деяния. Именно первый вид, как нам представляется, должен вызывать в научной среде наибольшие дискуссии как фактически узаконенное (правомерное/легальное) вмешательство судебной власти в процессы определения границ преступного поведения. Вместе с тем доктринальная критика вопросов широты усмотрения в уголовном законе чаще касается вопросов непомерно широких полномочий суда в рамках назначения наказания.

2. Доктринальные точки зрения и правоприменительная практика по проблемам объема судейского усмотрения

2.1. Судейское усмотрение в санкциях норм Особенной части УК РФ (на примере ответственности за квалифицированное убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Вопросы условного осуждения

Говоря о доктринальных точках зрения на заявленную проблематику, стоит отметить, что большинство (а возможно, и подавляющее число) исследователей являются сторонниками необходимости минимизации судебной дискреции в уголовном законодательстве. Закономерным видится факт, что отстаивают идею расширения ученые, в той или иной степени близкие по роду деятельности к правоприменению. Взять хотя бы точку зрения В. И. Радченко, в свое время замещавшего должность заместителя председателя Верховного Суда РСФСР (а в дальнейшем и Российской Федерации), отмечающего необходимость снижения минимальных пределов санкций по многим составам, не связанным с посягательствами на жизнь человека, что, по его мнению, позволило бы судам «проявлять более дифференцированный подход к лицам, втянутым в совершение преступлений в силу стечения обстоятельств, а также к тем участникам групповых преступлений, кто встал на путь сотрудничества со следствием в изобличении соучастников»[1].

[1] Почти четверть мужского населения России прошла «тюремные университеты». (2008, 2 сентября). Российская газета. https://rg.ru/2008/09/02/radchenko.html

Об излишней «широте» судейского усмотрения при назначении наказания говорит А. В. Наумов, приводя в пример ряд составов преступлений, содержащих «размах» наказания в виде лишения свободы от 6 до 12 лет (ч. 2 ст. 105 УК РФ – от 8 до 20 лет лишения свободы) (Наумов, 2009. С. 47), указывая на то, что «максимально допустимый разрыв между нижним и верхним пределами уголовно-правовых санкций не должен превышать трех-четырех лет» (Наумов, 2009. С. 48).

Статистику наказуемости по ч. 2 ст. 105 УК РФ можно проиллюстрировать диаграммой (рис. 1).

Сформированная на основе данных о 1 036 фактах осуждения за квалифицированное убийство в 2022 г. диаграмма наглядно демонстрирует, что правоприменителем активно используется представленная законодателем свобода выбора срока наказания. Представляется, что данный факт вызван тем, что ч. 2 ст. 105 УК РФ содержит тринадцать квалифицированных составов (без учета формулировок «а равно…», «или…», «либо…»), и нередки случаи учета при вынесении приговора факта наличия в действиях лица сразу нескольких из указанных в законе обстоятельств, что существенно повышает его общественную опасность и с неизбежностью требует соответствующей реакции в виде ужесточения приговора.

В такой ситуации говорить о том, что есть предпосылки для сужения границ наказуемости по данной статье не приходится. Данный шаг с неизбежностью приведет к несоразмерно мягким приговорам для наиболее злостных убийц, в действиях которых будут множественные квалифицирующие признаки.

Неуместность сужения можно аргументировать еще и тем, что в 7 случаях из 10 наказание в виде лишения свободы за квалифицированное убийство назначается на срок свыше десяти до двадцати лет, что свидетельствует о том, что судами наиболее часто выбирается наказание в десятилетнем диапазоне (на самом деле чуть меньше, поскольку наказание сроком десять лет, как и наказание сроком двадцать лет, не входит в указанные 70 %). Сужать наиболее востребованный на практике десятилетний интервал до трех-четырех лет означало бы существенное уменьшение возможности суда по индивидуализации наказания (как минимум в части самостоятельного учета отдельных квалифицирующих признаков).

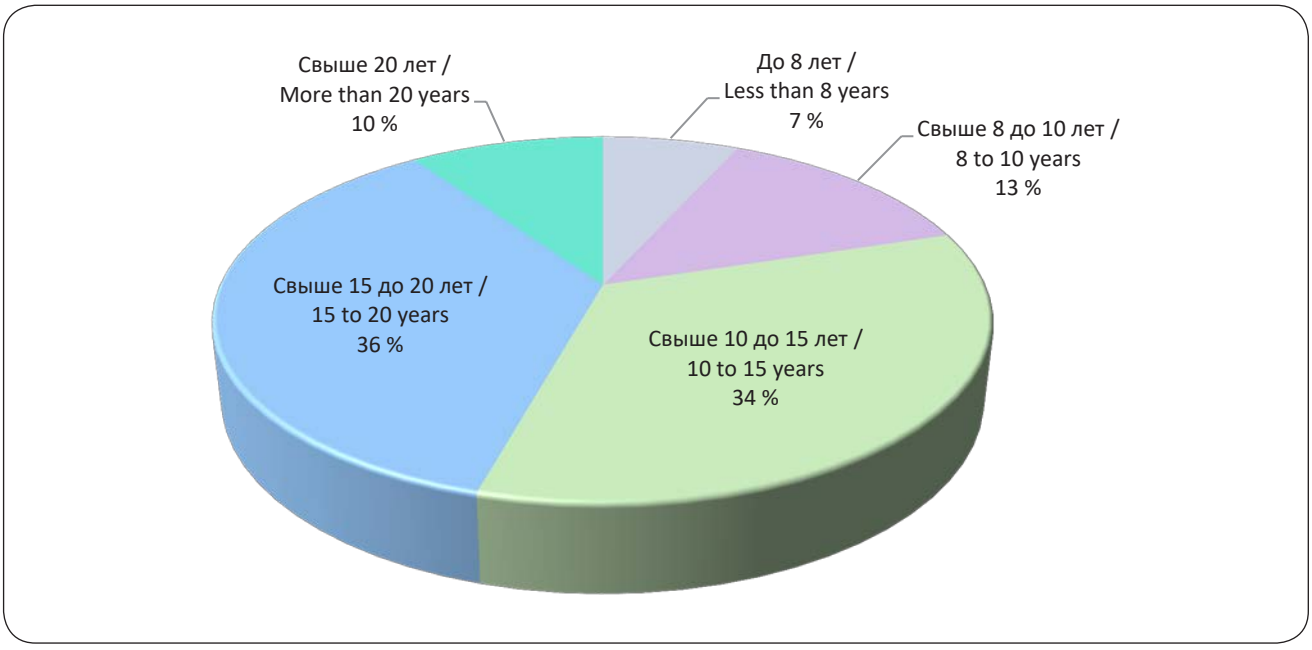


Рис. 1. Удельный вес осужденных по ч. 2 ст. 105 УК РФ в зависимости от срока лишения свободы (2022 г.), %

Источник: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. (2023). Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2022 года. https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645

Fig. 1. Proportion of those convicted under Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, depending on the term of imprisonment (2022), %

Source: Report on the number of those prosecuted and types of criminal punishment for the 12 months of 2022. Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645

Серьезной проблемой называет А. И. Александров широкое судейское усмотрение, приводя в пример ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 186 УК РФ, указывая на «возможность применения условного осуждения за преступление, за которое назначено наказание до 8 лет лишения свободы (ст. 73 УК РФ)», а также «возможность изменения судьей при определенных обстоятельствах категории преступления на одну ступень вниз» (Александров, 2017. С. 36).

В части осуждения за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека стоит отметить, что соотношение привлекаемых к лишению свободы реально и осуждаемых условно существенно отличается в зависимости от наличия квалифицирующих обстоятельств. Так, по итогам 2022 г. по ч. 1 ст. 111 УК РФ к лишению свободы реально было осуждено 1 332 человека, 1 776 человек были приговорены к лишению свободы условно (43 и 57 % соответственно от общего числа осужденных). В то же время по ч. 2–4 ст. 111 УК РФ к реальному лишению свободы были привлечены 8 624 виновных, а к лишению свободы условно – 3 712 (70 и 30 % соответственно)[2]. Интересно и то, что удельный вес наказаний, не связанных с реальным лишением свободы по ч. 2–4 ст. 111 УК РФ с 2007 по 2014 г. в среднем был около 6 %[3], а с 2015 по 2022 г. составляет уже 25,7 %, тогда как данный показатель по ч. 1 ст. 111 УК РФ относительно стабилен и составляет в среднем 45,4 % (период с 2007 по 2022 г.). Характерно и то, что из назначаемых реально по ч. 2–4 ст. 111 УК РФ наказаний в виде лишения свободы лишь 15,5 % назначаются сроком свыше восьми лет, а 52,5 % приговоров предполагают лишение свободы от трех до восьми лет заключения.

Для наглядности представим на диаграмме статистику за период с 2007 по 2022 г. относительно количества осужденных по ч. 2–4 ст. 111 УК РФ (тыс.), а также удельного веса применения к осужденным наказания, отличного от лишения свободы (%) (рис. 2).

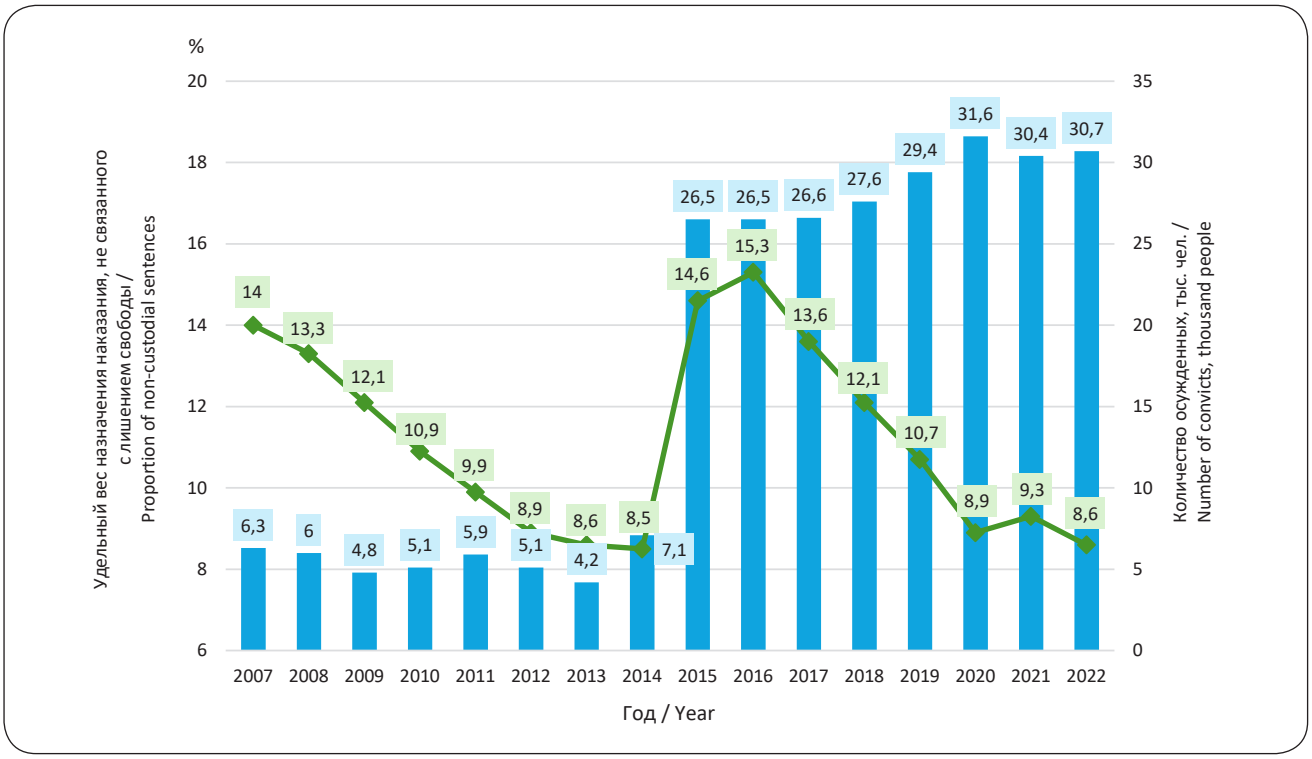


Рис. 2. Количество осужденных по ч. 2–4 ст. 111 УК РФ (тыс.), а также удельный вес применения к осужденным наказания, отличного от лишения свободы (2007–2022 гг.),%

Fig. 2. Number of convicts under Parts 2–4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation (thousands) and proportion of non-custodial punishments applied to convicts (2007–2022),%

[2] Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2022 года. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645

[3] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. (2023). Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2007–2022 годы. https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074

Данные диаграммы позволяют предположить, что существенное расширение практики назначения лишения свободы условно за причинение тяжкого вреда здоровью при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных ч. 2–4 ст. 111 УК РФ с 2015 г., не привело к негативным последствиям. С учетом указанной динамики, равно как дифференцированного подхода к наказуемости причинения тяжкого вреда здоровью, можно утверждать об отсутствии оснований считать возможность назначения условного лишения свободы при осуждении на срок до восьми лет (ч. 1 ст. 73 УК РФ) примером необоснованной широты судейского усмотрения. Уточним, что речь идет исключительно о конкретном составе, специфика которого определяется множественностью вариаций обстоятельств свершения преступления, подчас существенно сказывающихся на оценке его общественной опасности.

2.2. Изменение категории преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ)

С критикой положений, предусматривающих возможность изменения судьей при определенных обстоятельствах категории преступления на одну ступень вниз, выступает не только упомянутый выше А. И. Александров, но и ряд иных видных ученых, среди которых Ю. Е. Пудовочкин (2011. С. 74), Л. В. Иногамова-Хегай (2012. С. 89), А. И. Рарог (2013. С. 26), В. А. Номоконов (2014. С. 33), О. А. Беларева (2023. С. 25), А. А. Хайдаров (2015. С. 42), А. Г. Кулев и Л. О. Кулева (2019. С. 135). Так, И. А. Подройкина, отмечает, что полномочия суда менять категорию преступления нарушают принцип справедливости (Подройкина, 2014. С. 75), указывая на необходимость обозначения в уголовном законе не только верхней, но и нижней границы наказания, а также исключения ч. 6 ст. 15 УК РФ (Подройкина, 2017. С. 11).

Ю. В. Голик и А. И. Коробеев отмечают, что данная норма создает «невиданные предпосылки для коррупции в сфере осуществления уголовного судопроизводства» (Голик, Коробеев, 2014. С. 1401; Коробеев, 2014. С. 75). Подчеркивая «высококоррупционнность и необъективность» процесса назначения наказания с учетом положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, ученые указывают и на нарушение принципов равенства граждан перед законом (Петрянин и др., 2020. С. 72).

Э. Ф. Побегайло указывает, что возможность судебной власти «вторгаться» в законодательную область и корректировать позицию законодателя о категоризации преступлений противоречит принципу разделения властей, предусмотренному Конституцией РФ, и принципу законности (Побегайло, 2012. С. 18).

Важность определения категории преступления для осужденного очевидна, поскольку ее определение влияет на большое количество значимых обстоятельств: вид исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ), специфику назначения наказания по совокупности преступления (ст. 69 УК РФ), возможность назначения условного осуждения (п. «б» ч. 1 ст. 73 УК РФ), условно-досрочного освобождения (ч. 3 ст. 79 УК РФ), освобождение в связи с истечением сроков давности уголовного преследования (ч. 1 ст. 78 УК РФ), сроков давности исполнения обвинительного приговора (ч. 1 ст. 83 УК РФ), сроков погашения судимости (ч. 3 ст. 86 УК РФ) и т. д.

Отметим, что полномочие по снижению категории преступления появилось у судов после корректировок УК РФ небезызвестным Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ[4], помимо указанного нововведения, дополнившего уголовный закон новым видом наказания – принудительными работами, возможностью освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, возможностью отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, исключившим ответственность за клевету и оскорбление и т. д.

Важно и то, что указанное законодательное нововведение оставило без ответа ряд вопросов – следствий применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, и в доктрине звучали идеи о необходимости дополнения ст. 78, 83 и 94, 79 и 93, 80 и 86 УК РФ положением: «Если категория совершенного преступления была изменена судом, указанные выше сроки необходимо исчислять, исходя из категории преступления, установленной приговором суда» (Рарог, 2015. С. 67). Однако же законодательных корректировок не последовало, и высшая судебная инстанция отчасти разрешила данную неурегулированность в Постановлении Пленума ВС РФ[5] (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 10), отметив, что снижение категории преступления в рамках ч. 6 ст. 15 УК РФ предполагает

[4] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 420-ФЗ от 07.12.2011. (2011). Российская газета, 278, 9 декабря.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10. (2018, июль). Бюллетень Верховного Суда РФ, 7.

правовые последствия с учетом изменившейся категории. Важно подчеркнуть, что разъяснения Верховного Суда Российской Федерации оставили без ответа ряд существенных вопросов, в частности, применимость ряда форм освобождения от уголовной ответственности (к примеру, с назначением судебного штрафа, в связи с возмещением ущерба, в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия), о чем мы будем вести речь ниже.

Говоря о доводах ученых в обоснование позиции о необоснованности наделения судов полномочием по изменению категории преступления, стоит отметить точку зрения А. И. Рарога, согласно которой «закрепленные в ст. 15 УК РФ правила определения категории преступления находятся в жесткой зависимости от характера и степени общественной опасности деяния (и, кроме того, от формы вины). Введение же в эти правила дополнительных критериев (фактические обстоятельства преступления; наличие обстоятельств, смягчающих наказание; отсутствие обстоятельств, отягчающих наказание) не согласуется с ч. 1 ст. 15 УК РФ, нарушает принцип законности и лишает уголовный закон качества правовой определенности» (Рарог, 2013. С. 26). Представляется, что в данных словах есть истина. Категория преступления изначально предопределена характером и степенью общественной опасности деяния, равно как и формой вины, однако стоит признать, что степень общественной опасности находится в прямой зависимости и от обстоятельств совершения преступления (как минимум в части отличия между типовой общественной опасностью и фактической). Нередко анализ юридического факта позволяет утверждать, что деяние во многом обусловлено стечением ряда обстоятельств экономического, социального, психологического и прочего характера, и учет данных обстоятельств просто необходим исходя из требований индивидуализации наказания и выбора наиболее целесообразных и эффективных мер воздействия на лицо.

Стоит очередной раз признать, что разнообразие общественных отношений предопределяет необходимость правовой регламентации возможности учета данного разнообразия. Наша точка зрения в данном случае состоит в том, что возможность изменения категории преступления судом – это вынужденная мера, исключение из общего правила о категоризации преступлений. Возможность применения данной нормы справедливо поставлена в зависимость от наличия совокупности обстоятельств, свидетельствующих о меньшей общественной опасности (п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 10 в качестве таковых обстоятельств указывает: наличие одного или нескольких смягчающих наказание обстоятельств, отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, определенный вид наказания или срок лишения свободы; способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель совершения деяния, характер и размер наступивших последствий и т. д.).

О том, что данная норма – это исключение из общего правила, говорит и статистика. Так, фактическая применимость данной нормы по итогам 2022 г. при 578 751 осужденном – лишь 8 462 (1,46 %)[6] фактов. При этом семь из десяти лиц, категория которых была снижена (6 118 лиц, или 72,3 %), осуждены по ч. 3 ст. 158 УК РФ, далее по частоте применения с существенным отрывом 235 (2,8 % из числа получивших снисхождение) осужденных по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Итак, если обобщить аргументы ученых, выступающих с критикой положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, получится примерно следующий перечень:

1. Нарушение принципа разделения властей (вторжение судебной ветви власти в законодательную).
2. Нарушение принципа справедливости.
3. Нарушение принципа законности.
4. Коррупционность нормы.
5. Проблемы правоприменительного толка.

Далее отметим нашу точку зрения относительно указываемых авторами аргументов.

В части нарушения **принципа разделения властей**, отмеченного нами первым, ввиду его общеправового характера стоит отметить, что для Российской Федерации данный принцип справедливо именовать конституционным. По существу, данный принцип предполагает самостоятельность ветвей власти. Приме-

[6] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации. https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645

нительно к рассматриваемым нами аспектам ученых беспокоит факт вмешательства судебной ветви власти в юрисдикцию законодательных органов, поскольку до декабря 2011 г. категории преступлений без каких бы то ни было оговорок были определены в уголовном законе, и факт признания наличия в действиях лица конкретного состава преступления влек однозначные правовые последствия, обусловленные отнесением данного состава к конкретной категории.

Безусловно, заслуживает самого пристального внимания посыл ученых, согласно которому судебная власть, играющая ключевую роль в уголовном судопроизводстве (определяющая виновность или невиновность лица, избирающая ему наиболее целесообразную меру воздействия, в ряде случаев принимающая решение об освобождении от ответственности и т. д.) не должна получать право на изменение категории преступления. Вместе с тем повторимся, что принцип разделения властей предполагает самостоятельность, и законодательное решение о передаче такого полномочия, как определение категории преступления, видится вполне *самостоятельным* (курсив наш. – В. М.). Равным образом самостоятельным видятся дальнейшие решения судебных органов в рамках юридической оценки конкретных фактов и применение положений ч. 6 ст. 15 УК РФ уже в рамках представленных полномочий (с учетом указанных в норме оснований и ограничений).

В части нарушения принципа **справедливости**: как известно, ст. 6 УК РФ предусматривает, что применяемые к преступнику меры воздействия должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Утверждать, что ч. 6 ст. 15 УК РФ противоречит указанному принципу, спорно, по меньшей мере постольку, поскольку применимость данной нормы напрямую связана с установлением факта *меньшей* (курсив наш. – В. М.) степени общественной опасности преступления (о чем также указано в абзаце 2 п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 10).

Как мы указывали ранее, по существу данной нормой презюмируется возможность учета совокупности исключительных обстоятельств, свидетельствующих о возможности достижения целей наказания (целей привлечения к ответственности), применяя меньший объем репрессии.

Согласно принципу **законности**, преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК РФ. Однако стоит признать наличие ряда изначальных и фактически неустранимых исключений из него: бланкетные нормы, предусматривающие уголовную ответственность за нарушение тех или иных норм; множество оценочных категорий и т. д. К сожалению, стоит признать, что не только наказуемость, но и сама преступность деяния не всегда определяются уголовным законом. В данном случае можно отметить, что в указанной редакции принцип законности – это недостижимый идеал, однако же он позволяет с уверенностью определять УК РФ в качестве неоспоримого фундамента борьбы с преступностью (не стоит забывать и ч. 2 ст. 3 УК РФ как составляющую принципа законности, согласно которой применение уголовного закона по аналогии не допускается). С учетом указанного можно сказать, что ч. 6 ст. 15 УК РФ нарушает принцип законности ровно в той же степени, в какой данное нарушение свойственно для достаточно большого количества норм уголовного закона, предусматривающих возможность их применения в зависимости от подзаконных нормативных правовых актов, разъяснений высшей судебной инстанции и т. д. Кроме того, можно упомянуть и то, что достаточно противоречива по существу оценка законности нормы УК РФ, принимая во внимание факт ее принятия в законодательно установленном порядке.

Говоря о **коррупционной** составляющей анализируемой нормы, стоит безусловно признать ее реальность. Однако же справедливым будет отметить два немаловажных обстоятельства.

Во-первых, стоит признать коррупционность любых норм, содержащих в себе некоторую дискрецию. Как известно, таких норм в уголовном законе более чем достаточно, и если относительно вариативности наказаний (их видов и размеров) в санкциях статей Особенной части УК РФ доктринально устоялась точка зрения о неуместности абсолютно-определенных санкций (хотя и часты дискуссии относительно конкретных диапазонов), то относительно дискреций в Общей части УК РФ стоит констатировать наличие основательных дискуссий.

Во-вторых, коррупционность норм стоит оценивать с учетом имеющихся механизмов по ее правоприменительному нивелированию. Речь в данном случае идет о процедуре пересмотра приговора в последующих инстанциях. Здесь уместно очередной раз сослаться на положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10, п. 7 которого содержит детальные требования к описательно-мотивировочной части обвинительного приговора (указание на наличие смягчающих и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств; мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания; указание на конкретные фактические обстоятельства преступления, уменьшающие степень его общественной опасности

и дающие основания для изменения категории преступления; вывод о необходимости изменения категории преступления на менее тяжкую; при наличии соответствующих оснований – мотивы решения вопросов, относящихся к освобождению подсудимого от отбывания наказания).

Таким образом, стоит признать, что большинство доводов, звучащих в обоснование необходимости отказа от наделения суда правом на изменение категории преступления (нарушение принципа разделения властей, справедливости, законности и коррупционность нормы), являются достаточно дискуссионными. Представляется, что неменьшую значимость при разрешении вопроса уместности правомочия суда по изменению категории преступления имеют положения принципа гуманизма, а также требование индивидуализации мер воздействия.

Поскольку авторы, в частности Р. О. Долотов (2015. С. 71), в обоснование причины отмены ч. 6 ст. 15 УК РФ указывают проблемы теории и *практики* (курсив наш. – В. М.), признавая значимость правоприменительных аспектов реализации анализируемой нормы, позволим себе остановиться на вопросах применения ч. 6 ст. 15 УК РФ чуть подробнее.

2.3. Отдельные вопросы применения ч. 6 ст. 15 УК РФ

Говоря о ч. 6 ст. 15 УК РФ, нельзя не уделить внимание вопросу законодательной противоречивости регламентации вопроса последовательности при определении возможности применения указанной нормы, о чем справедливо говорят авторы (Шарапов, 2023. С. 84). Дело в том, что норма уголовного закона предусматривает необходимость решения вопроса о снижении категории преступления *после* (курсив наш. – В. М.) назначения соответствующего наказания (в зависимости от категории), в то время как ст. 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) указывает на обратную последовательность (п. 6.1 предполагает решение вопроса о том, имеются ли основания для изменения категории преступления, в то время как п. 7 предполагает выяснение вопроса наличия оснований для изменения категории преступления). Представляется, что данное противоречие обусловлено взаимосвязью между решением вопроса наличия обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание (п. 6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), одновременно являющимся безусловным основанием для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ (в случае отсутствия отягчающих обстоятельств). При этом стоит признать, что складывающаяся практика назначения наказаний при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств свидетельствует об избрании наиболее гуманных мер уголовной репрессии, как правило, близких к низшей границе, установленной в санкции нормы Особенной части УК РФ, либо регламентированных частью Общей.

Вместе с тем в целях соответствия нормам первичного материального права видится уместным предложить корректировку УПК РФ в части «переноса» положений п. 6.1 ст. 299 УПК РФ после п. 7 данной нормы, предусматривающей разрешение вопроса выбора наказания подсудимому.

Возвращаясь к вопросу о том, что законодатель в полной мере не урегулировал последствия применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, к примеру, не отметив возможность освобождения от уголовной ответственности в рамках ст. 76.1, 76.2, 90 УК РФ, подчеркнем, что Верховный Суд РФ связывает возможность изменения категории преступления с возможностью освобождения лица в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ) и по ряду иных норм (п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 10).

Неразрешенность на законодательном уровне и ограничительное толкование судебной властью закономерно вызывают в доктрине уголовного права вопросы о корректности норм закона, разъяснений суда и складывающейся практики. Появились как сторонники применения «двойного» снисхождения (к примеру, М. Ю. Юсупов (2016. С. 124)), так и противники такового (к примеру, Л. О. Павлова, отмечающая недопустимость «чрезмерного снисхождения» (2024. С. 127), Р. Д. Шарапов, утверждающий, что изменение категории преступления исключает возможность применения ст. 76.2 УК РФ, поскольку, во-первых, судебный штраф назначается не на основании обвинительного приговора, а по постановлению или определению суда о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, во-вторых, не урегулирован порядок и правовые последствия отмены судебного решения в случае неуплаты лицом судебного штрафа, назначенного вследствие изменения категории преступления). Равным образом ученый считает невозможным после применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба и применением принудительных мер воспитательного воздействия (Шарапов, 2023. С. 87). Схожей точки зрения придерживается О. А. Беларева, отмечающая, что «уголовный закон и без этого предоставляет судам достаточно широкий на-

бор инструментов для смягчения уголовно-правовых последствий, позволяющих не допускать избыточного государственного принуждения и обеспечивать баланс прав гражданина, привлекаемого к ответственности, и публичного интереса» (Беларева, 2023. С. 22).

Представляется, что исходить из обозначенной процессуальной формы принятия решения некорректно, поскольку по существу разницы между различными видами освобождения от уголовной ответственности, предусмотренными ст. 75, 76, 76.2, нет. В данном случае можно привести аналогию с процедурой, предусмотренной для применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ). Так, согласно ст. 427 УПК РФ, по общему правилу решение о применении к несовершеннолетнему мер, предусмотренных ст. 90 УК РФ, принимается судом в рамках рассмотрения соответствующего ходатайства, однако ч. 3 ст. 427 УПК РФ предусматривает возможность прекращения уголовного дела с применением принудительных мер воспитательного воздействия уже после получения уголовного дела с обвинительным заключением или обвинительным актом. Равным образом УПК РФ в ст. 25.1 указывает на возможность суда по собственной инициативе прекратить уголовное дело с применением положений ст. 76.2 УК РФ. В данном случае можно поддержать точку зрения исследователей, предлагающих дополнить перечень статей, отмеченных в п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 10, статьей 76.2 УК РФ (Артеменко, Шимбарева, 2019. С. 8).

Здесь же уместно привести точку зрения Н. Ю. Скрипченко о реализации принципов справедливости и гуманизма в ситуации, когда «лица, которые готовы добросовестно исполнить (претерпеть) меры государственного принуждения… не могут рассчитывать на применение более мягких мер государственного реагирования?» (Скрипченко, 2019. С. 50).

Стоит отметить также проблему скорее терминологическую. Дело в том, что, согласно разъяснению высшей судебной инстанции (п. 7, 10), следствием снижения категории преступления и применения положений, к примеру ст. 75, 76, 78 УК РФ, является освобождение осужденного от отбывания назначенного *наказания* (справедливости ради, отметим и то, что используется терминология «позволяет суду», оставляющая место для дискуссии в части императивности или дискретности такого указания), в то время как нормы гл. 11 УК РФ предполагают освобождение от *ответственности* (курсив наш. – В. М.). С учетом того обстоятельства, что авторы отмечают спорность выделения в УК РФ двух самостоятельных глав (гл. 11 и 12), справедливо указывая на то, что освобождение от уголовной ответственности и освобождение от наказания по своей правовой природе различаются несущественно (Дубровин, Дубровина, 2021. С. 124), представляется, что используемая Верховным Судом РФ формулировка обусловлена, во-первых, тем, что возможность снижения категории преступления находится в зависимости от назначаемого наказания (важен либо его срок, либо факт назначения более мягкого, нежели лишение свободы, наказания) и суд в определенный момент (дискуссия относительно этого временного промежутка обозначена чуть выше) обязан определиться с данным вопросом, и, во-вторых, тем, что п. 10 содержит в себе указание как на нормы, предусматривающие освобождение от ответственности, так и на нормы, освобождающие от наказания.

Вместе с тем, как известно, юриспруденция требует терминологической точности и однозначности, особенно с учетом проблемы применения уголовного закона по аналогии при изменении категории преступления судом (Зорина и др., 2023), трактовки такого судебного подхода, как «прямое нарушение принципа законности, поскольку судами при освобождении от наказания используются нормы совершенно иного по смыслу и содержанию уголовно-правового института» (Суверов, 2023. С. 81). С учетом указанного самого пристального внимания заслуживают предложения ученых о необходимости корректировок ст. 15 УК РФ, предусматривающих, что следствием понижения категории преступления с тяжкого на средней тяжести должно быть освобождение от уголовной ответственности (Горбань, Береза, 2021), равно как установки на то, что суд, назначивший наказание за преступление одной категории и изменивший ее на менее тяжкую, при условии, что по «новой» категории преступления истекли сроки давности, «отменяет обвинительный приговор и прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование» (Звечаровский, 2018. С. 53).

Относительно неурегулированности вопроса правовых последствий отмены судебного решения в случае неуплаты лицом судебного штрафа в случае его применения при снижении категории преступления, можно отметить положения ст. 446.5 УПК РФ, регламентирующей последствия неуплаты лицом судебного штрафа. Именно данный подход представляется наиболее целесообразным и позволяющим в большей степени индивидуализировать необходимые меры воздействия.

К еще одному дискуссионному аспекту можно отнести *обязательность* рассмотрения вопроса о возможности применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ судом при наличии трех фактов, указанных в данной норме в качестве

оснований (наличие смягчающих наказание обстоятельств; отсутствие отягчающих наказание обстоятельств; назначение наказания в установленных пределах в зависимости от категории). Сторонники обязательности (Шарапов, 2023. С. 87; Горбатова, Гусман, 2012) в данном случае указывают на п. 6.1 ст. 299 УПК РФ. Формально-юридически данная норма действительно обязывает во всех без исключения случаях разрешать вопрос изменения категории преступления. Вместе с тем нужно понимать, что ч. 6 ст. 15 УК РФ создана как исключение из общего правила о категоризации преступлений. Вменение в обязанность суда во всех случаях (даже при условии наличия указанных в норме обстоятельств) анализировать деяние на предмет возможности снижения категории способно действительно существенно дискредитировать институт категоризации преступлений.

Подчеркнем, что наша точка зрения состоит в том, что возможность изменения категории преступления судом – это вынужденная, но оправданная мера, направленная на индивидуализацию мер воздействия исходя из принципов справедливости и соразмерности, и ее применение не должно носить массовый характер, что способно во многом разбалансировать систему мер воздействия (в том числе и наказания), фундаментом которой выступает категоризация преступлений.

В качестве аргумента можно привести и тот факт, что применение ч. 6 ст. 15 УК РФ – это право, а не обязанность суда.

Вместе с тем стоит признать, что текущая редакция ст. 299 УПК РФ предполагает, что в приговорах все чаще должны появляться фразы, указывающие на то, что, несмотря на наличие смягчающих наказание обстоятельств и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, «*с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности оснований для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую не имеется*». Однако, признавая, что правоприменительная практика всегда найдет способ формально соблюсти норму закона, представляется, что проблема здесь намного глубже, поскольку требуется ответить на вопрос не о том, «*что должно найти отражение в приговоре*», а о том, *«все ли лица, в действиях которых отсутствуют отягчающие наказание обстоятельства и присутствуют смягчающие, должны быть субъектом самого пристального внимания суда на предмет возможности снижения категории преступления*».

Безусловно, стоит помнить и о возможности оспаривания решения суда в вышестоящей инстанции со ссылкой на ст. 299 УПК РФ, когда в приговоре не будет указания на рассмотрение вопроса применимости ч. 6 ст. 15 УК РФ, однако, как представляется, даже возврат для повторного рассмотрения дела по существу не должен быть безусловной предпосылкой для снижения категории преступления. Аргумент в данном случае у нас все тот же – исключительность положений об изменении категории преступления.

Заключение

Во-первых, стоит признать проблему широты границ судейского усмотрения и наличие полярных точек зрения (с существенным преобладанием сторонников необходимости сужения данных границ) на вопросы оптимальности данных границ в настоящее время.

Во-вторых, на наш взгляд, наиболее целесообразной видится дифференциация существующего в уголовном законодательстве усмотрения по характеру (правовым последствиям) на усмотрение, позволяющее определять наличие или отсутствие преступности (и, как следствие, наказуемости) деяния, а также усмотрение, позволяющее индивидуализировать наказание (или иные меры воздействия). Значимость данной градации в том, что в первом случае предполагается, по существу, некая форма наделения судебной власти несвойственными ей функциями признания деяния преступным (криминализация) либо, наоборот, правомерным (декриминализация).

В-третьих, статистика судимости за квалифицированное убийство позволяет утверждать, что отсутствуют основания для «сужения» границ наказуемости по ч. 2 ст. 105 УК РФ, что с неизбежностью приведет к несоразмерно мягким приговорам для наиболее злостных убийц, в действиях которых будут множественные квалифицирующие признаки. Стоит признать, что сужать наиболее востребованный на практике десятилетний интервал до трех-четырех лет означало бы существенное уменьшение возможности суда по индивидуализации наказания (как минимум в части самостоятельного учета отдельных квалифицирующих признаков).

В-четвертых, анализ практики осуждения по ч. 2–4 ст. 111 УК РФ свидетельствует о дифференцированном подходе судей к вопросам наказуемости умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, совершенного

с отягчающими обстоятельствами, а также об отсутствии негативных последствий расширения практики назначения лишения свободы условно с 2015 г.

В-пятых, обобщение аргументов ученых, выступающих с критикой положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, позволяет выделить такие доводы, как: нарушение принципов разделения властей, справедливости, законности, а также коррупционность нормы, однако же стоит отметить как дискуссионность ряда указанных аргументов, так и необходимость существования и воплощения в жизнь принципов гуманизма, а также насущного требования индивидуализации мер воздействия.

В-шестых, в целях соответствия нормам первичного материального права видится уместным предложить корректировку УПК РФ в части «переноса» положений п. 6.1 ст. 299 УПК РФ после п. 7 данной нормы, предусматривающей разрешение вопроса выбора наказания подсудимому.

В-седьмых, если констатировать неурегулированность последствий применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, корректным видится предложение о расширении практики освобождения от уголовной ответственности в рамках ст. 76^1, 76^2, 90 УК РФ после снижения категории преступления, что возможно реализовать внесением дополнений в перечень статей, отмеченных в п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 10.

Список литературы

Александров, А. И. (2017). Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном. *Юридическая наука: история и современность*, *4*, 34–44.

Артеменко, Н. В., Шимбарева, Н. Г. (2019). Применение ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса: комментарий Постановления Пленума. *Уголовное право*, *4*, 4–10.

Бабаев, М. М. (2017). Неопределенность и проблемы правоприменения. *Человек: преступление и наказание*, *25*(1), 12–19.

Беларева, О. А. (2023). Освобождение от уголовной ответственности и наказания после изменения категории преступления на меньшую. *Вестник Кузбасского института*, *1*(54), 17–25. https://doi.org/10.53993/2078-3914/2023/1(54)/17-25

Бойко, А. И. (2008). *Системная среда уголовного права*: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва.

Босхолов, С. С., Максимов, С. В. (2018). Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования. *Пролог: журнал о праве*, *3*, 8–18. https://doi.org/10.21639/2313-6715.2018.3.2.

Голик, Ю. В., Коробеев, А. И. (2014). Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть. *Lex Russica*, *XCVII*(12), 1399–1410.

Горбань, А. В., Береза, О. А. (2021). Освобождение от уголовной ответственности как последствие изменения категории преступления. *Уголовное право*, *6*(130), 11–18.

Горбатова, М. А., Гусман, Г. С. (2012). Изменение категории преступления: проблемы правоприменения и обратная сила уголовного закона. *Уголовное право*, 5, 43–45.

Долотов, Р. О. (2015). Уголовно-правовые последствия применения судом ч. 6 ст. 15 УК РФ. *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*, *4*, 60–72.

Дубровин, В. В., Дубровина, Е. Г. (2021). Соотношение освобождения от уголовной ответственности и от наказания. *Юридическая наука*, *7*, 124–126.

Жевлаков, Э. Н., Звечаровский, И. Э., Минская, В. С., Наумов, А. В., Решетова, Н. Ю., Савкин, А. В., Халиулин, А. Г. (2010). Усмотрение в уголовном праве и уголовном процессе. *Уголовное право*, *1*, 108–113.

Звечаровский, И. Э. (2018). Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ об изменении категории преступления. *Законность*, *8*(1006), 52–53.

Зорина, Е. А., Антонов, А. Г., Вахмистрова, С. И. (2023). К вопросу о применении норм об освобождении от уголовной ответственности по аналогии в связи с изменением категории преступления. *Современный ученый*, 1, 232–237.

Иногамова-Хегай, Л. В. (2012). Концепция реформирования уголовного законодательства. В сб. *Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права* (31 мая – 1 июня 2012 г.) (с. 88–92). Москва: Проспект.

Коробеев, А. И. (2014). Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: «свободная в своей причине?». *Современные проблемы уголовной политики*: материалы Международной конференции (с. 71–81).

Кулев, А. Г., Кулева, Л. О. (2019). Категоризация преступлений при конструировании уголовно-процессуальных норм. *Актуальные проблемы российского права*, *2*(99), 130–137. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.99.2.130-137

Наумов, А. В. (2009). Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция Кодекса? *Уголовное право*, *4*, 44–48.

Наумов, А. В. (2013). Пути реформирования российского уголовного законодательства. *Законы России: опыт, анализ, практика*, *10*, 3–11.

Номоконов, В. А. (2014). Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? *Вестник Казанского юридического института МВД России*, *5*(1), 32–36.

Павлова, Л. О. (2024). Дефекты судебной практики об изменении категории преступления. *Актуальные проблемы российского права*, *19*(1), 119–131. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.158.1.119-131

Петрянин, А. В., Куликов, Р. С., Неганов, Д. А. (2020). Вопросы эффективности и соотношения некоторых курсов современной уголовной политики: доктринально-прикладные аспекты. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, *4*(52), 70–74. https://doi.org/10.36511/2078-5356-2020-4-70-74

Побегайло, Э. Ф. (2012*)*. Об углубляющемся кризисе российской уголовной политики. В сб. А. Н. Ильяшенко (ред.), *Современные проблемы уголовной политики: материалы конференции*: в 2 т. (Т. 1, с. 14–24). Краснодар: Краснодарский университет МВД России.

Подройкина, И. А. (2014). К вопросу о принципах уголовного наказания. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, *12*(55), 74–77.

Подройкина, И. А. (2017). *Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России*: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск.

Пудовочкин, Ю. Е. (2011). О грядущих изменениях уголовного закона (в порядке доктринального заключения на проект Федерального закона № 559740 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»). В сб. *Современные проблемы уголовной политики* (Т. 1, с. 74–75). Краснодар.

Пудовочкин, Ю. Е., Андрианов, В. К. (2015). Закономерности уголовного права: к постановке проблемы. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*, *7*, 10–20.

Рарог, А. И. (2013). Законодательные атаки на устои уголовного права. *Государство и право*, *1*, 24–32.

Рарог, А. И. (2015). «Работа над ошибками» – обязанность законодателя. *Государство и право*, *4*, 65–73.

Скрипченко, Н. Ю. (2019). К вопросу об изменении категории преступления. *Российская юстиция*, *3*, 48–51.

Суверов, С. Е. (2023). Применение норм института освобождения от уголовной ответственности при освобождении от наказания. *Вестник Сибирского юридического института МВД России*, *4*(53), 79–83.

Хайдаров, А. А. (2015). Право суда изменять категорию преступления на менее тяжкую. *Законность*, *2*(964), 38–42.

Шарапов, Р. Д. (2023). Изменение категории преступления судом: закон, теория, практика. *Сибирское юридическое обозрение*, *20*(1), 77–89. https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-77-89

Юсупов, М. Ю. (2016). Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. *Уголовное право*, *6*, 122–128.

References

Aleksandrov, A. I. (2017). Criminal policy in the Russian Federation. Once again about the most important thing. *Legal Science: history and modernity*, *4*, 34–44. (In Russ.).

Artemenko, N. V., & Shimbareva, N. G. (2019). Applying Part 6 of Article 15 of the Criminal Code: comment of the Plenum ruling. *Criminal Law*, *4*, 4–10. (In Russ.).

Babaev, M. M. (2017). Uncertainty and problems of law enforcement. *Man: Crime and Punishment*, *25*(1), 12–19. (In Russ.).

Belareva, O. A. (2023). Exemption from criminal liability and punishment after changing the category of crime to a lesser one. *Bulletin of the Kuzbass Institute*, *1*(54), 17–25. (In Russ.). https://doi.org/10.53993/2078-3914/2023/1(54)/17-25

Boiko, A. I. (2008). *Systemic environment of the criminal law*: abstract of the Dr. Sci. (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).

Boskholov, S. S., & Maksimov, S. V. (2018). Criminal law policy: experience, problems and ways of improvement. *Prologue: Law Journal*, *3*, 8–18. (In Russ.). https://doi.org/10.21639/2313-6715.2018.3.2.

Golik, Yu. V., & Korobeev, A. I. (2014). Russian criminal legislation reform: to be or not to be? *Lex Russica*, *XCVII*(12), 1399–1410. (In Russ.).

Gorban, A. V., & Bereza, O. A. (2021). Release from criminal responsibility as a result of a change of the crime category. *Criminal Law*, *6*(130), 11–18. (In Russ.).

Gorbatova, M. A., & Gusman, G. S. (2012). Changing the crime category: issues of law enforcement and retroaction of criminal law. *Criminal Law*, *5*, 43–45. (In Russ.).

Dolotov, R. O. (2015). Criminal-legal consequences of applying Part 6 of Article 15 of the Russian Criminal Code by court. *Moscow University Bulletin. Series 11: Law*, *4*, 60–72. (In Russ.).

Dubrovin, V. V., & Dubrovina, E. G. (2021). The ratio of exemption from criminal liability and from punishment. *Legal Science*, *7*, 124–126. (In Russ.).

Inogamova-Khegai, L. V. (2012). Concept of criminal legislation reform. In *Modern criminal policy: searching for the optimal model: works of the 7th Russian Congress of criminal law* (May 31 – June 1, 2012) (pp. 88–92). Moscow: Prospect. (In Russ.).

Khaidarov, A. A. (2015). Court's discretion to change the crime category to a less severe one. *Zakonnost Journal*, *2*(964), 38–42. (In Russ.).

Korobeev, A. I. (2014). Criminal-legal policy of modern Russia the sphere of law-making: "free in its cause?". *Modern problems of criminal policy: works of International conference* (pp. 71–81). (In Russ.).

Kulev, A. G., & Kuleva, L. O. (2019). Classification of crimes in designing criminal procedure regulations. *Actual Problems of Russian Law*, *2*(99), 130–137. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.99.2.130-137

Naumov, A. V. (2009). Issues of codification the Russian criminal legislation: new Criminal Code or new edition of the Code? *Criminal Law*, *4*, 44–48. (In Russ.).

Naumov, A. V. (2013). Way of reforming the Russian criminal legislation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, *10*, 3–11. (In Russ.).

Nomokonov, V. A. (2014). Anticriminal policy: from liberalization to radicalization? *Bulletin of the Kazan Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, *5*(1), 32–36. (In Russ.).

Pavlova, L. O. (2024). Defects in judicial practice on changing the category of crime. *Acrual Problems of Russian law*, *19*(1), 119–131. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.158.1.119-131

Petryanin, A. V., Kulikov, R. S., & Neganov, D. A. (2021). Issues of efficiency and correlation of some courses of modern criminal policy: doctrinal and applied aspects. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, *4*(52), 70–74. (In Russ.). https://doi.org/10.36511/2078-5356-2020-4-70-74

Pobegailo, E. F. (2012). On the deepening crisis of the Russian criminal policy. In A. N. Ilyashenko (Ed.), *Modern problems of criminal policy: conference materials:* in 2 vol. (Vol. 1, pp. 14–24). (In Russ.).

Podroikina, I. A. (2014). On the principles of criminal punishment. *Nauka i obrazovanie: khozyajstvo i economika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, *12*(55), 74–77. (In Russ.).

Podroikina, I. A. (2017). *Theoretical bases of constructing a system of penalties in the Russian criminal legislation*: abstract of the Dr. Sci. (Law) thesis. Omsk. (In Russ.).

Pudovochkin, Yu. E. (2011). On the forthcoming changes in criminal law (as a doctrinal conclusion for the draft Federal Law No. 559740 'On making amendments in the Russian Criminal Code and certain legislative acts of the Russian Federation'). In *Modern problems of criminal policy* (Vol. 1, pp. 74–75). Krasnodar. (In Russ.).

Pudovochkin, Yu. E., & Andrianov, V. K. (2015). Regularities of criminal law: on the problem setting. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL))*, *7*, 10–20. (In Russ.).

Rarog, A. I. (2013). Legislative attacks at the bases of criminal law. *State and Law*, *1*, 24–32. (In Russ.).

Rarog, A. I. (2015). "Working on mistakes" is the duty of the legislator. *State and Law*, *4*, 65–73. (In Russ.).

Skripchenko, N. Yu. (2019). On the issue of changing the category of crime. *Rossijskaya Yusticziya*, *3*, 48–51. (In Russ.).

Suverov, S. E. (2023) Application of the norms of the institute of exemption from criminal liability when releasing from punishment. *Vestnik of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, *4*(53), 79–83. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2023_4_79. (In Russ.).

Sharapov, R. D. (2023). Changing the category of crime by the court: law, theory, practice. *Siberian Legal Review*, *20*(1), 77–89. (In Russ.). https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-77-89

Yusupov, M. Yu. (2016). Issues of applying a new type of exemption from criminal liability by imposing a court fine. *Criminal Law*, *6*, 122–128. (In Russ.).

Zhevlakov, E. N., Zvecharovskii, I. E., Minskaya, V. S., Naumov, A. V., Reshetova, N. Yu., Savkin, A. V., & Khaliulin, A. G. (2010). Discretion on the criminal law and procedure. *Criminal Law*, *1*, 108–113. (In Russ.).

Zorina, E. A., Antonov, A. G., & Vakhmistrova, S. I. (2023). On the question of the application of the norms on exemption from criminal liability by analogy in connection with the change in the category of crime. *Modern Scientist*, *1*, 232–237. (In Russ.).

Zvecharovskii, I. E. (2018). Clarifications of the Plenum of the Russian Supreme Court on changing the crime category. *Zakonnost Journal*, *8*(1006), 52–53. (In Russ.).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 27.12.2023
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 18.06.2024
Дата принятия в печать / Accepted 17.01.2025

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор *П. А. Кабанов* / Persons in charge of selection *P. A. Kabanov*

Редактор рубрики *Дж. Шаббар* / Rubric editor *J. Shabbar*

Научная статья **https://doi.org/10.21202/ 2782-2923.2025.1.141-174**

УДК / UDC 342.7:347:[004:336.7]

Х. Бобек[1]

[1] *Школа права Фордемского университета, г. Фордем, США*

Создавать или не создавать: *NFT* и право на публичность

Переводчик *Е. Н. Беляева*

Ханна Бобек, докторант в области права, 2024 г., Школа права Фордемского университета

Аннотация

Цель: исследование правового регулирования технологии *NFT* по законодательству Соединенных Штатов Америки и выработка предложений по минимизации правонарушений с ее использованием, в том числе связанных с нарушением права на публичность.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-юридический и социологический.

Результаты: технология *NFT* создает новые проблемы в области защиты права на публичность. Использование *NFT* при нарушении права на публичность порождает серьезные сложности для правообладателей, добивающихся возмещения причиненного ущерба. Сложность защиты права на публичность на этом рынке обусловлена уникальным демократическим характером токена, повсеместной анонимностью *NFT* и необратимостью сделок с ним, а также неопределенностью договорных условий в отношении вторичных покупателей.

Научная новизна: в статье на основе анализа материалов судебной практики рассматриваются вопросы нарушения права на публичность, возникающие в связи с *NFT*, и возможные подходы к этой проблеме. По мнению специалистов, праву на публичность могут угрожать такие особенности *NFT*, как новизна этой технологии, ее демократичность, анонимность создателей *NFT*, возможность передачи токена между платформами и его неизменяемость. Для борьбы с этими угрозами автор статьи предлагает ввести следующие меры: заключение лицензионных соглашений правообладателем в отношении права на публичность; ужесточение условий предоставления услуг платформами *NFT* и создание более высоких барьеров входа для пользователей; строгие судебные решения при нарушениях права на публичность, связанных с *NFT*.

© Бобек Х., 2025. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (https://rusjel.ru) 26.03.2025

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Fordham Law Review*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Fordham Law Review*: tmelnick@law.fordham.edu

Цитирование оригинала статьи на английском: Bobek, H. (2023). To Mint or Not to Mint: Non-fungible Tokens and the Right of Publicity. *Fordham Law Review*, *92*(2), 639.

URL публикации: https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol92/iss2/12

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с правовым регулированием технологии *NFT*.

Ключевые слова:
невзаимозаменяемые токены, технология *NFT*, право на публичность, лицензионное соглашение, цифровые активы, блокчейн

Благодарности
Автор хотела бы поблагодарить профессора Рона Лазебника, редакторов и сотрудников журнала *Fordham Law Review* за руководство и помощь в работе. Автор также благодарит своих родителей, семью и друзей за поддержку.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Бобек, Х. (2025). Создавать или не создавать: *NFT* и право на публичность. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1). С. 141–174. https://doi.org/10.21202/ 2782-2923.2025.1.141-174

Scientific article

H. Bobek[1]

[1] *Fordham University School of Law, Fordham, USA*

To mint or not to mint: non-fungible tokens and the right of publicity

Translator *E. N. Belyaeva*

Hannah Bobek, J.D. Candidate, 2024, Fordham University School of Law

Abstract
Objective: to study the legal regulation of NFT technology under the US legislation and to develop proposals to minimize offenses involving its use, including those related to violations of the right to publicity.
Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.
Results: NFT technology creates new challenges in the field of protecting the right to publicity. Using NFT to violate the right to publicity creates serious difficulties for copyright holders seeking compensation for the damage caused. The difficulty of protecting the right to publicity in this market is due to the unique democratic nature of the token, the widespread anonymity of NFTs and the irreversibility of transactions with them, as well as the uncertainty of contractual terms with respect to secondary buyers.
Scientific novelty: based on the analysis of judicial practice, the article examines the issues of violation of the right to publicity arising in connection with the NFT and possible approaches to this problem. Legal scholars and commentators argue that certain features of NFTs pose pronounced threats to the right of publicity, namely the technology's novelty, democratized nature, anonymization of creators, transferability across platforms, and immutability. To combat these threats, the author

The article was first published in English language by *Fordham Law Review*. For more information, please contact tmelnick@law.fordham.edu

For original publication: Bobek, H. (2023). To mint or not to mint: non-fungible tokens and the right of publicity. *Fordham Law Review*, *92*(2), 639.

Publication URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol92/iss2/12

proposes that rights owners should enter into right of publicity license agreements; that NFT platforms should strengthen their terms of service and develop higher barriers of entry for users; and, finally, that courts should order that infringing NFTs be "burned".
Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the legal regulation of NFT technology.

Keywords:
non-fungible tokens, NFT technology, right to publicity, license agreement, digital assets, blockchain

Acknowledgements
I would like to thank Professor Ron Lazebnik and the editors and staff of the Fordham Law Review for their guidance and assistance. I would also like to thank my parents, family, and friends for their encouragement and support.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Bobek, H. (2025). To mint or not to mint: non-fungible tokens and the right of publicity. *Russian Journal of Economics and Law, 19(1)*, 141–174. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/ 2782-2923.2025.1.141-174

Введение

Право на публичность – юридическое признание того, что образ каждого человека имеет свою экономическую ценность, – достаточно новое явление в юридической сфере[1]. Простыми словами, право на публичность – это право каждого человека разрешать и «контролировать коммерческое использование своего образа»[2]. Более тридцати штатов США признают это право, которое всегда принимается на уровне законодательства штата и регулируется законом штата в рамках общего права, статутом или и тем и другим[3]. В результате право на публичность и объем его защиты варьируются от штата к штату.

В целом право на публичность влечет за собой ответственность за несанкционированное использование «имени, внешности или других характерных черт образа» человека в коммерческих целях[4]. Кроме имени и внешности, в различных штатах законом защищаются также изображения, голос, манера поведения, действия и даже идентифицирующие предметы[5].

Хотя право на публичность есть у каждого человека, большинство соответствующих судебных дел касаются известных личностей[6]. Знаменитости и спортсмены подают иски о праве на публичность чаще других, поскольку ассоциирование их образа с товарами и услугами приносит компаниям финансовую выгоду[7].

Благодаря новым технологиям стало проще использовать образы знаменитостей, и это делается более хитроумными способами, которых суды и законодатели не могли предусмотреть[8]. Ярким примером такого непредвиденного развития является технология невзаимозаменяемых токенов (*NFT*).

---

[1] См. J. Thomas McCarthy & Roger E. Schechter, The Rights of Publicity and Privacy, 1, § 4:20 (2d ed. 2023); Thomas Phillip Boggess V, Cause of Action for an Infringement of the Right of Publicity, in Causes of Action Second Series § 7 (2d ed. 2023).

[2] 1 McCarthy & Schechter, выше прим. 1, § 1:3.

[3] См. там же, § 1:2.

[4] Right of Publicity, Int'l Trademark Ass'n, https://www.inta.org/topics/right-of- publicity/ [https://perma.cc/3UTX-DX5P] (last visited Oct. 6, 2023).

[5] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, §§ 4:47, 4:56, 4:59, 4:84.

[6] См. там же, § 4:1.

[7] См. там же, § 4:8.

[8] См. ниже Раздел II.C.

NFT вышли на мировую арену в 2021 г., когда цифровой художник *Beeple* продал *NFT* своего цифрового произведения примерно за 69 миллионов долларов[9]. *NFT* «представляет собой уникальный набор данных… который подтверждает право собственности или другие права на другой актив»[10]. «Токенизации» подвергаются самые разные цифровые активы; в качестве примера можно привести музыку, видеозаписи, произведения изобразительного искусства, иллюстрации, виртуальные аватары, фотографии, спортивную символику[11].

Каждый *NFT* «удостоверяет, что цифровой актив… уникален и, следовательно, не взаимозаменяем, отсюда и название 'взаимозаменяемый токен'»[12]. По сути, *NFT* – это «средства аутентификации»[13]. «Никакие два *NFT* не повторяют друг друга» в силу их уникальных идентификационных данных, и каждый *NFT* может представлять только один цифровой актив[14]. *NFT*, как правило, «не содержит медиафайла для связанного актива»[15]. Скорее, «*NFT* – это просто исходный код, служащий для подтверждения существования связанного актива…»[16] *NFT* можно купить и продать через блокчейн, который «представляет собой [цифровую] бухгалтерскую книгу» или цифровой кошелек «для записи и хранения» таких транзакций[17].

Знаменитости пользуются модой на *NFT*, поэтому для этой сферы право на публичность становится все более актуальным[18]. Технология *NFT* стала популярным средством продажи активов, эксплуатирующих образы известных людей[19]. Знаменитости договариваются с *NFT*-платформами о создании и продаже *NFT*-коллекций, которые отражают различные аспекты их личности[20]. В качестве примеров можно привести спортивные карточки и сувениры в форме *NFT*, на которых представлены изображения и видео профессиональных спортсменов в знаменательные моменты их карьеры[21]; *NFT*-аватары, похожие на знаменитостей чертами лица, одеждой и физическими качествами[22]; и *NFT* записей музыкальных выступлений[23].

На первый взгляд, технология *NFT* служит лишь новым «каналом распространения» для продажи контента, содержащего изображения знаменитостей[24]. Известные личности и раньше становились фигурантами дел о праве на публичность, связанных с несанкционированным использованием их изображений третьими лицами, например, на спортивных карточках, в видеоиграх, на упаковке товаров, в телевизионных шоу[25]. Некоторые считают, что *NFT* – просто еще один способ монетизации своего образа и реализации своего права на публичность[26]. Однако новшеством являются те многочисленные риски, которые *NFT* создают в отношении права на публичность[27].

---

[9] См. (Carroll, 2022).

[10] (Noh et al., 2022).

[11] См. там же, at 316–317; см. Robin Conti & John Schmidt, What Is an NFT?: Non-Fungible Tokens Explained, Forbes (Mar. 17, 2023, 12:57 AM), https://www.forbes.com/advisor/investing/cryptocurrency/nft-non-fungible-token/ [https://perma.cc/N8BL-ANWU].

[12] (Conrad, 2022).

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] (Noh et al., 2022, at 317–18).

[16] Там же.

[17] (Carroll, 2022, at 987).

[18] См. Nicolette Salmi, 13 Celebrities Who Have Joined the NFT Crypto Art Craze, L'Officiel (Nov. 27, 2022), https://www.lofficielusa.com/pop-culture/celebrities-on-the-crypto-art-craze [https://perma.cc/ST5S-9QAK].

[19] См. там же.

[20] См., например, Most Valuable Athlete NFTs, Dibbs (June 29, 2022), https://dibbs.io/blog/athlete-nfts/ [https://perma.cc/WG8B-RXMA]; 3,333 Steve Aoki NFT Avatars Join the Sandbox, NFT Plazas (July 23, 2022), https://nftplazas.com/3333-steve-aoki-nft-avatars-join-the-sandbox/ [https://perma.cc/45MV-U2EM]; Genies Celeb Avatars Launches NFT Fashion Marketplace, Ledger Insights (Aug. 31, 2022), https://www.ledgerinsights.com/nft-genies-celebrity-avatars-fashion/ [https://perma.cc/CT5Y-PJX5]; Stephen Katte, Sony Music Files Trademark Application for NFT-Authenticated Music, Cointelegraph (Sept. 8, 2022), https://cointelegraph.com/news/sony-music-files-trademark-application-for-nft-authenticated-music [https://perma.cc/JNF5-W6UW].

[21] См. Most Valuable Athlete NFTs, выше прим. 20.

[22] См. 3,333 Steve Aoki NFT Avatars Join the Sandbox, выше прим. 20.

[23] См. Katte, выше прим. 20.

[24] См. (Noh et al., 2022, at 317–18).

[25] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, §§ 4:1, 4:8.

[26] См. (Noh et al., 2022, at 317).

[27] См. ниже Раздел II.C.

Судебные процессы, касающиеся нарушений в области использования идентификационных данных с помощью *NFT* и рекламы *NFT*, уже ведутся[28]. Так, Окружной суд США Центрального округа Калифорнии вынес решение в пользу ответчика, который продавал фотографии знаменитостей в виде *NFT*, как утверждалось, без согласия правообладателей[29]. Использование технологии *NFT* для эксплуатации чужого образа создает новые и более сложные проблемы для правообладателей, являющихся объектами этих *NFT*[30]. В данной статье мы рассмотрим, какие свойства *NFT* способствуют нарушению права на публичность, а именно: анонимность транзакций с использованием *NFT*; демократичный характер создания *NFT*, которое доступно практически каждому пользователю Интернета; повышенный риск мошенничества в отношении произведений с изображением правообладателей; возможность передачи *NFT* между платформами[31]. Эти угрозы вызывают особую тревогу, учитывая существующее разнообразие законов о праве на публичность в Соединенных Штатах[32]. Несогласованность позиций судов разных штатов в этом вопросе вызывает значительную неопределенность в отношении применения этого права к *NFT*.

В первой части статьи представлен обзор права на публичность. Далее в части I рассматриваются *NFT* и технология блокчейн, а также применение права на публичность к *NFT*. В части II описываются дела о нарушении права на публичность в связи с *NFT*. Затем в ней подробно рассматривается вред, который, по мнению специалистов, *NFT* наносят праву на публичность. В части III обсуждаются негативные последствия для права на публичность, которые создает нарушение *NFT*. Затем в части III представлены рекомендации относительно правоприменительных мер, которые правообладатели, платформы *NFT* и суды могут предпринять для защиты права на публичность.

I. ПРАВО НА ПУБЛИЧНОСТЬ И *NFT*

Право на публичность защищает как знаменитостей, так и незнаменитостей, но дела о праве на публичность чаще всего касаются известных личностей, поскольку их образы более узнаваемы, чем у незнаменитостей[33]. Использование образов знаменитостей в рекламе скорее привлечет внимание потребителей и побудит их покупать товары и услуги[34]. В свою очередь, продавцы используют эту рекламную возможность для получения большей коммерческой выгоды, в результате чего «большинство… судебных решений о праве на публичность связано с именами известных истцов»[35]. Данная работа посвящена использованию образов знаменитостей и спортсменов в *NFT* и в рекламе *NFT*. В Разделе I.A объясняется сущность права на публичность. В Разделе I.B рассматриваются *NFT* и блокчейн и их связь с правом на публичность.

A. Право на публичность

Право на публичность – «это неотъемлемое право каждого человека контролировать коммерческое использование своего образа»[36]. Это право защищает человека от несанкционированного использования его образа, а в случае его нарушения позволяет взыскать ущерб через суд[37]. Термин «право на публичность» был введен судьей Джеромом Франком в деле *Halean Laboratories, Inc. v. Topps Chewing Gum, Inc*.[38] Давая определение этому праву, судья Франк указал на его двойное предназначение: «предотвращение коммерче-

---

[28] См. в целом Notorious B.I.G., LLC v. Yes. Snowboards, No. CV19-01946, 2022 WL 2784808 (C.D. Cal. June 3, 2022); Bill Donahue, Lil Yachty Sues NFT Seller for 'Blatant' Use of His Name and Image to Earn Millions, Billboard (Jan. 28, 2022), https://www.billboard.com/business/legal/lil-yachty-nft-seller-lawsuit-opulus-trademark-1235024467/ [https://perma.cc/CA7T-EEN9].

[29] См. Notorious B.I.G., LLC, 2022 WL 2784808, at *13.

[30] См. ниже Раздел II.C.

[31] См. там же.

[32] Int'l Trademark Ass'n, U.S. Federal Right of Publicity 4 (1998), https://www.inta.org/wp-content/uploads/public-files/advocacy/board-resolutions/U.S.-Federal-Right-of-Publicity-03.03.1998.pdf [https://perma.cc/P4T9-LJXG].

[33] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:8.

[34] См. там же.

[35] Там же, § 4:1.

[36] Там же, § 1:3.

[37] См. там же.

[38] 202 F.2d 866 (2d Cir. 1953).

ского использования образа и соответствующее право на предоставление исключительной привилегии одной компании»[39]. После этого право на публичность стало развиваться в масштабах страны[40].

Право на публичность не признается федеральным законодательством[41], но защищается законодательством штатов на основе общего права и статутов[42]. Более тридцати штатов США признают это право за живыми людьми[43], а около двадцати из этих штатов также признают посмертное право на публичность относительно «образа умершего человека»[44]. В этих штатах данное право «является наследуемой собственностью» и обычно «его действие продолжается также после смерти»[45].

Согласно Третьему своду законов о недобросовестной конкуренции, истец должен доказать следующее, чтобы выдвинуть обвинение при отсутствии доказательств противоположного[46]: «[(1)] Ответчик без разрешения использовал некоторые детали образа, позволяющие идентифицировать истца; и [(2)] такое использование деталей образа истца ответчиком может нанести ущерб коммерческой ценности образа истца»[47]. Ключевым моментом здесь является возможность идентификации[48]. Истец должен доказать, что использование деталей его образа идентифицирует его[49]. Судебными решениями и законодательными актами признано несколько видов использования образа, которые могут повлечь ответственность[50]. Традиционными способами идентификации образа считаются имя и внешнее сходство[51]. Однако существуют и другие идентифицирующие признаки, которые могут повлечь ответственность, включая голос, изображение, фотографию, видеозапись, а также «исполнительский стиль и другие признаки»[52]. По мнению Апелляционного суда США по Девятому округу, «важно не то, *как* ответчик присвоил образ истца, а то, *сделал* ли он это»[53]. Многие суды признают нарушение авторских прав в результате использования сочетания признаков, которые в совокупности идентифицируют личность[54].

В Разделе I.A.1 объясняется, какие элементы образа защищают право на публичность. В Разделе I.A.2 рассматриваются аспекты, на которые часто ссылается защита в делах о праве на публичность, и критерии, которые суды используют для анализа этих аспектов.

1. Что защищает право на публичность

Один из самых очевидных способов идентификации человека – его имя[55]. Истец может доказать нарушение авторских прав, если носит узнаваемое сценическое имя или фамилию, например Бейонсе или Шер[56]. Кроме того, люди меняют имена в течение жизни, и кто-то может захотеть монетизировать их первоначальные имена[57]. Однако «простое сходство имен» или тот факт, что истец носит то же имя, что и коммерциализируемое, как правило, не является нарушением права на публичность, если не использованы другие элементы образа

---

[39] McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 1:26.

[40] См. там же, § 1:2.

[41] См. там же.

[42] См. там же.

[43] См. там же.

[44] Там же.

[45] J. Thomas McCarthy & Roger E. Schechter, The Rights of Publicity and Privacy, 2, § 9:17 (2d ed. 2023).

[46] McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 3:2; См. также Restatement (Third) of Unfair Competition § 46 (Am. L. Inst. 1995).

[47] McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 3:2.

[48] См. там же, § 3:10.

[49] См. там же.

[50] См. там же, § 4:46.

[51] 51 См. там же.

[52] Там же.

[53] White v. Samsung Elecs. Am., Inc., 971 F.2d 1395, 1398 (9th Cir. 1992).

[54] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:46.

[55] См. там же, § 4:48.

[56] См. там же.

[57] См. там же. Суд по Девятому округу признал ответчика виновным в монетизации бывшего имени баскетболиста в рекламе, хотя спортсмен сменил имя за десять лет до этого. См. Abdul-Jabbar v. Gen. Motors Corp., 75 F.3d 1391, 1400 (9th Cir. 1996), amended and superseded on denial of reh ’g by 85 F.3d 407 (9th Cir. 1996).

истца[58]. В конечном счете в делах, связанных в основном с идентификацией по имени, первостепенное значение имеет «контекст использования имени»[59].

Несанкционированное использование фотографии или видеозаписи, позволяющих идентифицировать человека, также может повлечь за собой юридическую ответственность[60]. «Такие идентифицирующие фотографии запрещено использовать для коммерческой рекламы»[61]. Более того, в нескольких случаях суды «постановили, обычно не обсуждая… возможность идентификации, что неразрешенное использование фотографии само по себе может быть расценено как нарушение… права на публичность»[62]. Кроме того, присвоение изображению чужого «имени или других идентифицирующих признаков» значительно повышает вероятность наступления ответственности[63]. Изображение или видеозапись, в которых показана подпись человека или его характерные жесты, поведение или манеры, также могут идентифицировать личность[64].

Более того, право на публичность регулирует использование имитации голоса или «звукоподражательных элементов»[65]. Существует ряд законодательных актов, непосредственно запрещающих несанкционированное использование чужого голоса[66], а также несколько судебных решений в рамках общего права[67], закрепляющих право человека на использование собственного голоса. Например, суд по Девятому округу постановил, что «голос является таким же отличительным и индивидуальным признаком, как и лицо»[68]. Окружной суд США по округу Нью-Джерси также опирался на это право в деле, где в рекламе песня, связанная с правообладателем, исполнялась голосом, «похожим на голос истца»[69]. Однако другие суды не признают ответственность за такое использование[70].

Аналогичным образом, ответственность может наступать и в случаях, когда ответчик использует сходство с правообладателем[71]. «Если очевидный эффект заключается в привлечении внимания к рекламе посредством использования образа знаменитости, то возможна идентификация, что влечет за собой ответственность»[72]. Например, Верховный суд округа Нью-Йорк постановил, что дом моды нарушил право на публичность истца – Жаклин Кеннеди Онассис – в рекламе, где фигурировала «похожая на нее» модель, одетая так, чтобы изображать Онассис; суд обосновал свое решение тем, что дом моды «использовал образ истца… который

---

[58] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:49.

[59] Там же, § 4:51; См. Boggess, выше прим. 1, § 7.

[60] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:60.

[61] Там же, § 4:59.

[62] Там же, § 4:60.

[63] Там же.

[64] См. Boggess, выше прим. 1, § 8; Ind. Code § 32-36-1-7 (2023) (установлено, что понятие сходства включает «жесты» и «манеру поведения»); Cal. Civ. Code § 3344(b) (West 2023) (расширенная защита при нарушении авторских прав на фото- и видеоматериалы).

[65] Boggess, выше прим. 1, § 10; 1 McCarthy & Schechter, выше прим. 1, § 4:78.

[66] См. Cal. Civ. Code § 3344.1 (West 2023); N.Y. Civ. Rights Law § 51 (McKinney 2000); S.D. Codified Laws § 21-64-1 (2023); 42 Pa. Cons. Stat. § 8316(e) (2023).

[67] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:78; Boggess, выше прим. 1, § 10; Midler v. Ford Motor Co., 849 F.2d 460, 460 (9th Cir. 1988) (вынесено решение, что право истца на публичность было нарушено, когда ее голос имитировался в рекламе); Prima v. Darden Rests., Inc., 78 F. Supp. 2d 337, 350 (D.N.J. 2000) (удовлетворен иск о защите права на публичность: ответчик использовал в рекламе голос другого человека, имитирующий голос истца).

[68] McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:74 (цитируется Midler, 849 F.2d at 463).

[69] Там же. § 4:78 (цитируется Prima, 78 F. Supp. 2d at 350).

[70] См. там же. § 4:76; Romantics v. Activision Pub., Inc., 574 F. Supp. 2d 758, 764 (E.D. Mich. 2008) (вынесено решение, что в штате Мичиган «использование голоса, даже если он является отличительным признаком личности, не является нарушением... права на публичность»); Miller v. Universal Pictures Co., 201 N.Y.S.2d 632, 634 (App. Div. 1960) (вынесено решение об отсутствии имущественного интереса в «скрупулезной имититации голоса певца»).

[71] См. Onassis v. Christian Dior-N.Y., Inc., 472 N.Y.S.2d 254, 263 (Sup. Ct. 1984) (вынесено решение, что использование модели, «похожей» на бывшую первую леди США, является незаконным присвоением ее образа); Presley's Est. v. Russen, 513 F. Supp. 1339, 1349, 1361 (D.N.J. 1981) (вынесено решение, что «иск о праве на публичность в отношении сценической постановки», в которой ответчик имитировал Элвиса Пресли, может быть успешным).

[72] McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:63.

легко опознать»[73]. Затем окружной суд США по Среднему округу штата Теннесси постановил, что нарушением права на публичность является плакат с рекламой концерта, изображающий двойников группы «Битлз»[74].

Ответственность может также наступить из-за использования образов ролей в фильмах и предметов, если они позволяют идентифицировать личность человека[75].

2. Критерии, обеспечивающие баланс с Первой поправкой

Однако, «как и все юридические права… [право на публичность] не является абсолютным»[76]. В качестве защиты от обвинений в нарушении этого права обычно используется Первая поправка к Конституции США, и есть много случаев, когда такие обвинения были отклонены[77]. Первая поправка защищает различные виды высказываний[78]. В контексте права на публичность это относится к различным видам высказываний – коммерческим и некоммерческим[79]. Коммерческие высказывания используются для рекламы или продажи товаров, продуктов и услуг[80], получая самый низкий уровень конституционной защиты, «поскольку их цель – способствовать продаже товаров»[81]. «Некоммерческие высказывания пользуются большей степенью защиты в рамках Первой поправки… потому что они чаще всего связаны с распространением информации»[82].

«В тех случаях, когда высказывание носит чисто коммерческий характер, право на публичность часто превалирует над… интересами свободы слова…»[83] Однако не всегда существует четкая грань между чисто коммерческим или чисто некоммерческим высказыванием[84]. Часто используются смешанные формы, например, произведение искусства получает коммерческую ценность от использования чужого образа, но содержит коммуникативные элементы, которые относятся к свободе слова[85].

Иногда при ссылке на Первую поправку решающую роль играет используемый носитель[86]. Например, в случае изображений на футболках суд, скорее всего, отклонит апелляцию к свободе слова, поскольку футболки являются «обычным товаром» и «не являются традиционным средством» выражения взглядов или политических заявлений[87]. Если речь не идет об «обычных товарах» или рекламе в чистом виде, то все не так очевидно[88]. Однако независимо от того, является ли использование коммерческим или некоммерческим, суд должен найти баланс между правом ответчика на свободу слова и правом истца на публичность, чтобы вынести решение по «каждому спорному случаю»[89].

В дополнение к двум критериям нарушения прав, изложенным в Третьем своде законов, истцы должны доказать, что «данное использование преследовало коммерческие цели»[90]. Это требование отличает использование в коммерческих целях, которое обычно влечет ответственность, от использования в контексте художественной выразительности, которое подлежит защите в рамках доктрины свободы слова[91]. Чтобы различить эти случаи, в судебной системе были разработаны критерии предоставления иммунитета при ис-

---

[73] Там же. (цитируется Onassis, 472 N.Y.S.2d at 261).

[74] См. Apple Corps Ltd. v. A.D.P.R., Inc., 843 F. Supp. 342, 349 (M.D. Tenn. 1993). Суд в Нью-Джерси пришел к аналогичному выводу в отношении фотографии артиста, пародирующего Элвиса Пресли. Presley's Est., 513 F. Supp. at 1349.

[75] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, §§ 4:68, 4:84.

[76] Там же, § 1:3.

[77] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 8:22.

[78] См. U.S. Const. amend. I; Boggess, выше прим. 1, § 19.

[79] См. Boggess, выше прим. 1, §§ 20, 22.

[80] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 3:2.

[81] Boggess, выше прим. 1, §§ 19-20.

[82] Там же, § 22.

[83] Там же, § 19.

[84] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, §§ 7:2, 8:19.

[85] См. там же, § 7:2; Boggess, выше прим. 1, § 19.

[86] McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 7:22.

[87] Там же, §§ 7:22, 7:24.

[88] Там же, § 7:24.

[89] Там же, § 8:41.

[90] McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 3:2.

[91] См. там же.

пользовании образов в художественных или выразительных целях, например, в видеоиграх, книгах, фильмах, мультфильмах, произведениях искусства[92]. Большинство судов используют один из двух критериев[93]: критерий, разработанный в деле Rogers v. Grimaldi[94], известный как критерий Роджерса, и критерий преобразующего использования[95]. В Разделе I.A.2.a мы рассмотрим критерий Роджерса, а в Разделе I.A.2.b – критерий преобразующего использования.

a. Критерий Роджерса

Ранее критерий Роджерса использовался «для обеспечения баланса между свободой слова и спорами о нарушении прав на товарные знаки»[96]. В настоящее время некоторые суды распространили его действие на дела, связанные с нарушением права на публичность[97], но только в случае художественных произведений[98]. В деле Роджерса Апелляционный суд США по Второму округу сформулировал критерий, состоящий из двух частей: «Использование [образа] в художественном произведении не является нарушением в рамках свободы творчества, за исключением случаев, когда (1) оно не имеет 'художественной отсылки' к основному произведению или, если художественная отсылка присутствует, (2) использование 'явным образом вводит в заблуждение относительно источника или содержания произведения'»[99].

Этот критерий устанавливает крайне низкую планку в пользу ответчиков[100]. Согласно его первому пункту, уровень художественного сходства двух произведений «должен быть просто чуть выше нуля»[101]. Согласно второму пункту, чтобы решить дело в пользу истца, требуется «очевидное и явное», а не «тонкое и подразумеваемое» введение в заблуждение[102]. Среди объектов, анализировавшихся в судах по критерию Роджерса, были аватары видеоигр[103], персонажи мультфильмов[104], фигурки персонажей[105], песни[106], книги[107] и видеоматериалы[108].

---

[92] McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, §§ 8:71–8:73.

[93] Третьим критерием свободы слова является принцип преобладающего использования, принятый в штате Миссури. См. в целом Doe v. TCI Cablevision, 110 S.W.3d 363 (Mo. 2003). Однако этот критерий используется в основном только судами штата Миссури. См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 8:23. Поэтому в рамках данной статьи мы не рассматриваем критерий преобладающего использования.

[94] 875 F.2d 994 (2d Cir. 1989).

[95] См. в целом Winter v. DC Comics, 69 P.3d 473 (Cal. 2003).

[96] McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 8:71.

[97] См. там же.

[98] См. там же.

[99] Там же (цитируется Rogers v. Grimaldi, 875 F.2d 994, 999 (2d Cir. 1989)).

[100] См. там же.

[101] Там же (цитируется E.S.S. Ent. 2000, Inc. v. Rock Star Videos, Inc., 547 F.3d 1095, 1100 (9th Cir. 2008)).

[102] Там же.

[103] См. Brown v. Elec. Arts, Inc., 724 F.3d 1235, 1240, 1243, 1245 (9th Cir. 2013) (установлено, что аватар видеоигры, отражающий «принадлежность к команде, игровую позицию, возраст, рост, вес, уровень мастерства и другие атрибуты» бывшего футболиста, в художественном отношении адекватен этой игре, поскольку производитель «стремится к реалистичности своих игр»).

[104] См. K & K Prods., Inc. v. Walt Disney Studios Motion Pictures, No. 2:20-CV-1753, 2021 WL 4394787, at *7 (D. Nev. Sept. 23, 2021) (вынесено решение, что использование образа известного каскадера для персонажа мультфильма и фигурок защищено Первой поправкой, поскольку персонаж неразрывно связан с сюжетом фильма и ни одно из использований не может заставить потребителей ошибочно считать, что этот фильм или фигурки созданы с одобрения каскадера).

[105] См. там же.

[106] См. Romantics v. Activision Pub., Inc., 574 F. Supp. 2d 758, 769-70 (E.D. Mich. 2008) (делается вывод о том, что использование в видеоигре голосов певцов адекватно игре, поскольку игроки представляют, что они играют в рок-группе, и такое использование не вводит потребителей в заблуждение).

[107] См. Matthews v. Wozencraft, 15 F.3d 432, 438-40 (5th Cir. 1994) (установлено, что «повествование о жизни отдельного человека» в книге, в сюжете которой использованы реальные события из жизни истца, не подпадает под защиту права на публичность, «поскольку не является замаскированной коммерческой рекламой товаров или услуг»).

[108] См. Brown v. Showtime Networks, Inc., 394 F. Supp. 3d 418, 442-44 (S.D.N.Y. 2019) (вынесено решение, что использование видеозаписей певца в фильме, а также в ходе маркетинга и продвижения фильма имело художественное значение и не вводило зрителей в заблуждение относительно его участия в проекте).

b. Критерий преобразующего использования

Большинство судов применяют критерий преобразующего использования (Калифорния)[109], изложенный в деле Comedy IIIProductions, Inc. v. Gary Saderup, Inc.[110] Как и в случае с критерием Роджерса, речь идет только о художественных произведениях[111]. В рамках данного критерия следует определить, подвергается ли образ истца преобразованию в художественном произведении «не в контексте рекламы» в достаточной степени[112]. Первой поправкой будут защищены только преобразующие изображения «не в контексте рекламы»[113].

В указанном деле Верховный суд Калифорнии разработал пятифакторный критерий баланса свободы слова, в рамках которого суд должен был определить следующее: (1) «сходство со знаменитостью является одной из 'отправных точек', на основе которых синтезируется произведение» или «образ знаменитости является самой сутью и содержанием произведения»; (2) произведение «отражает в первую очередь образ ответчика, а не сходство со знаменитостью»; (3) «в произведении преобладают буквальные и подражательные элементы либо творческие элементы»; (4) «рыночная и экономическая ценность произведения обусловлена, прежде всего, известностью образа знаменитости»; (5) «мастерство и талант художника занимают подчиненное положение относительно общей цели создания условного портрета знаменитости»[114].

Критерий преобразующего использования применялся к футболкам[115], коллажам[116], поздравительным открыткам[117], произведениям изобразительного искусства, фотографиям и комиксам[118]. Кроме того, с развитием технологий и появлением новых способов передачи изображения этот критерий был применен для оценки несанкционированных изображений знаменитостей в виде аватаров видеоигр[119]. Видеоигры пользуются такой же усиленной защитой Первой поправки, как книги и фильмы[120]. Поэтому использование образов знаменитостей в видеоиграх привело к появлению множества известных судебных решений с использованием этого критерия[121].

---

[109] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 8:23.

[110] 21 P.3d 797 (Cal. 2001).

[111] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 8:72.

[112] Там же.

[113] Там же.

[114] Comedy IIIProds., Inc., 21 P.3d at 809-10; См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 8:72.

[115] См. Cornette v. Graver, 473 F. Supp. 3d 437, 474-75 (W.D. Pa. 2020) (вынесено решение, что использование ответчиком образа спортсмена на футболках защищено Первой поправкой, поскольку сутью изображения является критика спортсмена, а не передача его образа).

[116] См. ETW Corp. v. Jireh Pub., Inc., 332 F.3d 915, 938 (6th Cir. 2003) (установлено, что продажа художником репродукций его картины с изображением игрока в гольф Тайгера Вудса не нарушает права Вудса на публичность как по критерию Роджерса, так и по критерию преобразующего использования, поскольку произведение «кроме изображения Вудса, содержит коллаж, описывающий... памятное событие в истории спорта», что, по мнению суда, в достаточной степени преобразует произведение).

[117] См. Hilton v. Hallmark Cards, 599 F.3d 894, 912-13 (9th Cir. 2010) (отказано в удовлетворении ходатайства ответчика о прекращении дела: ответчик изобразил на поздравительной открытке знаменитость в обстановке, похожей на ту, в которой эта знаменитость появлялась в телевизионном шоу).

[118] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, §§ 8:72–8:73.

[119] См. там же, § 8:73.

[120] См. там же (цитируется Brown v. Ent. Merchs. Ass'n, 564 U.S. 786, 790 (2011)) (установлено, что видеоигры подлежат защите согласно Первой поправке).

[121] Ср. Kirby v. Sega of Am., Inc., 50 Cal. Rptr. 3d 607, 613 (Ct. App. 2006) (вынесено решение, что на аватаре певца в видеоигре «изображение черт лица, одежды, цвета волос и стиля прически, а также использование определенных фраз» было в достаточной степени трансформационным, поскольку аватар носит разные прически и костюмы, выполняет различные танцевальные движения и выступает в космосе, в отличие от реального певца), с No Doubt v. Activision Publ'g, Inc., 122 Cal. Rptr. 3d 397, 409 (Ct. App. 2011) (установлено нарушение права музыкальной группы на публичность, поскольку создатель видеоигры сделал «компьютерную имитацию реальных членов группы, тщательно отразив их сходство»); ср. Hart v. Elec. Arts, Inc., 717 F.3d 141, 166 (3d Cir. 2013) (суд постановил, что в видеоигре было нарушено право бывшего футболиста на публичность, поскольку аватар повторял рост, вес, цвет кожи и телосложение реального спортсмена и играл в тот же вид спорта, что и реальный спортсмен), с Hamilton v. Speight, 827 F. App'x 238, 240 (3d Cir. 2020) (суд признал, что аватар из видеоигры, играющий в вымышленную версию футбола и имеющий схожий цвет кожи, черты лица, прическу, телосложение, голос и костюм со спортсменом, является в достаточной степени преобразованным изображением, поскольку аватар «сражается с фантастическими существами в вымышленном мире» и служит в армии, тогда как истец этого не делал).

С появлением новых технологий спектр объектов, к которым применимо право на публичность, расширился и теперь включает мир *NFT*[122]. Это стало особенно актуальным в связи с широким использованием *NFT*-аватаров, изображающих знаменитостей, в видеоиграх[123].

B. *NFT* и технология блокчейна

NFT – это уникальный код, подтверждающий подлинность цифрового актива[124]. «*NFT* отличается от других цифровых активов своей 'невзаимозаменяемостью'»[125]. Невзаимозаменяемый объект уникален, и его нельзя обменять на другой объект такой же стоимости[126]. Примером такого актива может служить картина. Как и картина, каждый *NFT* уникален, он единственный в своем роде и «имеет свою ценность»[127]. В отличие от взаимозаменяемых активов, ни один *NFT* нельзя заменить другим[128]. Напротив, взаимозаменяемый объект «можно легко обменять на другой объект или товар, поскольку они эквивалентны»[129]. Пример взаимозаменяемого актива – долларовая купюра[130]. Если вы взяли в долг у кредитора долларовую купюру, то можете вернуть ее другой долларовой купюрой, «и кредитор получит взамен объект той же стоимости»[131].

NFT «токенизируют» цифровой контент, что делает уникальным также и сам токенизируемый контент[132]. *NFT* могут токенизировать что угодно, например, цифровые рисунки, аватары, предметы в видеоиграх[133], цифровые модные аксессуары[134], музыку[135].

Однако другой человек по-прежнему может сделать копию цифрового контента, на основе которого был создан *NFT*[136]. Возьмем, к примеру, *NFT* произведения искусства. Можно воссоздать это произведение, токенизировать копию или сделать скриншот оригинального *NFT* и распространить его в Сети. Однако «*NFT* позволяет легко отличить копию от оригинала»[137]. При токенизации контента через процесс, называемый майнингом, контент удостоверяется в качестве «единственной в своем роде копии»[138]. «По сути, *NFT* переносят уникальные активы в цифровое пространство и обеспечивают проверяемость права собственности на них»[139]. Как правило,

---

[122] См., например, The Players' Lounge, Players' Lounge, https://www.theplayerslounge.io/ [https://perma.cc/QW6D-73JV] (last visited Oct. 6, 2023) (описывается продажа NFT-аватаров в видеоиграх, изображающих реальных спортсменов, за которых игроки могут играть); см. также Salmi, выше прим. 18 (перечислены примеры NFT, содержащих видео и изображения знаменитостей).

[123] См., например, The Players' Lounge, выше прим. 122; Eli Tan, Metaverse Goes Hollywood with Universal Music Group Avatar Partnership, CoinDesk, https://www.coindesk.com/business/2021/12/09/metaverse-goes-hollywood-with-universal-music-group-avatar-partnership/ [https://perma.cc/92FY-MDTK] (May 11, 2023, 3:02 PM).

[124] См. An P. Doan, Mark W. Rasmussen, Joshua B. Sterling & Harriet Territt, NFTs: Key U.S. Legal Considerations for an Emerging Asset Class, Fintech L. Rep., May – June 2021.

[125] Там же.

[126] См. Chris Bennett & Cody Koblinsky, Non-Fungible Tokens: Emerging Issues in the Emerging Marketplace, Cyberspace Law., May 2021.

[127] Там же.

[128] См. там же.

[129] Там же.

[130] См. (Goforth,2022).

[131] Bennett & Koblinsky, выше прим. 126.

[132] Там же.

[133] См. Elizabeth Howcroft, Crypto Fashion: Why People Pay Real Money for Virtual Clothes, Reuters (Aug. 12, 2021, 6:23 AM), https://www.reuters.com/business/finance/crypto-fashion-why-people-pay-real-money-virtual-clothes-2021-08-12/ [https://perma.cc/CXN8-T9FD].

[134] См. Complaint & Request for Jury Trial at 16-22, Nike, Inc. v. StockX LLC, No. 22-CV-983 (S.D.N.Y. Feb. 3, 2022), ECF No. 1 (выдвинуто обвинение в несанкционированном использовании товарных знаков Nike для продажи цифровых коллекционных изображений обуви под брендом Nike в качестве NFT, которые дают эксклюзивный доступ к реальным акциям и другим преимуществам).

[135] См. Conti & Schmidt, выше прим. 11.

[136] См. Bennett & Koblinsky, выше прим. 126.

[137] Там же.

[138] Там же.

[139] Doan et al., выше прим. 124.

в этих транзакциях участвуют три ключевых игрока: создатель актива, его покупатель и платформа, на которой проводится транзакция[140].

В момент создания *NFT* «данные о нем переводятся в цифровую форму, и в блокчейн заносится уникальная цифровая информация, которая отличает данный *NFT* от других»[141]. Блокчейн – это «список, в котором записана серия событий или транзакций»[142]. После продажи *NFT* данные о транзакции записываются в блокчейн и «становятся звеном в цепи»[143]. Все последующие транзакции добавляются в цепочку как новые звенья, связывая каждую транзакцию с предыдущей[144]. Блокчейн имеет две важные особенности: (1) он неизменяем и (2) транзакции, происходящие на блокчейне, и соответствующие данные, введенные для записи транзакций, необратимы[145]. Это означает, что транзакции *NFT* не могут быть изменены или модифицированы и не могут быть отменены[146]. Блокчейн также «обычно является открытым, и любой желающий может самостоятельно просмотреть историю транзакций по цифровому активу»[147]. «Эти свойства предотвращают пиратство, кражу или уничтожение активов в блокчейне…»[148]

Создатели контента могут продавать свои работы в виде *NFT* напрямую или через платформу[149]. При покупке *NFT*, как правило, покупается не основной контент, привязанный к *NFT*[150], а метаданные – код, который содержится в каждом *NFT* и «описывает актив, к которому привязан *NFT*»[151]. Блокчейн фиксирует транзакции, в ходе которых покупатель становится владельцем *NFT*[152], и сохраняет доказательства права собственности[153].

Права на интеллектуальную собственность на контент или произведение, лежащие в основе *NFT*, обычно остаются у его создателя[154]. Покупатели могут показать другим, что они приобрели уникальный *NFT*, но они, как правило, не могут коммерциализировать работу, лежащую в основе *NFT*, например, изготавливать и продавать ее копии[155]. Создатель или первоначальный продавец *NFT* определяет, получает ли покупатель права на контент, и если да, то какие[156].

Некоторые площадки, торгующие *NFT*, такие как *OpenSea*, *Rarible*, *Nifty Gateway* и *SuperRare*, проводят транзакции и организуют продажи *NFT*[157]. Эти платформы создали вторичный рынок, который позволяет покупателям перепродавать *NFT*, если его создатель не отменил или не ограничил это право[158]. Платформы устанавливают условия обслуживания, регулируя деятельность создателей и покупателей и права, связанные с такими сделками[159].

Привлекательность и спрос на *NFT* обусловлены представлением об их уникальности и дефиците – «двух наиболее важных свойствах, которые придают ценность *NFT*-искусству»[160]. Понятия уникальности и дефицита

---

[140] См. Bennett & Koblinsky, выше прим. 126.

[141] Там же.

[142] Там же.

[143] Там же.

[144] См. там же.

[145] См. там же.

[146] См. там же.

[147] Там же.

[148] Там же. Большинство NFT и транзакций с ними размещаются на блокчейне Ethereum. См. Doan et al., выше прим. 124.

[149] См. Bennett & Koblinsky, выше прим. 126.

[150] См. там же.

[151] Doan et al., выше прим. 124.

[152] См. Bennett & Koblinsky, выше прим. 126.

[153] См. там же.

[154] См. там же.

[155] См. там же.

[156] См. Doan et al., выше прим. 124.

[157] См. David Rodeck, Top NFT Marketplaces of August 2023, Forbes Advisor (Aug. 1, 2023, 7:50 AM), https://www.forbes.com/advisor/investing/cryptocurrency/best-nft-marketplaces/ [https://perma.cc/DBD9-KPAD]; Bennett & Koblinsky, выше прим. 126.

[158] См. Rodeck, выше прим. 157.

[159] См. Doan et al., выше прим. 124; Bennett & Koblinsky, выше прим. 126.

[160] Bennett & Koblinsky, выше прим. 126.

в Интернете – это нечто новое, потому что «предложение цифрового контента почти всегда бесконечно»[161]. Таким образом, создатели используют эту уникальную возможность монетизации контента в цифровом мире неизвестными ранее способами[162]. Покупателей привлекают *NFT* «как способ поддержать своих любимых художников, актеров, музыкантов и спортсменов», которые создают или рекламируют *NFT*[163]. Однако «недобросовестные игроки» используют эту технологию для получения больших прибылей за счет продажи *NFT* с мошенничеством и нарушениями прав других лиц, что создает значительные риски и неопределенность в отношении применения *NFT* для защиты права на публичность[164].

В связи с ростом числа *NFT* право на публичность становится все более актуальным, особенно для знаменитостей. Известные личности включаются в контент, лежащий в основе *NFT*, посредством токенизации их голосов[165], фотографий и видеозаписей[166], а также похожих на них аватаров видеоигр[167]. Некоторые знаменитости отстаивают право на публичность как возможность контролировать использование и лицензирование своих изображений в Интернете через *NFT*[168]. Однако судебные разбирательства по поводу нарушений права на публичность, вызванных *NFT*, уже ведутся[169]. Несанкционированное использование изображений и раньше нарушало права правообладателей, однако новшеством является сложность защиты этих прав в пространстве *NFT*. В Разделе II мы рассмотрим судебные процессы о праве на публичность, возникшие в связи с *NFT*, и попытаемся спрогнозировать, какими еще способами *NFT* могут нарушать право на публичность.

II. ПРАВО НА ПУБЛИЧНОСТЬ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Поскольку защита права на публичность регулируется на уровне штатов, объемы этого права различны[170]. В связи с бурным ростом числа *NFT* с образами известных личностей обострилась угроза нарушений права на публичность, когда *NFT* служит средством для таких нарушений. В Разделе II.A показано использование права на публичность в делах, связанных с технологией *NFT*. В Разделе II.B рассматривается применение права на публичность к нарушениям, связанным с *NFT* художественных произведений.

A. Правообладатели vs создатели *NFT*

Подавая иск о нарушении права на публичность при отсутствии доказательств противоположного, истец должен доказать, что его образ был использован в коммерческих целях[171]. В случае рекламы, когда образ другого человека используется в первую очередь для продвижения и продажи товара или услуги, на первый план

---

[161] Conti & Schmidt, выше прим. 11.

[162] См. Bennett & Koblinsky, выше прим. 126.

[163] Daniel S. Cohen, Clifford C. Histed, Stephen M. Humenik, Jeremy M. McLaughlin, Jonathan M. Miner, Anthony R.G. Nolan, Judith Rinearson, Mark H. Wittow & Daniel Charles (DC) V. Wolf, The Coming Blockchain Revolution in Consumption of Digital Art and Music: The Thinking Lawyer's Guide to Non-fungible Tokens (NFTs), Cyberspace Law., July 2021.

[164] Там же.

[165] См. Benjamin James, Death Row's Blockchain Ambitions Take Shape as Snoop Dogg Manager Joins Gala Music Advisory Board, Billboard (Oct. 6, 2022), https://www.billboard.com/pro/death-row-nft-label-metaverse-gala-music-partnership/ [https://perma.cc/L6Y8-W82V].

[166] См. Salmi, выше прим. 18; Steff Yotka, Want to Sleep with Kate?: The Supermodel Kate Moss Gets into the NFT Art Market with Three New Video Works, Vogue (Apr. 9, 2021), https://www.vogue.com/article/kate-moss-nft-videos [https://perma.cc/9GV2-X3J4].

[167] См., например, Most Valuable Athlete NFTs, выше прим. 20; Genies Celeb Avatars Launches NFT Fashion Marketplace, выше прим. 20.

[168] См. Kate Dwyer, Emily Ratajkowski Is Selling an NFT at Christie's, N.Y. Times (Nov. 8, 2021), https://www.nytimes.com/2021/04/23/style/emily-ratajkowski-nft-christies.html [https://perma.cc/7H36-L2YL].

[169] См. Blake Brittain, Jay-Z Label Settles Lawsuit over 'Reasonable Doubt' NFT, Reuters (June 13, 2022), https://www.reuters.com/legal/litigation/jay-z-label-settles- lawsuit-over-reasonable-doubt-nft-2022-06-13/ [https://perma.cc/42SH-WVE2]; Joseph Genest, Genies Wants Everyone to Become an Avatar Builder, Highsnobiety (Oct. 16, 2022), https://www.highsnobiety.com/p/genies-akash-nigam-interview-nft/[https://perma.cc/7D8W-3LM6]; The Sandbox Avatar, Sandbox, https://www.sandbox.game/en/create/avatar/ [https://perma.cc/FL93-4CLM] (last visited Oct. 6, 2023). См. в целом Notorious B.I.G., LLC v. Yes. Snowboards, No. CV19-01946, 2022 WL 2784808 (C.D. Cal. June 3, 2022); Donahue, выше прим. 28.

[170] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, §§ 1:3, 6:2–6:3, 6:4–6:5.

[171] См. там же, § 3:2.

выходит право на публичность, поскольку реклама представляет собой коммерческое использование с самым низким уровнем конституционной защиты[172]. Нарушение права на публичность с большой вероятностью влечет за собой ответственность, если в рекламе используется фотография человека без его согласия, поскольку фотография – это «явный» способ идентификации личности[173]. Несанкционированное использование чужого имени вместе с изображением еще больше облегчает истцу задачу доказать возможность идентификации его личности[174]. Этот вопрос уже рассматривался в деле о праве на публичность в связи с использованием *NFT*[175].

В Разделе II.A.1 мы описываем иск о нарушении права на публичность в чисто коммерческом контексте, поданный против *NFT* компании. Затем в Разделе II.A.2 рассматривается судебный процесс, связанный с *NFT*, который показывает противоречие между законодательством об авторском праве и правом на публичность.

1. Использование в чисто рекламных целях

В 2022 г. известный рэпер Лил Яхти подал иск в окружной суд Центрального округа Калифорнии против компаний *Opulous* и *Ditto Music* и их основателя Ли Парсонса. Компании занимались продажей *NFT*, и рэпер обвинил их в нарушении его права на публичность по общему праву и законодательству штата Калифорния. Он заявил, что выпущенная реклама «привлекла значительный венчурный капитал» на общую сумму более 6,5 миллиона долларов[176]. Лил Яхти утверждает, что компания *Opulous* без его согласия «публиковала многочисленные коммерческие объявления и материалы», которые связывают его имя с выпуском коллекционных *NFT*[177]. Парсонс вел рекламную кампанию в социальных сетях на своем аккаунте, а также на аккаунтах *Opulous* и *Ditto Music*, которые объявили о выпуске коллекции *NFT* от Лил Яхти и использовали в рекламе его фотографии[178]. По словам Лил Яхти, ответчики планировали продавать его музыкальные произведения, защищенные авторским правом, используя *NFT* на платформе *Opulous*[179].

Ответчики также заявляли о сотрудничестве с Лил Яхти, в частности: «По утверждению Парсонса, *Opulous* планирует запустить серию эксклюзивных музыкальных *NFT* с 'известными артистами', в первую очередь это Лил Яхти…»; они также хотели «начать с серии уникальных *NFT* с участием всемирно известных артистов, включая Лил Яхти…»[180] Истец утверждал, что провел с Парсонсом «общую ознакомительную встречу», где обсуждался проект, но «никакого соглашения или условий сделки по [его] участию не было достигнуто»[181]. Также, по словам истца, ответчики ложно заявили, что Лил Яхти дал согласие на использование своего имени и изображения в связи с коллекцией *NFT*, и «собрали шесть с половиной миллионов долларов», воспользовавшись вниманием СМИ, которое компания *Opulous* привлекла своими заявлениями об участии певца[182].

Это дело является ярким примером иска о праве на публичность, который касается несанкционированного использования *NFT* в чисто рекламном контексте. Если Лил Яхти, как он утверждает, не давал согласия компании *Opulous* на использование его имени и изображения для рекламы коллекции *NFT*, то суд, скорее всего, будет на стороне певца[183]. Ответчики размещали его имя и изображение рядом с рекламными объявлениями в различных социальных сетях и писали в пресс-релизах, что он участвует в проекте[184]. Несанкционированное использование фотографий Лил Яхти в рекламе само по себе является достаточным основанием для

---

[172] См. Boggess, выше прим. 1, §§ 19-20.

[173] McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:60.

[174] См. там же.

[175] См. в целом Complaint & Demand for Jury Trial, McCollum v. Opulous, No. 22- CV-00587 (C.D. Cal. Jan. 27, 2022), ECF No. 1.

[176] Там же, at 3.

[177] Там же.

[178] См. там же, at 30-45.

[179] См. там же, at 8.

[180] Там же, at 8, 15, 32.

[181] Там же, at 7.

[182] Там же, at 3, 14.

[183] См. там же, at 8, 14; McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:60 (объясняется, что использование фотографии и имени правообладателя «значительно облегчает истцу процесс идентификации» для целей установления факта нарушения права на публичность).

[184] Complaint & Demand for Jury Trial, выше прим. 175, at 31–33, 39.

признания таких действий незаконными[185]. Использование его имени в названии коллекции *NFT* позволяет говорить о еще одном нарушении[186].

Кроме того, суд, скорее всего, признает, что ответчики использовали имя и образ Лил Яхти в коммерческих целях[187]. Реклама, как уже говорилось ранее, представляет собой коммерческое использование и защищается Первой поправкой на самом низком уровне[188]. Данная реклама «призывает купить» их товар – *NFT* Лил Яхти[189]. Эта рекламная акция вряд ли является достаточно художественной, чтобы требовать повышенной защиты, но представляет собой обычную рекламу в социальных сетях[190]. Поэтому, если будет доказано, что использование образа певца было несанкционированным, суд, вероятно, вынесет решение, что ответчики нарушили право Лил Яхти на публичность, явно используя его имя и образ для рекламы *NFT* с целью их продажи[191].

Кроме того, доводы Лил Яхти существенно подкрепляет тот факт, что компания *Opulous* собрала более 6,5 миллиона долларов для своей цели – продаж *NFT* с песнями популярных артистов, таких как Лил Яхти[192]. Если бы *Opulous* продала *NFT* с песнями Лил Яхти без его согласия, то рэпер мог бы также утверждать, что запись его голоса – это еще один элемент, позволяющий идентифицировать его личность[193]. Вероятно, в будущем иски о праве на публичность, связанные с *NFT*, будут в первую очередь касаться нарушений в коммерческих целях, как в данном случае. Однако другие судебные процессы по *NFT* поднимают более серьезные вопросы, один из которых – большое число исков о праве на публичность в рамках законодательства в области авторского права.

2. Конфликт между авторским правом и правом на публичность

Помимо случаев использования образа в коммерческих целях, не всегда можно однозначно установить, должен ли закон защищать право на публичность. Как уже говорилось выше, несанкционированное использование чужой фотографии в рекламе часто является нарушением этого права[194]. Однако если фотограф делает снимок и получает с него доход без согласия фотографируемого, то авторские права фотографа на этот снимок могут превалировать над правом фотографируемого на публичность[195].

Федеральный Закон об авторском праве 1976 г.[196] защищает все «оригинальные авторские произведения на любом материальном носителе»[197]. К авторским произведениям относятся, среди прочего, «живописные, графические и скульптурные работы», включая фотографии, и «звукозаписи», например, музыка[198]. Закон «дает владельцу право ограничивать других лиц в определенных видах использования охраняемого произведения»[199].

Если изображение человека используется в произведении, защищенном авторским правом, может возникнуть конфликт по поводу того, что будет главенствующим – право на публичность или авторское право[200]. Согласно ряду судебных решений, если изображение правообладателя используется в произведении, защищенном авторским правом, а право на публичность «препятствует использованию этого изображения», то требование защиты авторских прав превалирует над правом на публичность[201]. «Если изображение человека

---

[185] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:60.

[186] См. там же.

[187] См. там же.

[188] См. Boggess, выше прим. 1, § 19.

[189] Там же.

[190] См. там же; McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 7:3 (комментируется, что тот факт, что реклама представляет собой «коммерческую речь... практически никогда» не оправдывает несанкционированное использование образа).

[191] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:60. См. в целом Complaint & Demand for Jury Trial, выше прим. 175.

[192] См. там же, at 41–45.

[193] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:74.

[194] См. там же, § 4:60.

[195] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 11:53.

[196] Pub L. No. 94-553, 90 Stat. 2541 (кодифицировано с изменениями в различных частях свода законов США).

[197] 17 U.S.C. § 102(a).

[198] Там же.

[199] McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 5:39.

[200] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 11:46.

[201] Там же, § 11:49.

используется в рекламе или на товарах в коммерческих целях без разрешения, то право на публичность является главенствующим по отношению к федеральному Закону об авторском праве»[202]. Однако «если право на публичность заявляется… [в отношении] изображения, используемого без разрешения в художественном произведении, не в рекламных целях, то федеральный Закон об авторском праве будет главенствующим по отношению к праву на публичность, которое основано на законодательстве штата»[203].

Таким образом, ответчики по искам о праве на публичность из-за несанкционированной продажи фотографий с изображением правообладателя «часто заявляют, что законодательство об авторском праве главенствует над правом на публичность, поскольку изображение является работой, защищенной авторским правом»[204]. Суды все чаще применяют этот подход, если имеется разрешение правообладателя на фотографирование[205]. Исключением будут случаи, когда «ответчик обвиняется только в копировании или продаже самого изображения, без использования в рекламе или для улучшения отдельного продукта»[206]. Этот конфликт между правом субъекта на публичность и авторскими правами фотографа стал центральным в контексте *NFT* в деле Notorious B.I.G., LLC v. Yes. Snowboards[207].

Рэпер Notorious B.I.G., чье изображение было предметом спора в этом деле, скончался в 1997 г.[208] Истцом выступила компания *Notorious B.I.G. LLC*, которая является правопреемником наследия артиста и отстаивает его посмертное право на публичность[209]. Один из ответчиков, Чи Моду, скончался во время судебного разбирательства, и ответчиком стала его вдова, София А. Моду[210]. Чи Моду – фотограф, «получивший известность благодаря своим снимкам популярных хип-хоп артистов в 1990-х гг., среди которых был Notorious B.I.G.»[211]. Иск был подан в Калифорнии, где суды признают главенство авторского права, и продолжается до сих пор. Компания *Notorious B.I.G. LLC* подала в суд на Чи Моду за то, что он печатал фотографии Notorious B.I.G. на сноубордах, занавесках для душа, скейтбордах и постерах и продавал эти предметы, не получив согласия компании[212]. Затем компания изменила свой иск, обвинив Чи и Софию Моду в том, что они продавали и продолжали «получать комиссионные за повторные продажи *NFT* с изображением Notorious B.I.G.»[213]. Чи и София Моду утверждали, что Закон об авторском праве является главенствующим по отношению к праву истца на публичность[214].

Суд признал, что продажа фотографий Notorious B.I.G. в качестве *NFT* исключает иск наследника о праве на публичность[215]. Суд также постановил, что *NFT* «относятся к сфере демонстрации и распространения произведений, защищенных авторским правом, без связи с другими товарами или рекламой»[216]. По мнению суда, распространение ответчиком фотографий в форме *NFT* с целью получения прибыли не повлияло на анализ ситуации, поскольку «владельцы авторских прав могут использовать свои авторские права в коммерческих целях»[217].

При этом суд провел различие между *NFT* и другими предметами, которые Чи Моду использовал для демонстрации фотографий[218]. Суд постановил, что в отличие от *NFT* «помещение изображений [рэпера] для рекламы и продажи [занавесок для душа и скейтбордов] представляет собой ‘использование его изображения на не связанном с ним продукте’ с целью рекламы и продажи, что выходит за рамки ‘прав на художественное

---

[202] McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 5:38.

[203] Там же.

[204] Mark S. Lee, Entertainment and Intellectual Property Law § 3:96 (2021).

[205] См. там же.

[206] McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 11:53.

[207] No. CV19-01946, 2022 WL 2784808 (C.D. Cal. June 3, 2022).

[208] См. там же, at *1.

[209] См. там же, at *2.

[210] См. там же, at *1.

[211] Там же.

[212] См. там же.

[213] См. там же, at *3.

[214] См. там же, at *4.

[215] См. там же, at *5.

[216] Там же.

[217] Там же (цитируется Maloney v. T3Media, Inc., 853 F.3d 1004, 1016 n.9 (9th Cir. 2017)).

[218] См. там же, at *5.

произведение'»[219]. Таким образом, из решения суда следует, что *Notorious B.I.G. LLC* может продолжать подавать иски в отношении душевых занавесок и скейтбордов, но ходатайство истца о предварительном запрете продаж ответчиком фотографий в форме *NFT* было отклонено[220].

Тем самым суд отклонил аргумент *Notorious B.I.G. LLC* о том, что *NFT* «не являются копиями» фотографий, на том основании, что *NFT* – это уникальные цифровые данные, которые «служат цифровым представлением базового актива» и не могут быть обменены или скопированы[221]. На это суд ответил: «Как признает истец, *NFT* является 'цифровым представлением' базового актива, то есть фотографий, о которых идет речь. Таким образом… предполагается, что *NFT* подпадают под действие Закона об авторском праве…»[222] Суд приравнял цифровую продажу фотографий в форме *NFT* к другим видам использования, которые суд ранее признал охраняемыми Законом об авторском праве, включая продажу фотографий в виде постеров и отпечатков, и пришел к выводу, что Закон об авторском праве аналогичным образом защищает использование *NFT* при продаже фотографий[223]. Поэтому ответчик может продолжать продавать фотографии Notorious B.I.G. в форме *NFT*[224].

Как и в случае с фотографиями, конфликт между правом на публичность и авторским правом возникает в делах, касающихся использования голоса другого человека в записях песен[225]. В таких делах все чаще выносятся судебные решения, что авторское право имеет преимущество по отношению к праву на публичность, если «воспроизведение… записи [является] художественным, нерекламным использованием»[226]. Так, уже урегулировано дело с участием *NFT*, связанное с использованием имени и образа рэпера Jay-Z при продаже авторских прав на дебютный альбом Jay-Z в форме *NFT*[227]. Это дело также продемонстрировало возможности *NFT* для получения прибыли от использования голоса Jay-Z[228].

Звукозаписывающая компания *Roc-A-Fella Records Inc.*, ранее принадлежавшая Jay-Z, подала иск в окружной суд Южного округа Нью-Йорка (*SDNY*) против одного из совладельцев лейбла, Дэймона Дэша, за попытку продать авторские права на первый альбом Jay-Z *Reasonable Doubt* в форме *NFT* на платформе *SuperFarm*[229]. В иске было указано, что Дэш не владеет авторскими правами на альбом и, следовательно, «не имеет права продавать '*Reasonable Doubt*' в форме *NFT*»[230]. Платформа *SuperFarm* объявила, что «право собственности на авторские права на альбом будет определено на аукционе по продаже авторских прав Дэймона на первый альбом Jay-Z… когда права на все будущие доходы от альбома перейдут от Дэймона Дэша к победителю аукциона»[231]. Когда компания *Roc-A-Fella Records* сообщила *SuperFarm*, что «продажа была незаконной», аукцион был отменен[232].

Юристы звукозаписывающей компании объяснили, что Jay-Z имеет право на публичность, использование которого в коммерческих целях было нарушением со стороны платформы *SuperFarm*: «Jay-Z имеет права на использование своего имени и образа... которые не могут быть использованы в коммерческих целях, как это сделано в маркетинговых материалах *SuperFarm*, чем был нанесен ущерб»[233]. Согласно иску *Roc-A-Fella*

---

[219] Там же (цитируется Maloney, 853 F.3d at 1019).

[220] См. там же, at *13.

[221] Там же, at *5 n.3.

[222] Там же.

[223] См. там же, at *5.

[224] См. там же, at *12–13.

[225] См. 2 McCarthy & Schechter, выше прим. 45, § 11:55.

[226] Там же, § 11:51.

[227] См. Complaint & Demand for Jury Trial at 1, Roc-A-Fella Records, Inc. v. Damon Dash, No. 21-CV-5411 (S.D.N.Y. June 18, 2021), ECF No. 1. См. в целом Brittain, выше прим. 169.

[228] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 4:74; McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 11:54.

[229] См. Complaint & Demand for Jury Trial, выше прим. 227, at 1, 6–7.

[230] Там же, at 8.

[231] Там же, at 6–7. В иске Roc-A-Fella Records говорится, что при этом Дэш продолжал искать другие платформы для продажи авторских прав. См. там же, at 7.

[232] Там же.

[233] Там же, at 31; см. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 7:2 (объясняется, что «доктрина о коммерческих высказываниях лишь в редких случаях обеспечивает иммунитет для такого использования, которое в противном случае было бы нарушением права на публичность»).

Records, рекламируя аукцион *NFT*, *SuperFarm* связывала имя Jay-Z не только с его альбомом, но и с его «большими достижениями»[234].

Как уже говорилось, если в рекламе используются имя и образ другого человека без его согласия в чисто коммерческих целях, то право на публичность «почти всегда превалирует». Так произошло в случае рекламы *SuperFarm*, где использовалось имя Jay-Z, его связь с альбомом и крупные карьерные достижения с единственной целью продажи *NFT*[235]. Ни *SuperFarm*, ни Дэш не имеют права использовать образ Jay-Z для продажи его альбома в форме *NFT* в ходе продвижения аукциона, поскольку такая реклама является «явно коммерческим использованием» образа Jay-Z без какой-либо иной причины, кроме как для побуждения потребителей к покупке товара[236].

Более того, продажа авторских прав на альбом в форме *NFT* затрагивает важнейший аспект права на публичность: право предоставлять третьим лицам ограниченное разрешение на использование своего образа и определять тех, кому это разрешено[237]. В иске *Roc-A-Fella Records* утверждалось, что Jay-Z реализовал это право в контракте, который он заключил с компанией относительно использования своего имени и образа для рекламы альбома *Reasonable Doubt*[238].

Однако если бы Дэш продал авторские права на альбом Jay-Z на *SuperFarm* или другой *NFT*-платформе, то Дэш и платформа *NFT* ущемили бы это важнейшее право на публичность, принадлежащее Jay-Z. Более того, продажа авторских прав на альбом в форме *NFT* могла бы привести к бесконечным вторичным использованиям записей голоса Jay-Z со стороны покупателя; такое использование могло бы выйти за рамки *NFT* и индивидуального использования записей покупателем. Например, рекламодателям могло быть предоставлено право использовать музыку для продажи товаров, другим лицам – использовать записи в песнях, в музыке для фильмов, видео или другого контента. Это лишило бы Jay-Z права определять, кто и каким образом может коммерциализировать его голос[239].

Если бы из-за продажи авторских прав на альбом в форме *NFT* иск о праве на публичность возник в связи с использованием голоса Jay-Z в каком-либо произведении, защищенном авторским правом, например, в другой песне, то при защите можно было бы ссылаться на главенство авторского права[240]. Тогда исход дела зависел бы от того, происходит ли использование «в художественном произведении, не в рекламных целях» (тогда несанкционированное использование не повлечет ответственности) или «для рекламы товаров или услуг» (в этом случае суд будет опираться на право на публичность)[241]. Однако когда принцип главенства авторского права не применяется, то, чтобы определить, освобождает ли художественное использование от ответственности за нарушение права на публичность[242], суды обычно используют критерий Роджерса[243] или критерий преобразующего использования[244].

B. Старая пьеса на новой сцене: Право на публичность и Первая поправка

Чтобы определить, дает ли художественный контекст защиту от ответственности за нарушение права на публичность при несанкционированном использовании образа другого человека, суды используют критерии, вытекающие из Первой поправки[245]. Вопрос о том, будет ли право на публичность защищать правообладателя в таких обстоятельствах, стал еще более актуальным с появлением *NFT*-аватаров, которые обычно пред-

---

[234] Complaint & Demand for Jury Trial, выше прим. 227, at 7.

[235] McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 7:3.

[236] Там же.

[237] См. там же, § 10:15.

[238] См. Complaint & Demand for Jury Trial, выше прим. 227, at 13–14.

[239] McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 2:2 (причины защиты права на публичность объясняются тем, что идентифицируемые аспекты личности являются ее собственностью).

[240] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 11:55.

[241] Там же, § 11:55.

[242] См. обсуждение выше Раздел I.A.2.

[243] См. в целом Rogers v. Grimaldi, 875 F.2d 994 (2d Cir. 1989).

[244] См. в целом Comedy III Prods., Inc. v. Gary Saderup, Inc., 21 P.3d 797 (Cal. 2001).

[245] См. обсуждение выше Раздел I.A.2; McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, §§ 8:718:72.

ставляют собой художественные изображения знаменитостей[246]. *NFT* часто представляют причудливые или необычные варианты образа, и именно такие варианты с большей вероятностью не будут защищены правом на публичность, чем буквальное изображение знаменитостей[247]. Например, цифровой художник Beeple продал *NFT* с изображениями генерального директора компании *Tesla* Илона Маска верхом на животном с выходящим из него оружием, головы рэпера Канье Уэста с выходящими из нее проводами и сражения бывшего президента США Дональда Трамп с президентом Джо Байденом на боксерском ринге[248].

Согласно критерию Роджерса и критерию преобразующего использования, несанкционированное использование не пользуется преимуществом по отношению к праву на публичность, если его цель в первую очередь «коммерческая», а не художественная[249]. Многие *NFT* продавались по запредельным ценам[250]; например, Beeple продал *NFT* своей цифровой работы за 69 миллионов долларов[251]. Знаменитости продавали *NFT* со своими изображениями, видео и аватарами за десятки и сотни тысяч долларов[252]. *NFT* могут приносить значительно бо́льшую прибыль, чем изображения на плакатах, на бумаге и на других носителях[253]. Таким образом, из-за «финансовых» преимуществ *NFT* суды делают вывод, что несанкционированное использование *NFT* с образом другого человека является в первую очередь коммерческим, а значит, оно не подпадает под действие Первой поправки, несмотря на свое художественное содержание[254].

При этом «решающее значение» имеет носитель, с помощью которого происходит несанкционированное использование[255]. Использовать Первую поправку, заявляя, что ответчик использует чужое изображение на кофейных кружках и футболках, чтобы высказаться по социальному вопросу, – это «отдает фальшью», поскольку такие носители «не являются обычными [средствами] для ‘высказываний’ по общественным вопросам», и суды традиционно признают такое использование коммерческим[256]. Суд может приравнять несанкционированное использование чужого образа для продажи *NFT* к коммерческому использованию на кружках и футболках, и в этом случае право на публичность будет превалировать[257]. С другой стороны, суд может решить, что *NFT*, содержащие художественные элементы, заслуживают той же защиты по Первой поправке, которая предоставляется художественным произведениям, таким как картины и рисунки[258].

Появились два варианта использования образа знаменитостей в качестве *NFT*-аватаров, которые могут пользоваться защитой по критериям Первой поправки: (1) *NFT*, изображающие знаменитостей в качестве аватаров на изображениях, и (2) *NFT*, изображающие знаменитостей в качестве аватаров видеоигр для внутриигрового использования. В Разделе II.B.1 анализируется первый вариант согласно критерию Роджерса. В Разделе II.B.2 рассмотрен второй вариант в соответствии с критерием преобразующего использования.

---

[246] См., например, The Players' Lounge, выше прим. 122; Robert Hoogendoorn, 12 Avatar NFT Projects with Gaming Use Cases, Play to Earn (Oct. 11, 2021), https://www.playtoearn.online/2021/10/11/avatar-nft-projects-with-gaming-use-cases/ [https://perma.cc/KBL6-R536]; 11,111 Jadu AVAs Crash-Landed on Planet Earth September 7th, Jadu, https://jadu.ar/avas [https://perma.cc/H6BY-HFAZ] (last visited Oct. 6, 2023).

[247] См. In re NCAA Student-Athlete Name & Licensing Litig., 724 F.3d 1268, 1274 (9th Cir. 2013).

[248] См. Mickey Rapkin, 'Beeple Mania': How Mike Winkelmann Makes Millions Selling Pixels, Esquire (Feb. 17, 2021), https://www.esquire.com/entertainment/a35500985/who-is-beeple-mike-winkelmann-nft-interview/ [https://perma.cc/SY9P-UTM2].

[249] McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 3:2; См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, §§ 8:71-8:72.

[250] См. Jacob Kastrenakes, Beeple Sold an NFT for $69 Million, Verge (Mar. 11, 2021, 10:09 AM), https://www.theverge.com/2021/3/11/22325054/beeple-christies-nft-sale-cost-everydays-69-million [https://perma.cc/NH9P-NATG].

[251] См. там же.

[252] См. Salmi, выше прим. 18.

[253] См. там же.

[254] Conrad, выше прим. 12, at 150; см. McCarthy & Schechter, выше прим. 1, 1, § 3:2; См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, §§ 8:71–8:72.

[255] McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 7:22.

[256] Там же.

[257] См. там же.

[258] См. там же.

1. Применение критерия Роджерса

В деле Hermes International v. Rothschild Верховный суд округа Нью-Йорк постановил[259], что в соответствии с критерием Роджерса художественные *NFT* пользуются такой же защитой Первой поправки, как и другие виды художественных произведений[260]. Модный бренд *Hermes International* (*Hermes*) заявил о нарушении прав на товарный знак и подал в суд на компанию *Mason Rothschild* за создание и продажу *NFT* «цифровых изображений сумок *Birkin* из искусственного меха», которые продает *Hermes*[261]. Суды Нью-Йорка, как видно из данного дела, применяют критерий Роджерса в делах о товарных знаках, в которых спор идет о художественных произведениях[262]. Как уже говорилось ранее, некоторые суды, в том числе и нью-йоркские, также применяют критерий Роджерса к художественным произведениям в делах о нарушении права на публичность[263]. Таким образом, применение этого критерия в деле *Hermes International* показывает пример защиты в случаях, когда художественный *NFT* нарушает право на публичность другого лица[264].

В данном случае Верховный суд округа Нью-Йорк согласился с доводами компании *Rothschild* о применимости критерия Роджерса, «поскольку компания продает цифровые изображения сумок, что является формой художественного выражения»[265]. Суд отклонил аргументацию *Hermes* о том, что защита Первой поправки не распространяется на *NFT*, и постановил, что критерий «не становится неприменимым только оттого, что компания *Rothschild* продает эти изображения»[266]. По решению суда, «использование компанией *Rothschild NFT* для подтверждения подлинности изображений не отменяет возможность применения» критерия Роджерса: «Использование *NFT* для подтверждения подлинности изображения… не делает изображение товаром, не подлежащим защите по Первой поправке, так же как продажа пронумерованных копий физической картины не помешала бы считать картину объектом, подпадающим под критерий Роджерса»[267].

Критерий Роджерса устанавливает низкий порог, который ответчик должен преодолеть, чтобы суд признал работу ответчика художественной и некоммерческой[268]. В деле *Hermes International*, однако, Верховный суд округа Нью-Йорк постановил, что иск компании *Hermes* содержит «достаточные фактические утверждения о том, что данное использование… не имеет художественного значения и… явно вводит в заблуждение относительно источника или содержания произведения», поскольку *NFT*, выпущенный компанией *Rothschild*, носил название *MetaBirkins*, что, по мнению потребителей и публикаций в СМИ, означает партнерство с Hermes[269]. Таким образом, суд отклонил ходатайство компании *Rothschild* о прекращении дела[270].

В делах, связанных с нарушением права на публичность с помощью *NFT*, суд может согласиться с анализом Первой поправки, представленным судом в деле *Hermes International*[271]. Так, в деле *Parks v. LaFace Records*[272] суд пришел к аналогичному выводу в связи с использованием имени активистки движения за гражданские права Розы Паркс в песне под названием *Rosa Parks*. Суд постановил, что «разумно предположить, что имя [Розы Паркс] было присвоено исключительно из-за значительного роста маркетинговых возможностей продукта, носящего имя национальной героини»[273]. Многие знаменитости сотрудничают с платформами *NFT*,

---

[259] 603 F. Supp. 3d 98 (S.D.N.Y. 2022). После того как окружной суд проинструктировал присяжных о том, что NFT могут быть защищены Первой поправкой, присяжные вынесли вердикт в пользу Hermes и установили, что, по мнению окружного суда, NFT Ротшильда вводили потребителей в заблуждение относительно источника этого NFT. Hermes Int'l v. Rothschild, No. 22-CV-384, 2023 WL 4145518, at *1, *4 (S.D.N.Y. June 23, 2023).

[260] См. Hermes Int'l, 603 F. Supp 3d at 103–04.

[261] Там же, at 100.

[262] См. там же, at 102–03.

[263] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 8:71.

[264] Hermes Int'l, 603 F. Supp. 3d at 103–04.

[265] Там же, at 104.

[266] Там же.

[267] Там же.

[268] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 8:71; обсуждение выше Раздел I.A.2.

[269] Hermes Int'l, 603 F. Supp. 3d at 105.

[270] См. там же, at 107.

[271] См. там же, at 100.

[272] 329 F.3d 437 (6th Cir. 2003).

[273] Там же, at 454.

создавая и продавая свои цифровые изображения в качестве *NFT*-аватаров[274]. Если платформа *NFT* отображает характеристики известного человека на *NFT*-аватаре и связывает его имя с маркетингом этой *NFT* без его согласия, суд может приравнять такое использование к тому, что было в деле Паркс[275]. Как и в случае с делом Паркс, суд может далее решить, что защита в рамках Первой поправки по отношению к данной платформе не работает, так как платформа использовала имя и характеристики знаменитости только для привлечения покупателей и для создания у них ложного впечатления, что знаменитость одобряет этот проект[276].

Напротив, когда *NFT*-аватар не во всем похож на объект и не идентифицируется его именем, а значит, с меньшей вероятностью может ввести покупателей в заблуждение, суд может решить, что создатель *NFT* освобождается от ответственности по критерию Роджерса[277]. Так, в деле Brown v. Electronic Art[278] аватар видеоигры отображал множество характеристик реального футболиста, включая «принадлежность к команде, игровую позицию, возраст, рост, вес, уровень способностей и другие». Тем не менее суд постановил, что этот аватар имеет художественное значение, поскольку производитель игры подчеркивает ее реалистичность и не предполагает, что истец одобряет использование своего образа[279].

Примером компании, которая аналогичным образом создает *NFT*-аватары спортсменов, является компания *The Players' Lounge*[280]. В сотрудничестве с футболистами Университета Джорджии (*UGA*) платформа *NFT* выпустила коллекцию *NFT*-аватаров, на которых изображены цифровые мультипликационные изображения бульдога – талисмана *UGA* – в виде футболистов[281]. Если бы платформа *NFT* представляла *NFT*-аватары в виде конкретных футболистов, включая их номера, место учебы и детали биографии, без их согласия и без указания их имен, как это сделал производитель игры в деле Brown v. Electronic Art, то суд мог бы аналогичным образом вынести решение в пользу создателя *NFT* в соответствии с критерием Роджерса[282]. В этом случае использование образов футболистов может подпадать под действие Первой поправки в соответствии с двумя пунктами критерия. Для этого было бы необходимо: (1) подтвердить художественную значимость творческой переработки образов в игровых персонажей и доказать, что это способствует достижению цели платформы – приблизить спортивных болельщиков к их любимым командам, и (2) установить отсутствие факта введения потребителей в заблуждение путем изображения футболистов в виде собак, у которых нет идентифицируемых имен[283].

В деле Hermes International суд также применил критерий Роджерса к ситуации, когда *NFT* появляются в метавселенной, которая представляет собой «симуляцию цифровой среды», предназначенную «для создания пространства, имитирующего реальный мир, для разнообразного взаимодействия пользователей»[284]. Верховный суд округа Нью-Йорк постановил, что критерий Роджерса «нельзя было бы применить… если бы *NFT* были прикреплены к цифровому файлу виртуальной сумочки *Birkin*… позволяя владельцам *NFT* взаимодействовать в метавселенной»[285]. Многие видеоигры существуют в метавселенной, где люди участвуют в них в виде своих онлайн-аватаров и взаимодействуют с аватарами других пользователей в режиме

---

[274] См. Salmi, выше прим. 18.

[275] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 8:71.

[276] См. там же.

[277] См. там же.

[278] 724 F.3d 1235 (9th Cir. 2013).

[279] Там же, at 1240.

[280] См. The Players ' Lounge, выше прим. 122.

[281] См. Kristi Dosh, Former UGA Football Players Create NFTs to Benefit Current Players, Forbes (Dec. 28, 2021, 5:13 PM), https://www.forbes.com/sites/kristidosh/2021/12/28/former-uga-football-players-create-nfts-to-benefit-current-players/?sh=2442f2c15163 [https://perma.cc/JML5-YCWF].

[282] См. Brown, 724 F.3d at 1243–47.

[283] См., например, K & K Prods., Inc. v. Walt Disney Studios Motion Pictures, No. 20-CV- 1753, 2021 WL 4394787, at *5 (D. Nev. Sept. 23, 2021) (вынесено решение, что персонаж мультфильма и фигурки не вводили потребителей в заблуждение относительно одобрения истца, поскольку персонаж имел другие имя и внешность, чем истец).

[284] См. John Morrow & James Dority, Trademark Law, NFTs and the Metaverse, Westlaw Today (June 29, 2022), https://today.westlaw.com/Document/I6ed47754f7d711ec9f24ec7b211d8087/View/FullText.html [https://perma.cc/VZ3R-6HUG].

[285] Hermes Int'l, 603 F. Supp. 3d at 104 n.3.

реального времени[286]. *NFT* попадают в такие игры в виде аватаров; другими словами, можно купить *NFT*, представляющие собой аватары для использования в игре[287].

Примечательно, что на торговых площадках создаются *NFT*-аватары, изображающие знаменитостей, а на некоторых платформах можно купить эти аватары и использовать их в играх на этих платформах[288]. Некоторые *NFT*-аватары можно переносить между виртуальными мирами, и даже созданы виртуальные пространства, куда можно загружать *NFT*-аватары, купленные на разных торговых площадках[289]. Что касается дела *Hermes International*, то неизвестно, можно ли было бы применить анализ метавселенной к *NFT*-аватару, изображающему известное лицо, без его согласия в метавселенной, а не к *NFT* виртуального аксессуара[290]. Однако в случаях, когда игра изображает известное лицо в качестве аватара без его согласия, «почти все суды» применяют критерий преобразующего использования[291]. Поэтому в следующем разделе мы рассмотрим вопрос о том, как право на публичность может применяться к несанкционированному использованию образа в виде *NFT*-аватаров исходя из критерия преобразующего использования.

2. Применение критерия преобразующего использования

Видеоигры представляют собой «художественные высказывания, пользующиеся той же защитой согласно Первой поправке, что и книги и кинофильмы»[292]. Поэтому если истец утверждает, что видеоигра нарушает его право на публичность, суд должен обратиться к анализу Первой поправки[293]. Согласно критерию преобразующего использования, «если при использовании… образ истца в достаточной степени ‘трансформируется’, то, вероятнее всего, право на публичность не было нарушено»[294].

Право на публичность защищено законом, когда аватары в видеоиграх представляют собой «буквальные, традиционные изображения»[295]. Например, в деле No Doubt v. Activision Publishing, Inc.[296] суд поддержал право музыкальной группы на публичность, так как аватары в видеоигре изображали «сгенерированные компьютером образы реальных участников группы, тщательно разработанные для имитации сходства», а также «исполняли песни в стиле рок»[297]. Кроме того, суд отклонил аргументацию создателя видеоигры о том, что трансформация аватаров была достаточной, поскольку они действовали в открытом космосе и других локациях, содержащих «выдуманные элементы»[298]. Аналогичным образом, «суды Третьего и Девятого округов, рассмотрев почти идентичные дела» против одного и того же ответчика, вынесли решения в защиту права истцов на публичность; речь шла о том, что аватары в видеоиграх повторяли цвет кожи и волос, прически, вес, рост и биографические данные истцов и, как и истцы в то время, играли в футбольных командах колледжей[299].

---

[286] См. Morrow & Dority, выше прим. 284; Geri Mileva, Top 10 Metaverse Games to Immerse Yourself Into (2023), Influencer Mktg. Hub, https://influencermarketinghub.com/top-metaverse-games/ [https://perma.cc/D8CJ-9A9D] (Mar. 15, 2023).

[287] См. Hoogendoorn, выше прим. 246.

[288] См., например, WPT Ambassadors Steve Aoki & Brad Owen Headline Poker Heroes NFT Project, WPT Global (May 12, 2022), https://www.worldpokertour.com/news/wpt-ambassadors-steve-aoki-brad-owen-headline-poker-heroes-nft-project/ [https://perma.cc/A53N-65XC]; 3,333 Steve Aoki NFT Avatars Join the Sandbox, выше прим. 20; Tan, выше прим. 123.

[289] См., например, CloneX, RTFKT, https://clonex.rtfkt.com/ [https://perma.cc/MWG6-AQ2X] (last visited Oct. 6, 2023); Introducing NFT All Stars Level 1, GEENEE, https://geenee.ar/nftall-stars-game/ [https://perma.cc/M6YA-5RBF] (last visited Oct. 6, 2023); Interoperability Overview, SANDBOX, https://sandboxgame.gitbook.io/production/interoperability/interoperability-overview [https://perma.cc/T5LJ-C4UR] (last visited Oct. 6, 2023).

[290] См. Hermes Int'l v. Rothschild, 603 F. Supp. 3d 98, 104 n.3 (S.D.N.Y. 2022).

[291] McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 8:73.

[292] Там же (цитируется Brown v. Ent. Merchs. Ass'n, 564 U.S. 786, 790 (2011)).

[293] См. там же.

[294] Там же, § 8:72.

[295] In re NCAA Student-Athlete Name & Licensing Litig., 724 F.3d 1268, 1274 (9th Cir. 2013) (цитируется Comedy III Prods., Inc. v. Gary Saderup, Inc., 21 P.3d 797, 811 (Cal. 2001)).

[296] 122 Cal. Rptr. 3d 397 (Ct. App. 2011).

[297] No Doubt, 122 Cal. Rptr. 3d at 409-11.

[298] Там же, at 411.

[299] McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 8:73; См. также Hart v. Elec. Arts, Inc., 717 F.3d 141, 146, 166 (3d Cir. 2013); In re NCAA Student-Athlete Name & Licensing Litig., 724 F.3d at 1276–79.

Поэтому в штатах, где суды применяют критерий преобразующего использования, суд, скорее всего, вынесет решение, что несанкционированное «реалистичное изображение» известного человека в виде *NFT*-аватара, благодаря схожим чертам и физическим характеристикам и идентифицирующему контексту, нарушает его право на публичность[300]. Например, если в сетевой игре, где пользователи могут петь и выступать с концертами, как в игре *No Doubt*, продаются *NFT*-аватары, изображающие реально существующих певцов с их характеристиками (одежда, цвет кожи, волосы, черты лица), то в соответствии с правом на публичность суд, вероятно, будет на стороне этих певцов, поскольку аватары «принимают форму буквального изображения» их черт и имитируют их род занятий[301]. Ситуация не меняется от того, что в этой игре пользователи могут сделать так, чтобы аватары исполняли песни, которые настоящие участники группы не пели, и исполняли их «в необычных местах, включая космическое пространство»; право музыкальной группы на публичность нарушается, поскольку аватары занимаются той же «деятельностью, с помощью которой группа добилась известности и продолжает пользоваться ею»[302]. Таким образом, если *NFT*-аватар обладает близким сходством с личностью в виде черт лица и физических особенностей, а также в виде действий, которыми известна эта личность, то решение суда, скорее всего, будет таким же, как и в деле *No Doubt*, даже если *NFT*-аватар настроен необычным и нереалистичным образом[303].

В отличие от дела *No Doubt*, в деле *Kirby v. Sega of America, Inc.*[304] апелляционный суд второго округа штата Калифорния постановил, что, хотя аватар был «похож на певицу» и «в достаточной степени напоминал черты и личный стиль певицы, чтобы навести на мысль о подражании» (рыжие волосы, алые губы, форма лица и глаз, фигура и фирменные фразы), однако образ был трансформирован настолько, что право на публичность перестало действовать[305]. Суд постановил, что «обычная прическа», «традиционный костюм», танцевальные движения и обстановка «космического репортера XXV века» достаточно сильно отличают аватар от реальной певицы[306]. Аналогичным образом, в деле Hamilton v. Speight[307] Апелляционный суд США по Третьему округу постановил, что использованная в видеоигре внешность футболиста в качестве аватара достаточно сильно отличается от внешности истца и отклонил его иск о праве на публичность; при этом аватар имел одинаковые с истцом цвет кожи, черты лица, прическу, телосложение, голос и костюм и также играл в футбол[308]. Кроме того, в деле Mitchell v. The Cartoon Network, Inc.[309] окружной суд США по округу Нью-Джерси постановил, что персонаж мультфильма не нарушил право известного геймера на публичность, хотя у них были одинаковые «длинные черные волосы и борода», схожая предыстория и черты личности; однако персонаж «выглядел не как человек, а как гигантская плавающая голова без туловища, прибывшая из космоса»[310].

NFT-аватары чаще всего выглядят как внеземные существа; в этом случае их защищает Первая поправка, как в делах Hamilton и Mitchell[311]. Это могут быть и иные существа, такие как инопланетяне, зомби и кролики на

---

[300] Hart, 717 F.3d at 168.

[301] No Doubt, 122 Cal. Rptr. 3d at 407 (цитируется Comedy III Prods., Inc. v. Gary Saderup, Inc., 21 P.3d 797, 808 (Cal. 2001)). Такая игра уже скоро может появиться в метавселенной. Звукозаписывающая компания Universal Music Group и отдельные знаменитости сотрудничают с NFT-компанией Genies, планируя запустить NFT-аватары певцов в метавселенной. См. Dean Takahashi, Genies Raises $150M at over $1B Valuation for Metaverse Avatars, VentureBeat (Apr. 12, 2022, 7:01 AM), https://venturebeat.com/games/genies-raises-150m-at-over-1b-valuation-for-metaverse-avatars/ [https://perma.cc/8FWH-4G32]. Их виртуальные образы «будут использоваться в качестве запасных на онлайн-мероприятиях», которые, скорее всего, будут представлять собой концерты в метавселенной. Там же; см. Harry Chen, Virtual Concert in the Metaverse: The Future of the Musical Industry, EventX (July 20, 2022), https://www.eventx.io/blog/virtual-concert-in-the-metaverse-the-future-of- the-musical-industry [https://perma.cc/RPY7-MYWT].

[302] No Doubt, 122 Cal. Rptr. 3d at 411.

[303] См. там же.

[304] 50 Cal. Rptr. 3d 607 (Ct. App. 2006).

[305] Там же, at 613.

[306] Там же, at 616.

[307] 827 F. App'x 238 (3d Cir. 2020).

[308] См. там же, at 240 (установлено, что аватар «[сражался] с фантастическими существами в вымышленном мире» и служил в армии, а истец не делал ни того, ни другого).

[309] No. CV 15-5668, 2015 WL 12839135 (D.N.J. Nov. 20, 2015).

[310] Там же, at *5.

[311] См. Hamilton, 827 F. App'x at 240; Mitchell, 2015 WL 12839135, at *5; Hoogendoorn, выше прим. 246.

двух ногах[312]. На многих платформах *NFT* аватары, которые кажутся похожими на людей, представляют собой нереалистичные образы[313]. Например, в метавселенной игры *The Sandbox* были проданы тысячи пиксельных *NFT*-аватаров музыканта Стива Аоки[314]. Покупатель такого *NFT* может взаимодействовать с другими людьми как виртуальная личность Аоки[315]. Однако каждый аватар обладает уникальными характеристиками, которые значительно отличаются от характеристик реального Аоки[316]. Так, у настоящего Аоки длинные каштановые волосы, а его аватары носят различные прически: от светлых высоких остроконечных пиков с цветочным венком до длинных волос цветов радуги с рогами[317]. Кроме того, у многих аватаров Аоки цвет кожи неестественного оттенка и другие нечеловеческие характеристики; костюмы каждого аватара уникальны, и многие из них не соответствуют стилю настоящего Аоки[318].

Если бы в рамках игры *The Sandbox* эти *NFT* выпускались и продавались без согласия Аоки, суд мог бы счесть, что такое использование в достаточной степени трансформирует личность Аоки благодаря описанным выше необычным характеристикам[319]. Кроме того, решение суда по Третьему округу гласит: «Остается открытым вопрос… могут ли претензии на право публичности распространяться на… пикселизированные изображения [аватаров]»[320]. Иными словами, пикселизированость аватара, как в случае с аватарами Аоки, может сделать образ правообладателя менее идентифицируемым, что уменьшает степень главенствования его права на публичность[321]. Однако некоторые аватары Аоки больше напоминают реального музыканта своими длинными каштановыми волосами и стилем одежды; при этом его образ трансформируется не в такой степени, чтобы затрагивать право на публичность[322].

Кроме того, возможность защиты правообладателей от несанкционированного использования их образов в видеоиграх в рамках права на публичность зависит от сопутствующих обстоятельств[323]. Суд по Третьему округу постановил, что если художественные элементы видеоигры, внешние по отношению к изображению истца, «существенно влияют на использование или значение образа [истца]», то суд будет рассматривать их как элементы трансформации образа[324]. Во многих видеоиграх, которые суды ранее рассматривали в делах о праве на публичность, аватар истца мог представлять, например, только футболиста на поле или музыканта в группе, однако игры в метавселенной часто не ограничиваются одним цифровым ландшафтом или конечной целью[325]. Они предоставляют пользователям расширенные возможности управлять игрой и «существованием» своих аватаров в целом[326]. Эта новая эра в области игр наступила благодаря стремлению многих *NFT* компаний достичь интероперабельности – возможности взаимодействия между виртуальными мирами и платформами в метавселенной[327]. Игровой мир NFT уже реализует эту цель.

---

[312] См. Hoogendoorn, выше прим. 246.

[313] См., например, Steve Aoki Avatars, OpenSea, https://opensea.io/collection/steve-aoki-avatars [https://perma.cc/4VJS-LAUW] (last visited Oct. 6, 2023).

[314] См. там же.

[315] См. там же.

[316] См. там же.

[317] См. там же.

[318] См. там же.

[319] См. там же.

[320] Hart v. Elec. Arts, Inc., 717 F.3d 141, 166 n.38 (3d Cir. 2013).

[321] См. там же.

[322] См. Steve Aoki Avatars, выше прим. 313.

[323] См. Hart, 717 F.3d at 169.

[324] Там же.

[325] См., например, CloneX, выше прим. Introducing NFT All Stars Level 1, выше прим. 289; Interoperability Overview, выше прим. 289.

[326] Isaiah Richards, Metaverse: Already Existing in Video Games?: MMORPGs Resemble the Digital World; What's Different?, Tech Times (Jan. 11, 2022), https://www.techtimes.com/articles/270347/202201n/metaverse-already-existing-video-games-mmorpgs-resemble-digital-world-what.htm [https://perma.cc/N6HG-JYT2].

[327] См. Sophie Goossens & John P. Feldman, Gaming in the Metaverse – An NFT-PoweredRevolution?, Intell. Prop. & Tech. L.J., Nov.-Dec. 2021, at *4; Ash Koosha, The Future of the Metaverse Hinges on Interoperability, FAST CO. (Oct. 11, 2022), https://www.fastcompany.com/90794333/the-future-of-the-metaverse-hinges-on-interoperability [https://perma.cc/4VVJ-MECJ].

Например, *CloneX* – это *NFT*-аватар, существующий в виде 3*D*-файла[328]. Игроки могут загружать этот файл на различные платформы, получая доступ к игре в качестве *NFT*-аватара в различных игровых средах[329]. Эта новая технология позволяет владельцам *NFT* размещать свои аватары в бесчисленных виртуальных мирах, которые они и сами могут разрабатывать с нуля. При этом неясно, будет ли защищено право на публичность в ситуациях, когда игроки могут существенно изменить как окружение, так и действия аватара, потенциально нарушающего правила. Суд может посчитать, что эти новые игровые функции «придают [несанкционированному использованию] некий дополнительный творческий элемент, выходящий за рамки… 'обычной вариации'», тем самым существенно преображая *NFT*-аватар[330]. В следующем разделе мы рассмотрим «явные» вредные последствия *NFT*, выделяемые правоведами в связи с нарушением права на публичность[331].

C. Использование прецедентов против новых угроз

Правовед Марк Конрад считает, что, хотя проблемы, с которыми сталкиваются правообладатели, «не новы, их применение в мире кибертворений ставит перед нами интересные и сложные задачи»[332]. В частности, профессор Конрад обсуждает конфликт между правом на публичность и Первой поправкой в контексте *NFT*[333]. Он пишет, что этот конфликт «только обострился» с появлением *NFT* из-за их новизны и того факта, что судам придется применять конституционные принципы и принципы общего права «к технологии, которой едва исполнилось полдесятка лет»[334]. Анализируя пример художника, выпустившего *NFT* своей картины с изображением известных боксеров, профессор Конрад предположил, что «денежный» характер *NFT* делает коммерческую деятельность их основной целью, «независимо от того, насколько 'преобразующим' является произведение»[335]. Однако он также отмечает, что «дизайн, вполне вероятно… избежит иска о праве на публичность», поскольку лежащее в его основе произведение является художественным[336]. Другие правоведы высказывают аналогичные соображения[337]. Они отмечают, что, хотя «коммерческий характер *NFT* противоречит» аргументам Первой поправки, однако «чем в большей степени *NFT* содержит художественное… изображение человека, тем более вероятно, что к нему будет применена защита Первой поправки»[338].

Другой правовед – Стейси М. Лантань – рассматривает конфликт между Законом об авторском праве и правом на публичность в пространстве *NFT*[339]. По ее словам, люди, чьи изображения стали вирусными в Интернете, и знаменитости, которых фотографируют папарацци, обычно не могут остановить распространение своих изображений фотографом, поскольку последний, как владелец авторских прав, «имеет исключительные права на воспроизведение и распространение фотографий»[340]. По мнению эксперта, это ограничивает способность сфотографированного человека отстаивать свои права на использование своего изображения, «которые Закон об авторском праве не признает», например, в таких ситуациях, как коммерциализация фотографии

---

[328] См. CloneX, выше прим. 289. Еще один пример движения игрового мира NFT в сторону совместимости – NFT All Stars Level 1. Introducing NFT All Stars Level 1, выше прим. 289. Эта игра была разработана совместно несколькими игровыми компаниями для метавселенных. Она позволяет владельцу NFT-аватара любой из этих компаний поместить его в предложенную обстановку и взаимодействовать с другими NFT-аватарами в реальном времени. См. там же.

[329] См. CloneX, выше прим. 289; Introducing NFT All Stars Level 1, выше прим. 289.

[330] Hart v. Elec. Arts, Inc., 717 F.3d 141, 169 (3d Cir. 2013) (цитируется Winter v. DC Comics, 69 P.3d 473, 478 (Cal. 2003)).

[331] Ghaith Mahmood, Tara McCortney & Nima Mohebbi, NFTs and the Right of Publicity: Assessing the Legal Risks, JD Выше (Aug. 16, 2021), https://www.jdsupra.com/legalnews/nfts-and-the-right-of-publicity-9050692/ [https://perma.cc/7JTL-R7WH].

[332] Conrad, выше прим. 12, at 152.

[333] См. там же, at 147.

[334] Там же, at 147–48.

[335] Там же, at 150.

[336] Там же.

[337] См., например, Anthony J. Dreyer & David M. Lamb, Can I Mint an NFT with That?: Avoiding Right of Publicity and Trademark Litigation Risks in the Brave New World of NFTs, WESTLAW TODAY (June 2, 2021), https://today.westlaw.com/Document/I50a657bcb1ca11ebbea4f0dc9fb69570/View/FullText.html [https://perma.cc/8SVT-KFDM].

[338] Там же.

[339] См. (Lantagne, 2022).

[340] Там же, at 277.

или ее распространение в социальных сетях[341]. Профессор Лантань отмечает, что «суды отдают предпочтение праву правообладателя обнародовать фотографию перед правом субъекта блокировать ее»[342]. Далее она пишет, что *NFT* знаменуют собой сдвиг в полномочиях правообладателей, поскольку «любой человек может создать *NFT*», поэтому любой, кто является объектом фотографии, может создавать и монетизировать *NFT* самого себя[343].

Комментаторы отмечают, что проблемы, связанные с нарушением права на публичность, усиливаются, когда каналом такого нарушения является *NFT*[344]. Одной из причин «более выраженных [рисков]» является «демократичность *NFT*»[345]. Любой человек может создать *NFT* чего угодно – для этого «не требуется никаких юридических знаний»[346]. Поэтому может «возникнуть соблазн связать существующее изображение человека с *NFT*, чтобы быстро заработать деньги»[347]. Эта проблема усугубляется тем, что больше всего внимания привлекают «именно те *NFT*, которые создаются без особых усилий, но продаются за ошеломляющие суммы… так происходит, в частности, потому, что для создания *NFT* часто выбирают вирусные изображения»[348].

Другой проблемой, вызывающей растущую озабоченность в связи с *NFT*, является анонимность транзакций в блокчейне[349]. «Владельцев *NFT* часто практически невозможно отследить из-за анонимного характера онлайн-идентификации криптовалют…»[350] По словам экспертов, *copyfraud* («мошенничество с авторским правом», когда человек, не владеющий авторскими правами на произведение, выдает себя за владельца таких прав) «вызывает особенно серьезные проблемы [в отношении *NFT*] из-за анонимности блокчейна», поскольку «затрудняет проверку» владельца авторских прав на основное произведение[351]. Мошенничество с авторским правом еще более усложняется и может привести к нарушению права на публичность, когда оно связано с продажей авторских прав на произведение, в котором использован образ другого человека, как образ Jay-Z в деле *Roc-A-Fella Records, Inc.*[352] Возможность того, что анонимность блокчейна помешает правообладателям добиваться возмещения ущерба, обсуждалась и в отношении *NFT* в метавселенных[353]. В одной из статей подчеркивалось, что разработка цифрового контента в метавселенной «анонимными аватарами» «значительно усложнит» идентификацию создателей такого контента и правоприменительные действия по отношению к ним[354].

Ученые также отмечают, что, даже если пострадавшие стороны идентифицируют нарушителей, неизменность транзакций в блокчейне создает еще одно препятствие для правообладателей в отстаивании их прав[355]. «Созданный *NFT* будет существовать в блокчейне вечно»[356]. Если *NFT* был создан и продан с нарушением прав правообладателя, то «его покупатель будет навсегда зарегистрирован в блокчейне как его единственный владелец»[357]. В одной из статей отмечается, что правообладатели «столкнутся с неопреде-

---

[341] Там же.

[342] Там же.

[343] Там же, at 278.

[344] См. Mahmood et al., выше прим. 331.

[345] Там же.

[346] Там же.

[347] Там же.

[348] Там же.

[349] См. Peter Willsey, Vincent Badolato, Haroon Mian & Jason Sobel, NFT Litigation: Shaping IP Rights in the Metaverse, Westlaw Today (July 12, 2022), https://today.westlaw.com/Document/I4dec77580208ned9f24ec7b2nd8087/View/FullText.html [https://perma.cc/3Q7X-8GCH]; NFTs and Intellectual Property, Reuters: Prac. L.: J. (Aug. 30, 2022), https://www.reuters.com/practical-law-the-joumal/transactional/nfts-intellectual-property-2023-02-01/ [https://perma.cc/6DLK-A7EJ]; (Lewis et al., 2021, at 19).

[350] (Noh et al., 2022, at 325).

[351] (Lewis et al., 2021, at 19).

[352] См. в целом Complaint & Demand for Jury Trial, выше прим. 227.

[353] NFTs and Intellectual Property, выше прим. 349.

[354] Там же.

[355] См. там же.

[356] Laura Ganoza & Ashley Koley, From Gamers to the Runway, Landslide, Mar.-Apr. 2022, at 21.

[357] Там же.

ленностью при разрешении споров, учитывая необратимый характер транзакций в блокчейне»[358]. Кроме того, неизменность блокчейна делает «в значительной степени неопределенным… применение принципов общего права к транзакциям с *NFT*»[359]. Стандартным средством защиты в делах о праве на публичность является постоянный судебный запрет, который не позволяет ответчику «продолжать нарушение»[360]. Однако в контексте *NFT* эту форму защиты трудно применить к активам, которые живут в Сети «вечно» и не могут быть уничтожены[361].

Наконец, ученые отмечают риски, связанные с возможностью переноса *NFT* на другой рынок или платформу, отличную от той, где они были первоначально проданы, с точки зрения «применимости лицензионных условий к последующим покупателям»[362]. Так, одним из достоинств *NFT* является возможность переносить их за пределы первоначального рынка и продавать вторичным покупателям[363]. Например, как уже обсуждалось в данной статье, возможность переноса характерна для игровых платформ *NFT*, многие из которых позволяют пользователям перемещать свои *NFT*-аватары между игровыми платформами и средами[364]. Однако «в таких ситуациях будущий покупатель может не знать о лицензионных условиях и ограничениях», например, регулирующих права на имя и образ, «связанных с данным произведением»[365]. Более того, «включение ссылки на лицензионные условия в метаданные *NFT*», как это делают многие торговые площадки и создатели *NFT*, вряд ли решит проблему неприменимых лицензионных условий, поскольку «покупатель может не посмотреть на метаданные до совершения покупки»[366]. Даже если покупатель посмотрит метаданные приобретаемого *NFT*, нарушение все равно возможно, поскольку «в сделке с *NFT* может не быть этапа, на котором покупатель выражает свое согласие с условиями этой сделки»[367].

В части III представлен ряд мер, которые могли бы принять правообладатели, платформы *NFT* и суды для сдерживания и ограничения процесса создания *NFT*, нарушающих право на публичность[368].

---

[358] NFTs and Intellectual Property, выше прим. 349.

[359] Там же.

[360] 2 McCarthy & Schechter, выше прим. 45, § 11:22.

[361] Ganoza & Koley, выше прим. 356, at 21; См. NFTs and Intellectual Property, выше прим. 349.

[362] Andrew Beatty, Alexander C. Drylewski, Eytan Fisch, Mana Ghaemmaghami, Nathan Giesselman, Stuart Levi, Daniel Michael, Bao Nguyen & Anita Oh, Am. L. Inst. Continuing Legal Educ., Cryptocurrency Fraud: What Banking Business and Securities Lawyers Need to Know (2022).

[363] См. там же.

[364] См. обсуждение выше Раздел II.B.2.

[365] Beatty et al., выше прим. 362.

[366] Там же.

[367] Там же.

[368] См. ниже Раздел III; Anthonia Isichei, OpenSea Blacklisted $27M Worth of NFTs, Including BAYC and MAYC: Report, CryptoPotato (July 7, 2022), https://cryptopotato.com/opensea-blackhsted-27m-worth-of-nfts-including-bayc-and-mayc-report/ [https://perma.cc/EB5Y-ZZKP] (описывается торговая площадка NFT, которая запретила продажу NFT стоимостью более 27 миллионов долларов в ответ на сообщения о краже NFT); Jabari Young, NBA Union Executive Leads Talks to Help Players Make More Money from NFTs, CNBC (May 4, 2021, 12:59 PM), https://www.cnbc.com/2021/05/04/nba-union-executive-leads-talks-to-help-players-make-more-money-from-nfts.html [https://perma.cc/SDH6-MR8R] (объясняется, что Национальная баскетбольная лига начала переговоры с создателем *NFT* с фото- и видеоизображениями баскетболистов с целью «пересмотра лицензионного соглашения» для защиты прав игроков на их изображения); James G. Gatto, NFT License Breakdown: Exploring Different Marketplaces and Associated License Issues, Nat'l L. Rev. (Sept. 21, 2021), https://www.natlawreview.com/article/nft-license-breakdown-exploring-different-marketplaces-and-associated-license-issues [https://perma.cc/5MYZ-RBY5] (объясняются различия между открытыми, курируемыми и проприетарными торговыми площадками в связи с продажей *NFT*, а также тот факт, что условия торговых площадок *NFT* «часто не вполне учитывают меры защиты, необходимые владельцам интеллектуальной собственности в составе базового цифрового актива, связанного с *NFT*»); Gregory J. Battersby & Charles W. Grimes, Multimedia and Technology Licensing Agreements, 1, § 4:81 (2022); China's First Court Ruling on NFT Art Theft Holds Marketplace Accountable, Yahoo Finance (Apr. 25, 2022), https://finance.yahoo.com/news/chinas-first-court-ruling-nft-093000697.html [https://perma.cc/QJP4-WJH7] (описывается, как суд в Китае привлек к ответственности торговую площадку *NFT* за то, что она разрешила пользователю создать *NFT* с использованием украденного произведения; суд постановил, что *NFT* должен быть уничтожен).

III. РЕГУЛИРОВАНИЕ СО СТОРОНЫ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ, МАРКЕТПЛЕЙСОВ *NFT* И СУДОВ

Мы согласны со специалистами, которые говорят о растущей угрозе для права на публичность со стороны *NFT*. Профессор Конрад верно отметил, что использование *NFT* в качестве канала для нарушения чужого права на публичность приводит к новым и все более сложным последствиям для реализации этого права[369]. Что касается конфликта между Первой поправкой и правом на публичность, большую неопределенность создает тот факт, что судам придется применять принципы конституции и общего права, существовавшие десятилетиями, к технологии *NFT*, которая получила распространение только в 2021 г.[370] Как утверждают правоведы, если *NFT* представляет собой несанкционированное использование образа, имеющее художественный характер, суды, скорее всего, будут защищать такое использование в соответствии с Первой поправкой, а не с правом на публичность[371]. Так, суд Южного округа Нью-Йорка уже признал возможность защиты свободы слова для художественных *NFT*, по крайней мере, в случае использования товарного знака, нарушающего авторские права[372]. Однако традиционное применение судами Закона о праве на публичность к этой новой технологии не учитывает повышенные риски, которые *NFT* создают для права на публичность по сравнению с другими, более традиционными способами нарушения[373]. Этот вред особенно очевиден с учетом того, что все больше *NFT* с образом правообладателя представляют собой контент, который суды ранее считали художественным. Это относится и к *NFT*, представляющим собой аватары знаменитостей[374].

Судебные дела, ответчиками в которых выступали производители видеоигр, обычно касались игр с контентом, созданным для этих игр, без возможности импортирования стороннего контента[375]. Однако современный игровой мир выглядит иначе. Игры с использованием *NFT* часто предоставляют пользователям возможность создавать все аспекты цифровых миров, включая создание *NFT*-аватаров с нуля и наделение их любыми характеристиками[376]. Одновременно эти платформы реализуют концепцию совместимости, позволяя *NFT*-аватарам существовать в нескольких виртуальных мирах и взаимодействовать с *NFT*-аватарами из других цифровых вселенных[377]. Благодаря высокой степени интерактивности и возможности пользователям осуществлять контроль почти над любым аспектом игрового мира, значительно повышается вероятность того, что суд признает такое использование художественным и оправдает нарушителя[378].

Оправдание такого несанкционированного использования усугубляет ранее рассмотренный вред в ситуациях, когда *NFT*-аватары взаимодействуют с другими аватарами в режиме реального времени. Во время такого взаимодействия в реальном времени пользователи *NFT* могут любыми способами имитировать известную личность, например, устраивать концерты и другие мероприятия в метавселенной в виде аватара знаменитости[379]. Возникает вопрос, как в таких случаях будет применяться право на публичность, учитывая возможности контроля владельцев над *NFT*: они могут создавать аватары преобразующими способами и быстро изменять их, легко уходя от ответственности за нарушение права другого человека на публичность[380]. Этот вопрос станет более сложным, когда компании начнут продавать *NFT*-аватары, изображающие знаменитостей, непосредственно геймерам, как, например, аватары Аоки. При этом геймеры смогут использовать и монетизировать аватары такими способами, которые не предусмотрены лицензиями на *NFT*[581].

---

[369] См. Conrad, выше прим. 12, at 152.

[370] См. там же, at 148.

[371] См. Mahmood et al., выше прим. 331; Conrad, выше прим. 12, at 152.

[372] См. Hermes Int'l v. Rothschild, 603 F. Supp. 3d 98, 103-04 (S.D.N.Y. 2022).

[373] См. Mahmood et al., выше прим. 331.

[374] Там же.

[375] См. McCarthy & Schechter, выше прим. 45, 2, § 8:73.

[376] См. Genest, выше прим. 169; The Sandbox Avatar, выше прим. 169.

[377] См. Interoperability Overview, выше прим. 289.

[378] См. Hart v. Elec. Arts, Inc., 717 F.3d 141, 169 (3d Cir. 2013) (установлено, что творческие элементы в игре, помимо сходства аватара с изображением правообладателя, могут определять преобразующий характер такого использования).

[379] См. Howcroft, выше прим. 133; Chen, выше прим. 301.

[380] См. Morrow & Dority, выше прим. 284.

[381] Steve Aoki Avatars, выше прим. 313.

Кроме того, нередко коллекции *NFT*-аватаров и *NFT* знаменитостей состоят из тысяч разных и уникальных вариантов, как аватары Аоки[382]. Попытка определить, какие из них нарушают право субъекта на публичность, а какие нет, становится «трудоемкой и непомерно дорогой»[383]. Однако даже если будет установлено, что определенные виды использования нарушают право субъекта на публичность, определение виновных и применение традиционных средств защиты этого права могут быть невозможны благодаря свойству переносимости аватаров на разные платформы и длительному сроку жизни *NFT*. Это особенно верно в случае, если решение суда об удалении нарушающих *NFT* будет вынесено уже после того, как они были проданы и перешли в собственность тысячам других владельцев[384].

Более того, конкурирующие интересы держателей авторских прав и правообладателей создали противоречия в вопросе защиты прав на подобие, которые технология *NFT* еще более усугубляет[385]. Как специалисты, так и знаменитости выступают за то, чтобы правообладатели использовали *NFT* для осуществления контроля над своим образом, особенно когда речь идет о фотографии, на которую другое лицо может иметь авторские права[386]. Профессор Лантань приписывает этот потенциальный «перекос власти» в пользу правообладателей доступности *NFT* и «низкому барьеру входа»[387]. Однако это неизбежные «плюсы и минусы» технологии[388]. Хотя профессор Лантань утверждает, что *NFT* обеспечили «более широкую сферу контроля» субъектам фотографирования, она все же признает, что последствия для авторского права в этом «конфликте разделения прав между субъектом и правообладателем» «не совсем ясны»[389]. Однако, как показало дело *Notorious B.I.G., LLC*, суды все чаще отдают предпочтение защите авторских прав перед защитой права на публичность, когда оспариваемое использование происходит через *NFT* с изображением фотографии, защищенной авторским правом[390]. «Право этих субъектов на публичность… часто оказывается второстепенным по сравнению с авторскими правами правообладателя»[391]. Если другие суды последуют примеру дела *Notorious B.I.G., LLC*, отдавая предпочтение авторским правам перед правами субъектов на публичность в пространстве *NFT*, то правообладатели могут не только подвергаться риску нарушения авторских прав просто в процессе реализации своих прав на изображение и продажи своих фотографий в качестве *NFT*, но также могут быть лишены возможности отстаивать свои права на публичность против владельцев авторских прав, которые продают несанкционированные изображения их самих в качестве *NFT*[392].

Профессор Лантань также подчеркивает, что *NFT* дают больше власти правообладателям, поскольку «каждый может создать *NFT* чего угодно»; тем самым субъекты, а не владельцы авторских прав получают возможность монетизировать свои изображения[393]. Однако «демократичность» и анонимность сделок с *NFT* одновременно делает более проблематичным и труднопреодолимым мошенничество с такими фотографиями[394]. Возьмем, к примеру, предполагаемое мошенничество с копирайтом в деле *Roc-A-Fella Records, Inc.*[395] Там было четко указано лицо, обвиняемое в попытке продажи авторских прав, – Дэш[396]. Однако если пользователь Интернета обманул, заявив, что он является правообладателем произведения, имеющего сходство с другим человеком, и этот пользователь анонимен и его нельзя отследить (как и большинство владельцев *NFT*), то мошенническая продажа такого авторского права откроет путь для «последующих покупателей», которые на

[382] См. там же.
[383] (Noh et al., 2022, at 324).
[384] См. выше Раздел III.C.
[385] См. выше Раздел II.A.2.
[386] См. (Lantagne, 2022, at 278); Mahmood et al., выше прим. 331.
[387] Mahmood et al., выше прим. 331.
[388] Там же.
[389] (Lantagne, 2022, at 279, 281).
[390] См. в целом, Notorious B.I.G., LLC v. Yes. Snowboards, No. CV19-01946, 2022 WL 2784808 (C.D. Cal. June 3, 2022).
[391] (Lantagne, 2022, at 277).
[392] См. в целом, Notorious B.I.G., LLC, 2022 WL 2784808.
[393] (Lantagne, 2022, at 278).
[394] (Lewis et al., 2021, at 19).
[395] См. в целом Complaint & Demand for Jury Trial, выше прим. 227.
[396] См. там же, at 1.

основе этих ложных заявлений смогут сколько угодно раз использовать сходство правообладателя[397]. Правообладатели не смогут получить какую-либо юридическую компенсацию за ущерб, возникающий в результате этих мошеннических сделок, поскольку последние происходят между анонимными пользователями; именно таковыми является большинство продаж *NFT*, что чревато множеством проблем[398].

Благодаря *NFT* продажа цифровых активов становится более доступной для всех пользователей Интернета, а значит, эта технология также становится более доступной для недобросовестных лиц. В данном разделе мы рассмотрим, как правообладатели, платформы *NFT* и суды могут предотвратить нарушения со стороны недобросовестных субъектов до того, как рассмотренные выше вредные факторы проникнут на рынок *NFT*. В части III.A предлагается, чтобы все известные люди, продающие *NFT* со своими изображениями, заключали лицензионные соглашения о праве на публичность. Далее, в части III.B мы предлагаем, чтобы в тексте условий предоставления услуг платформы *NFT* четко определяли права, которые получают покупатели *NFT* на произведения, лежащие в их основе, а также описывали действия, недопустимые на этих платформах. В части III.C мы утверждаем, что платформы должны установить более высокие барьеры для публикации созданного пользователями контента; отмечать или вносить в черный список подозрительный и нарушающий права контент; а также ограничить или удалить доступ недобросовестных участников к их аккаунтам. Наконец, в части III.D мы предлагаем новую защитную меру, которую суды могли бы применять в отношении нарушающего права контента.

A. Лицензионные соглашения относительно права на публичность

Прежде всего, лицензионные соглашения о праве на публичность необходимы для защиты правообладателей при продаже *NFT* с их изображениями, причем к каждому *NFT*-проекту применяются особые условия[399]. Знаменитости часто заключают лицензионные соглашения о праве на публичность, позволяющие им контролировать права, предоставляемые третьим лицам в связи с монетизацией их образа[400]. Этими соглашениями правообладатели могут установить, приобретают ли покупатели права на демонстрацию, копирование, продажу, хранение, использование или коммерциализацию товаров с их изображением и на каких условиях покупатели могут осуществлять эти права[401].

Ранее лицензионные соглашения о праве на публичность уже применялись в сделках с компаниями, которые создавали *NFT* с изображениями правообладателей; в будущем они должны стать обычным явлением в пространстве *NFT*[402]. В частности, Национальная баскетбольная ассоциация (*NBA*) и компания *Dapper Labs*, занимающаяся *NFT*, заключили групповые лицензионные соглашения, которые определяют объем прав на имена, изображения и образы игроков *NBA* в связи с продажей *NFT*, представляющих изображения игроков[403]. Реализуя эти соглашения, индивидуальные правообладатели и такие группы, как *NBA*, которые обязаны защищать права своих членов, могут запретить торговым площадкам *NFT* передавать покупателям определенные права на основной контент; они могут также установить размер компенсации правообладателям и потребовать, чтобы правообладатели получали процент при каждой перепродаже *NFT*[404].

Правообладатели должны четко сформулировать права, получаемые владельцами NFT, на соответствующий контент; это может быть сделано следующими способами: «(1) уведомление о правах в полях данных и описаниях, содержащихся в метаданных *NFT*; и (2) наличие отдельной письменной документации, относящейся к проекту *NFT*»[405]. Если правообладатели включают ссылку на условия и ограничения публичности только в метаданные *NFT*, то могут возникнуть проблемы из-за того, что покупатели не «просматривают метаданные перед совершением покупки» или в процессе покупки не «предусмотрен этап, на котором по-

[397] (Noh et al., 2022, at 325); Beatty et al., выше прим. 362.
[398] См. (Noh et al., 2022, at 325).
[399] См. (Noh et al., 2022, at 334–35).
[400] См. там же.
[401] См. Gatto, выше прим. 368.
[402] См. Young, выше прим. 368.
[403] См. там же.
[404] См. Battersby & Grimes, выше прим. 368, 1, § 4:81.
[405] (Noh et al., 2022, at 321).

купатели выражают свое согласие с условиями»[406]. Поэтому правообладатели должны убедиться, что они заключают «отдельные письменные» лицензионные соглашения о праве на публичность при всех сделках с *NFT*, даже если метаданные *NFT* содержат те же условия[407].

Наилучшей практикой для предотвращения нарушений при использовании изображений должно стать прямое ограничение или иное исключение правообладателями любых прав, приобретаемых покупателями *NFT* на воспроизведение, создание вторичных произведений или коммерциализацию базовых произведений после перепродажи *NFT*. Кроме того, если правообладатели имеют право на роялти, это условие необходимо включить в код *NFT* и запрограммировать его на автоматические выплаты правообладателям при перепродаже *NFT*[408]. Правообладатели должны тщательно проверять свои лицензионные соглашения на предмет наличия в них формулировок, дающих покупателям *NFT* определенные права на их образы, нежелательные для правообладателей, и исправлять или устранять такие противоречивые формулировки до заключения соглашений[409].

B. Условия обслуживания

В дополнение к договорным условиям, специфичным для *NFT*, торговые площадки *NFT* должны создавать документацию об условиях обслуживания, определяя права, которые покупатели *NFT* приобретают при первой покупке, и права, связанные с перепродажей *NFT*[410]. Если торговая площадка работает с известной личностью в целях создания *NFT* с ее изображением, условия договора между ними будут диктовать условия, касающиеся прав владельцев *NFT* на базовый контент. Платформы должны строго соблюдать условия своих соглашений со знаменитостями и недвусмысленно разъяснять эти права покупателям в своей документации об условиях предоставления услуг и рекомендациях сообщества[411].

Кроме того, вторичные торговые площадки, на которых осуществляется перепродажа *NFT*, должны включать в свои условия обслуживания положение о том, что покупателям необходимо консультироваться с торговой площадкой или создателями *NFT*, которые изначально продали актив, по вопросу о том, предоставляет ли *NFT* определенные права покупателю[412]. Торговые площадки должны разъяснять покупателям эти правила, а покупатели должны полностью их понимать «до завершения любой сделки или передачи прав», касающихся *NFT*[413]. «Детальный анализ условий сделки с *NFT* и передаваемых прав до продажи может значительно снизить риск судебных разбирательств»[414].

C. Высокие входные барьеры

Поскольку *NFT* дают много возможностей для нарушения права на публичность, платформы *NFT*, позволяющие пользователям создавать свой собственный контент, должны тщательно следить за своими пользователями. Это особенно актуально для открытых торговых площадок, где любой человек может создавать свои собственные *NFT* и перепродавать *NFT* с других торговых площадок[415]. Такие площадки часто позволяют продавать *NFT* сразу после их создания[416]. Чтобы предотвратить появление на рынке контента, нарушающего чьи-либо права, площадка должна проверять *NFT*, прежде чем разрешить их загрузку на свои платформы, и отклонять те из них, которые нарушают право других лиц на публичность[417]. Для этого площадка должна требовать выполнения определенных процедур от любого лица, желающего продать или перепродать *NFT*, который затрагивает право на публичность, например, *NFT* спортивных сувениров или аватаров знаменитостей.

---

406 Beatty et al., выше прим. 362.

407 (Noh et al., 2022, at 321).

408 См. там же, at 321; NFTs and Intellectual Property, выше прим. 349.

409 См. Dreyer & Lamb, выше прим. 337.

410 NFTs and Intellectual Property, выше прим. 349.

411 См. там же; Gatto, выше прим. 368.

412 См. NFTs and Intellectual Property, выше прим. 349; Gatto, выше прим. 368.

413 NFTs and Intellectual Property, выше прим. 349.

414 Там же.

415 См. Gatto, выше прим. 368.

416 См. там же.

417 См. там же.

Торговые площадки, размещающие *NFT*, созданные пользователями Интернета, и *NFT*, перенесенные с других платформ, должны следовать тем же процедурам, а именно проверять и утверждать созданные пользователями *NFT* до того, как они выходят на рынок, чтобы убедиться, что лежащий в их основе контент не является мошенническим[418]. Примерами торговых площадок, которые тщательно проверяют заявителей *NFT*, являются *SuperRare*, *KnownOrigin*, *Nifty Gateway*, *MakersPlace*[419]. Если пользователь утверждает, что на созданном им *NFT* изображен он сам, то торговая площадка должна проверить, действительно ли это так, особенно если пользователь утверждает, что он является известной личностью. В ситуации с участием сторонних продавцов торговая площадка должна убедиться, что третьи лица, заявляющие о наличии у них лицензии на создание и продажу *NFT* с изображением правообладателей, имеют на это право на основании договорных условий с правообладателями. Торговая площадка также должна подтвердить, что третьи лица, перепродающие эти *NFT* на платформах, не относящихся к торговым площадкам, на которых они были первоначально проданы, имеют на это право на основании условий этих торговых площадок или условий, регулирующих конкретные *NFT*. Торговая площадка также может предотвратить нарушение права на публичность, приведя свои правила создания *NFT* в соответствие с правилами тех площадок, которые «обычно продают только *NFT*, созданные оператором данной торговой площадки»[420]. Примерами таких торговых площадок являются *Top Shot*, *Vee Friends* и *Bored Ape Yacht Club*[421].

Существует также несколько способов, с помощью которых платформы могут ограничивать и удалять нарушающий авторские права контент после его создания. Во-первых, платформы должны постоянно отслеживать *NFT*, которые загружают пользователи, и внедрять системы, позволяющие пользователям сообщать о подозрительном контенте[422]. Во-вторых, после получения сообщения о подозрительном *NFT* торговая площадка должна помечать этот актив[423]. Таким образом, покупатель может воздержаться от покупки такого *NFT*, пока идет его проверка. Наконец, как только платформа обнаружит потенциально нарушающий *NFT*, она может по своему усмотрению ограничить, приостановить или прекратить доступ пользователей к аккаунтам, на которых появляется отмеченный контент. Торговые площадки также должны блокировать *NFT*, которые, по их мнению, нарушают авторские права, что не позволит владельцам торговать ими в дальнейшем[424].

D. Уничтожение *NFT* как средство правовой защиты и правоприменения

Наконец, в случае судебного процесса по поводу предполагаемого нарушения и проигрыша нарушителя правообладателю должно быть доступно такое средство правовой защиты, как судебный приказ об уничтожении *NFT*[425]. Это в значительной степени устранило бы неопределенность, вызванную свойством неизменяемости транзакций с *NFT*[426]. В этом случае *NFT* отправляется на специальный адрес, который «не может быть использован для транзакций», что «на практике эквивалентно удалению»[427]. Эту функцию может выполнить только владелец *NFT*[428]. Если *NFT* был продан, то единственным лицом, которое может его уничтожить, является покупатель[429]. Таким образом, необходим судебный приказ об уничтожении нарушающего права *NFT*, особенно когда торговая площадка или пользователь продолжают незаконно использовать образ правообладателя, а удаление нарушающего права контента невозможно с помощью традиционных средств

---

418 См. там же.

419 См. там же.

420 Там же.

421 См. там же.

422 См. Isichei, выше прим. 368.

423 См. там же.

424 См. Willsey et al., выше прим. 349; Isichei, выше прим. 368.

425 (Noh et al., 2022, at 325) (цитируется 17 U.S.C. § 503) (вынесено решение об уничтожении копий, нарушающих авторские права, в качестве средства правовой защиты в соответствии с Законом об авторском праве); См. Willsey et al., выше прим. 349.

426 NFTs and Intellectual Property, выше прим. 349.

427 China's First Court Ruling on NFT Art Theft Holds Marketplace Accountable, выше прим. 368.

428 См. там же.

429 См. там же.

судебной защиты[430]. В Китае интернет-суд Ханчжоу уже применял эту меру в качестве средства правовой защиты в отношении платформы, на которой был размещен *NFT*, нарушающий авторские права; он был создан пользователем из украденных произведений искусства[431].

Ученые ставят под сомнение адекватность указанной меры в качестве решения для борьбы с нарушениями в сфере *NFT*; причиной этого являются неопределенность того, кто должен требовать от владельца уничтожения *NFT*[432], а также сложности идентификации создателей контента в блокчейне[433]. Что касается первой проблемы, то, как показало дело о нарушении авторских прав, которое рассматривалось в интернет-суде Ханчжоу, суд может вынести постановление об уничтожении нарушающего контента. Тем самым правообладатели получают правовой инструмент против технологического объекта, который нельзя уничтожить никаким иным способом[434]. Что касается второго вопроса, дела, связанные с *NFT*, рассматривались в ряде других международных судов; чтобы решить уникальные сложности, порождаемые анонимностью транзакций в блокчейне, на истцов были наложены судебные запреты[435].

Например, суд Сингапура запретил замораживание активов неизвестного ответчика по всему миру, чтобы предотвратить «дальнейшую передачу *NFT*», и «разрешил его обслуживание через социальные сети и платформу *Ethereum*»[436]. В Англии был «наложен судебный запрет» с целью остановить передачу *NFT*, хранящихся на шести частных счетах на различных криптовалютных биржах, и заставить эти биржи раскрыть определенную информацию о неустановленных владельцах счетов[437]. Суд даже «разрешил истцу осуществлять обслуживание альтернативными способами, включая доставку *NFT*, связанных с документацией на услуги, на электронную почту и в криптокошельки ответчика»[438]. Применяя эти новаторские запреты и «методы обслуживания в обстановке неопределенности в сфере *NFT*», суды США могут аналогичным образом предоставить правообладателям правовые механизмы для выявления анонимных пользователей и привлечения их к ответственности[439].

Заключение

Технология *NFT* создает новые проблемы в области защиты права на публичность. Использование *NFT* при нарушении права на публичность порождает серьезные сложности для правообладателей, добивающихся возмещения причиненного ущерба. Сложность защиты права на публичность на этом рынке обусловлена уникальным демократическим характером токена, повсеместной анонимностью *NFT* и необратимостью сделок с ним, а также неопределенностью договорных условий в отношении вторичных покупателей. Однако силами трех основных участников этого рынка подобные угрозы могут быть устранены. Во-первых, правообладатели должны заключать лицензионные соглашения о праве на публичность во время сделок с *NFT*. Во-вторых, компании, способствующие проведению сделок с *NFT*, должны строго запретить создание нарушающего права контента, зафиксировав это требование в своих условиях предоставления услуг, и повысить барьеры для выпуска *NFT*. Наконец, суды должны признать недостатки традиционных средств защиты, применяющихся в общем праве в отношении сделок с *NFT*, и обязать уничтожать *NFT*, нарушающие права других лиц.

---

[430] См. (Noh et al., 2022, at 321).

[431] China's First Court Ruling on NFT Art Theft Holds Marketplace Accountable, выше прим. 368.

[432] См. Willsey et al., выше прим. 349.

[433] См. (Noh et al., 2022, at 325).

[434] China's First Court Ruling on NFT Art Theft Holds Marketplace Accountable, выше прим. 368.

[435] NFTs and Intellectual Property, выше прим. 349.

[436] Там же. Ответчик был известен только по имени своего аккаунта. Там же.

[437] Там же.

[438] Там же.

[439] Там же.

Список литературы / References

Bobek, H. (2023). To mint or not to mint: non-fungible tokens and the right of publicity. *Fordham Law Review*, *92*(2), 639.

Carroll, R. (2022). Note, NFTs: The Latest Technology Challenging Copyright Law's Relevance Within a Decentralized System. *Fordham Intell. Prop. Media & Ent. L.J.*, *32*, 979.

Conrad, M. (2022). Non-Fungible Tokens, Sports, and Intellectual Property Law Issues: A Case Study Applying Copyright, Trademark, and Right of Publicity Law to a Non-traditional Ownership Vehicle. *J. Legal Aspects Sport*, *32*, 132.

Goforth, C. R. (2022). How Nifty! But Are NFTs Securities, Commodities, or Something Else? *UMKC L. Rev.*, *90*, 775.

Lantagne, S. M. (2022). Of Disaster Girl and Everydays: How NFTs Invite Challenging Copyright Assumptions Around Creator Support. *Harv. J. Sports & Ent. L.*, *13*, 265.

Lewis, L., Owen, J., Fraser, H., & Dighe, R. (2021, Sept.). Non-Fungible Tokens and Copyright Law. *Intell. Prop. & Tech. L.J.*, *18*, 19.

Noh, M. E., Odenkirk, S. C., & Shionoiri, Y. (2022). GM! Time to Wake Up and Address Copyright and Other Legal Issues Impacting Visual Art NFTs. *Colum. J.L. & Arts*, *45*, 315.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 06.02.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 22.04.2024
Дата принятия в печать / Accepted 12.02.2025

Научная статья **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.175-201**

УДК / UDC 347.94:[004.7:316.77]

М. Хурцелер[1]

[1] *Школа права Фордемского университета, г. Фордем, США*

Федеральные правила в отношении эмодзи: предлагаемые принципы обращения с доказательствами в виде эмодзи в контексте судебного разбирательства

Переводчик *Е. Н. Беляева*

Мэрилин Хурцелер, соискатель степени доктора права в 2024 г., Школа права Фордемского университета

Аннотация

Цель: рассмотрение эмодзи как новой формы доказательства и выработка научно обоснованных предложений по их юридической квалификации в США.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-юридический и социологический.

Результаты: эмодзи – это 3633 общепринятых символа, используемых для коммуникации. Ими пользуются 92 % людей в Интернете. Эти крошечные, но очень важные значки способны дополнить, усилить, смягчить и полностью изменить смысл окружающего текста. Соответственно, в последние пять лет число судебных ссылок на эмодзи росло в геометрической прогрессии. Поскольку эмодзи стали важнейшей частью цифрового дискурса, суды все чаще сталкиваются со значительным влиянием этих значков на правовые требования сторон. Назрела необходимость разработать руководство по обращению с доказательствами в виде эмодзи, которое должно соответствовать Федеральным правилам о доказательствах (*Federal Rules of Evidence*, *FRE*), чтобы обеспечить надлежащее отношение к этой относительно новой форме доказательств.

Научная новизна: в статье рассматриваются вопросы квалификации эмодзи как широко распространенных символов, используемых для коммуникации, в соответствии с Федеральными правилами о доказательствах США. Проанализировав мнения экспертов и практику представления доказательств в виде эмодзи с учетом ст. 702, 701, 803(5) и 403 FRE, обосновано положение о том, что соответствующие доказательства в виде эмодзи всегда должны демонстрироваться, а не просто зачитываться присяжным по требованию сторон. Считаем, что эмодзи недопустимо игнорировать и что отправители и получатели сообщений всегда должны иметь возможность дать показания о том, как они понимали и понимают значение эмодзи. В связи с этим предложено исключить показания третьих лиц о значении эмодзи.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с квалификацией эмодзи.

Ключевые слова:

эмодзи, общепринятый символ, доказательство, средство доказывания, онлайн-переписка

© Хурцелер М., 2025. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (https://rusjel.ru) 26.03.2025

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Fordham Law Review*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Fordham Law Review*: tmelnick@law.fordham.edu.

Цитирование оригинала статьи на английском: Hurzeler, M. (2023). The Federal Rules of Emojis: A Proposed Framework for Handling Emoji Evidence in Trial Contexts. *Fordham Law Review*, *92*(1), 223–254.

URL публикации: https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol92/iss1/6

Благодарности

Автор выражает благодарность профессору Мэгги Виттлин за руководство научной работой; профессору Эрику Голдману за любезно предоставленные данные по эмодзи и правовым вопросам; коллективу журнала *Fordham Law Review* за работу по редактированию текста и высокий профессионализм; а также своим родителям, сестре и друзьям за поддержку.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Хурцелер, М. (2025). Федеральные правила в отношении эмодзи: предлагаемые принципы обращения с доказательствами в виде эмодзи в контексте судебного разбирательства. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1). С. 175–201. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.175-201

Scientific article

M. Hurzeler[1]

[1] *Fordham University School of Law, Fordham, USA*

The Federal rules of emojis: a proposed framework for handling emoji evidence in trial contexts

Translator *E. N. Belyaeva*

Marilyn Hurzeler, J.D. Candidate, 2024, Fordham University School of Law

Abstract

Objective: to consider emojis as a new form of evidence and to elaborate scientifically grounded proposals for their legal qualification in the USA.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: Emojis are 3,633 ubiquitous symbols-as-communication used by 92 percent of internet users. These tiny yet influential pieces of evidence hold the power to complete, enhance, mitigate, and flip the meaning of surrounding text. Consequently, court references to emojis have grown exponentially in the last five years. As emojis have become a cornerstone of digital discourse, courts have increasingly encountered the significant impact of emojis on parties' legal claims. A guide for handling of emoji evidence under the Federal Rules of Evidence (FRE), therefore, is important to afford proper treatment to this relatively new evidentiary form.

Scientific novelty: The article considers the issues of classification of emojis as a widely used means of communication according to FRE. After analyzing expert testimony and the presentation of emoji evidence through the lenses of FRE 702, 701, 803(5), and 403, the author argues that relevant emoji evidence should always be shown—not just read—to jurors on party request. Additionally, the article argues that emojis cannot reasonably be ignored and that senders and recipients should always retain the opportunity to testify about their intended and understood emoji meanings. Finally, the recommendation is for the courts to generally exclude third-party testimony on emojis' meanings.

Practical significance: the key provisions and conclusions of the article can be used in the scientific, educational and law-enforcement activity when viewing the issues of emojis qualification.

The submitted material is published in full, as interpreted by the author.

The article was first published in English language by *Fordham Law Review*. For more information, please contact tmelnick@law.fordham.edu

For original publication: Hurzeler, M. (2023). The Federal rules of emojis: a proposed framework for handling emoji evidence in trial contexts. *Fordham Law Review*, *92*(1), 223–254.

Publication URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol92/iss1/6

Keywords:
emojis, common symbol, evidence, means of proving, online correspondence

Acknowledgements
Thank you to Professor Maggie Wittlin for her thoughtful guidance; Professor Eric Goldman for kindly sharing his data set on emojis and the law; the Fordham Law Review team for their editing effort and skill; and my parents, sister, and friends for their encouragement and support.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Hurzeler, M. (2025). The Federal rules of emojis: a proposed framework for handling emoji evidence in trial contexts. *Russian Journal of Economics and Law, 19(1)*, 175–201. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.175-201

Введение

В 1943 г. Верховный суд США заявил, что «символы представляют собой простой, но эффективный способ передачи мысли»[1]. Почти четыре десятилетия спустя ученый в области компьютерных наук предложил использовать символ :-) для обозначения тона сообщения[2]. В 2008 г. компания *Apple* впервые создала эмодзи для *iPhone*[3]. В последующие четырнадцать лет эмодзи полностью захватили цифровой дискурс. В 2015 г. Оксфордский словарь английского языка присудил эмодзи «лицо со слезами радости» (😂) титул «Слово года»[4]. Позже для эмодзи жестов рук стали доступны пять вариантов оттенков кожи[5], а кандидат в президенты Хиллари Клинтон использовала эмодзи в твитах во время предвыборной кампании, чтобы стать ближе к массам[6]. По последним данным, руководители крупных компаний теперь используют эмодзи для общения с подчиненными[7], а твит Илона Маска с эмодзи «какашка» (💩) фигурировал в судебном иске от 2022 г. по поводу приобретения Twitter (Twitter – социальная сеть, заблокированная на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации. – Прим. ред.) учеными различных дисциплин[8].

Поскольку эмодзи стали неотъемлемой частью цифрового дискурса, суды все чаще сталкиваются с вопросом о допустимости их использования в качестве доказательств и их влиянии на требования сторон[9]. Таким образом, необходимо привести руководство по рассмотрению доказательств в виде эмодзи в соответствие с Федеральными правилами о доказательствах (далее – *FRE*), чтобы обеспечить надлежащее отношение

---

[1] См. W. Va. State Bd. of Educ. v. Barnette, 319 U.S. 624, 632 (1943).

[2] Senft, Th. M. Emoticon. Encyclopedia Britannica. https://www.britannica.com/topic/emoticon [https://perma.cc/39MA-7SNT].

[3] Shaw, G. (2019, July 17). Here's What Your Favorite Emojis Looked Like When They Were First Introduced. Insider. https://www.insider.com/then-and-now-emojis-10-years-2018-11 [https://perma.cc/YP35-XRHX].

[4] Steinmetz, K. (2015, Nov. 17). Oxford's 2015 Word of the Year Is This Emoji. TIME. http://time.com/4114886/oxford-word-of-the-year-2015-emoji/ [https://perma.cc/9M27-9TYG].

[5] Janse, A. M., Jarenwattananon, P., & Khalid, A. (2022, Feb. 9). What Skin Color Emoji Should You Use?: The Answer Can Be More Complex Than You Think, NPR. https://www.npr.org/2022/02/09/1078977416/race-chat-emoji-skin-tone-colors [https://perma.cc/6SLA-N4RT].

[6] См. Oh, Y. (2015, Nov. 17). Oxford Dictionaries 2015 Word of the Year Is an Emoji. PBS NewsHour. https://www.pbs.org/newshour/nation/oxford-dictionary-says-the-2015-word-of-the-year-is-an-emoji [https://perma.cc/K6YE-SHFE].

[7] См. Robinson, B. (2019, Sept. 7). Emojis: An Essential Tool for Innovative Business Communication? Forbes. https://www.forbes.com/sites/bryanrobinson/2019/09/07/emojis-an-essential-tool-for-innovative-business-communication-really/ [https://perma.cc/K6YB-VUM8].

[8] См. Rubino, K. (2022, Nov. 1). Wachtell Associates Tasked with Explaining Memes to Partners in Twitter v. Musk Legal Battle. Above The Law. https://abovethelaw.com/2022/11/wachtell-associates-tasked-with-explaining-memes-to- partners-in-twitter-v-musk-legal-battle/ [https://perma.cc/4VDQ-9XFB].

[9] См. ниже Раздел I.A.

к этой относительно новой форме доказательств[10]. Эмодзи могут передавать гораздо больше информации, чем просто ссылка на предмет, который они изображают, в зависимости от таких факторов, как демографические и коммуникационные характеристики пользователя[11]. Эмодзи также могут служить весьма важными доказательствами; так, в 2021 г. они упоминались в судебных решениях по делам о дискриминации при трудоустройстве, сексуальных домогательствах и убийствах[12]. В будущем ссылки на эмодзи могут появиться в любом деле, где речь идет об онлайн-коммуникации с предполагаемой поддержкой или опровержением позиций сторон[13]. По этим причинам вопрос о доказательственной базе эмодзи необходимо решать уже сейчас.

Современные юридические исследования, посвященные правовым аспектам эмодзи, либо носят описательный характер и обсуждают только использование эмодзи в судебных заседаниях[14], либо направлены на решение вопросов, имеющих отношение к эмодзи, но не к проблеме доказательств[15]. Лишь в одном комментарии был применен нормативный подход и утверждалось, что в *FRE* необходимо ввести новые правила в отношении эмодзи[16]. В нашем исследовании мы рассмотрим вопрос о том, как *FRE* в их нынешнем виде следует применять к эмодзи как общепринятой форме символов коммуникации.

В данной статье мы также предлагаем стандарты работы с доказательствами в форме эмодзи в соответствии с *FRE*. В Разделе I представлен контекст, необходимый для оценки работы с доказательствами в виде эмодзи, а именно соответствующие положения *FRE*. Затем следует обсуждение доказательственной ценности эмодзи и того, как суды относятся к доказательствам в этой форме. В Разделе II рассматривается вопрос о том, нужно ли объяснять и показывать присяжным эмодзи, которые функционируют как слова, и эмодзи, которые служат невербальными социальными сигналами. Автор приходит к выводу, что присяжным всегда следует показывать соответствующие доказательства с использованием эмодзи по требованию сторон, а не просто зачитывать их. Кроме того, мы утверждаем, что эмодзи нельзя игнорировать и что отправители и получатели сообщений всегда должны иметь возможность дать показания о том, что они хотели выразить с помощью эмодзи и как они восприняли их. Наконец, мы рекомендуем судьям исключать показания третьих лиц о значении эмодзи, кроме случаев, когда показания сотрудников правоохранительных органов позволяют достоверно расшифровать значение эмодзи или когда недоступны отправитель и получатель эмодзи, выражающего невербальное социальное значение, характерное для конкретной культуры.

Результаты исследования

I. ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭМОДЗИ

Раздел I настоящей работы описывает контекст для оценки восприятия присяжными доказательств в виде эмодзи. В Разделе I.A представлены положения *FRE*, которые имеют значение для работы с доказательствами в виде эмодзи. Затем в Разделе I.B рассматривается доказательная ценность эмодзи, которая находится в противоречии с возможностью манипулирования ими сторонами процесса и их неправильного толкования присяжными. Наконец, в Разделе I.C представлены примеры судебной практики в данной области.

A. Положения FRE о работе с доказательствами в виде эмодзи

Допустимость доказательств в виде эмодзи определяет судья, ведущий дело[17]. Для этого эмодзи должны быть направлены на доказательство оспариваемого факта[18]. Если направленность эмодзи на доказательство

---

[10] См. ниже Раздел I.A.

[11] См. ниже Раздел I.A.

[12] См. Goldman, E. (2022, Jan. 9). 2021 Emoji Law Year-in-Review. Tech. & Mktg. L. Blog. https://blog.ericgoldman.org/archives/2022/01/2021-emoji-law-year-in-review.htm

[13] Browning, J. G., & Seale, G. (2015, October). More than Words: The Evidentiary Value of Emoji. For Def.

[14] См., например, (Tenzer & Cangro, 2022; Kirley & McMahon, 2019; Kirley & McMahon, 2018, Browning & Seale, выше прим. 13).

[15] См. (Goldman, 2018; Lidsky & Norbut, 2018).

[16] См. (Janssen, 2018).

[17] Fed. R. Evid. 104(a).

[18] Там же. 401.

спорного факта «существенно перевешивается» опасностью несправедливого предубеждения, определяемого как «неправомерная возможность необоснованно повлиять на решение»[19], то судья может исключить эмодзи из числа доказательств[20]. Например, из-за когнитивного предубеждения, если присяжные могут переоценить доказательную значимость эмодзи[21]. Судьи также могут исключить эмодзи на основании экономии времени судебного заседания[22]; однако ст. 403[23] *FRE* указывает на то, что это основание следует использовать с осторожностью[24]. Кроме того, судья определяет способ представления присяжным самих эмодзи и свидетельских показаний с их использованием[25].

В следующих разделах описываются положения *FRE*, которыми руководствуются судьи первой инстанции при обращении с показаниями, выражающими мнения, и при представлении доказательств. В Разделе I.A.1 описаны стандарты доказывания, регулирующие показания экспертов (*FRE* 702)[26] и рядовых граждан (*FRE* 701)[27]. Далее в Разделе I.A.2 описаны стандарты, связанные с представлением доказательств, включая письменные свидетельства (*FRE* 803(5))[28] и видеодоказательства (*FRE* 403). В совокупности эти разделы обеспечивают правовую основу для надлежащего обращения с доказательствами в виде эмодзи.

1. Показания свидетеля в форме мнения о значении сленга, жаргона и жестов рук: ст. 702 и 701 FRE

Судья, ведущий дело, решает предварительные вопросы о квалификации свидетелей[29]. *FRE* 702 требует, чтобы эксперт обладал «специальными знаниями», которые «помогут присяжным понять доказательства»[30]. Эксперт может дать показания о значении сленга, характерного для конкретной группы, так как они полезны для целей судебного разбирательства в отличие от простого повторения смысла сообщения[31]. В качестве экспертов по жаргону того или иного сообщества могут выступать как лица, изучавшие это сообщество, так и его члены[32].

Сотрудники правоохранительных органов и федеральные агенты обычно выступают в качестве экспертов по сленгу, кодексу поведения и жестам[33]. Например, полицейские помогали расшифровать сленг по теме наркотиков, который использовался в записанных разговорах заключенных[34]. Аналогичным образом специальные агенты помогали расшифровать жаргон, на котором общались сутенеры и работники секс-индустрии[35]. Эксперты также давали показания, позволяющие связать сигналы, подаваемые жестами рук, с конкретными бандами[36].

Эмодзи, использованные в переносном смысле, занимают переходное положение между общеупотребительным языком и сообщениями, требующими объяснения эксперта[37]. Присяжные нуждаются в подсказке эксперта для понимания закодированных сообщений, однако в случае общепонятных эмодзи показания эксперта не только бесполезны для присяжных, но и могут вызвать предубеждение[38]. В качестве альтернативы

---

[19] Там же. 403 (замечание консультационного совета по поводу предложенных норм).

[20] Там же. 403.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] Christopher B. Mueller & Laird C. Kirkpatrick, Federal Evidence § 4:12 (4th ed. 2022).

[25] Fed. R. Evid. 611(a).

[26] Там же. 702.

[27] Там же. 701.

[28] Там же. 803(5).

[29] Там же. 104(a).

[30] Там же. 702.

[31] См. Monique C.M. Leahy, 194 Am. Jur. Proof of Facts 3d, § 40 (2022).

[32] См. David H. Kaye, David E. Bernstein, Andrew Guthrie Ferguson, Maggie Wittlin & Jennifer L. Mnookin, The New Wigmore: A Treatise on Evidence: Expert Evidence § 2.5.3 (3d ed. 2022).

[33] См. в целом Leahy, выше прим. 31, § 40.

[34] См. State v. Berry, 272 A.3d 1, 9-10 (N.J. Super. Ct. App. Div. 2022).

[35] См. Poole v. State, 284 So. 3d 604, 605 (Fla. Dist. Ct. App. 2019).

[36] См. People v. Mazariego, 117 N.Y.S.2d 235 (App. Div. 2014).

[37] Эксперт не имеет права давать показания об общеизвестных аспектах. См. Fed. R. Evid. 701.

[38] См. ниже Раздел II.A.1.

показаниям эксперта осведомленный соучастник[39] также может дать неспециализированное заключение о значении «кодовых слов», использованных соучастниками в записанном разговоре, в котором участвовал свидетель[40]. Однако показания рядовых граждан регулируются *FRE* 701 и в отличие от показаний эксперта такие свидетели должны лично обладать знаниями для дачи показаний о значении закодированных сообщений[41].

2. Предъявление вербальных и невербальных доказательств: ст. 803(5) и 403 FRE

Статья 803(5) *FRE*[42] косвенно признает, что присяжные склонны переоценивать письменные свидетельства[43]. Поскольку записи остаются в распоряжении присяжных во время обсуждения, присяжные могут подсознательно придать записанным показаниям большее значение, чем представленным свидетелем устно[44]. Чтобы избежать «необъективного акцентирования»[45], ст. 803(5) *FRE* разрешает предъявлять письменные свидетельства присяжным только в том случае, если их предлагает противоположная сторона[46]. Во всех остальных случаях такие свидетельства зачитываются под протокол[47].

С другой стороны, люди обычно лучше воспринимают информацию через зрение, чем на слух[48]. Если интонация или выражение лица человека имеют значение и существенны для дела, судья может разрешить сторонам воспроизвести аудиовизуальные записи для присяжных[49]. Однако в соответствии со ст. 403 *FRE* при принятии решения о допуске видеозаписи судья должен учитывать наличие аналогичных доказательств в виде показаний в зале суда[50]. Если судья допускает аудиовизуальную запись, он может ограничить ее показ только соответствующими фрагментами, чтобы не затягивать процесс[51]. Присяжные должны сами определить, насколько достоверна запись и какой вес нужно ей придать[52].

B. Противоречие между доказательственным значением эмодзи и возможностью его искажения и ложной интерпретации

Суды сталкиваются с проблемой того, как обращаться с доказательствами в виде эмодзи, поскольку они обладают совершенно уникальными свойствами[53]. Эмодзи – это 3633[54] общепринятых символа, используемых более 10 миллиардов раз в день[55]. Неизбежно, что одни и те же эмодзи будет иметь разные значения для миллиардов людей, которые используют их по всему миру[56]. В данном разделе мы рассмотрим способы исполь-

---

[39] Fed. R. Evid. 701.

[40] См. United States v. Valbrun, 877 F.3d 440, 443–44 (1st Cir. 2017).

[41] Fed. R. Evid. 701.

[42] Там же. 803(5).

[43] См. Mueller & Kirkpatrick, выше прим. 24, § 8:76; См. также United States v. Judon, 567 F.2d 1289, 1294 (5th Cir. 1978) (суд постановил, что целью ст. 803(5) FRE является предотвращение «излишнего внимания» к записанному факту).

[44] 30B Charles Alan Wright & Jeffrey Bellin, Federal Practice and Procedure § 6857 (2023).

[45] См. United States v. Casoni, 950 F.2d 893, 914 (3d Cir. 1991).

[46] Fed. R. Evid. 803(5).

[47] Там же.

[48] См. George L. Blum, John Bourdeau, Noah J. Gordon, Eleanor L. Grossman, Jill Gustafson, Glenda K. Harnad, Sonja Larsen, Lucas Martin, Kristina E. Music Biro, Karl Oakes, Karen L. Schultz, Jeffrey J. Shampo, Eric C. Surette & Barbara J. Van Arsdale, 29A Am. Jur. 2d Evidence § 932 (2022).

[49] См. Stephen E. Arthur & Robert S. Hunter, Federal Trial Handbook: Civil § 38:6 (2022).

[50] See BLUM ET AL., supra note 48, § 974

[51] См. Arthur & Hunter, выше прим. 49, § 38:6.

[52] См. там же.

[53] См. выше Раздел I.A.

[54] См. Full Emoji List, v15.0, Unicode, http://unicode.org/emoji/charts/fuU-emoji- list.html [https://perma.cc/5ST8-H2GX].

[55] Agnew, Phil. (2018, Jan. 9). 6 Facts About Emojis Found Using New Analysis, BRANDWATCH. https://www.brandwatch.com/blog/6-facts-about-emojis-found-using-new-analysis [https://perma.cc/UT44-6FGQ]; см. также Emoji Statistics. EMOJIPEDIA. https://emojipedia.org/stats [https://perma.cc/SF7H-R8YN] (сообщается, что через мессенджер Facebook (социальная сеть принадлежит Meta, признанной экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. – Прим. ред.) ежедневно пересылается 5 миллиардов эмодзи).

[56] См. выше Раздел I.A.2.

зования эмодзи и возникающие в связи с этим проблемы их интерпретации. В Разделе I.B.1 объясняется, как эмодзи выполняют роль невербальных социальных сигналов, которые могут быть неправильно истолкованы или неверно поняты. Затем в Разделе I.B.2 рассматривается потенциал эмодзи в плане многозначности и контекстуальные факторы, определяющие правдоподобность значения, предложенного той или иной стороной.

1. Возможность неверного истолкования эмодзи, которые служат невербальными социальными сигналами

Люди часто используют эмодзи для усиления смысла, используя методы, схожие с теми, что применяются в разговорном общении лицом к лицу[57]. В цифровом дискурсе жесты-эмодзи, как и сами жесты, могут как подкреплять вербальную коммуникацию («Да 👍»), так и заменять ее («👍» вместо «Да»)[58]. Эмодзи также могут обозначать интонацию («Я люблю тебя ❤️»), которую отправитель может подчеркнуть повторением, как дикторы меняют громкость или высоту тона («Я люблю тебя ❤️❤️❤️❤️❤️»)[59]. Антропоморфные эмодзи, т. е. эмодзи, изображающие лицо человека, передают интонацию непосредственно через выражение лица[60].

Интонация, связанная с антропоморфным эмодзи, может существенно изменить смысл окружающего текста, если значок передает шутливость[61]. Так, в одном судебном разбирательстве предлагалось рассматривать эмодзи «катаюсь по полу от смеха» (🤣)[62] и «высунутый язык» (:P)[63] как обозначение шутливой интонации отправителя. Аналогично, эмодзи «подмигивающее лицо» (😉) указывало на то, что разговор «не был абсолютно серьезным»[64].

Антропоморфные эмодзи также могут указывать на сарказм, показывая противоречие между эмодзи и окружающим текстом[65]. Как человек может сказать «это будет весело» монотонным голосом, так и невеселый смайлик (😒) эмодзи может иметь тот же эффект в онлайн-чате («это будет весело 😒»)[66]. Читатели могут распознать сарказм, когда антропоморфный эмодзи и окружающий его текст противоречат друг другу, поскольку существует тесная связь между тем, как наш мозг воспринимает иронию в словах и в изображении эмодзи[67]. В то же время читатели могут придавать разное значение невеселому смайлу (😒), когда видят его изолированно[68]. Так, в одном из исследований участники дали ему самые разные интерпретации: от депрессии и подозрительности до отсутствия впечатления[69].

Также при изолированном просмотре часто неправильно истолковывают эмодзи, которые содержат одновременно положительные сигналы, например, улыбку, и отрицательные, например, слезы или закрытые глаза[70]. В том же исследовании 54 % респондентов назвали «улыбающееся лицо с открытым ртом и плотно закрытыми глазами» (😆) «позитивным», а 44 % участников – «негативным»[71].

---

[57] См. (Evans, 2017).

[58] См. там же.

[59] См. там же.

[60] См. там же.

[61] См., например, State v. D.R.C., 467 P.3d 994, 1001 (Wash. Ct. App. 2020); Ghanam v. Does, 845 N.W.2d 128, 145 (Mich. Ct. App. 2014); Schram v. Zarak (In re E.Z.), No. 21-CV-06524, 2021 U.S. Dist. LEXIS 212008, at *22 (S.D.N.Y. Nov. 2, 2021).

[62] См. D.R.C, 467 P.3d at 1001.

[63] См. Ghanam, 845 N.W.2d at 145.

[64] См. Schram, 2021 U.S. Dist. LEXIS 212008, at *22.

[65] См. Evans, выше прим. 57, at 125–136.

[66] См. там же.

[67] См. Weissman, B., & Tanner, D. (2018, Aug. 15). A Strong Wink Between Verbal Comprehension and Emoji-Based Irony: How the Brain Processes Ironic Emojis During Language Comprehension. PLOS ONE, https://doi.org/10.13.71/journal.pone.0201727 [https://perma.cc/7FNE-JHJT].

[68] См. в целом Miller, H., Thebault-Spieker, J., Chang, Sh., Johnson, I., Terveen, L., & Hecht, B. (2016). "Blissfully Happy" or "Ready to Fight": Varying Interpretations of Emoji. Grouplens Rsch., Univ. Minn. https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/14757/14606 [https://perma.cc/DM68-C4HX].

[69] См. там же.

[70] См. там же.

[71] См. там же.

Значение, приписываемое невербальному знаку, также может различаться в разных культурах[72]. Например, среди носителей арабского языка смайлик :) символизирует «нечто более поверхностное», чем счастье или радость, и «может даже скрывать гнев или сарказм»[73]. Аналогичным образом, американец может ассоциировать эмодзи «соединенные руки» (🙏) с религией, в то время как японец увидит в нем значение «пожалуйста» или «спасибо»[74]. Американцы также воспринимают жест с соединением большого и указательного пальцев (👌) как «хорошо», в то время как японцы могут понять его как «деньги», а французы – как «ноль»[75]. В некоторых странах этот жест даже является оскорбительным[76].

Эмодзи, изображающие жесты, также имеют разную коннотацию у представителей разных поколений[77]. Представители поколения *Z* назвали эмодзи «большой палец вверх» (👍) «пассивно-агрессивным», в то время как представители старшего поколения обычно рассматривают его как альтернативу утвердительным словам, таким как «да» и «отлично»[78]. Поколение *Z* также используют эмодзи «аплодисменты» (👏), чтобы подчеркнуть свою мысль, тогда как для представителей старшего поколения этот знак обозначает просто аплодисменты[79]. Знак мира (✌), на жаргоне молодого поколения означающий «я не дома», также рассматривался как свидетельство увольнения с работы[80].

Невербальные социальные сигналы – не единственные эмодзи, которые могут иметь разное значение для разных групп. Эмодзи, заменяющие слова, также подвержены неправильному толкованию, если эмодзи предлагается в переносном значении[81]. В следующем разделе мы рассматриваем переносное значение эмодзи и конвенции цифрового дискурса, которые могут повлиять на корректность толкования эмодзи.

2. Возможность переносного значения эмодзи и влияние контекста на вероятность предложенного значения

Эмодзи часто используют, обыгрывая их буквальное значение[82]. Например, изображение крушения поезда было частью следующего сообщения в Интернете: «Заходите вместе со мной в зал федерального суда и приготовьтесь к самому большому [значок крушения поезда] в истории»[83]. Эмодзи «крыса» (🐀) фигурировал в качестве доказательства как форма «очернительства»[84], поскольку это известное обозначение стукача. Три изображения черепа (💀💀💀), отправленных через несколько часов после убийства, были представлены как свидетельство преднамеренности[85]. Эмодзи с бриллиантовым кольцом (💍), часто воспринимаемый как символ брака, также использовался в качестве доказательства того, что в отношениях не было агрессии[86].

---

[72] См. Goldman, выше прим. 15, at 1253.

[73] См. Emotional Pictures, U. ALBANY NEWS CTR. (Nov. 9, 2016), http://www.albany.edu/news/74747.php [https://perma.cc/63AC-82H8] (discussing research by Professor Laurie Beth Feldman).

[74] См. Rawlings, A. (2018, Dec. 11). Why Emoji Mean Different Things in Different Cultures. BBC: Future, https://www.bbc.com/future/article/20181211-why-emoji-mean-different-things-in-different-cultures [https://perma.cc/Q33B-464Y].

[75] См. Cotton, G. (2013, Aug. 13). Gestures to Avoid in Cross-Cultural Business: In Other Words, 'Keep Your Fingers to Yourself! HuffPost. http://www.huffingtonpost.com/gayle-cotton/cross-cultural-gestures_b_3437653.html [https://perma.cc/K6T6-WS44].

[76] См. там же.

[77] См. Hobbs, J., & Mitchell, A. (2022, Oct. 12). Gen Z Canceled the 'Hostile' Thumbs-Up Emoji and Wants to Ban These 9 Others. N.Y. Post. https://nypost.com/2022/10/12/gen-z-has-canceled-the-thumbs-up-emoji-because-its-hostile/ [https://perma.cc/U4SP-UGAK].

[78] См. там же.

[79] (Milott, 2017. P. 67).

[80] См. Crawford v. Mangos Caribbean Rest., No. 18-CV-4450, 2020 U.S. Dist. LEXIS.

[81] См. ниже Раздел I.B.2.

[82] См. (Tang & Hew, 2019) (сообщается об использовании эмодзи для повышения «точности, коммуникабельности и эффективности»).

[83] Это сообщение дало основания для отказа в иске о взыскании долга на основании недобросовестного поведения. См. Scroggin v. Credit Bureau of Jonesboro, Inc., 973 F. Supp. 2d 961, 976 (E.D. Ark. 2013) (цитируется текстовое сообщение).

[84] См. People v. Smith, No. B284766, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 1691, at *19 (Mar. 12, 2019).

[85] См. People v. Lopez, No. 341089, 2019 Mich. App. LEXIS 595, at *6 (Mar. 26, 2019).

[86] См. Commonwealth v. Hunt, No. 18-P-106, 2019 Mass. App. Unpub. LEXIS 142, at *7 n.4 (Feb. 22, 2019)

Однако буквальное значение эмодзи не всегда соответствует его смыслу. Часто эмодзи несут в себе закодированные значения, способствуя незаконной деятельности. Одно из исследований, проведенных в США, показало, что торговцы секс-услугами часто используют эмодзи, чтобы сообщить о том, кого они предоставляют для сексуальной эксплуатации[87]. В частности, согласно этому исследованию, растущее сердце (💗) является общим символом девушки, а вишня (🍒) или цветок вишни (🌸) – символом девственности[88].

На суде обвинители также утверждали, что в эмодзи зашифрованы сообщения о секс-услугах[89]. Так, текстовое сообщение с надписью «is you down fo yo crown (👑)» якобы обозначает «сутенер – король», а фраза «работаем в команде – мечты сбываются», сопровождаемая эмодзи с изображением туфли (👠) и мешка с деньгами (💰), предположительно сигнализирует о «торговле людьми»[90]. Цепочка эмодзи, изображающих следы ног (👣), мешок с деньгами (💰) и знак доллара (💲) или стрелку, направленную вниз (⬇️), вероятно, кодирует фразу «десять пальцев вниз», на жаргоне означающую, что секс-работник работает в своей зоне[91].

Кроме того, в эмодзи могут быть зашифрованы ссылки на наркотики. Изображение лиственного дерева (🌳) – достаточно известный символ марихуаны[92], а эмодзи «облако» (☁️)[93] и «огонь» (🔥)[94] могут указывать на наркотики в целом. Сообщалось также, что принадлежность к банде может обозначать отдельный эмодзи, например, «топливный насос» (⛽)[95], или цепочка эмодзи, например «призрак» и «звезда» (👻⭐)[96].

При определении того, действительно ли сообщение несет в себе закодированное значение, лица, устанавливающие факты, должны помнить, что цифровой дискурс часто регулируется нормами неформального устного, а не формального письменного общения[97]. Интерпретация эмодзи в социальных сетях представляет большую проблему, поскольку нормы дискурса могут различаться на разных платформах и в разных социальных группах[98]. Эти различия обусловлены, по крайней мере частично, разрывом поколений в группах пользователей[99]. Для молодых людей особенно характерны перформативность и гиперболизированность в культуре социальных медиа[100]. Иногда эта коммуникативная культура выходит за пределы социальных сетей и влияет на конвенции дискурса в частных формах общения, например, в текстовых сообщениях[101].

Социальные медиа в целом также снимают сдерживающие факторы у пользователей; по мнению психологов, это связано с эффектом «дистанции» между субъектом коммуникации и аудиторией[102].

---

[87] См. (Whitney et al., 2018).

[88] См. там же, 4280.

[89] См., например, People v. Jamerson, No. A153218, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 940, at *5 (Feb. 6, 2019) (приводятся примеры текстовых сообщений и показаний свидетелей).

[90] Там же, at *6.

[91] См. People v. Webster, No. G055789, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 4504, at *5-6 (July 2, 2019); People v. Flores, No. B304177, 2020 Cal. App. Unpub. LEXIS 6912, at *1–2 (Oct. 22, 2020).

[92] United States v. Loethen, No. 19-CR-04035, 2019 U.S. Dist. LEXIS 208748, at *7 (W.D. Mo. Dec. 2, 2019).

[93] United States v. Westley, No. 17-CR-171, 2018 U.S. Dist. LEXIS 118571, at *9 (D. Conn. July 17, 2018).

[94] См. Johnson v. State, 225 A.3d 769, 778-79 (Md. Ct. App. 2020).

[95] См. Westley, 2018 U.S. Dist. LEXIS 208748, at *14.

[96] См. State v. Snipes, No. W2020-00916, 2021 Tenn. Crim. App. LEXIS 464, at *19–20 (Oct. 4, 2021).

[97] См. в целом (Jones, & Lidsky, 2016).

[98] См. Kim Holmberg & Mike Thelwall, Disciplinary Differences in Twitter Scholarly Communication 1027 (2014) (обсуждаются различные способы использования Twitter (Twitter – социальная сеть, заблокированная на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации. – Прим. ред.) учеными различных дисциплин).

[99] См. (Lidsky & Norbut, 2018. P. 1912).

[100] См. Bennett, J. (2015, Nov. 28). OMG! The Hyperbole of Internet-Speak. N.Y. Times. https://www.nytimes.com/2015/11/29/fashion/death-by-internet-hyperbole-literally-dying-over-this-column.html [https://perma.cc/6Q46-28Q8].

[101] См. там же.

[102] Shpancer, N. (2014, June 24). Why You Might Share More Intimately Online. Psych. Today. https://www.psychologytoday.com/blog/insight-therapy/201406/why-you-might-share-more-intimately-online [https://perma.cc/WS39-HFRS].

Как доказательства, эмодзи представляют ценность, но и несут в себе сложности. В следующем разделе мы рассмотрим, как уникальные свойства эмодзи повлияли на отношение судов к использованию их в этом качестве[103].

C. Судебная практика в отношении эмодзи

С 2017 по 2020 г. число ссылок судов на эмодзи росло в геометрической прогрессии[104]. Только в 2021 г. на них ссылались в 154 решениях судов[105]. Когда эмодзи фигурируют в качестве доказательства, их рассматривают в основном с двух точек зрения: (1) что означает эмодзи[106] и (2) как следует сообщить присяжным о его значении[107]. В разделе I.C.1 описываются показания свидетелей, включая отправителей, получателей, полицейских и федеральных агентов, о значении эмодзи. Далее в разделе I.C.2 рассматривается один из известных подходов к представлению присяжным доказательств в виде эмодзи.

1. Показания отправителей, получателей и представителей правоохранительных органов о значении эмодзи

Только релевантные доказательства в виде эмодзи могут быть предъявлены присяжным[108]. Как правило, эмодзи релевантны лишь в той мере, в какой они сообщают что-либо об отправителе или получателе[109]. Когда против стороны-отправителя предъявляются антропоморфные эмодзи, эта сторона может объяснить, какое значение в них вкладывалось[110]. Например, подросток показал, что среди его друзей конкретный эмодзи обозначает сарказм и, таким образом, содержание его сообщения не являлось угрозой[111]. Аналогичным образом, в судебном процессе по иску местного политика о диффамации гражданин заявил, что его якобы клеветнические замечания были просто шуткой, так как на это указывает соответствующий смайлик[112].

Если эмодзи является общеизвестным знаком шутки, то следователь должен определить, о чем шутил отправитель[113]. Например, в деле о лишении авторских прав истец заявил, что компания *Universal Music Corporation* нанесла ему «существенный и непоправимый ущерб», лишив его авторских прав, тогда как компания утверждала, что «подмигивающий» смайлик указывает на недобросовестность иска[114]. В электронном письме друга истца было написано: «Мне нравится, как тебе был нанесен ‘существенный и непоправимый ущерб’ ;-)», на что истец ответил: «Так и есть ;-)»[115]. По утверждению компании *Universal Music Corporation*, «подмигивающий» смайлик свидетельствует о том, что истец не считает, что лишение прав нанесло ему «существенный и непоправимый» ущерб[116]. Истец же, напротив, показал, что, по его мнению, подмигивающий смайлик его друга относился к канцелярскому обороту речи[117]. Таким образом, по утверждению истца, подмигивание в его сообщении просто повторяло подмигивание друга[118]. В итоге суд принял решение в пользу истца[119].

---

[103] См. ниже Раздел I.C.

[104] См. Goldman, выше прим. 12.

[105] См. там же.

[106] См. ниже Раздел I.C.1.

[107] См. ниже Раздел I.C.2.

[108] Fed. R. Evid. 402.

[109] См. выше Раздел I.A.

[110] См. State v. D.R.C., 467 P.3d 994, 1001 (Wash. Ct. App. 2020) (обвиняемый по делу об угрозах дал показания об использовании им эмодзи с улыбающимся лицом); Ghanam v. Does, 845 N.W.2d 128, 145 (Mich. Ct. App. 2014) (обсуждается использование смайликов в иске о диффамации); Scroggin v. Credit Bureau of Jonesboro, Inc., 973 F. Supp. 2d 961, 967 (E.D. Ark. 2013) (адвокат дал показания об использовании им эмодзи с улыбающимся лицом).

[111] См. D.R.C., 467 P.3d at 1001.

[112] См. Ghanam, 845 N.W.2d at 145.

[113] См., например, Lenz v. Universal Music Corp., No. C 07-3783, 2010 U.S. Dist. LEXIS 16899, at *11-12 (N.D. Cal. Feb. 25, 2010).

[114] См. там же, at *11-12.

[115] См. там же.

[116] См. там же.

[117] См. там же.

[118] См. там же.

[119] См. там же, at *14.

Когда эмодзи не является распространенным знаком шутки, следователь должен определить, действительно ли отправитель шутил. Так, в одном из исков о неэффективной помощи адвоката его правомерность определялась тем, шутил ли отправитель, когда послал по электронной почте предложение «установить виновность клиента» с эмодзи улыбающегося лица (☺️)[120]. Аналогичным образом, в деле об убийстве решался вопрос о том, в шутку ли был отправлен значок «гримаса» (😬) через четыре секунды после сообщения: «Я еще не придумал, как убить его, чтобы не попасться»[121]. В обоих случаях характер иска и текст сообщения повлияли на мнение присяжных. Согласно судебным решениям, значок улыбающегося лица (☺️) свидетельствовал о неискренности предложения адвоката[122], а эмодзи «гримаса» (😬) недостаточно, чтобы опровергнуть доказательства совершения убийства подсудимым[123].

Когда субъективное понимание эмодзи получателем имело значение для дела, получатель также давал показания о своей интерпретации эмодзи[124]. Например, истец по делу о враждебности на рабочем месте описал значение эмодзи «ножницы» (✂️) как уничижительное, утверждая, что он воспринимал рабочую среду как враждебную[125]. В деле о похищении ребенка как отправитель, так и получатель эмодзи «большой палец вверх» (👍) также давали показания об их предполагаемом и воспринимаемом значении[126].

Когда отправители и получатели недоступны или ненадежны, стороны прибегают к помощи экспертов, чтобы сообщить присяжным переносное значение эмодзи[127]. Для этой цели привлекались сотрудники правоохранительных органов[128] и федеральные агенты[129]. Так, по свидетельству детектива одного из районов Сан-Франциско, определенная фраза, включающая эмодзи, «похожа на наклейку на бампере автомобиля, указывающую на торговлю людьми»[130]. Аналогичным образом, два сотрудника правоохранительных органов Лос-Анджелеса на двух разных судебных процессах сообщили, что в эмодзи зашифрован жаргон, связанный с секс-услугами[131]. Федеральный агент, имеющий опыт расследования деятельности уличных банд, преступлений с применением огнестрельного оружия и незаконного оборота наркотиков, показал, что определенный эмодзи в контексте означает «наркотики»[132]. Еще один эксперт по кодовым словам и жаргону, связанным с наркотиками, определил значение другого эмодзи как «очень хорошие наркотики»[133]. Аналогичным образом, по словам сотрудника местных правоохранительных органов, размещение двух определенных эмодзи в социальных сетях было одним из символов конкретной банды[134].

2. Представление эмодзи в обвинительном заключении по делу рынка даркнета

Кроме определения необходимости свидетельских показаний для установления значения эмодзи, Окружной суд США по Южному округу Нью-Йорка рассмотрел также вопрос о том, должны ли присяжные своими

---

[120] См. Scroggin v. Credit Bureau of Jonesboro, Inc., 973 F. Supp. 2d 961, 967 (E.D. Ark. 2013).

[121] См. People v. Addimando, 120 N.Y.S.3d 596, 607 (Ct. Cl. 2020).

[122] See Scroggin, 973 F. Supp. 2d at 967.

[123] См. Addimando, 120 N.Y.S.3d at 597.

[124] См. Bellisle v. Landmark Med. Ctr., 207 F. Supp. 3d 153, 160 (D. R.I. 2016) (сторона, представившая свидетельство о переносном значении эмодзи «ножницы» (✂️))

[125] См. там же.

[126] См. Bardales v. Lamothe, 423 F. Supp. 3d 459, 472 (M.D. Tenn. 2019).

[127] См., например, People v. Jamerson, No. A153218, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 940, at *6 (Feb. 6, 2019) (свидетельство эксперта, что фраза “down fo yo” означает «готовы ли вы признать меня своим королем»); United States v. Westley, No. 17-CR-171, 2018 U.S. Dist. LEXIS 118571, at *9 (D. Conn. July 17, 2018) (свидетельство эксперта, что (👑) обозначает наркотики); State v. Snipes, No. W2020-00916, 2021 Tenn. Crim.' App. LEXIS 464, at *21 (Oct. 4,2021) (свидетельство эксперта, что символы (👻⭐) обозначают принадлежность к банде «Призраки»).

[128] См. Jamerson, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 940, at *6; People v. Webster, No. G055789, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 4504, at *5–6 (July 2, 2019); Snipes, 2021 Tenn. Crim. App. LEXIS 464, at *19–21.

[129] См. Westley, 2018 U.S. Dist. LEXIS 118571, at *14.

[130] Jamerson, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 940, at *6.

[131] См. Webster, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 4504, at *5–6.

[132] См. Westley, 2018 U.S. Dist. LEXIS 118571, at *26.

[133] См. Johnson v. State, 225 A.3d 769, 778-79 (Md. Ct. App. 2020).

[134] См. State v. Snipes, No. W2020-00916, 2021 Tenn. Crim. App. LEXIS 464, at *19–20 (Oct. 4, 2021).

глазами видеть доказательства использования эмодзи или достаточно зачитать им запись[135]. В 2015 г., в ходе судебного процесса над Россом Ульбрихтом, федеральный прокурор пытался связать деятельность Ульбрихта с черным рынком в сети Интернет, известным как «даркнет». Для этого присяжным были предъявлены записи чатов Ульбрихта[136]. Отметив, что «интернет-доказательства», несмотря на запрос, так и не были представлены, судья предложил стороне обвинения и Ульбрихту прояснить свои позиции[137].

Сторона обвинения утверждала, что онлайн-чаты – это «такие же записи, как и любые другие» и их можно зачитать присяжным[138]. Сравнив беседы с расшифровками телеграмм, которые часто зачитываются присяжным, обвинение предложило двум помощникам юристов зачитать сообщения по ролям, поскольку такой способ представления доказательств «проще для понимания присяжными», чем «чтение всего [чата] одним человеком»[139]. Прокурор даже отметил, что ранее они успешно представляли расшифровки телеграмм таким образом и что это доказательство будет предложено только после дачи показаний свидетелем[140].

Ульбрихт возразил, заявив, что «чаты предназначены для восприятия через чтение, а не через слух» и что эмодзи не обязательно передавать устно[141]. Кроме того, Ульбрихт утверждал, что «то, как человек воспринимает и усваивает информацию, очень сильно зависит от того, на каком носителе она представлена»[142]. Если присяжные слышат, но не читают онлайн-переписку, они не воспринимают доказательства ни в том виде, в котором они должны быть получены, ни в том, в котором они существуют[143]. Ульбрихт утверждал, что по этим причинам чаты нужно показывать, а не зачитывать присяжным[144]. По его словам, в этом нет ничего необычного, поскольку вместе с записями, которые трудно воспринимать на слух, присяжным часто предъявляют стенограммы этих записей для прочтения[145].

Рассмотрев оба аргумента, судья постановил, что «в судебном процессе доказательства обычно предъявляются через соответствующие органы чувств», поэтому чаты будут отображаться на экране[146]. При этом он отметил, что «было бы новаторством» приобщать документ к доказательствам без конкретной ссылки на текст в устной форме[147]. Судья также выразил заинтересованность в том, чтобы информация была удобным образом четко донесена до присяжных и остальных участников процесса[148]. Поэтому он также разрешил обвинителю зачитать разговоры одному или вместе со свидетелем[149]. Другим лицам, которые могли бы выступить в роли актера, включая помощников адвокатов, не разрешили зачитывать эти материалы[150], опасаясь, что они могут «сделать определенные искажения» в поддержку позиции своей стороны[151]. Кроме того, должна быть представлена ограничительная инструкция[152]. В ней должно быть указано, что чаты были «изначально в письменной форме» и «нет никаких признаков того, что они передавались устно»[153]. Далее судья должен

---

[135] См. Weiser, B. (2015, Jan. 28). At Silk Road Trial, Lawyers Fight to Include Evidence They Call Vital: Emoji. N.Y. Times. https://www.nytimes.com/2015/01/29/nyregion/trial-silk-road-online-black-market-debating-emojis.html [https://perma.cc/MA5C- UA54].

[136] Transcript of Oral Argument at 4, United States v. Ulbricht, 858 F.3d 71 (2d Cir. 2017) (No. 15-518).

[137] См. там же.

[138] См. там же.

[139] См. там же, at 5.

[140] См. там же.

[141] См. там же, at 8.

[142] См. там же.

[143] См. там же.

[144] См. там же, at 9.

[145] См. там же.

[146] См. там же, at 10.

[147] См. там же.

[148] См. там же.

[149] См. там же, at 9.

[150] См. там же, at 10.

[151] См. там же, at 7.

[152] См. там же, at 9.

[153] См. там же.

был дать указание присяжным «прочитать [чаты]», поскольку «они предназначены для чтения», и «обратить внимание на пунктуацию и эмодзи»[154].

Эмодзи имеют доказательную силу, но их значение нужно расшифровывать с осторожностью. Эмодзи, служащие невербальными социальными сигналами, могут быть истолкованы неправильно, если присяжные не понимают, что именно хотел сказать отправитель[155]. Эмодзи с переносными значениями могут быть неправильно поняты присяжными, так как чем меньше людей осведомлены о переносном значении эмодзи, тем сложнее дать точные показания[156]. Поскольку эмодзи находятся в серой зоне между общими и специальными знаниями, свидетельство о значении эмодзи не всегда необходимо[157]. Однако доказательства в виде эмодзи отличаются от любой другой формы доказательств их конкретным смыслом, что имеет важные последствия для представления сторонами таких доказательств в суде[158].

II. ОЦЕНКА ВОЗМОЖНЫХ СПОСОБОВ РАБОТЫ С ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ В ВИДЕ ЭМОДЗИ В КОНТЕКСТЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Поскольку у эмодзи нет стандартных значений, они могут вызвать недопонимания. Хотя консорциум *Unicode* дает краткое описание всех предлагаемых им эмодзи, эти определения не являются всеобъемлющими[159]. Тонкие культурные различия могут привести к недоразумениям, особенно когда эмодзи и сопровождающее его сообщение содержат культурные отсылки[160]. Аналогичным образом, эмодзи, обозначающий сарказм, шутку или иронию, можно распознать, только если получатель понимает чувство юмора отправителя[161]. В закодированных сообщениях также используются нейтральные на первый взгляд идеограммы для выражения противоправных намерений[162]. Таким образом, сложности возникают тогда, когда значение эмодзи не является четко определенным или человек не уверен, что понимает смысл эмодзи[163].

В Разделе II мы рассмотрим возможные способы использования доказательств в виде эмодзи в контексте судебного разбирательства. В Разделе II.A описываются аспекты, возникающие при определении того, следует ли судам принимать свидетельские показания (экспертов или обычных граждан) относительно значения эмодзи и если да, то когда они должны это делать. В Разделе II.B анализируются вопросы, возникающие, когда суд определяет, как представить присяжным доказательства, связанные с эмодзи. Поскольку эмодзи создают уникальные проблемы толкования, связанные с их предполагаемыми функциями, мы отдельно проанализируем эмодзи, заменяющие слова, и эмодзи, которые функционируют как социальные сигналы.

A. Когда суд должен учитывать показания относительно значения эмодзи?

В этом разделе мы рассмотрим аспекты, возникающие при решении вопроса о том, следует ли принимать свидетельские показания о значении эмодзи. Во-первых, в Разделе II.A.1 мы покажем, когда полезны показания о значении эмодзи, заменяющих слова. Здесь же будет рассмотрен вопрос об уместности показаний сотрудников правоохранительных органов о значении закодированных эмодзи, когда отправитель и получатель эмодзи недоступны или ненадежны. В Разделе II.A.2 мы определим, необходимы ли свидетельские показания о значении эмодзи, обозначающих интонацию и жесты, когда они представлены рядом с угрожающими высказываниями.

---

[154] См. там же, at 9–10.
[155] См. выше Раздел I.B.1.
[156] См. выше Раздел I.B.2.
[157] См. выше Раздел I.A.1.
[158] См. выше Раздел I.A.2.
[159] См. Unicode, выше прим. 54.
[160] (Kirley & McMahon, 2019, at 70).
[161] См. ниже Раздел II.A.2.
[162] См. ниже Раздел II.A.2.
[163] См. выше Раздел I.A.2.

1. Оценка доступности и надежности показаний относительно значения эмодзи, которые заменяют слова

Unicode определяет каждый эмодзи на основе его буквального значения и не дает переносных значений[164]. У присяжных может отсутствовать контекст, необходимый для интерпретации эмодзи; тогда они нуждаются в свидетельских показаниях о его переносном значении[165]. Например, в иске о запугивании свидетелей утверждалось, что эмодзи «лягушка» ( ) был употреблен в редко используемом значении «стукач»[166]. Чтобы обычный присяжный понял этот переносный смысл, необходимы свидетельские показания[167]. В другом таком иске фигурировал эмодзи «крыса» ( )[168]. Поскольку он визуально кодирует слово «крыса», которое распространено в значении «стукач», свидетельские показания будут излишними[169].

Предъявление эмодзи вместе с окружающим текстом иногда может избавить от необходимости давать свидетельские показания о значении эмодзи. Присяжные могут не связать отдельно взятый эмодзи «арахис» ( ) со значением «сумасшедший»[170]. Однако в контексте сообщения «Она что, ?»[171] становится понятнее, что эмодзи «арахис» () заменяет термин «сумасшедший». В сочетании же с ответом получателя: «Да. И тебе нравятся *сумасшедшие*, ха-ха»[172] связь между «арахисом» и «сумасшедшими» становится настолько явной, что показания свидетеля уже не понадобятся.

Однако свидетельские показания необходимы в уголовных делах, где эмодзи кодируют термины, имеющие отношение к незаконным операциям[173]. Эта необходимость в свидетельских показаниях является проблемой для обвинителей, поскольку как отправители, так и получатели закодированных эмодзи могут быть ненадежными или недоступными[174]. Если эмодзи хорошо закодированы, например дерево ( ), обозначающее марихуану, окружено ссылками на «ландшафтные кустарники», «тракторы» и «услуги по стрижке газонов», то отправитель и получатель могут утверждать, что на самом деле они имели в виду законную деятельность по ландшафтному дизайну[175]. Более того, если и отправитель, и получатель являются обвиняемыми по уголовному делу, как в описываемом случае[176], то они могут сослаться на право не давать показания против себя в соответствии с Пятой поправкой и избежать перекрестного допроса и не выступать в суде[177]. Тогда показания отправителя и получателя считались бы недоступными[178].

В конечном итоге показания о закодированном значении эмодзи «дерево» ( ) дали сотрудники правоохранительных органов, поскольку целевая группа Управления по борьбе с наркотиками, Бюро по алкоголю, табаку, огнестрельному оружию и взрывчатым веществам (*ATF*) и других федеральных агентств уже несколько месяцев расследовала дело одного из обвиняемых, известного наркодилера[179]. В этой ситуации показания сотрудников правоохранительных органов о значении эмодзи сыграли ту же роль, что и показания полицейских с расшифровкой сленга, связанного с наркотиками, из записанных в тюрьме телефонных разговоров[180]. Без таких показаний важные фрагменты переписки подсудимых были бы недоступны рядовому члену жюри присяжных.

---

[164] См. Unicode, выше прим. 54.
[165] См. выше Раздел I.B.1.
[166] United States v. Ramirez, No. 15-CR-379, 2021 U.S. Dist. LEXIS 116327, at *19 (S.D.N.Y. June 22, 2021).
[167] См. там же.
[168] См. People v. Smith, No. B284766, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 1691, at *19 (Mar. 12, 2019).
[169] См. там же.
[170] См. United States v. Sheppard, 17 F.4th 449, 452 n.2 (3d Cir. 2021).
[171] См. там же.
[172] См. там же (курсив добавлен).
[173] См. выше Раздел I.A.2.
[174] См. United States v. Loethen, No. 19-CR-04035, 2019 U.S. Dist. LEXIS 208748, at *7 (W.D. Mo. Dec. 2, 2019).
[175] См. там же.
[176] См. там же.
[177] U.S. Const. amend. V.
[178] Fed. R. Evid. 801(a)(1).
[179] См. Loethen, 2019 U.S. Dist. LEXIS 208748, at *2–9.
[180] См. Poole v. State, 284 So. 3d 604, 605 (Fla. Dist. Ct. App. 2019).

В ходе другого судебного дела, связанного с использованием огнестрельного оружия в Нью-Хейвене, специальный агент *ATF* аналогичным образом подтвердил значение многочисленных эмодзи в переписке обвиняемых[181]. Сначала он заявил, что эмодзи «газ» (⛽) в сообщении «Я иду ⛽» символизирует «банду», а последующее сообщение «взял его» – покупателя наркотиков[182]. Позже агент высказал мнение, что эмодзи «облако» обозначает наркотики[183]. Один из обвиняемых оспорил приобщение к делу этих показаний, утверждая, что «большая часть информации из *Facebook* (социальная сеть принадлежит *Meta*, признанной экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. – Прим. ред.), на которую опирался агент для установления достаточных оснований, является 'ерундой'» и что агент «недостаточно полно объяснил [свою] интерпретацию информации»[184]. Окружной суд США по округу Коннектикут отклонил этот аргумент и признал показания эксперта, постановив, что доказательства были достаточными и была «предоставлена интерпретация каждой части информации, полученной из аккаунтов *Facebook* (социальная сеть принадлежит *Meta*, признанной экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. – Прим. ред.), на основе своей подготовки и опыта... расследования деятельности уличных банд, преступлений с применением огнестрельного оружия и незаконного оборота наркотиков»[185].

Возможно, аргумент обвиняемого был отвергнут слишком поспешно, учитывая, что присяжные могут излишне доверять сотрудникам правоохранительных органов, дающим показания в качестве экспертов, и к их интерпретации эмодзи[186]. Статья 702 *FRE* признает этот риск и, соответственно, стремится отсеять ненужные и ненадежные показания экспертов[187]. Показания сотрудников правоохранительных органов могут быть ненужными или ненадежными по нескольким причинам. Во-первых, может возникнуть предвзятость, когда прокурор устанавливает отношения со «своим» экспертом из правоохранительных органов и делает его частью своей команды[188]. В результате эксперт представляет свое мнение об эмодзи таким образом, чтобы оно поддерживало позицию обвинения[189].

Итак, сотрудники правоохранительных органов могут сильнее преувеличить степень единодушия в понимании эмодзи, чем недоступные свидетели[190]. Возможно, именно так и произошло, когда детектив из Сан-Франциско сказал в суде, что фраза «работаем в команде – мечты сбываются 👠💰» была настолько распространена среди офицеров, что «походила на наклейку на бампере автомобиля, указывающую на торговлю людьми»[191]. Если не считать эмодзи, то «работаем в команде – мечты сбываются» – это обычная разговорная фраза, придуманная священнослужителем в 2002 г.[192] Достаточно ли использования эмодзи, чтобы эта фраза стала «походить на наклейку на бампер автомобиля, указывающую на торговлю людьми»?[193] Аналогичным образом, давая показания о том, что для маскировки операций по торговле людьми использовались эмодзи, полицейские из Лос-Анджелеса могли преувеличить связь между фразой «десять пальцев вниз» и секс-

---

[181] См. United States v. Westley, No. 17-CR-171,2018 U.S. Dist. LEXIS 118571, at *13–14 (D. Conn. July 17, 2018).

[182] См. там же.

[183] См. там же, at *25-26.

[184] См. там же.

[185] См. там же.

[186] См. (Capers, 2011) («Общество в целом по-прежнему склонно доверять показаниям полицейских больше, чем другим свидетельствам»).

[187] Fed. R. Evid. 702.

[188] См. (Gross, 1991) (отмечается, что процесс подготовки свидетелей «подталкивает эксперта к отождествлению себя с юристами своей стороны и превращению в верного члена судебной команды»).

[189] См. в целом (Murrie et al., 2013).

[190] Сотрудники правоохранительных органов могут преувеличить степень консенсуса относительно значения эмодзи примерно так же, как эксперты в фармацевтическом деле (Greenland, 2004).

[191] См. People v. Jamerson, No. A153218, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 940, at *6 (Feb. 6, 2019).

[192] Learn and Grow: How Teamwork Makes the Dream Work. It's Your Yale. https://your.yale.edu/learn-and-grow-how-teamwork-makes-dream-work

[193] См. Jamerson, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 940, at *6.

услугами[194]. В рэп-музыке фраза «десять пальцев вниз» обычно означает преданность и приверженность кому-либо или чему-либо[195]. Поскольку присяжные склонны доверять офицерам полиции, существует риск того, что офицер переоценит степень консенсуса в отношении значения эмодзи; это говорит в пользу исключения этих показаний как предвзятых.

Кроме того, присяжные могут непоследовательно интерпретировать показания сотрудников правоохранительных органов по поводу эмодзи, поскольку отношение к полицейским обычно разнится по расовому признаку[196]. Даже когда присяжных инструктируют относиться к показаниям полицейских так же, как к показаниям любого другого свидетеля, «белые присяжные склонны доверять показаниям полицейских, в то время как цветные часто относятся к ним со скептицизмом или даже недоверием»[197]. Скептицизм присяжных может представлять проблему в ситуациях, когда показания полицейских о значении эмодзи полезны, поддаются визуальной проверке и являются единственным доступным источником информации. Так, местный полицейский показал, что одна из уличных банд использует жест «G» при личном общении и эмодзи «призрак» (👻) и «звезда» (⭐) в Интернете, чтобы сигнализировать о принадлежности к этой банде[198]. В пользу правдивости показаний этого офицера говорит тот факт, что банда называлась «Призраки», причем эмодзи (👻) заменял слово «призрак», а жест «G» символизировал первую букву названия (*Ghost Mob*). В таких случаях, когда офицер полиции является единственным доступным источником информации о значении эмодзи, его показания, вероятно, необходимы.

Хотя наличие показаний осведомленного соучастника о значении эмодзи позволило бы избежать проблем, связанных с показаниями полицейских, такая практика остается редкостью. Возможно, это связано с тем, что показания соучастника трудно получить по тем же причинам, что и показания отправителя и получателя сообщений. В следующем разделе мы рассмотрим случаи, когда в целом доступны свидетельские показания о значении эмодзи, служащих невербальными социальными сигналами.

2. Оценка необходимости показаний относительно значения эмодзи, которые служат невербальными социальными сигналами

Когда эмодзи служат невербальными социальными сигналами, они заменяют реальные жесты, интонации и выражения лица[199]. Поскольку намерение, лежащее в основе невербального социального сигнала, зависит от отправителя, то и смысл обычно определяется им[200]. По этой причине отправители часто подтверждают свое намерение использовать эмодзи в качестве невербального социального сигнала[201].

Если в деле об угрозах в Интернете содержатся конкретные планы по нанесению вреда, то суд скорее сочтет их угрозами, чем просто шутками[202]. Есть мнение, что эмодзи, передающие интонацию, могут «обоснованно игнорироваться», если при этом «используются недвусмысленные выражения»[203]. Например, апелляционный суд Калифорнии постановил, что сообщения подростка в Twitter (Twitter – социальная сеть, заблокированная на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации. – Прим. ред.) не были шуткой, хотя он утверждал обратное и в них содержались многочисленные эмодзи, изображающие смех (😂) и аплодисменты (👏)[204]. Эти сообщения содержали угрозы «расстрелять крыло С» его школы во время «1-го урока», предупреждения «всем пригнуться» и заявления о том, что он «достанет пистолет [своего]

---

[194] См. выше прим. 91 и соответствующий текст; см. также выше Раздел I.B.2.

[195] What Does “Ten Toes Down” Mean. DailyRapFacts. https://dailyrapfacts.com/27504/what-does-ten-toes-down-mean/ [https://perma.cc/7GTE-RTw4].

[196] (Steiker et al., 1999).

[197] См. там же.

[198] См. State v. Snipes, No. W2020-00916, 2021 Tenn. Crim. App. LEXIS 464, at *19–20 (Oct. 4, 2021).

[199] См. выше прим. 57–64 и соответствующий текст.

[200] См. выше прим. 124–126 и соответствующий текст.

[201] См. выше прим. 124–126 и соответствующий текст.

[202] См. State v. Locke, 307 P.3d 771, 777–78 (Wash. Ct. App. 2013)

[203] См. Milott, выше прим. 79, at 66.

[204] См. In re L.F., No. A142296, 2015 WL 3500616, at *2 (Cal. Ct. App. June 3, 2015).

кузена»[205]. Поскольку в сообщениях была явная угроза и описывались шаги, которые отправитель собирался предпринять для ее осуществления, цифровое оформление «шутки» с помощью эмодзи не изменило смысл окружающего текста[206].

В подобных делах свидетельские показания о якобы шутливом значении эмодзи служат лишь затягиванию процесса, чего следует избегать, согласно ст. 403 *FRE*[207]. Например, чтобы оценить значение эмодзи «аплодисменты» (👏), присяжным придется определить целевую аудиторию и решить, воспримет ли она этот символ как аплодисменты или как хлопок ладоней, подчеркивающий смысл слов[208]. В конечном итоге это различие не имеет значения, поскольку ни один из этих символов не символизирует шутку, учитывая окружающий текст. Таким образом, показания обвиняемого о значении эмодзи «аплодисменты» (👏) будут лишь тратой времени.

С другой стороны, содержание ст. 403 *FRE* указывает на то, что судья должен осторожно пользоваться правом исключать доказательства на основании затягивания процесса[209]. Кроме того, поскольку нельзя точно провести грань между угрозами, дающими и не дающими право на предъявление иска, эмодзи, выражающие интонацию, могут дать ценную информацию о том, объективно ли в сообщении содержится угроза нанесения вреда[210]. Это особенно важно в делах с участием несовершеннолетних, когда гиперболизированные выражения несовершеннолетнего могут быть неправильно истолкованы[211].

В деле State v. D.R.C.[212] Апелляционный суд штата Вашингтон постановил, что государство не выполнило своей обязанности по доказыванию реальной угрозы. Несовершеннолетняя обвиняемая отправила двум друзьям разные сообщения об убийстве одного из своих родителей; каждое сообщение содержало эмодзи[213]. Обвиняемая показала, что ее сообщения были формой выплеска эмоций и самовыражения и она не предполагала, что они будут восприняты всерьез[214]. Она также показала, что жестокие и преувеличенные выражения были обычным делом среди ее друзей и не подразумевали буквального восприятия[215]. Кроме того, обвиняемая утверждала, что она и ее друзья часто обозначали сарказм с помощью эмодзи[216].

Суд счел существенным, что ранее несовершеннолетняя обвиняемая отправила одному из адресатов сообщения с эмодзи, изображавшими слезы радости (😂), пожимание плечами (🤷‍♀️), лицо с рожками (😈), задорное лицо (🤪) и красное сердце (❤️), которые, по мнению суда, передавали «безошибочный посыл сарказма»[217]. В соответствующем сообщении тому же адресату обвиняемая снова предварила свое сообщение эмодзи «слезы радости» (😂)[218]. Сразу после сообщения второму адресату она отправила эмодзи «катаюсь по полу от смеха» (🤣)[219]. По этим и другим причинам суд постановил, что эти сообщения не были настоящими угрозами[220].

Таким образом, предполагаемый смысл невербального социального сигнала, выраженного в форме эмодзи, часто можно определить по свидетельству самого отправителя[221]. Однако когда используется недвусмысленное

---

[205] См. там же, at *1.
[206] См. там же, at *3.
[207] См. выше Раздел I.A.
[208] См. выше Раздел I.B.1.
[209] См. Mueller & Kirkpatrick, выше прим. 24.
[210] См. выше Раздел I.B.2.
[211] См. выше Раздел I.B.2.
[212] См. State v. D.R.C., 467 P.3d 994, 998 (Wash. Ct. App. 2020).
[213] См. там же.
[214] См. там же, at 999.
[215] См. там же.
[216] См. там же.
[217] См. там же, at 1002.
[218] См. там же, at 1001.
[219] См. там же.
[220] См. там же.
[221] См. выше Раздел I.C.2.

выражение угрозы, эмодзи может быть недостаточно, чтобы изменить смысл окружающего текста[222]. Хотя подростки часто общаются в Интернете гиперболизированно, суды по-разному оценивают значение такого контекста[223].

B. Как суд должен предъявлять доказательства в виде эмодзи присяжным?

Если присяжным приходится визуально интерпретировать эмодзи, они должны видеть его таким, каким его видела соответствующая сторона, с учетом особенностей платформы и версии программного обеспечения, чтобы смысл эмодзи не был искажен[224]. В этом разделе мы проанализируем дополнительные аспекты, возникающие, когда суд определяет, как представить присяжным доказательства в виде эмодзи. В Разделе II.B.1 мы рассмотрим проблемы, возникающие при представлении присяжным эмодзи, которые заменяют вербальные сообщения. Затем в Разделе II.B.2 будут проанализированы проблемы, возникающие при представлении присяжным эмодзи, заменяющих невербальные социальные сигналы.

1. Предъявление присяжным эмодзи, которые заменяют слова

Когда эмодзи заменяет вербальную коммуникацию, его значение можно перевести в слова, поскольку эмодзи функционирует как слово[225]. Как и эмодзи такого типа, сленг также является вербальным, и стороны описывают присяжным его значение в устной форме[226]. Это придает сленгу тот же вес, что и другим свидетельским показаниям[227]. Если бы сленговые сообщения были записаны и предъявлены присяжным в качестве вещественного доказательства, то их значение могло быть понято предвзято[228]. Как отмечено в ст. 803(5) *FRE*, присяжные склонны придавать письменным документам больший вес, чем показаниям живых свидетелей по эквивалентным пунктам, поскольку вещественные доказательства доступны присяжным во время совещания[229]. Чтобы эмодзи, заменяющие слова, имели тот же вес, что и устные показания, они должны быть зачитаны под протокол, как это делается с сообщениями, содержащими сленг.

Если сторонам будет разрешено показывать эмодзи присяжным, это может стать средством для предвзятого подкрепления окружающего текста. Именно это стремится предотвратить ст. 803(5) *FRE*[230]. Поскольку эмодзи легче всего понять в контексте, адвокат может заявить, что для понимания вербального эмодзи необходимо рассматривать его в контексте всего цифрового общения[231]. Однако предъявление эмодзи присяжным вместе с контекстом может привести к тому, что в сферу обсуждения присяжных попадут письменные высказывания, способные исказить их мнение[232]. Чтобы предотвратить риск такой предвзятости, эмодзи, заменяющие слова, должны зачитываться, а не предъявляться визуально.

Кроме того, описание эмодзи не позволит присяжным приписывать эмодзи свой смысл на основе его изображения[233]. Этот риск особенно велик, когда буквальное значение эмодзи не совпадает со значением, предлагаемым в конкретном деле[234]. Например, значение эмодзи «огонь» (🔥), означающее «очень хорошие наркотики», не имеет никакого отношения к изображению огня[235]. По этой причине демонстрация присяжным эмодзи «огонь» (🔥), даже в контексте, мало что даст для понимания, и присяжные могут приписывать

---

[222] См. D.R.C., 467 P.3d at 998.
[223] См. там же.
[224] См. Goldman, выше прим. 15, at 1276.
[225] См. выше Раздел I.B.1.
[226] См. выше Раздел I.A.1.
[227] См. выше Раздел I.A.1.
[228] См. WRIGHT & BELLIN, выше прим. 44, § 6857.
[229] См. там же.
[230] См. там же.
[231] См. Goldman, выше прим. 15, at 1263.
[232] См. там же.
[233] См. выше Раздел I.B.
[234] См. выше Раздел I.B.2.
[235] См. Johnson v. State, 225 A.3d 769, 778-79 (Md. Ct. App. 2020).

символу собственные значения[236]. Аналогичным образом, если эмодзи «облако» (☁️) является ссылкой на наркотики, его демонстрация присяжным может привести к потере времени или путанице[237]. Этот риск наиболее велик, когда присяжные видят эмодзи, но не доверяют показаниям о его закодированном значении[238].

С другой стороны, доказательство, которое можно увидеть, является его «наиболее убедительной» формой[239]. Применительно к эмодзи это говорит в пользу демонстрации эмодзи в соответствующих контекстах вместо его словесного описания. Поскольку присяжные, скорее всего, сами отправляют и получают эмодзи, они вполне могут оценить их значение, представленное вербально[240]. Это создает проблему, поскольку понять переносное значение они могут единственным способом, а именно увидеть его в соответствующем контексте[241]. Хотя эмодзи обычно не предназначены для устной передачи, они должны читаться в контексте всего сообщения отправителя[242]. Таким образом, может потребоваться показать эмодзи присяжным вместо того чтобы описывать его[243].

Если именно визуальный образ эмодзи несет в себе переносный смысл, то предъявление его присяжным в контексте всего сообщения позволит им оценить достоверность значения, предложенного одной из сторон. Одним из известных примеров визуально закодированного значка является эмодзи «персик» (🍑) компании *Apple*; это широко известный эвфемизм для обозначения задницы[244]. Если бы эмодзи «персик» (🍑) был представлен в суде, то присяжные, чтобы оценить правдоподобность предложенного значения, должны были бы увидеть его[245]. Аналогичным образом, когда эмодзи «лиственное дерево» (🥦) предлагается в качестве закодированной ссылки на марихуану, присяжным было бы полезно увидеть эмодзи, потому что изображение лиственного дерева, сделанное *Apple*, похоже на бутон марихуаны[246]. Если для сокрытия истинного смысла сообщения используется контекст ландшафтного дизайна, то такое визуальное кодирование значения «наркотики», характерное для указанной платформы, поддержит версию обвинения[247]. Таким образом, предъявление эмодзи присяжным для визуального осмотра может иметь решающее значение для справедливой оценки предложенного значения эмодзи[248].

2. Предъявление присяжным эмодзи, которые служат невербальными социальными сигналами

Чтобы описать присяжным эмодзи, которые служат невербальными социальными сигналами, необходимо точно определить невербальный эмодзи таким образом, чтобы он имел смысл для присяжных. Например, необходимо точно описать антропоморфный эмодзи, обозначающий шутку[249]. Эмодзи «лицо со слезами радости» (😂) точнее указывает на то, что сообщение является шуткой, чем простое описание «улыбающееся лицо», которое вызывает только самые простые визуальные образы (🙂)[250]. Чрезмерно упрощенное описание может в контексте существенно изменить смысл, воспринимаемый присяжными[251].

---

[236] См. там же.

[237] См. там же.

[238] См. выше Раздел II.A.1.

[239] См. Blum et al., выше прим. 48, § 932.

[240] Эмодзи используют 92 % людей в Интернете. Shaul, Brandy. (2015, Sept. 30). Report: 92 Percent of Online Consumers Use Emoji. Adweek. https://www.adweek.com/performance-marketing/report-92-of-online-consumers-use-emoji-infographic/ [https:// perma.cc/PQ6V-AYAY].

[241] См. Transcript of Oral Argument, выше прим. 136, at 8.

[242] См. там же.

[243] См. там же, at 9–10.

[244] Когда эмодзи «персик» отображается в Google (🍑), визуальное изображение настолько отличается, что связанный с ним смысл исчезает. См. Goldman, выше прим. 15, at 1254.

[245] См. там же.

[246] См. United States v. Loethen, No. 19-CR-04035-SRB-7, 2019 U.S. Dist. LEXIS 208748, at *7 (W.D. Mo. Dec. 2, 2019).

[247] См. там же.

[248] См. там же, at *8 (сообщение о четырех «кустах для ландшафтного дизайна» интерпретировалось как покупка четырех унций марихуаны).

[249] См. выше Раздел I.B.1.

[250] См. Steinmetz, выше прим. 4.

[251] См. выше Раздел I.B.1

Если существует риск, что присяжные припишут значку свои собственные культурные смыслы, то лучше описать, а не показать эмодзи присяжным, но это описание должно быть правильным[252]. Например, без должного объяснения присяжные могут неправильно истолковать сцепленные руки (🙏) как религиозный жест, а не как выражение благодарности[253]. Более пожилые присяжные могут также неправильно истолковать жест «победа» (✌) как символ мира, тогда как среди молодого поколения он означает «я ухожу»[254]. Чтобы присяжные не приписывали эмодзи собственного культурного смысла, лучше описывать их, а не показывать.

Кроме того, жесты, используемые членами банды, передают смысл визуально, но в ходе судебного заседания часто описываются вербально[255]. Поскольку значение имеет только связь между жестом и принадлежностью к конкретной банде, изображение жеста мало что даст для понимания соответствующих вопросов[256]. При этом демонстрация эмодзи затягивает процесс, от чего предостерегает ст. 403 *FRE*[257]. Таким образом, в ходе судебного заседания для удобства и эффективности предпочтительнее четко описать эмодзи[258].

Описание антропоморфного эмодзи, выражающего интонацию, также способствует верному истолкованию таких эмодзи, в отличие от визуального предъявления[259]. Если эмодзи содержат и положительные, и отрицательные сигналы, например, изображение улыбки и слез, то их можно неверно истолковать, если показывать по отдельности[260]. Неясно, в какой степени контекст при демонстрации антропоморфного эмодзи снижает этот риск[261]. Даже если такой эмодзи отображается в контексте, носители арабского языка, например, обычно приписывают выражениям лица иные оттенки, чем носители английского языка, выросшие в США[262]. Таким образом, когда жюри состоит из представителей разных народов, интересам точности отвечает именно описание, а не демонстрация антропоморфных эмодзи[263].

Однако простое указание присяжным, какое значение следует приписать эмодзи, создает иные проблемы. Когда эмодзи должен передать интонацию, одна из сторон может быть заинтересована в том, чтобы усилить предлагаемое значение с помощью тона голоса[264]. Кроме того, когда присяжным требуется более полное понимание смысла эмодзи, «простой идентификатор [улыбающийся эмодзи] уже недостаточен, поскольку существуют различные типы улыбок, оттенки кожи, а некоторые улыбающиеся эмодзи могут иметь другие определяющие характеристики»[265].

Аудиовизуальные записи допустимы в качестве доказательств, когда интонация или выражение лица человека имеют значение[266]. Поскольку эмодзи также передают интонацию, можно предположить, что в соответствующих случаях будет уместно показать присяжным такие эмодзи[267]. Однако вопрос о том, воспроизводить аудиовизуальные записи для присяжных или вместо этого представить те же доказательства в виде показаний, остается на усмотрение суда[268]. Некоторые ученые утверждают, что по возможности следует отдавать предпочтение предъявлению доказательств свидетелем, а не через аудиовизуальную запись[269]. Это

---

[252] См. там же.
[253] См. Rawlings, выше прим. 74.
[254] См. Crawford v. Mangos Caribbean Rest., No. 18-CV-4450, 2020 U.S. Dist. LEXIS 256007, at *43 (N.D. Ga. July 30, 2020).
[255] См. People v. Mazariego, 117 N.Y.S.2d 235, 238 (App. Div. 2014).
[256] См. выше Раздел I.C.2.
[257] См. Fed. R. Evid. 403.
[258] См. Transcript of Oral Argument, выше прим. 136, at 4.
[259] См. Miller et al., выше прим. 68.
[260] См. там же.
[261] См. там же.
[262] См. Emotional Pictures, выше прим. 73.
[263] См. там же.
[264] См. Transcript of Oral Argument, выше прим. 136, at 4.
[265] См. Milott, выше прим. 79, at 67.
[266] См. Arthur & Hunter, выше прим. 49.
[267] См. там же.
[268] См. BLUM ET AL., выше прим. 48, § 974
[269] См. там же.

позволит избежать предвзятости, которая часто возникает в отношении вещественных доказательств во время совещания присяжных[270]. Показания свидетеля, описывающего эмодзи со значением интонации, обеспечат ему тот же вес, что и другим показаниям по аналогичным вопросам[271].

Итак, существует множество причин описывать, а не показывать эмодзи присяжным. Однако возможность прочитать цифровые сообщения, содержащие эмодзи, является для присяжных единственным способом увидеть невербальные социальные сигналы эмодзи в их первоначальной форме[272]. Эмодзи, передающие невербальные социальные сигналы, так же как выражение лица и жесты, предназначены для того, чтобы их видели, а не описывали устно[273]. Как упоминалось в Разделе II.B.1, присяжные сами отправляют и получают эмодзи и, следовательно, с разной степенью регулярности визуально интерпретируют эмодзи[274]. Даже если эмодзи передают сарказм – например, когда эмодзи и окружающий текст противоречат друг другу, – человеческий мозг воспринимает это точно так же, как и саркастическую интонацию[275]. Поэтому, когда присяжные видят доказательства в их первоначальном контексте, они способны распознать значение эмодзи, передающих интонацию.

III. ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ С ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ В ВИДЕ ЭМОДЗИ В КОНТЕКСТЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА НА ОСНОВЕ ФУНКЦИЙ, ВЫПОЛНЯЕМЫХ ЭМОДЗИ

В этом разделе излагается алгоритм работы с доказательствами в виде эмодзи в судебном процессе, основанный на вопросах интерпретации, которые могут возникнуть в связи с предложенным значением эмодзи. Чтобы корректно предъявить присяжным доказательства с использованием эмодзи, судья должен сначала определить, является ли эмодзи заменой слова или невербальным социальным сигналом[276]. Заменой слова[277] будут являться все эмодзи, которые не передают жест, выражение лица или интонацию[278]. В Разделе III.A мы предлагаем новый доказательный критерий, согласно которому эмодзи, заменяющие слова, должны быть классифицированы как передающие либо буквальное, либо переносное значение. Кроме того, в этом Разделе показано, что любой человек, отправляющий и получающий эмодзи, может подтвердить их предполагаемое буквальное значение, в то время как предполагаемое переносное значение эмодзи должен подтвердить квалифицированный свидетель. Наконец, в Разделе III.A говорится о том, что эмодзи, заменяющие слова, всегда должны демонстрироваться присяжным по требованию одной из сторон.

В Разделе III.B изложена рекомендация, что отправители и получатели должны всегда иметь возможность дать показания о предполагаемом значении невербального социального сигнала в форме эмодзи, и последние должны быть показаны присяжным по требованию одной из сторон. Кроме того, мы рекомендуем, чтобы суды, как правило, исключали показания третьих лиц о значении эмодзи.

Какова бы ни была заявленная функция эмодзи, чтобы его можно было предложить в качестве свидетельских показаний, необходимо его определение[279]. Если значение эмодзи оспаривается, судья должен проинструктировать присяжных следующим образом: «Эмодзи – это символы, которые имеют свое значение. Разные люди могут использовать один и тот же эмодзи для передачи разных смыслов. Вам предстоит определить, что означает данный эмодзи для [соответствующей стороны]».

---

[270] См. выше Раздел I.A.2.
[271] См. там же.
[272] См. Transcript of Oral Argument, выше прим. 136, at 8.
[273] См. там же.
[274] См. выше Раздел II.B.1.
[275] См. Weissman & Tanner, выше прим. 67
[276] См. выше Раздел II.
[277] См. выше Раздел I.B.2.
[278] Например, эмодзи «красное сердце» (❤️) символизирует любовь. См. выше прим. 59 и соответствующий текст.
[279] См. выше Раздел I.C.2.

A. Обязанность судьи определить, употреблен эмодзи, заменяющий слово, в буквальном или переносном смысле

Для правильного обращения с эмодзи, заменяющими слова, требуется новый пороговый критерий. С его помощью судья сможет определить, является ли предлагаемое значение эмодзи буквальным или переносным[280]. Для этого судья должен рассмотреть, что изображает эмодзи сам по себе, меняется ли смысл эмодзи в сочетании с соответствующим ему текстовым сообщением и будет ли этот смысл понятен рядовому присяжному. Если предложенное значение эмодзи противоречит его изображению, или значение эмодзи меняется при рассмотрении в контексте, или рядовой присяжный в данной юрисдикции не поймет значение эмодзи, то следует считать, что эмодзи передает переносное значение[281]. В противном случае значение эмодзи нужно считать буквальным[282]. Приведем примеры использования этого критерия на практике.

Когда истец представляет в качестве доказательства эмодзи со значением «крушение поезда», судья должен сначала подтвердить, что эмодзи действительно изображает крушение поезда[283]. После этого судья должен определить, меняется ли смысл, когда эмодзи рассматривается в контексте, например, в сочетании с текстом «Заходите вместе со мной в зал федерального суда и приготовьтесь к самому большому [эмодзи крушения поезда] в истории»[284]. Поскольку смысл эмодзи не меняется в контексте, судья должен окончательно убедиться, что присяжные в данном сообществе поймут, что этот эмодзи сравнивает ожидаемую катастрофичность судебного процесса со столкновением поездов[285]. Присяжные в любом сообществе, вероятно, способны дать такое определение, поэтому эмодзи рассматривается в буквальном смысле.

С другой стороны, эмодзи с изображением короны (👑) будет рассматриваться в переносном значении, когда является отсылкой к секс-услугам[286]. Сопровождающий этот эмодзи текст – “is you down fo yo (👑)” – подтверждает, что типичному присяжному в любом сообществе потребуются свидетельские показания, чтобы понять смысл эмодзи[287]. Аналогичным образом, эмодзи «крыса» (🐀), изображающий грызуна и предлагаемый для значения «стукач», также использован в переносном смысле[288]. Некоторые присяжные знают, что «крыса» – это синоним слова «стукач», однако другим могут потребоваться свидетельские показания, разъясняющие эту связь[289]. В случае сомнений судья должен рассматривать эмодзи как использованные в переносном значении и получить достоверные показания отправителя, получателя, эксперта или соучастника о его значении[290].

1. Буквальное значение эмодзи может подтвердить отправитель или получатель

Когда эмодзи используются в их буквальном значении, отправитель и получатель должны иметь возможность дать показания о том, что они имели в виду или как воспринимали эмодзи. Отправители и получатели эмодзи часто выступают сторонами в судебных процессах, в которых эмодзи выступают в качестве доказательств[291]. Хотя показания отправителя и получателя о буквальном значении эмодзи не слишком полезны для присяжных, они имеют значение в качестве подтверждения[292]. С другой стороны, свидетельские показания третьих лиц не являются полезными для присяжных, поскольку присяжные и сами способны определить

---

[280] См. выше Раздел II.A.1.
[281] См. выше Раздел II.A.1.
[282] См. выше Раздел II.A.1.
[283] См. Scroggin v. Credit Bureau of Jonesboro, Inc., 973 F. Supp. 2d 961, 967 (E.D. Ark. 2013).
[284] См. там же.
[285] См. там же.
[286] См. People v. Jamerson, No. A153218, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 940, at *6 (Feb. 6, 2019).
[287] См. там же.
[288] См. People v. Smith, No. B284766, 2019 Cal. App. Unpub. LEXIS 1691, at *19 (Mar. 12, 2019).
[289] См. там же.
[290] См. выше Раздел III.A.2.
[291] См. выше Раздел I.B.2.
[292] См. выше Раздел I.B.2.

буквальное значение эмодзи, увидев его в контексте[293]. Таким образом, свидетельские показания по поводу эмодзи, которые использовались в буквальном смысле, должны быть ограничены показаниями отправителей и получателей.

2. Переносное значение эмодзи должен подтвердить свидетель

Переносное значение эмодзи должно быть подтверждено показаниями свидетеля, поскольку в противном случае присяжные могут приписать эмодзи буквальное значение[294]. Поскольку показания сотрудников правоохранительных органов могут вызывать сомнения в их надежности и достоверности, судьи должны требовать законодательного закрепления приоритетности показаний соучастников о переносном значении закодированных эмодзи, если таковые имеются[295]. Если показания соучастников недоступны, необходимо подтверждать показания сотрудников полиции с помощью независимых доказательств. Примером такого независимого доказательства может служить использование или получение того же эмодзи отправителем в другом разговоре. Аналогичным образом, подтвердить заявленное значение эмодзи может независимый свидетель. Такое требование подкрепляющих доказательств обеспечит надежность и достоверность показаний сотрудников полиции[296].

Также следует законодательно закрепить требование предоставлять доказательства, подтверждающие показания федеральных агентов, даже если агент является экспертом в области дешифровки и изучал онлайн-переписку сторон в течение долгого времени[297]. Федеральные агенты часто дают показания в качестве экспертов по переносным значениям эмодзи в ходе множества судебных процессов[298], поэтому у них может сформироваться предвзятое отношение[299]. Как следствие, они могут давать показания в пользу обвинения или представлять корректную информацию в выгодном для обвинения свете[300]. Чтобы гарантировать надежность таких показаний, нужно иметь независимые доказательства, подтверждающие значение эмодзи. Такое требование не является излишне ограничительным и обеспечивает надежность и достоверность показаний федеральных агентов.

Если судья допускает показания сотрудников правоохранительных органов, он должен сопроводить их ограничительной инструкцией, чтобы свести к минимуму риск того, что присяжные отнесутся к их показаниям с чрезмерным доверием[301]. Эта ограничительная инструкция может звучать примерно так: «Смысл коммуникативного символа определяется [сообществом или группой] отправителя. Данный свидетель не является членом [сообщества или группы] отправителя. Ваша задача, как лица, устанавливающего факты, определить смысл данного эмодзи с целью [указывается релевантная цель]».

3. Эмодзи, заменяющие слова, следует показывать присяжным в соответствующем контексте по требованию сторон

Поскольку на судебных процессах «доказательства передаются, как правило, через органы чувств», присяжные должны воспринимать коммуникативные символы в том виде, в котором они существуют и предлагаются для толкования[302]. По этой причине эмодзи, заменяющие слова, должны предъявляться присяжным визуально. Поскольку присяжные, вероятно, сами отправляют и получают эмодзи, они могут и должны

---

[293] См. ниже Раздел III.A.3.

[294] См. выше Раздел II.A.1.

[295] См. выше Раздел II.A.1.

[296] См. выше Раздел II.A.1

[297] См. выше Раздел II.A.1.

[298] Один федеральный агент давал показания о закодированном значении эмодзи на нескольких судебных процессах в течение последних трех лет. См. United States v. Loethen, No. 19-CR-04035, 2019 U.S. Dist. LEXIS 208748, at *7 (W.D. Mo. Dec. 2, 2019); United States v. Westley, No. 17-CR-171,2018 U.S. Dist. LEXIS 118571, at *13-14 (D. Conn. July 17, 2018).

[299] См. выше Раздел II.A.1.

[300] См. выше Раздел II.A.1.

[301] См. выше Раздел I.A.

[302] См. Transcript of Oral Argument, выше прим. 136.

оценить смысл эмодзи этого типа. Это можно сделать, только если вы видите, как окружающий текст влияет на значение эмодзи[303]. Даже в случае свидетельских показаний о значении эмодзи присяжные понимают увиденное лучше, чем услышанное[304]. Когда эмодзи имеет переносное значение, основанное на специфическом для конкретной платформы изображении, тогда особенно важно, чтобы присяжные видели связь между эмодзи и его предлагаемым значением[305]. Поэтому эмодзи нужно предъявлять присяжным визуально и в соответствующем контексте.

Обвиняемые по уголовным делам, в которых закодированные эмодзи используются в качестве доказательств, должны иметь право показать их присяжным, поскольку несоответствие между их внешним и предполагаемым значениями может разрушить доводы обвинения[306]. В результате присяжные могут решить, что эмодзи несет именно предполагаемое значение, однако этот риск перевешивается правом обвиняемого в уголовном преступлении поставить под сомнение версию обвинения. Таким образом, демонстрация эмодзи в соответствующем контексте может стать основой для защиты обвиняемого, поэтому ее нельзя запретить.

Судья должен разрешать демонстрацию присяжным текста, окружающего эмодзи, только в тех пределах, которые необходимы для понимания смысла эмодзи. Это важно потому, что демонстрация эмодзи в соответствующем контексте создает возможность для сторон внедрить существенные для себя утверждения в материалы, фигурирующие на совещании присяжных[307]. Объем текста, необходимый для правильной оценки значения эмодзи, зависит от коммуникативной платформы, характера коммуникации и того, что предполагается доказать. Такой подход позволяет достичь баланса между необходимостью определения присяжными смысла эмодзи и минимизацией риска предвзятости[308].

B. Возможность для отправителя и получателя заявить о своем намеренном употреблении эмодзи в значении невербального социального сигнала, что должно быть продемонстрировано присяжным по требованию сторон

В этом разделе говорится о том, что отправители и получатели невербальных социальных сигналов в форме эмодзи всегда должны иметь возможность дать показания о том, как они понимали значение этих символов. Кроме того, мы доказываем, что эмодзи, выражающие невербальные социальные сигналы, должны демонстрироваться присяжным по требованию сторон, чтобы избежать искажений и дать возможность присяжным установить факты. В Разделе III.B.1 объясняется, почему отправитель и получатель должны иметь возможность дать показания о значении эмодзи, выражающих интонацию[309], а также почему такие эмодзи, сопровождающие недвусмысленный текст, нельзя игнорировать[310]. В Разделе III.B.2 доказывается, что присяжные всегда должны видеть эмодзи, выражающие жесты, хотя они и могут приписать им собственное культурное значение[311].

1. Недопустимо игнорировать эмодзи, выражающие интонацию, которые сопровождают недвусмысленный текст

Если в деле фигурируют доказательства в форме эмодзи, то в случае эмодзи, выражающего интонацию, отправитель всегда должен иметь возможность свидетельствовать о своем намерении[312]. Так же, как и выражение лица, высота тона, интонации и громкость голоса, такие эмодзи могут дополнять, усиливать, рас-

[303] См. выше Раздел II.B.1.
[304] См. выше Раздел II.B.1.
[305] См. выше Раздел II.B.1
[306] См. выше Раздел II.B.1.
[307] См. выше Раздел II.B.1.
[308] См. выше Раздел II.B.1.
[309] См. ниже Раздел III.B.1.
[310] См. ниже Раздел III.B.1.
[311] См. ниже Раздел III.B.2.
[312] См. выше Раздел I.B.1.

ширять или существенно изменять смысл текста[313]. Смысл таких эмодзи зависит от отправителя, что делает последнего ценным источником свидетельских показаний, которые всегда должны быть приняты к рассмотрению[314]. Также необходимо рассмотреть показания получателя, поскольку отправитель намеревался быть понятым своей целевой аудиторией[315].

Чтобы правильно оценить значение интонационного эмодзи, присяжные должны увидеть его в контексте, чтобы определить, как он изменяет или усиливает окружающий текст[316]. Известный шуточный эмодзи, например, эмодзи «слезы радости» (😂) нужно увидеть в контексте, чтобы определить, какая часть текста является шуткой[317]. Точно так же присяжные должны увидеть эмодзи «улыбающееся лицо» (🙂) рядом с негативным текстом, чтобы определить, является ли сообщение отправителя саркастическим или серьезным[318]. Присяжные способны сделать такое заключение, потому что человеческий мозг понимает сарказм в эмодзи так же, как в интонации[319].

Если судья разрешит зачитать эмодзи под протокол, соответствующая сторона может исказить смысл сообщения, прочитав весь текст с интонацией, выраженной в эмодзи[320]. Важность защиты от искажения доказательств значительно перевешивает возможный риск того, что существенные тексты попадут в совещательную комнату присяжных[321]. Более того, если присяжным требуется более полное понимание интонационного эмодзи, то простого идентификатора, например, эмодзи «улыбающееся лицо», может быть недостаточно[322]. Чтобы присяжные могли объективно определить значение интонационного эмодзи, им необходимо ознакомиться с доказательствами в форме эмодзи в чистом виде.

Даже если интонационные эмодзи сопровождают недвусмысленный текст, их нельзя обоснованно исключить из числа доказательств[323]. Поскольку в социальных сетях речь часто гиперболизирована, особенно среди молодежи, интонационные эмодзи могут дать важный контекст для оценки того, является ли угрожающий текст реальной угрозой[324]. Даже если присяжные в конечном итоге решат, что интонационный эмодзи не меняет смысл окружающего текста, это решение должно быть принято лицом, устанавливающим факты. Превентивное исключение доказательств из-за предполагаемого затягивания процесса противоречит смыслу ст. 403 *FRE* и препятствует поиску истины[325]. По этим причинам все обвиняемые должны иметь возможность в открытом судебном заседании доказать значение своего сообщения перед лицом, устанавливающим факт.

2. Если отправитель и получатель недоступны и присяжные иначе не могут понять значение эмодзи, то свидетели-эксперты могут дать показания о значении невербального социального сигнала

Как и в случае интонационных эмодзи, значение, придаваемое эмодзи с изображением жестов, зависит от отправителя, поэтому он должен иметь возможность свидетельствовать о подразумеваемом им значении[326]. Если отправитель и получатель такого эмодзи недоступны, то свидетель-эксперт может дать показания о культурно-специфической интерпретации жеста отправителем, если она отличается от того значения,

---

313 См. выше Раздел I.B.1.
314 См. выше Раздел I.B.1.
315 См. выше Раздел II.A.
316 См. выше Раздел I.B.1.
317 См. выше Раздел I.B.1.
318 См. выше Раздел I.B.1.
319 См. выше Раздел I.B.1.
320 См. выше Раздел I.B.1.
321 См. выше Раздел I.B.1.
322 См. выше Раздел I.B.1.
323 См. выше Раздел II.B.2.
324 См. выше Раздел I.B.1.
325 См. выше Раздел I.A.2
326 См. выше Раздел I.B.1; см. также выше Раздел II.

которое могут приписать ему присяжные[327]. Чтобы квалифицироваться в качестве эксперта по значению эмодзи с изображением жеста, свидетель должен принадлежать к тому же культурному сообществу, что и отправитель, или обладать специальными знаниями о культурном сообществе отправителя[328]. Присяжным необходимо предъявлять такие эмодзи по запросу, несмотря на риск того, что они могут приписать им собственное культурно-специфическое значение, поскольку свидетельские показания о значении эмодзи снижают этот риск.

Заключение

Эмодзи, заменяющие слова и невербальные социальные сигналы, всегда должны демонстрироваться присяжным, чтобы они могли ознакомиться с коммуникативными доказательствами в том виде, в каком они существуют и как их предполагается интерпретировать. Исключение доказательств в виде эмодзи на основании затягивания процесса противоречит смыслу ст. 403 *FRE*. Демонстрация эмодзи только в контексте, необходимом для точного толкования, гарантирует, что этой возможностью не будут злоупотреблять для того, чтобы привлечь необоснованное внимание к сопроводительному тексту. Чтобы помочь присяжным в интерпретации доказательств в форме эмодзи, всегда следует принимать показания его отправителя и получателя.

Судья должен подразделить эмодзи, заменяющие слова, на передающие буквальное и переносное значение, поскольку сторонние свидетели могут давать показания только о значении последних. Соучастники, как правило, являются более надежными источниками информации о значении эмодзи, чем сотрудники правоохранительных органов, и их показаниям следует отдавать предпочтение. Когда сотрудники правоохранительных органов дают показания о значении эмодзи, они должны представить независимые подтверждающие доказательства, чтобы избежать возможной предвзятости. Если отправитель и получатель эмодзи недоступны, то любое лицо, лично знакомое с культурным сообществом отправителя, также должно иметь право свидетельствовать о значении эмодзи с изображением жеста. Нельзя игнорировать эмодзи, передающие интонацию, поскольку они дополняют, усиливают, расширяют или существенно изменяют смысл текста.

Список литературы / References

Capers, B. (2011). Crime, Legitimacy, Our Criminal Network, and the Wire. *Ohio State Journal of Criminal Law, 8,* 459, 466.

Evans, V. (2017). The Emoji Code: The Linguistics Behind Smiley Faces and Scaredy Cats. *Science*, *357*(6353), 763. https://doi.org/10.1126/science.aao5728

Goldman, E. (2018). Emojis and the Law. *Washington Law Review*, *93*(3), 1227–1291.

Greenland, S. (2004). The Need for Critical Appraisal of Expert Witnesses in Epidemiology and Statistics. *Wake Forest Law Review*, *39*, 291.

Gross, S. R. (1991). Expert Evidence, *Wisconsin Law Review*, 1113, 1139.

Hurzeler, M. (2023). The Federal Rules of Emojis: A Proposed Framework for Handling Emoji Evidence in Trial Contexts. *Fordham Law Review*, *92*(1), 223–254.

Janssen, E. (2018). Comment, Hearsay in the Smiley Face: Analyzing the Use of Emojis as Evidence. *St. Mary's Law Journal*, *49*(3), 699, 724.

Jones, R. A., & Lidsky, L. B. (2016). Of Reasonable Readers and Unreasonable Speakers: Libel Law in a Networked World. *Virginia Journal of Social Policy and the Law*, *23*(2), 155, 166–67.

Kirley, E., & McMahon, M. (2018). The Emoji Factor: Humanizing the Emerging Law of Digital Speech. *Tennessee Law Review*, *85*(2), 517.

[327] См. Раздел I.B.1.

[328] См. выше Раздел I.A.1.

Kirley, E., & McMahon, M. (2019). When Cute Becomes Criminal: Emoji, Threats and Online Grooming. *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*, *21*(1), 37.

Lidsky, L. B., & Norbut, L. R. (2018). #IU : Considering the context of online threats. *California Law Review*, *106*, 1886, 1907–09.

Milott, P. M. (2017). Emojis and Emoticons in Court. *The Reporter*, *44*(3), 67.

Murrie, D. C., Boccaccini, M. T., Guarnera, L. A., & Rufino, K. A. (2013). Are Forensic Experts Biased by the Side That Retained Them? *Psychological Science*, *24*(10), 1889. https://doi.org/10.1177/0956797613481812

Steiker, C., Kennedy, R., Taylor-Thompson, K., & Silverglate, H. (1999). Contemporary Challenges in the Criminal Justice System. *New York Law School Law Review*, *43*, 79, 86.

Tang, Y., & Hew, K. F. (2019). Emoticon, Emoji, and Sticker Use in Computer-Mediated Communication: A Review of Theories and Research Findings. *International Journal of Communication*, *13*, 2457, 2468.

Tenzer, L. Y. G., & Cangro, A. (2022). An Emoji Legal Dictionary. *University of Pittsburgh Law Review*, *83*(5), 1. https://doi.org/10.5195/lawreview.2022.834

Whitney, J., Jennex, M., Elkins, A., & Frost, E. (2018). Don't Want to Get Caught?: Don't Say It: The Use of EMOJIS in Online Human Sex Trafficking Ads. In *Proceedings of the Fifty-First Hawaii International Conference on System Sciences* (pp. 4273, 4275–80). https://doi.org/10.24251/hicss.2018.537

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 06.02.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 03.09.2024
Дата принятия в печать / Accepted 12.02.2025

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТАТЬИ / INTERDISCIPLINARY ARTICLES

Редактор рубрики *И. Р. Бегишев* / Rubric editor *I. R. Begishev*

Scientific article **https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.202-233**

УДК / UDC 34:004:577.2:612.8

M. Di Salvo[1]

[1] *CrossMediaLabs, Naples, Italy*

The protection of neural rights in the age of neurotechnologies and AI. The ethical challenge for law and neuroscience

Michele Di Salvo, Doctor in Law, CrossMediaLabs; member of Society for Neuroscience; of Federation of European Neuroscience Societies; of The International Neuropsychoanalysis Society; of Cognitive Neuroscience Society
E-mail: Mik.disalvo@gmai.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9531-0591
Research Gate: https://www.researchgate.net/profile/Michele_Di_Salvo
Scholar: https://scholar.google.it/citations?user=kkEikFIAAAAJ&hl=it

Abstract

Objective: to summarize neuroscientific knowledge and experience about neurotechnologies and the neuropsychological, legal, ethical and social consequences of their use; to indicate possible prerequisites for a critical discussion of the legal regulation issues.

Methods: general scientific, abstract-logical, dialectical, phenomenological methods, observation, description, comparative analysis.

Results: a comparative analysis shows that the use of new neurotechnologies lacks clarity and transparency. Moreover, they are studied only superficially and are used without clear documentation for the end user. This is evident, for example, from the recent ruling of the Constitutional Court of Chile. At the same time, excessive and unreasonable efforts are sometimes made to introduce new regulations to create "new rights". This is often the result of insufficient knowledge of the legislator, as well as excessive activity in regulation. It is worth noting that modern society is passionate about the prospects offered by neurotechnology. Success stories, actively broadcast for commercial purposes, create inflated expectations among the population, giving rise to so-called 'neuro-enchantment' and contributing to the spread of "neuromythes". This trend is compounded by a lack of knowledge about the failures and limitations associated with the development of neurotechnology, which creates a distorted view of the real situation. Overcoming these phenomena requires active educational efforts in conjunction with legal regulation mechanisms, in particular, legislation on consumer protection, product safety standards, and antimonopoly legislation.

Scientific novelty: studies of the legal regulation of neurotechnology, as well as studies of neural rights from the perspective of law, ethics and sociology are extremely rare. The article has scientific value as a debatable foundation for future research.

© Di Salvo M., 2025

Practical significance: based on the correct definition and application of neurotechnologies and the latest neuro neuroscientific approaches, as well as on the analysis of recent debates about the need to regulate and introduce "new rights", we conclude that neural rights are already clearly defined. However, their practical application requires the development and strict observance of reliable protection measures in the field of new technologies.

Keywords:
neuroscience, artificial intelligence, neurotechnologies, neurorights

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Di Salvo, M. (2025). The protection of neural rights in the age of neurotechnologies and AI. The ethical challenge for law and neuroscience. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 202–233. (In Russ.). https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.202-233

Научная статья

М. Ди Сальво[1]

[1] *CrossMediaLabs, г. Неаполь, Италия*

Защита нейроправ в эпоху нейротехнологий и искусственного интеллекта. Этические проблемы права и нейробиологии

Микель Ди Сальво, доктор права, CrossMediaLabs; член Нейробиологического общества; Федерации нейробиологических обществ Европы; Международного общества нейропсихоанализа; Общества когнитивной нейробиологии
E-mail: Mik.disalvo@gmai.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9531-0591
Research Gate: https://www.researchgate.net/profile/Michele_Di_Salvo
Scholar: https://scholar.google.it/citations?user=kkEikFIAAAAJ&hl=it

Аннотация
Цель: обобщение нейробиологических знаний и опыта о нейротехнологиях и нейропсихологических, правовых, этических и социальных последствиях их применения; указание возможных предпосылок для критического обсуждения проблемы правового регулирования.
Методы: общенаучные, абстрактно-логический, диалектический, феноменологический методы, наблюдение, описание, сравнительный анализ.
Результаты: сравнительный анализ показывает, что в использовании новых нейротехнологий нет достаточной ясности и прозрачности. Более того, они изучаются лишь поверхностно и используются в отсутствие четкой документации для конечного пользователя. Это очевидно, например, из недавнего постановления Конституционного суда Чили. В то же время иногда прилагаются чрезмерные и необоснованные усилия по введению новых нормативных актов для создания «новых прав». Это часто является следствием недостаточных знаний со стороны законодателя, а также чрезмерной активности в сфере регулирования. Стоит отметить, что современное общество увлечено перспективами, открываемыми нейротехнологиями. Истории успеха, активно транслируемые в коммерческих целях, формируют у населения завышенные ожидания, порождая так называемую нейроочарованность и способствуя распространению «нейромифов». Эта тенденция усугубляется недостаточной информированностью о неудачах и ограничениях, сопутствующих развитию нейротехнологий, что создает искаженное представление о реальном положении дел. Преодоление этих феноменов требует активных просветительских усилий совместно с механизмами правового регулирования, в частности, законодательством о защите прав потребителей, нормами безопасности продукции и антимонопольного законодательства.

Научная новизна: исследования правового регулирования нейротехнологий, а также исследования нейронных прав с точки зрения права, этики и социологии крайне редки. Статья имеет научную ценность как дискуссионный фундамент для будущих исследований.

Практическая значимость: на основе корректного определения и применения нейротехнологий и новейших нейробиологических подходов, а также анализа недавних дебатов о необходимости регулирования и введения «новых прав» мы приходим к выводу, что нейронные права уже получили четкое определение. Однако их практическое применение требует выработки и строгого соблюдения надежных мер защиты в сфере новых технологий.

Ключевые слова:

нейробиология, искусственный интеллект, нейротехнологии, нейроправа

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Ди Сальво, М. (2025). Защита нейроправ в эпоху нейротехнологий и искусственного интеллекта. Этические проблемы права и нейробиологии. *Russian Journal of Economics and Law*, *19*(1), 202–233. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.202-233

Introduction

Neuroscience owes its centrality in the debate on artificial intelligence to an extraordinary cocktail of which various and heterogeneous factors are ingredients: the incredible revolutionary discoveries of the last fifty years, the association between the brain model and the computational model, the privileged role of the brain as the seat of the mind and personality, to mention only the most macroscopic ones.

While the most obvious theoretical implications of neuroscientific discoveries refer to the basic model to be imitated in the development of computer networks (called neuronal networks), the most immediate applications of neuroscientific discoveries take the form of what has been termed neuro-technologies (NTs).

The theoretical model gave impetus to artificial intelligences, which at present would be more appropriate to describe as 'hyper-computational capacity'; the neuro-technological model at the same time works inextricably with AI mechanisms and systems.

It therefore seems central to the debate on the topic of 'AI Ethics' to address the criticalities of the use of NTs, which consequently address the criticalities of AI in the neuroscientific field.

This article aims to address these topics, mainly by referring to the most accredited literature and developing the analysis of NTs (and related AI and data managing) in the fields of education, health, work, and entertainment.

This article does not pretend to be exhaustive, but to indicate the most thought-provoking and most immediately sensitive points on which to pay profound attention in terms of definition, before turning to normative issues.

The article objective is to summarize neuroscientific knowledge and experience about neurotechnologies and neuropsychological (as well as related aspects of artificial intelligence and data management), legal, ethical and social consequences of their use; to provide possible prerequisites for a critical discussion of the legal regulation issues.

Today, this reflection is urgently needed because technology was developed before the discipline of law on which it operates.

Interdisciplinary engagement with NTs combines different methodological approaches and builds on the strengths of each perspective. This review is based on the most widely shared literature from each discipline to enable an assessment of the effectiveness, threats and potential of different types of NTs in relation to individuals, specific socio-demographic groups and for specific social spheres.

Moreover, the fact that the subject is relevant and as urgent as ever is evident from the intense debate and discussion also in commentary on regulatory proposals, which in all the specialised journals involves numerous and heterogeneous researchers (for example, the following reference works: P. S. Gulyaeva, D. V. Bakhteev, & A. A. Shutova; A. A. Shutova & I. R. Begishev; E. A. Alferova, all published in 2023).

Research results

The neuroscientific approach

After the cognitive revolution (Gardner, 1987), the neuroscientific revolution is probably the area in which the integration of transversal specialisations has been most witnessed.

The term neuroscience historically refers to the set of disciplines that study the various morpho-functional aspects of the nervous system through the contributions of numerous branches of biomedical research: from neurophysiology to pharmacology, from biochemistry to molecular biology, from cell biology to neuroradiology techniques.

Historically, they arose with the identification of a neuron as an autonomous and functionally independent cellular unit of the nervous system. The studies carried out to define the neuron properties benefited from advances in various disciplines, in particular using methodologies to measure ionic and molecular displacements at the sub-cellular level and, thanks to original approaches in psychopharmacology, from advances in our knowledge of the integrated systems underlying behavioural variations in the individual.

One of the main topics of discussion for philosophers and scientists in the 20th century was whether 'mental' activities such as thought, emotions, self-awareness and will are different functions from 'cerebral' activities such as the movement of a limb, the perception of a colour, etc., or whether they too represent functional expressions of the neurons that make up the brain. The distinction between mental and cerebral activities, in the light of current knowledge, appears artificial to those practising one of the many disciplines that constitute neuroscience.

Mental and brain activities are in fact simply the unique and indivisible expression of the activities of the neuronal and glial elements that make up the brain. Although the expression is different in quality and in the ways in which it manifests itself, both activities are due to a single mechanism by which neurons communicate with each other and with the rest of the organism.

According to this conception, so-called mental activities must be considered as emergent properties, the result of such a complex sum of simpler neuronal activities that they constitute a quantitative leap that is essentially still undecipherable.

With multi-disciplinary and interdisciplinary approaches, we envisage the possibility of elucidating the mechanisms by which neurons, organised in three-dimensional structures of varying nature and magnitude, process incoming information, store it, if necessary, and emit a behavioural response.

These studies are also beginning to provide fundamentally important information on the nature of mental processes such as consciousness, will, and memory – enormously complex issues that form the core of the third level of brain functions.

It is not surprising, in this context, that more and more neuroscientists and cross-disciplinary research groups engaged in neuroscience have become interested in the great issues of the human mind: from consciousness to free will, from the redefinition of apex concepts, such as life, death, intelligence, the unconscious, memory and not least autism, to the search for neuronal correlates and the neurophysiological basis of psychological theories.

Neurotechnology (NT) and neural rights

Advances in neuro-technological development have led to an increase in the use and accessibility of neurotechnologies (NTs), which allow brain activity to be recorded, analysed and manipulated using neurotechnological devices.

Neurotechnologies are essential for the recovery and preservation of physiological and mental health and thus the quality of life of clinical patients. However, technological advances and research results have led to the

application of these technologies outside the clinical setting. For example, cognitive enhancement is used in the work, education and entertainment environments, where consumer-level devices can be freely purchased on the market and used without supervision.

Since devices can be hacked and data are mostly stored in corporate-owned cloud services, mostly located outside the EU, the question of data security arises. Hacking attacks can cause psychological and physiological damage and threaten the mental identity of users. Their use in work and educational environments requires explicit consent and strong regulation, as there is a danger of burnout, increased stress levels and misuse by authorities and private companies. Furthermore, the high reputation of neuroscience, coupled with the immense seductive power of neurotechnological devices, makes them inseparable from 'neuromyths' and 'neuroenchantments'. This also makes the users of neurotechnology very prone to manipulation.

The first 'organic' debate on neurorights culminated in 2017 with an initial definition of a core set of five neurorights: 'right to mental privacy', 'right to personal identity', 'right to free will', 'right to equal access to mental augmentation', and 'right to protection from algorithmic bias'. These rights indicate which interventions and restrictions on an individual are considered unfair. This necessarily applies not only to isolated individuals, but to all individuals within a socio-political structure, which emphasises aspects such as solidarity, co-determination, and equality.

The NT ethical challenge

Consumer-level devices are rather easy to use and follow the 'plug-and-play' principle. Consequently, it may simply be necessary to establish new rules mainly in the area of privacy and manipulation and access to functions and data. Self-improvement is taking primacy over other organisational and institutional goals at the expense of other values and social relations. In this context, it is certainly necessary to rethink how a society's notion of disability is co-constructed through these technologies. However, not all NTs function superficially. Some have to be surgically implanted into the brain. The differences in invasiveness, risks, complications, side effects and degree of commitment to the product required by invasive and non-invasive NTs are not clear to the public.

The implications and consequences of both NT methods are manifold and differ drastically. From the ethical point of view, particular attention must be paid to NT, as its real field of action is the brain. Interventions and manipulations on the brain hold immense disruptive potential insofar as they influence the autonomous actions and self-perception of the individual.

Furthermore, in the case of devices used to improve performance beyond medical applications, it is important to consider what changes they can trigger in society, what dependencies they create and to what extent and at what price these devices offer an improvement in people's lives in real terms.

Neurotechnology

1. Invasive neurotechnology

The use of invasive NT requires neurosurgical procedures in which electrodes or stimulation devices are placed directly on or inside the brain. There are varying degrees of invasiveness among NTs. Electrode grids placed in the extradural space are less invasive because they do not perforate brain tissue and can be removed more easily. Sensors placed in the subdural space and those that perforate brain tissue (e.g. Elon Mask's Neuralink system) are considerably more invasive (Yadav et al., 2020).

One of the most frequently used invasive methods is deep brain stimulation that works with an implantable pulse generator (known as IPG) that sends pulses to modulate brain circuits and measure pathological brain activity. It is one of the most important devices in clinical neuroscience developed in the last two decades (Lozano et al., 2019). Its use is indicated for Parkinson's, 'major depression' and obsessive-compulsive disorder, for example (Cagnan et al., 2019).

Use has increased over the years and an estimated 244,000 devices have been implanted globally (Wong et al., 2022).

However, it should be realised that it is still not completely clear how this technology works and exactly what neural effects it causes (Zarzycki & Domitrz, 2020).

Brain-Computer Interface (BCI) implantable systems are another frequently used method: they can record and interpret brain activation via electrodes placed on the brain and give patients the opportunity to communicate and move through brain activation without muscle activity in patients with, for example, amyotrophic lateral sclerosis or quadriplegia (Abdulkader et al., 2015).

Patients can learn to control devices with controlled brain activation patterns via individually adapted systems: trained BCI systems are specialised only on the respective user (Abdulkader et al., 2015). Not only can computers and neuroprostheses be controlled, but researchers have also made it possible for patients with implanted BCI devices to feel touch and sensation with fully robotic arms (Ganzer et al., 2020).

In invasive NT, relevant neuronal groups can be directly stimulated and recorded with a high level of precision and specificity. With such invasive methods, it is possible to reach deeper brain areas that cannot be recorded superficially from the surface of the scalp (Manahan-Vaughan, 2018). Deep brain stimulation is often described as a somewhat reversible technology, in which switching off the pulse generator results in the recrudescence of the original cognitive and motor symptoms (Alomar et al., 2017).

Surgical procedures required for the implantation of invasive NT devices are not without potential risks. There may be perioperative (e.g., convulsions, bleeding), postoperative (e.g., bruising, behavioural changes), technical (e.g., electrode failure, pulse generator malfunction), and stimulation-induced (e.g., dysarthria, confusion) side effects.

In addition to physiological side effects, patients who benefit from invasive NT methods are also at risk of various psychological consequences. Since these invasive devices affect fundamental aspects of the individual self, they can cause significant levels of stress and fear, as well as distortions of self-representation and feelings of agency. Some patients report personality changes and self-extraction when they experience the changes associated with brain stimulation (Baylis, 2013).

Risky surgeries and reactions resulting from a patient's surroundings can influence personality factors (Gilbert et al., 2017). This makes adequate psychological preparation of users indispensable. There are attempts at pre-surgical training with the support of virtual reality (VR) (Iamsakul et al., 2017). However, indirect positive effects of deep brain stimulation on learning and memory have been reported in patients with implants (Suthana & Fried, 2014), while others report impairments in executive functions (Martínez-Martínez et al., 2017) and verbal fluency (Ehlen et al., 2014).

All the possible risks and complications of such surgeries are also the reason why invasive NTs so far have a very limited scope of use in cases of extreme medical necessity but not for the entertainment or improvement of healthy participants. For healthy populations, non-invasive methods are the primary choice.

In this sense, there has been strong pressure and attempts by Elon Musk's 'Neuralink' company to change American medical-clinical regulations and policies to limit invasive devices to a clinical population and to implant Neuralink chips in the healthy human brain for enhancement purposes.

Although the US Food and Drug Administration initially objected due to safety risks, in May 2023 it approved Neuralink chips for testing in a clinical population (PRIME study; Neuralink clinical trial) after preliminary animal studies (Drew, 2024). On its website, Neuralink even proposes this 'clinical step' as a means of obtaining approval for implants in a healthy population.

2. Non-invasive neurotechnology

Apart from invasive NTs, the electrodes or optodes of non-invasive NT devices are only superficially attached to the scalp via, e.g., electrode caps or headbands, to measure fluctuations of the electric current on the scalp (Angrisani et al., 2017) or changes in brain oxygenation of cortical regions (Mihara & Miyai, 2016). Furthermore, the brain can be electromagnetically stimulated non-invasively via transcranial magnetic stimulation (TMS) and transcranial electric current stimulation (tES). Neural activity can be modulated by applying small magnetic pulses, direct current, alternating current or electrical stimulation with random noise (Cinel et al., 2019).

A popular example of non-invasive methods using these NTs is Neurofeedback (NF), a specific form of biofeedback, in which users learn to modulate their brain activation by receiving visual, auditory or tactile feedback.

It was previously used in interventions to reduce symptoms of attention deficit hyperactivity disorder (ADHD), to strengthen and train cognitive functions, e.g., in patients with stroke or multiple sclerosis, among many others (Marzbani et al., 2016).

There are also non-invasive BCI applications where users learn to control external devices, such as prosthetics or spelling devices for speech production (Guy et al., 2018).

There are also 'consumer' neurostimulation devices available, with which manufacturers promise to reduce depression[1] or increase attention and concentration[2] .

Another method based on non-invasive NT is the brain-brain interface in humans (BBI or B2BI) (Jiang et al., 2019). Here, information is extracted from a 'sender brain' and delivered to a 'receiver brain' by combining neuroimaging and stimulation. In this way, brains can communicate directly with each other. These range from very basic forms in which participants 'receive' brain-to-brain information from another person and give answers manually via a keyboard, instead of a simple device controlled by brain activation, to highly sophisticated forms in which communication is based solely on NT (Rao et al., 2014).

An example of such a BBI system is the BrainNet device. Most previous configurations were unidirectional with only a few allowing two-way communication between brains. However, this should not be understood as thought transmission between two people, but as a kind of classification task[3].

This field of NT devices and intercerebral communication is accompanied by visions of rehabilitation support in a therapist-patient context. The question of privacy and mental safety also arises here. For ethical and safety reasons, it has only been attempted with non-invasive devices in healthy populations (Jiang et al., 2019).

In addition to clinical and experimental research applications, non-invasive methods are available for the general population. Commercially available consumer-type devices can be purchased and used by a consumer without professional supervision. They are advertised for different purposes, such as relaxation[4] and cognitive enhancement.

Cognitive enhancement refers to the improvement of psychological, primarily cognitive abilities such as intelligence, attention or creativity in healthy individuals (Nagl-Docekal & Zacharasiewicz, 2022).

Consequently, the natural limits of humans should be exceeded (Almeida & Diogo, 2019). This could be the enhancement/training of cognitive functions and neural efficiency such as executive functions, memory, language or visuospatial processing (Antal et al., 2022), but also the help to meditate/relax or engage in any other form of self-awareness or healing practices. They are also used in rehabilitation clinics for clinical populations that have suffered stroke, multiple sclerosis or ADHD, among others (Marzbani et al., 2016). However, the use of non-invasive devices also carries some, often overlooked, risks.

Since non-invasive methods are only applied superficially to the scalp, only cortex regions can be recorded and stimulated, but not deeper brain regions. This also gives rise to different fields of application.

External recording makes the scalp EEG signal very prone to body and head movements and to artefacts related to eye movements (Wexler & Thibault, 2019).

Furthermore, when the cables are pulled and mechanical pressure is applied to the electrodes, the signal can be influenced externally. Therefore, EEG measurements obtained under more naturalistic conditions, in which

[1] e. g. https://www.flowneuroscience.com/

[2] e. g. https://www.getliftid.com/

[3] The 'sender' focuses on a 17 or 15 Hz flashing LED light. Focusing on one of them will lead to a slightly different brain activation. This pattern is recognised by the system and leads to a stimulation on the other person's brain via an external device. The participants recognise this and can act accordingly. Furthermore, in 2019, the first attempt was made to include more than two brains involved with multiple senders and a receiver (Nam et al., 2021).

[4] e. g. https://choosemuse.com/

users are allowed to move their eyes, head and even whole body naturally, are expected to be heavily contaminated by artefacts not easily distinguishable from brain activity[5].

Near-infrared spectroscopy (NIRS) is more effective than scalp EEG. It is a non-invasive NT that applies near-infrared light to the scalp via optodes and measures the light that is not absorbed. Here, several parameters can tell whether specific areas of the brain contain oxygenated or deoxygenated blood. With this method, the activity levels of brain areas can be deduced. The NIRS is not affected much by movement; however, it is very sensitive to light environments.

One of the main problems in the field of commercial NTs is that little is known about the possible negative side effects. This flaw has been recognised by the scientific community (Ros et al., 2020; Thibault & Raz, 2017) but has not yet influenced the way these interventions are publicised and implemented.

Scientific publications mainly report anecdotes on whether or not study participants reported effects, but rarely are several different aspects of cognitive function tested and reported (Kober et al., 2015; Thibault & Raz, 2017).

Although rare, there is evidence that, for example, NF training can cause negative effects for users. This was found in NF training where its influence on memory performance was tested and a feedback group showed a decrease in performance in short- and long-term memory after training (Kober et al., 2015). This could be due to the reallocation of cognitive resources during the training process, which means that an increase in one domain goes hand in hand with a decrease in another (Sturm et al., 1997). It has been shown in a study of transcranial electrical stimulation (tES) that cognitive enhancement by stimulation shows disturbances in cognitive functions depending on the function that should be enhanced and the brain region stimulated (Iuculano &Cohen Kadosh, 2013).

Moreover, as longitudinal and follow-up studies are scarce, almost no long-term effects are known so far in relation to the possible negative effects of non-invasive NT applications[6].

Another problem is the unreliability of commercial EEG systems with poor data quality. The operation and feedback of NT data are only as good as the technical specifications allowed by the devices. When cables are not well insulated, ambient noise is not properly taken into account, such as the hum of the power line, the classification algorithm includes all this noise in its calculation and adequate feedback cannot be provided. Devices advertised only for enhancement and augmentation are superficially regulated, so there is no strong requirement to measure brain signals with a minimum level of quality. Several commercially available devices tend mainly to record artefacts. Headbands such as *Emotive* or *Muse* seem to record more facial artefacts than brain activation because the electrodes have to be placed directly on the facial muscles (Whitham et al., 2007). Dry electrodes are preferred over wet electrodes, which have higher noise levels and show higher impedances (Mathewson et al., 2017). It therefore remains an open question whether this may also lead to negative effects. Thibault and Wexler concluded in their review on free consumer devices that there is only little evidence that they actually record brain activity or reflect the brain states and activities they claim to measure (Wexler & Thibault, 2019).

The combination of (i) a high propensity to produce false-positive values combined with (ii) a low stability of scores is particularly problematic, as it indicates the initial presence of an abnormality in brain waves, which requires NF training, and its spontaneous remission at a second measurement, which is typically performed after several NF training sessions (Wood et al., 2024).

[5] Compared to eye movements and muscle artefacts, the EEG data related to brain activity are very weak and are in the μV range, as the signal has to make its way through the scalp, dura mater, skin and hair, so the electrical signals from the muscles are very strong and easily overlap the delicate brain signals. Consequently, even frowning, blinking, laughing, etc. in a very imperceptible way disturbs the signal irreparably. This limits the users' possibilities of interaction and movement and should be considered during application. Unfortunately, these problems are barely addressed in practice.

[6] The studies are mainly conducted over the course of several weeks, and it is unclear whether prolonged and regular use over several months to years will have any adverse effects. This is particularly problematic since some of these applications, such as NF, are already used regularly in neurotherapeutic contexts and are advertised for daily use in healthy populations.

Computer security and privacy

One of the main ethical and legal concerns related to the use of NTs is, as with any other modern digital technology, the risk of cyber attacks and being hacked. This concerns not only invasive systems but also, or especially, non-invasive ones.

NT handles a multitude of sensitive user data, i.e. data on the brain, personal information on possible health problems, concentration, etc. (Li et al., 2015). This could lead to PIN mining (Martinovic et al., 2012), data and identity theft (Li et al., 2015). In 2016, a research group termed this threat 'brainjacking', describing the 'ability of attackers to exert malicious control over implants brain' (Pycroft et al., 2016). They describe two different categories of attacks – blind and targeted, and indicate an increase in potential attack methods along with an increase in the complexity of invasive NT therapies.

Protocol adaptation can be done wirelessly. Wireless data transfer can pose a security risk. A research group led by Sundararajan tested the security of a commercially available portable EEG system '*Emotiv Insight*' that can be used with a smartphone app (Bernal et al., 2022).

The device worked with Bluetooth Low Energy and the research team was able to perform a man-in-the-middle attack, allowing it to force unwanted activity on the BCI to intercept and modify information. The intercepted data could also be modified and sent back to the system or Emotiv data, the transfer to the system could be blocked, so the device could not connect to the smartphone.

Such attacks are possible even when the data is encrypted. It is possible to save and obtain private data. When it comes to smartphone-based BCI applications, risks already stem from smartphone security issues. Private data can be accessed, transferred and analysed, so that hackers can attack users of BCI devices (Li et al., 2015). Although the effects are neither lethal nor assumed to be longlasting, they are unpleasant and carry a high psychological risk (Pycroft et al., 2016).

Various countermeasures have already been proposed, including periodic firmware updates, standardisation of NT device manufacturing processes, registration, and bug reports. In addition, the firmware of most IPGs is designed in such a way as to block problematic and dangerous pacing parameters. Whether attackers can circumvent these rules remains to be seen.

Most of these problems are more problematic and relevant for invasive NT devices. For these, we distinguish between recording and stimulation devices. Recording devices mainly involve the risk of data theft and security as seen above or manipulation of the device so that it no longer functions properly. However, there are also situations in which technologies designed to function as recording devices can be manipulated to function as stimulation devices and vice versa. Exploration of these scenarios is decisive for mitigating the effects of so-called neurocrime (Ienca et al., 2022). However, so far, no cases of brainjacking have been noted outside the research context. What has previously been recorded is the damaging control of implantable insulin pumps and cardiac defibrillators (Markosian et al., 2020).

Neuroenchantment and manipulation

Post-industrial societies hold neuroscience in high regard due to the culturally attributed properties of the brain, seen as the material locus of the self and the individual mind.

Consequently, measurable activity patterns in an individual's brain and the opportunity to interact directly with the brain are considered privileged elements (Littlefield, 2018).

The high reputation of neuroscience and its seductive neuro-devices (Giattino et al., 2019) does not prevent the perpetuation of so-called 'neuromyths', i.e. beliefs according to which the brain enjoys great popularity despite being scientifically wrong (van Elk, 2019). In the literature, this is referred to as 'neuromysticism', defined by Armin Raz and his colleagues (Ali et al., 2014).

Apart from erroneous and resilient beliefs, some forms of reasoning seem to be impervious to scientific facts. This phenomenon has been called 'intuitive metaphysics' and describes how an intuitive commitment to specific beliefs such as free will can override scientific evidence during decision-making. People's intuitive ideas about an indeterministic free will are imported and intruded into their representation of neuroscientific scenarios (Rose

et al., 2017). In an experimental scenario, participants were confronted with a hypothetical scenario in which scientists perfectly and deterministically predicted a person's behaviour. In spite of this information, the participants were convinced that even in a perfect prediction scenario, those people might have decided differently and according to their free will.

This phenomenon poses a significant problem that is mostly overlooked. 'Neuro-enchantment' describes the phenomenon whereby people are more likely to believe in products that advertise the ability to measure, stimulate or otherwise interact with the brain (Ali et al., 2014).

This is evidenced by the multitude of products even unrelated to the specific field of the suffix neuro-, such as NeuroRoundbrush, NeuroGum, NeuroWater or NeuroSocks, which can be purchased in shops and online. This persuasion works even when the participants are university students trained in neuro-methods and therefore know that products like this cannot work scientifically. Even though the engineering students knew that mind reading was impossible, they were no more suspicious of a supposed mind-reading machine (Ali et al., 2014). Furthermore, Olson and colleagues were able to show that when participants were made to believe that a machine could read their attitudes towards a topic, they prefered to believe the machine's assessment of their individual attitudes rather than their own (Olson et al., 2023).

Studies such as this show impressively how easily the human mind can be manipulated through NTs, despite the fact that this was only done in a simple experimental context.

This raises the question of how marketing campaigns and consumer-level NT systems can influence our decisions, our attitudes, the feeling of our own agency and the perception of free will.

Experiments such as this one show the threat of NT devices to its users' ability to evaluate. One can only speculate how such manipulations would work outside of the experimental context on lay people without any prior knowledge of neurological topics.

This blind trust in NT devices can have fundamental consequences. In India, Brain Electrical Oscillation Signature Profiling (BEOS) has been used to interrogate alleged criminals in a manner similar to a polygraph test in court, although the reliability has not been proven at all (Conitzer et al., 2019).

The high degree of desirability of the promises made by NTs regarding privileged interaction with one's brain clouds critical thinking. This is crucial with regard to decision-making that should be based on more specific properties of these technologies.

A distinction can be made between invasive and non-invasive technologies, and it is useful, as their properties and capabilities differ considerably. In public communication about NTs these differences are often blurred and foster a specific mechanism that we call here the transfer of reputation between invasive and non-invasive NTs. Comparing the typical properties of invasive and non-invasive NTs reveals a complementary pattern of desirable and undesirable properties of both types of NTs.

Reputation transfer, as the name reveals, describes a confusion between the properties of different groups of technologies, usually leading to a mixture containing only positive features and concomitant neglect of negative features. The focus on the combination of positive features is enhanced by an optimistic tone often seen in public communication about NTs.

In a positively framed context, the desirable properties of NTs receive substantial attention, while the undesirable properties remain largely unattended. Moreover, the failure of these technologies is easily forgotten or reframed as a success[7]. Due to the inherent persuasive power of NTs, users may be led to believe in technologies that do not work as promised and thus run the risk of being manipulated.

Promoting NT literacy is an important step in educating users, manufacturers and professionals to enable safe use.

[7] One example was the exoskeleton worn by a paraplegic patient who was tasked with starting the 2014 World Cup. Although the exoskeleton used was not very different from many other models available at the time, and although several aspects of the prototype demonstration did not work as planned, the public memory of the event is that of a huge breakthrough and a complete success. https://www.livescience.com/46317-world-cup-paralyzed-man-exoskeleton.html

Social implications of neurotechnology

So far, the predominant social application field of NTs is the healthcare sector. Overall, NTs are expected to support a range of conditions, such as Parkinson's disease for tremor arrest, rehabilitation for stroke, Alzheimer's, obsessive compulsive disorder, and addiction. NTs are not only considered (problematic) tools for the medical profession, but visions of their potential application extend beyond health. As such, they have socio-political and socio-cultural implications on the way we live as a society. To do this, it is necessary to focus on three areas as a priority: education, work, and entertainment.

Education: the education sector is susceptible to many technological transformations (Jarke & Breiter, 2019). The possible development and use of NTs in educational contexts raises fundamental questions about the purpose and meaning of education, how learning is understood and what skills future students should be equipped with (Macgilchrist et al., 2024; Rahm, 2023a).

Work: the potential negative and positive implications for workers and companies, when it comes to the development of NTs, require careful consideration. Due to the centrality of work in many people's lives, the particular and unique risks that arise in the workplace (Moradi & Levy, 2020) and the ever-increasing blurring of boundaries between the workplace and the private sphere, require a thorough evaluation of the implications.

Entertainment: although risks and opportunities may be underestimated in the entertainment sector, this area also has implications for how technologies are 'normalised' and introduced into people's lives.

The power of narratives shaping technology and policy development

A sociological engagement with NTs allows us to assess the discourses, narratives and imaginaries surrounding NTs and their implementation in different contexts. This 'talk of artificial intelligence (AI) in being' (Bareis & Katzenbach, 2022) is based on the assumption that the design of digital technologies is not simply a technical development process but is also embedded in broader socio-political, economic and cultural practices.

For instance, the study on political discourses on AI and their definition of resource allocation, infrastructure and organisational projects demonstrates the key role of technological development, policy and discourse in contributing to what the authors consider the 'AI hype'.

This may facilitate the deprioritisation of sober assessments of risk and potential, but it also risks positioning the rise of artificial intelligence as an inevitable path in technological development.

A recent commentary by Lucy Suchman criticises the unquestionable positioning of artificial intelligence as ubiquitous and prevalent. Policy and academic literature have paid much attention to artificial intelligence controversies, instead of problematising artificial intelligence itself (Suchman, 2023).

These studies question the use of hype in influencing and shaping our social understanding of what a technology and its capabilities are. Similarly, neuropsychologists have coined the term 'neuro-hype' to describe an empirically grounded phenomenon in which an over-promise of NT capabilities leads people to firmly believe in its potential – even if scientifically unfounded (Ali et al., 2014).

In summary, these studies show that narratives, discourses and imaginaries about the potential effects of technologies co-construct 'regimes of anticipation' (Adams et al., 2009) in which policy makers feel challenged to respond through policy development and regulation.

The problems and challenges arising from the development of NTs have similarities with the rise of artificial intelligence. Not least because NTs often apply artificial intelligence systems to analyse data, but also because of their alleged ability to infer traits, emotional states and behaviour of individuals.

In the last three decades, we have witnessed the study of 'imaginaries', especially in technological development. According to Rahm, these allow us to analyse how problems and their solutions are understood and the implications that arise from them (Rahm, 2023b). Jasanoff and Kim define them as '*collective, institutionally stabilised and publicly represented visions of desirable futures [...] achievable through and in support of advances in science and technology*' (Jasanoff & Kim, 2015). The focus here lies in collective views and how they are institutionally supported.

Taking the rise of artificial intelligence as an impetus to study the use of NTs in different contexts, we must consider the ambivalent social implications of data-driven technologies. The harms and potentials may resonate in different domains, but the way in which users or those affected are imagined varies from country to country.

The (potential) social implications of NTs must therefore be considered with respect to different socio-technical imaginaries in different social domains. The social implications of NTs reflect existing concerns about the use of data-driven technologies in various social domains. We therefore reconsider the domains of education, work, and entertainment.

Education. The push towards the introduction of artificial intelligence and other data-driven systems in educational contexts often comes with the promise of being able to meet the learners' diverse needs. The development of these technologies, however, is criticised for producing a limited view of what learning and education are (Selwyn, 2022). Through the introduction of these technologies, responsibility for learning and achievement is delegated to the individual learner instead of supporting social relationships as part of the learning process (Macgilchrist et al., 2024).

Labour. The use of data-driven systems poses many problems; they increase the surveillance capacity of workers and produce new possibilities on how workers could be measured and judged (Ajunwa et al., 2017; Manokha, 2020). Artificial intelligence-based technologies are often introduced to support worker well-being. The literature based on this approach criticises the fact that well-being is framed around productivity (Hull & Pasquale, 2018) and therefore provides a limited scope on how it can be discussed in the workplace (Tirabeni, 2023).

Entertainment. the push towards datafication, the ubiquitous collection and use of data are also about entertainment. As the Internet of Things (IoT) and other sensing devices are used in increasing entertainment functions, user data, including their behaviour, are collected (Hallur et al., 2021).

It is therefore important to explore and analyse the underlying social assumptions that require and are made necessary by the introduction of such NTs.

What is a social problem? How do technologies co-construct social problems?

For a social phenomenon to be understood as a social problem, it should be collectively defined as such and be in congruence with a normative understanding held by a group of people (Spector & Kitsuse, 2001). This depends on the various actors and their positions in society to construct a social problem.

Technological development plays a role in the co-construction of social problems as it often relies on problematisation to justify its approach.

The social model of disability challenges the common view of disability as a medical problem or as a problem within the individual (Beckett & Campbell, 2015; Goering, 2015). Instead, it holds society responsible for creating disabling conditions. Recent advances in the development of artificial intelligence are criticised because they are based on a legacy of ableist technology that makes disability problematic and in need of a technological solution. The concept of 'technoabilism' was introduced to describe a '*rhetoric about disability that simultaneously talks about empowering disabled people through technologies and at the same time reinforces ableist clichés about what is good to have body-mind and who counts as valuable'* (Shew, 2020). As NTs focus on improving or enhancing human capabilities or supporting medical conditions, it is crucial to consider how these contribute to a conception and problematisation of humans as imperfect.

Considering the political economy of technology production, the concept of 'sphere transgression' reveals how large players in the technology sector position themselves as experts in multiple domains (Taylor et al., 2023). This then shows that technology produced for a specific purpose is commercialised and adopted in other areas (Sharon & Gellert, 2023). A case in point could be that software created for business purposes is distributed in school environments. According to this argument, a strong democratic society relies on the separation of distinct social spheres. If a company or social actor is able to hold power in several spheres, this damages social cohesion and democracy in general.

School education and training

In the field of education, the ability to measure pupils' concentration levels is seen as a potential benefit of NTs. This measurement could be conducted using headphones and is intended to contribute to the improvement of individual children's learning.

The educational literature addresses a number of concerns regarding the availability and use of neural data. On the one hand, it addresses these concerns as a computer security problem, where the robustness of systems is questioned. On the other hand, it warns against the possibility of data being used for unintended purposes, e.g. for possible commercial purposes. The literature raises the issue of consent and decision-making, where this is to be delegated to the learners' parents or legal guardians.

Apart from data issues, researchers warn against the possibility of manipulation. As children's brains are developing, it is unclear how they respond to NTs: side effects, damage and other undesirable consequences, especially long-term ones, are not clearly studied. This leads to uncertainty about the impact of NTs on typical brain maturation.

Researchers also warn against NTs being introduced into educational settings with false promises. There is no clarity on how these technologies improve educational outcomes. This relates to NT outcomes: there is a possibility that the data generated by these technologies may be unreliable due to changes in the system or changes in students' needs. Furthermore, teachers, parents and students may not have the skills to interpret the data correctly or as intended, which could lead to problems such as stigmatisation. What is considered normal brain functioning may change with the advent of NTs. This may also lead to increased pressure to using NTs.

Similarly, the literature addresses issues related to teachers' skills: they may not know enough about technology or students' brains to effectively use NTs to facilitate learning. Teachers will need to be trained. This relates to the need to adapt pedagogical materials to support NTs. Another aspect mentioned is the importance of teachers' attitudes towards NTs as this would have an impact on the success of adoption in classrooms.

Work

A number of possible use cases in the working environment are mentioned. Recruitment procedures could, in the future, use the analysis of brain data to determine a good fit for an organisation. This is seen as highly problematic in particular with regard to possible misinterpretations as well as racial and gender bias as an area of concern. Then there is the issue of the possible use of NTs to monitor workers in addition to other digitised practices in which workers are monitored. The inability to give consent for workers resulting from power disparities needs to be considered in work contexts. The ability to turn words into text through the use of NTs is a promise of some products already on the market such as Facebook Reality Labs'[8] EMG bracelet and Emotiv headsets that measure brain data.

The literature on labour issues problematises a number of other problems where synergies with other areas can be created.

The unknown long-term effects on workers may relate to brain damage, body integrity, and changes in the integrity of users. This will ruin the intended purpose of introducing NTs to increase health and safety in the workplace.

The massive use of data in the workplace, as part of broader monitoring of workers, is being addressed as a key issue in the workplace. This relates to the potential misuse of data and the risk of it being used in other contexts such as access to housing, loans, insurance and more. The use of NT and its data can lead to many abuses. This is part of similar concerns regarding privacy, accuracy and lack of explainability. There is also the possibility of data being monetised by organisations selling it to third parties.

[8] The social network belongs to Meta, which is recognized as an extremist organization, its functioning is prohibited in the territory of the Russian Federation.

Several studies also mention uncertainty about the performance and capabilities of NTs as an important issue to consider in the workplace. NTs may not be able to adapt to the different situations in which they are used, causing inaccuracies. Tools are positioned as unreliable where their effectiveness is not clear to evaluate.

Due to the power relations that exist in the workplace, workers may also find it difficult to freely consent to the use of NTs in an informed manner. Furthermore, the literature cites increased social pressures and performance standards as a problem when NTs are introduced. Since some people may be more prone to experience stress (arousal), workers may lose opportunities due to their neural structure. This adds another level of discrimination and is exacerbated by other factors related to brain data and resulting parameters. Due to socialisation in educational settings, workers from wealthier backgrounds may have an advantage over others as they may have learnt to use these technologies from a young age.

Entertainment

The discussion on NTs in games, art and other forms of entertainment frames users' emotions around parameters of game success such as confusion, boredom, or satisfaction. There is enthusiasm for the ability to respond to users' cognitive states in real time and adjust the difficulty levels of games, for example, or to use brain data to create art. The ability to control games through brain input may also open up games to a wider group of players, who may have physical disabilities that prevent them from participating in certain games. The enhancement of human creativity is present in the discussion on NT and entertainment.

In the field of entertainment, researchers also raise concerns about optimistic advertising that could mislead what technologies are actually capable of. Similarly, issues of security, IT security, accuracy and data collection are also mentioned. In this sense, researchers warn against the application of medical devices in non-medical contexts.

Promises and objectives of neuropowering

Remarkable are the differences between the goals of NTs in education (improved educational outcomes) versus work (increased productivity) versus entertainment (to counter boredom). While NTs in education are based on the political objective of improving education, e.g. by supporting customised learning, the use of these devices in the workplace is mainly aimed at reducing accidents in safety-critical roles. In entertainment, the aim is to provide more user-centred gaming experiences. Students and workers focus on measuring and inferring mental states such as attention and fatigue levels.

This potentially reconfigures what we socially value in education (here reduced to improved learning) and well-being at work (here reduced to cognitive processes).

Transformation of social relations

When brain data becomes measurable and accessible, it has implications for how we relate to one another. The possible transformation of the relationship between teachers and learners from the relationship between workers and employers is associated with the new parameters made available by NT.

The literature does not necessarily clarify who should have access to the data and with what benefits. It is unclear how possible organisational embeddedness includes and excludes certain groups of actors. Often, however, workers, educators or students are not central parts of the discussion.

This leads us to reflect on the potential skills required to introduce NTs and raises a normative question about what constitutes a 'successful', 'good' or 'ethical' use of these technologies. Teachers' lack of competence with regard to these technologies is seen as a factor contributing to 'unsuccessful' introduction. As with any technology, there is debate about what and who constitutes the 'intended purpose' of NTs and how NTs can be re-appropriated by social actors for (different) purposes or in an attempt to resist their use altogether. Furthermore, evidence suggests that NTs can be easily manipulated and their data falsified if sensors are not used correctly.

Emotions and skills are also negotiated differently in the intended uses of NTs in the three domains we are analysing. Creativity, for instance, is often undervalued in discussions within educational and work contexts, but has a prominent place in discourses on entertainment, indicating a gap in the understanding of its broader

implications. Furthermore, there is a tendency in some literature to oversimplify work environments, focusing exclusively on productivity parameters and neglecting the nuanced interplay of emotions.

NT makes judgements about different emotional and mental states. Furthermore, the interpretation of brain data poses challenges, as emotions such as arousal (stress) can have a dual effect, both supportive and potentially harmful, depending on the context.

The literature rightly raises cybersecurity issues when it comes to the governance, storage and transfer of brain data.

It is imperative to assess who has an interest in brain data and the potential effects on social relations[9].

Considering the various potential actors involved in the use of NTs, it is difficult to assess the potential and risks of NTs. Therefore, the possibility of manipulation or 'neuroenchantment' exists.

Through the introduction of NTs, new social norms are established. Optimisation of the self is taking primacy over other organisational and institutional goals.

One wonders how a society's notion of disability is co-constructed through these technologies. The social model of disability sheds light on the emergence of new norms of cognitive abilities and how these create a conception of human beings that requires 'adjustment'.

Moreover, the promised assessment of people's correct mental states and characteristics is based on the assumption that identities and personalities are 'stable' and 'fixed' (and weighted within a pre-determined range anyway). It does not take into account the complexity of human dynamics and emotions. At the same time, NT development produces an understanding of certain emotions and mental states as 'desirable', 'undesirable' and 'unacceptable' in different social settings. This then shifts the responsibility for managing these mental states onto the individual. Responsibility for performance is an individual pursuit.

Policy makers should also be encouraged to question the potential of Big Tech companies to maintain an ever-increasing control over power in a range of social spheres and the implications this has for social cohesion and democracy more generally.

NTs raise the issue of defining how we as a society want to relate to each other, what our idea of good education and good work is, and who can access these technologies for the benefit of people.

Results from a sociological point of view

Neurotechnologies represent the human brain as a given instead of humans as socially integrated and evolving beings.

NTs operate according to a reductive approach, in which emotions and mental states are isolated from broader social contexts.

This is in stark contrast to sociological research on emotions as socially integrated, i.e. as produced and responsive to social contexts. In socio-technical imaginaries around the NT, the brain becomes a 'fact' before anything else, including personal accounts and interpretations within a social context. In light of these insights, care must be taken to problematise conventional notions, such as 'levels of attention', and consider a fuller range of emotional states, including confusion, boredom and satisfaction, in various domains.

Overall, the inference of people's personality traits is based on the assumption that identities are stable and fixed instead of evolving and changing as part of the continuous transformation and negotiation of social relations. Similarly, the assessment of people's mental states functions in a reductive manner. Complex social contexts and situations are reduced to cognitive states and the brain becomes a source of seemingly factual and objective knowledge. To add another level, only certain emotions are made measurable and thus articulable. This depends on the social domains in which NTs are expected to be used: while NTs in the entertainment sector are intended to measure boredom and satisfaction, those in the work and education sectors measure attention levels and fatigue. Since these technologies tend to provide a simplified understanding of social contexts, the predominant discourse

[9] For example, classroom dynamics could change dramatically if the brain data of all students were available on a screen for all to view.

on NTs undermines the notion that people are embedded and constituted in socio-technical contexts. For example, the social disability model shows how human beings can be constituted as disabled by technologies.

The acquisition, processing and subsequent use of brain data and associated parameters by different social actors reconfigure the way we relate to ourselves and others. NTs can generate knowledge about bodies and brains that is privileged over the embodied experience of one's emotions, feelings and well-being.

As with other socio-technical innovations, there is a danger that new socially expected and accepted 'cognitive performance' norms will develop that lead to the medicalisation and pathologisation of neurodiverse individuals and groups.

Meanwhile, NTs redefine what is conceived as a social problem (requiring a technical solution). For example, socio-technical imaginaries of NT adoption in education define a key problem to be solved as that of attention and concentration levels. Teachers are problematised for being incompetent about what the brain does.

Moreover, human beings are embedded in the existing (and often unequal) power structures in various social spheres. For example, employees have less power than employers in how working conditions are configured. While laws in many countries regulate and protect the interests of employees, this is not the case everywhere and for every sphere of work (e.g. gig workers). Although it is not yet clear who will be able to access brain data and potentially manipulate cognitive processes, research on comparable data-driven technologies has shown how technologies exacerbate and contribute to the unequal distribution of power (Eubanks, 2018).

Socio-technical imaginaries do not remain at the level of discourse, but rather the accompanying anticipations determine how resources are allocated, what and who receives funding, for what kind of 'techno-solutions' and solutions to regulate NTs are sought.

Although this article refers to academic publications, it is clear that the discourses are mainly driven by market players who then make claims in various social spheres[10].

The concept of sphere transgression shows how this leads to and reinforces power imbalances at the socio-political level as it allows the dominant and resource-rich companies to determine a different understanding of the various social spheres and social roles within them (e.g. the 'new learner' or the 'new worker'). Subsequently, these dominant actors are able to set the agenda on what society perceives as social problems in need of neuro-technical 'correction'.

The literature review demonstrates a clear empirical gap on the organisational and day-to-day integration of NTs. It is crucial to assess how different actors negotiate the use of these technologies. Further research should focus on experts in the field and the lived experiences of people involved in NT development.

The basics of neurorights

From an ethical point of view, NTs must consider the opportunities, risks and unintended consequences for society and individuals. On a normative level, the philosophical and ethical foundations on which we must scientifically base ourselves must have a materialistic focus on the human ego, the origin of which is identified in the brain.

Although this approach finds broad academic consensus, there is a danger of 'objectivisation' and reduction of the human being to brain data. On the pure basis of such materialism, the special status of human dignity, which is a value in Europe and the West, would be difficult to sustain and could unintentionally lead to a weakening of the foundations of fundamental rights.

This would be of particular concern for highly vulnerable people (e.g. coma patients, people with cognitive disabilities).

As far as technology design is concerned, concrete technologies offer a broad spectrum of possibilities, but for these a form of impact and implication assessment is required.

[10] This is – it should be made explicitly clear – when scientific and academic research itself is not 'prepared' and financed and implemented directly by the private sector.

With regard to the experiments conducted by Neuralink company, for example, it is necessary to consider the risks for people, as well as the effects that the mere existence of such technologies could have on society as a whole and the unintended consequences (e.g. pressure to adapt to meet new levels of performance only achievable through invasive NTs). However, the opportunities offered by NTs should also be given due consideration.

In order to assess the proposals to be made in this direction, the philosophical-ethical basis of the normative concerns conceptualised as 'neuro-rights' must be taken into account. The orientation point for these considerations are the foundations in the history of ideas, as well as human rights and fundamental European values.

This step is necessary in order to be able to assess the legal level at which neurorights can be meaningfully implemented. This becomes particularly clear in light of the fact that it is claimed to see neurorights as a junction of moral and legal rights (Ienca, 2021a. P. 44). This suggests that the formulated neurorights are not only moral in nature, but also have an inherent claim to be implemented within concrete secular legislation.

There is no moral obligation to positiveise, i.e. to transpose moral rights into legal rights, as morality in itself is sufficient in its claim to validity (Kirchschläger, 2019. P. 28).

From an ethical point of view, the suggestion of the simultaneity of moral and legal rights seems to arise primarily from the way in which the proposed neurorights are presented and imagined. However, if one recognises that not all moral rights per se realise a claim to positivity and if one takes the moral nature of neurorights seriously, one must ask within which moral system neurorights are proposed, what they are aimed at and under what conditions and to what extent they are to be implemented as legal rights within this moral system.

The foundations chosen to propose new neurorights are based on the moral foundations of what has been established in European intellectual history as 'human rights'. The debate on the extent to which human rights themselves are moral or legal rights touches on the transition from natural law to positive law, in which human rights are recognised in legal frameworks both nationally and internationally (Nickel, 2019). This has to be considered in the context of the proposed neurorights.

However, if neurorights within this system are understood as moral obligations with the importance of establishing new rights, the question arises whether legal implementation should be placed at the highest level of the moral system or whether a subsidiary level is more appropriate.

Those who support neurorights repeatedly refer to:

1) freedom of thought and conscience;

2) mental integrity;

3) privacy

and conceptually relate neurorights to these (Ienca, 2021a. P. 44). The concept of personal identity is also taken up (Ienca, 2021a. Pp. 53–54).

Fundamentally, focusing on freedom of thought as the antecedent for other freedoms, along with a materialistic worldview, entails the danger of reducing people and their freedoms to biological functions, instead of focusing on human dignity as a general and inviolable foundation. Although it must be recognised that having freedom is not the same as exercising it, the latter should not become the criterion for the former, as it would not do justice to the complexity and dignity of human existence. At this point, it should be noted that a freedom does not in itself constitute a legal right, nor does the loss of such a freedom automatically represent a loss of rights. However, the intertwining of freedom and rights must be particularly emphasised, especially in the context of human rights, as it was precisely the protection of freedom that was conceptually relevant to the pioneers of human rights (Bielefeldt, 2023; Funke, 2023; Willoweit, 2023). If neurorights were incorporated at a subsidiary legal level, the danger of functionalisation and objectivisation of a human being could be mitigated by the primacy of the dignity concept.

As an unconditional aspect of being human, dignity is a stable and inviolable foundation that transcends ability, origin, gender, wealth, etc., and constitutes rights that protect the most basic ways of being human. Therefore, it seems favourable to base freedom and the right to specific freedoms on human dignity rather than ability/capacity.

At least two neurorights, the right to free will and the right to personal identity, are based directly or indirectly on freedom of thought and conscience. The right to free will constitutively presupposes a form of freedom of thought, since any restriction of thought itself would fundamentally limit the formation of a will.

With regard to the right to personal identity, proponents of neurorights refer to the tradition of John Locke, according to which a person is an intelligent being who possesses both reason and the ability to reflect, recognising oneself as a self, as the same thinking being at different levels, times and places.

NTs could cause such problems of continuity and coherence through brain stimulation, in addition to drugs, hypnosis and other external influences (Ienca & Andorno, 2017, pp. 21-22). Interventions of this kind in thought contradict the right to freedom of thought and conscience, as it is a manipulation of individual thought that is outside the individual's influence and causes changes in the individual.

In principle, the human mind is protected from manipulation with psychoactive substances and other manipulations under Article 18 of the ICCPR. This treaty has been signed by all EU Member States and seems to be unquestionable even within the EU institutions.

The protection of freedom of thought, conscience and religion is an absolute right that cannot be weighed against other rights (Ligthart et al., 2022. Pp. 2–3; Shaheed, 2021. P. 25).

Personal identity also has references to mental integrity, which was claimed as a separate right in one of the first mentions of the neurorights. In terms of content, mental integrity is naturally closely related to freedom of thought. In debates, the distinction is sometimes made that freedom of thought is intended to protect against the intrusion (and extraction) of the human cognitive sphere, while mental integrity is intended to protect against harm (Ienca, 2021a. P. 50).

Schauer (2020) addresses this aspect of protection against harm in his considerations on freedom of thought, but in this context he sees harm prevention as something that should go hand in hand with freedom of thought.

Other scholars regard mental integrity as the counterpart of bodily integrity and argue on this basis that the right to mental integrity can be thought of as analogous to the right to bodily integrity and that this is even more fundamental than the aforementioned right to mental integrity (Craig, 2016).

Malicious interventions via NT, whether intentional by malicious persons or due to technical malfunctions, can be considered a radical violation of mental integrity.

Lavazza and Giorgi (2023) point out in this context that a special feature of NTs is that the (malicious) manipulation of individuals could take place without their knowledge, which distinguishes the dangers of NTs from those of psychoactive substances. Recently, however, Tesink et al. (2024) argued that with the help of a potential extension of the mind through NTs, extended protection of mental integrity might also be possible. It should be noted that they assume that *'[...] the mental states that make up the human mind – including beliefs, desires, and memories – are not only realised by our brain but can also be realised by physical processes and artefacts located outside the brain and even beyond the body'* (Tesink et al., 2024. P. 3).

Based on the concept of privacy, we refer here to the right to mental privacy. Privacy is recognised as an area of concern, just like identity (Goering et al., 2021). Reflections on privacy in the context of neurorights play a key role, where freedom of thought and mental integrity focus on the integrity of the inner level; the main aspect of mental privacy is whether the data read using NTs is sufficiently protected or whether the individual is fully protected from this. A particularly problematic aspect, Yuste argues, is that *'[...] neurodata (i.e. recording of nervous system activity) can be generated unconsciously and often involuntarily'* (Yuste, 2023).

Furthermore, the decoding of brain activity has already been successful in several areas using non-invasive NTs. These include images, emotions and, in combination with artificial intelligence, listening to spoken words (Yuste, 2023).

Most companies distributing consumer products do not treat neural data with the special care required due to their sensitivity (Genser et al., 2024). With regard to consumer privacy and transparency, the findings are cause for concern and need further investigation into how the right to privacy could be enforced and what it includes with regard to NTs.

Looking at the history of the meaning of privacy, it is evident that since the first mention in the essay 'The Right to Privacy' by Warren and Brandeis (1890), who saw this right as a *'right to be left alone'* in the face of the burgeoning tabloid press, it needed constant updating and expansion. From the beginning, the concept of privacy had an inherent protective function against new technologies and their negative effects on human life.

What Warren and Brandeis saw in the spread of cameras expanded to include the possibility of mobile audio recording, digital technologies such as the Internet and, finally, the emerging NTs.

The academic (and legal) discourse followed technological development and elaborated a wide variety of theories on what exactly comprised the right to privacy and, its intellectual child, the right to data protection.

Although, as described above, a materialistic worldview prevails among the arguments in favour of neurorights, there is already a distinction that privacy is primarily aimed at brain data, whereas the aforementioned mental integrity is intended to protect against interference in the cognitive sphere.

If one takes the materialist perspective to its logical conclusion, it could be argued that mental integrity could be reduced to privacy, since the protection of brain data should also include their harmful alteration. The distinction between privacy and mental integrity is thus a distinction not in merit, but in purpose. This distinction may be useful for understanding, but, in principle, regression remains possible, so the separation of privacy and mental integrity would require further argumentative support.

It must be emphasised that considering privacy as merely a matter of protecting data, be it brain, neural or any other data, does not reach the broad dimension that the already established right to privacy should encompass. It is not only a matter of taking and disseminating data, in their case images, but also an unjust intrusion into the personal sphere of a human being.

As far as NT is concerned, it is of utmost importance to keep this dimension of privacy in mind rather than reducing privacy issues to a question of data collection, processing, management, storage, etc. However, data must be addressed and considered, but always with the human being as a whole in mind.

Analysing the foundations of freedom of thought, mental integrity and privacy in the history of ideas, we see particularly clearly that these concepts still form the argumentative basis for the protection of human life in the face of various technical challenges. Based on what was conceptually useful in the past for the formation of specific rights, it is still possible to derive up-to-date considerations today. In this sense, these concepts provide an adequate and stable basis for the demand for new neurorights. One can also recognise the importance of the rights enunciated in neurorights being worthy of protection, although these are by no means necessary, but merely possible derivations leading to the aforementioned rights.

The protection paradigms provided by these foundational concepts are certainly applicable to new technologies such as NTs, even if they were not originally conceived with these in mind. Moreover, the foundations in the history of ideas are not only a conceptual basis, but have themselves been translated into rights.

There are already several rights and treaties on fundamental concepts, of which Article 18 of the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) is a founding element, safeguarding individuals from manipulation through psychoactive substances and other forms of mental interference.

The unanimous endorsement of the ICCPR by the EU Member States and the bloc's support for the integration of the ICCPR with the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR) into a single document underline the EU's commitment to the protection of human rights, including in the NT sphere.

Furthermore, freedom of thought is guaranteed by Article 9 of the European Convention on Human Rights (ECHR).

Considering the area of NTs, it is useful to also consider the freedom of thought aspects of mental integrity and privacy.

As Ienca states: '*If freedom of thought protects the human brain and mind from undue external interference and the right to privacy protects personal information (including mental information) from external intrusion, other normative principles protect the human brain and mind from harm*' (Ienca, 2021a. P. 50).

The right to mental integrity finds legal support in a number of instruments, such as Article 3 of the Charter of Fundamental Rights of the European Union (CFR) and Article 8 of the European Convention on Human Rights (ECHR), all of which affirm the need to respect physical and mental integrity. Moreover, the European Charter of Fundamental Rights explicitly recognises the right to mental integrity, reflecting a broader understanding of human dignity that includes both the physical and psychological dimensions. This perspective is reinforced by similar provisions in the Convention on the Rights of Persons with Disabilities (Article 17), which recognises the fundamental importance of protecting both physical and psychological integrity.

The legal framework provided by Article 17 of the ICCPR and Article 8 of the ECHR constitute the fundamental elements of the right to privacy. Furthermore, the interpretation of Article 17 has been updated through General Comment No. 16 of the ICCPR to explicitly include information obtained or processed by digital means (Office of the High Commissioner for Human Rights, 1988).

The case of Chile on the protection of neural rights[11]

On 8 August 2023, the Chilean Constitutional Court, the first in the world, adopted a ruling destined to remain a milestone on the boundary between technology and the protection of the integrity of the person.

It basically stated that even devices intended to track people's brain activity for 'private use' must be authorised by the health authorities; if the users' data, then, are processed for scientific use, the consent given by the user must be informed, express, specific about the research and its purposes, and dynamic, i.e. required whenever the purpose of the research changes over time.

Lawyer Maite Sanz de Galdeano broke the news at the Global Summit of the Legal Hackers community held on September 8 and 9 in Madrid.

> "The constitutionalisation of neurorights in Chile has opened up the possibility of a 'constitutional protection action' against the commercialisation of a device that puts them at risk. The ruling shows that the lack of specific regulation exposes users to uncontrolled risks, which justifies a particular rigour in the application of the current law and, on the other hand, a reflection on the necessary changes: if these technologies escape the controls of medical devices, in Chile (and in the rest of the states) at least the regulations on consumer protection, product safety and privacy, which currently do not guarantee the safety of users because they do not take into account these new risks, should be reviewed. In terms of neurodata, in addition to the risks to privacy, a 'new' vulnerability of the human being, hitherto unexplored, is revealed: the knowledge and consequent control of brain activity, for purposes that are not exclusively medical. The answer can only be an explicit regulation of neurodata, as a category of sensitive personal data, enabling the defence and development of neurorights. In Europe, the GDPR must be amended in this sense".

The market for hi-tech wearables

The research agency International Data Corporation (IDC) predicted a shipment of around 442.7 million wearable devices in 2024, equivalent to a 6.3 % year-on-year growth.

These are 325 million headsets, 162.2 million connected watches, 33.8 million smart bands, the health monitoring devices, and 2.2 million products in other so-called 'wearable' categories.

In terms of market share, the numbers translate into 62.1 % earbuds, 31 % smartwatches, 6.5 % smartbands and 0.4 % other devices.

We do not know the amount of devices intended to measure our brain and cognitive activities; but we do know that companies such as Elon Musk's Neurolink are already particularly active in this direction.

The Chilean case: wearables and brain activity

Chile is the first country in the world to have legislated on neurotechnology and included the 'rights of the brain' in its Constitutional Charter.

In 2021, an amendment to Article 19 was passed to 'protect the mental integrity and immunity of the brain from the advances and capabilities developed by neurotechnology'[12].

[11] On the broader and more comprehensive topic of the relationship between AI and justice and its implications, see: Di Salvo, M. (2024). Artificial Intelligence and the cyber utopianism of justice. Why AI is not intelligence and man's struggle to survive himself. Russian Journal of Economics and Law, 18(1), 264–279. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.264-279

[12] Capítulo III: De Los Derechos Y Deberes Constitucionales - Senado – República de Chile. https://tramitacion.senado.cl/capitulo-iii-de-los-derechos-y-deberes-constitucionales

Although appearing to be a premature choice, the Chilean parliament preferred to put its hands on the development of neurotechnology, whose ability to act on the human brain is still limited but which applications are spreading beyond the medical field. The case before the Chilean Constitutional Court can be described as a 'pilot case', both in terms of the plaintiff and its genesis.

The plaintiff, Guido Girardi Lavin, is a Member of Parliament and promoter of the protection of human rights also through The Neurorights Foundation, but he brought the case before the judges, first of merit and then constitutional, as a buyer and user of the Insight device, a wireless device that through a band of sensors collects information on the electrical activities of the brain and collects data on gestures, preferences, reaction times and cognitive activity. Insight is produced by a US company, Emotiv.

The case submitted to the Constitutional Court

Girardi Lavin purchased the device via the web and followed the instructions to activate it: he created an account on the company's cloud, agreeing to the terms and conditions; he downloaded software onto his PC, again agreeing to the terms and conditions of service. But he decided to use the free and not the pro licence; a choice that – he reported to the courts – did not allow him to export or import his brain data records.

The plaintiff also pointed out that everything was recorded and saved in Emotiv's cloud. In short, he complained about the potential risk of hacking, surveillance, unauthorised capture, and commercialisation of his neuro-data.

The appeal therefore concerned the violation of the Chilean Data Protection Act (No 19.628) both in the part where it establishes the liability profiles of the data controller; and in the part where it assigns the data owner's right to obtain the deletion or blocking of his data in the event of the closure of his or her account.

Emotiv stores user data for scientific and historical purposes.

Gilardi therefore asked the court to force Emotiv to amend its privacy policy and to prohibit the marketing of the device in Chile until this fulfilment, jointly warning the company to delete its database immediately.

The company argued that Insight is not a medical device but a self-quantification device; that it has no invasive purpose; that the terms and conditions are detailed; that there is a requirement of express consent for both the processing of personal and brain data; and that no proof of actual harm suffered by the plaintiff had been provided.

In addition, Emotiv argued, there had been no violation of either the Chilean Privacy Act or the more restrictive GPDR (General Data Protection Regulation), the European regulation on the processing of personal data, which obliges pseudonymisation, an activity that prevents the data collected from being attributed to a specific or determinable person.

With regard to the violation of Article 13 of the Chilean Privacy Act, the company had noted that data are saved as long as the user's account is active and that with regard to 'brain data', the user can at any time revoke consent to the processing, as the privacy policy prescribes.

As for further processing, for scientific or historical purposes, the company noted that the data are anonymised, encrypted, stored securely and separated from other information. They therefore acquire the nature of statistical data, as such removed from the protection of privacy.

The Constitutional Court's decision

The Constitutional Court overturned the judgments on the merits, deeming relevant the fact that the marketing of Insight was not subject to medical (as well as customs) authorisation, reminding the authorities in charge of analysing the device in the light of the regulations in force with a view to its future marketing in Chile.

The judges ruled that 'prior to the development of new technologies involving more and more aspects of the human person, aspects that were unthinkable a few years ago that they could meet, the State must pay particular attention and care in the control, in order to prevent and anticipate the possible effects, in addition to directly protecting human integrity in its entirety, issues that include privacy and confidentiality and the rights of mental integrity and the subject of scientific experimentation. In this way, before the arrival of a new technology such as the one at issue in these proceedings, which treats the electrical activity of the brain in a dimension that was once absolutely private and personal, and outside strictly medical contexts, it is abso-

lutely necessary that before allowing it to be marketed and used in the country, technologies and devices be analysed by the competent authority, on the understanding that they raise issues that have not been previously investigated by it'[13].

Neurorights in international law

The Chilean Constitutional Court has had to recognise that, despite the direct protection mandate contained in the amendment to the Constitution, there is currently no ordinary law that unravels all the knots imposed by the advancement of applied neuroscience, the requirements, conditions, permissible risks and use by individuals.

There is therefore a new fork in the road.

And yet, thanks to the international normative dimension, it is possible to draw a protective boundary in the sense that follows and referred to by the judgment.

The International Covenant on Economic, Cultural and Social Rights prescribes that people should be able to 'enjoy' scientific progress. The Unesco Declaration on Science and the Use of Knowledge and Programme of Science prescribe that science should respect human rights and the dignity of the person in the sense already indicated by the Universal Declaration of Human Rights. The Universal Declaration on the Human Genome specifies that some scientific applications can be harmful and that scientists and other agents have a 'special' responsibility of an ethical nature, which must be incorporated into the debate through public discussion. The Unesco Universal Declaration on Bioethics and Human Rights has already imposed the general principles of human vulnerability and the integrity of the person, together with the rights to privacy and confidentiality.

The Court also referred to the Chilean legislation (No. 20.120) on scientific investigations on persons and the genome that banned human cloning, recalling the provisions that deal very specifically with the consent of persons involved in medical research. Under this legislation, the consent of those involved in research not only follows certain precautions when it is collected, but must be renewed every time the scientific investigation undergoes major changes.

With respect to the case at hand, the Constitutional Court found that the company producing the Insight device had failed to request this specific consent, which certainly cannot be considered implicit in the other consents, which are of 'commercial' nature.

The final decision

The Court therefore overturned the Court of Appeal's decision, emphasising the need for new technologies, particularly those that deal with human activities that have hitherto been strictly private, such as brain activity, to be submitted to the competent authorities for scrutiny before neuro-capable devices are marketed and used in the country.

It therefore considered that the constitutional guarantees of Article 19 on mental and physical integrity had been violated since Insight was marketed without authorisation and without an assessment by the health authorities.

The Chilean court thus upheld the appeal, prohibiting the marketing of Insight until it obtains authorisation under the aforementioned regulations. The Institute of Public Health and the Customs Authority will have to assess whether the management of data collected with Insight strictly complies with the applicable regulations outlined in the ruling. It also warned Emotiv to delete all information that was stored in the cloud or on the portal.

Neurotechnology: a socio-ethical point of view

With regard to an ethical-normative reflection on these technologies, it seems obvious to draw on ethical frameworks and principles from the fields of medical ethics, bioethics and technology ethics. For example, the traditional principles of Beachamp and Childress (2019) (autonomy, non-maleficence, beneficence, justice) can serve as important reference points for an ethical discussion.

[13] Sentence Emotiv/Girardi Supreme Court of justice of Cile. 9 august 2023, n. 217225-2023. https://img.lpderecho.pe/wp-content/uploads/2023/08/sentencia-217225-2023-LPDerecho.pdf

In view of the massive intertwining of man and machine (and thus also with artificial intelligence) in NTs, it seems sensible to also consider the principles discussed in the field of technology ethics.

Floridi (2023), for example, takes the four bioethical principles, expands them by one principle and reflects on them against the background of AI.

A socio-ethical perspective is essential because, in the light of current discussions in the field of medicine and bioethics, it can introduce new approaches that we consider relevant in the context of NTs and thus open up a more holistic view of the need for ethical reflection on NTs.

It is obvious that not all ethically relevant aspects can be addressed, let alone adequately discussed, within the scope of this article, so limitations are inevitable.

Although the euphoria around NTs has influenced research, both the market and society, there are important differences between these areas: NT research is usually conducted under strict ethical conditions and is accompanied and monitored by qualified third parties, which is why, in the context of existing regulation, individuals should generally not expect deception or negligence in this context.

NTs are fundamentally very ambivalent. On the one hand, they could help a large number of people suffering from illnesses (e.g., Parkinson's, epilepsy, etc.) by effectively alleviating the symptoms of the disease. Other very positive application contexts arise, for example, with regard to prostheses (Raspopovic, 2020) and new possibilities in relation to rehabilitation.

In general, these technologies could be used to respond very specifically to individual clinical conditions and the needs of those affected. NTs could thus make a considerable contribution to the individual and common good.

On the other hand, however, there are also challenges and even risks and dangers. These begin with 'collateral damage' during treatment. For example, the current pulses continuously emitted by deep brain stimulation do not only affect the target area, but also affect other areas of the brain and can thus lead to known and/or unknown, possibly irreparable damage and further consequences (such as addiction symptoms or personality changes) (Gilbert et al., 2019).

Particularly risky and worthy of discussion appear to be BCI applications, although new opportunities may also arise for people with physical disabilities or these technologies may be used to treat mental illnesses.

Adopting a socio-ethical perspective means, in particular, addressing issues of justice, solidarity, equality, rule of law and participation (Koska & Filipovic, 2017). This perspective also seems to be particularly relevant in the context of NTs and against the background of neurorights under discussion. It is not without reason that the above-discussed foundations of the history of ideas form the starting point for discourses on the creation of new rights or their adoption and actualization.

Freedom of thought and conscience, mental integrity and privacy are closely linked to the aspect of justice towards the individual, since they indicate which interventions and restrictions on the individual are at least considered unjust. The basis thus created necessarily applies not only to isolated individuals but to all individuals within a social structure, which in turn brings out aspects such as solidarity, participation and equality.

Furthermore, as part of the shift in perspective from the individual to the community, it is important to consider which aspects of justice require more attention accordingly. In short, just because something is only right for the individual does not mean that it is generally right for the community and vice versa.

In addition, a further set of relevant ethical issues arise, particularly with regard to the social implications of NTs: for example, questions of social justice and, in particular, issues in the field of equal opportunities and participation seem to be central. While, for example, evidence-based, safe and effective disease-fighting NTs raise the question of equitable access to these technologies and thus address the aspect of participatory justice, the question also arises of what NTs mean for individual groups in this context. What do NTs mean, especially when they are available as commodities for the 'self-optimisation' of particularly vulnerable groups such as children, the poor and the sick? Moreover, in light of the socio-ethical principle of sustainability (Vogt, 2009), it is particularly important to consider future generations and aspects of intergenerational justice. These issues already illustrate the broad need for ethical reflection that goes hand in hand with NTs and that expands any question of research ethics and, because of the obvious technology-related issues, from the field of medicine and bioethics.

Democratic societies are characterised by a strained relationship between the individual and the common good. The concept of human dignity, human rights and the Charter of Fundamental Rights emphasise the centrality of the individual. It is therefore the individual, the person endowed with dignity and thus with freedom and autonomy – every individual – who is the central and ultimate yardstick for all matters relating to the organisation of our society, including technological issues (Heimbach-Steins, 2022). However, we know that people do not live in a vacuum, but in concrete social contexts, that they are social beings. This social nature of human beings is often described as one of their central characteristics (Vester, 2009).

Living as a human being therefore necessarily means being part of a society and interacting, communicating and working together with other people on an almost daily basis. Together we build social structures and institutions, pursue work or hobbies and try to lead a good life. Without interaction and cooperation between individuals, our societies today would be inconceivable and would not function.

This raises the central issue of the responsibility to shape society as a whole, which affects all individuals as part of that society. It results in a tension between individual and societal interests. These different positions require appropriate reflection and balancing processes that take into account individual freedom as well as issues of social justice. NTs could and will affect both spheres, the individual and the social. Individuals are the potential bearers of NTs, but changes in the individual give rise to new social challenges, which is why the relationship between NTs and society also requires special attention.

Human actions are embedded in specific social contexts and the autonomy and freedom must also be considered in this regard. It is precisely in this context that the influence of NTs must be considered. Although reference is often made to the positive aspects of various NTs, invasive and non-invasive, or that significant sections of the population believe in them, the consequences go beyond the physical and psychological dimension, often ignored. From an ethical perspective, interventions of this kind also raise the question of what this means for human action.

Action is closely linked to intentionality: '*[...] [a] being has the capacity to exercise agency only in the case where it has the capacity to act intentionally, and the exercise of agency consists in the performance of intentional actions and, in many cases, in the performance of unintentional actions (which result from the performance of intentional actions)'* (Schlosser, 2024).

This last reference to unintentional actions refers to the fact that intentional actions lead to events involving unintentional actions. In this context, the concept of a sense of agency becomes particularly important, as it encompasses the direct knowledge of our actions, which is also related to the judgement of our actions. The sense of agency describes the perception that we actually do something in the course of our actions and control them (Legaspi et al., 2024). It describes the sense of having ownership of our actions. This in turn has particular significance for an individual's self-perception and self-image.

Interference with a sense of agency has the highest disruptive potential as it could lead individuals to doubt themselves. In this aspect in particular, NT should be regarded with particular caution.

From an ethical point of view, in addition to the question of whether NTs are non-invasive or invasive, it is also relevant whether they are used in the context of research or are consumer goods. Particular attention must be paid to consumer products, as neurotechnology in the context of research and health interventions is in any case subject to very strict regulations and is studied in a closed context.

As consumer goods, they affect a large number of people and the central question is whether people are able to adequately assess the potential impact of the use of such technology on themselves and society.

There is also the risk that social pressure (both direct and indirect), in the face of various aspects such as the pressure to perform, promises or hopes placed on technology, may encourage the increasingly reckless use of non-invasive or even invasive NTs. They are also part of the debate on valorisation as consumer goods.

For many years, people have been trying to improve and optimise themselves and, from an ethical point of view, there are good reasons both for (e.g., increased social performance, increased possibilities for individual happiness in life) and against (e.g., possible pressure to conform towards the use of improvement, open questions in relation to equity of access) the possibility of improvement (Schöne-Seifert, 2007).

However, digital central nervous system enhancement represents a relatively new quality in the enhancement debate. The generic term 'neuro-enhancement' refers to several areas of medical-technical intervention in the

central nervous system. A distinction is usually made here between emotional, cognitive, moral, sensory and motor enhancement.

However, more in-depth ethical analyses, both individual and societal, are needed to correctly classify this complex issue (Fenner, 2019).

Digitalisation is not a sudden and unexpected natural phenomenon that has happened and is sweeping us away, but a man-made transformation. Technological innovations – which today take place mainly in large multinational companies or young innovative start-ups – are affecting the lives of many people with unprecedented intensity.

Many modern technologies are already accessible to the masses and this is a circumstance with enormous potential for transformation with regard to the human-machine relationship in the most diverse areas of life (Kirchschläger, 2022). NTs are (and presumably will become even more intensively so in the future) part of this digital transformation. There is no doubt that these new technologies present many opportunities, but also significant challenges. Technologies are never without value and are associated with power and the exercise of power – perhaps not even visible to many at first glance. Behind technological innovations are the interests and values of developers and producers. These interests and values are implicitly and/or explicitly part of the respective technologies.

At first sight, the question arises as to how these interests and values, which are consciously or unconsciously part of individual technological systems, could influence users. This raises, for instance, questions concerning freedom of action, but also in general concerning people's vulnerability. In view of the increasing attacks on digital infrastructures in the sense of cyber-warfare, the recurring hacker attacks against individuals and companies, and thus the overall vulnerability of digital infrastructures in the 21st century, we should also address the misuse of such technologies. An increase in the connection between man and machine would presumably also transfer this vulnerability to humans and lead to new dangers. These aspects are particularly important when considering high-risk technologies and their potential impact on individuals and society, as such complex technologies always involve a certain amount of energy. However, the various stakeholders (politicians, businesses, consumers, etc.) must not forget that power always entails dependencies and pressures, but also responsibilities.

Considering the subversive potential of new technologies, in-depth research efforts are needed, particularly with regard to these power relations and liability issues.

Finally, another central perspective should be emphasised that is intensively discussed in the debate on transhumanism but should be discussed even more intensively in the broader debate on digitisation: the anthropological perspective. Technology ethicist Armin Grunwald points out that behind the ethical question of digital transformation lies the question of who the human being is; who does a person want to be in the face of a highly technologised world and how can a person experience freedom, responsibility and creativity in this context (Grunwald, 2019a, 2019b, 2021). Grunwald therefore emphasises the question of the image of man in increasingly technologised societies because the image of man is influenced by the increasing degree of digitisation. Technological developments in the field of NT are particularly disruptive in this context. The image of a 'man in need of optimisation' is often outlined, who without the synthesis of man and machine – especially in light of developments in the field of artificial intelligence – risks falling further and further behind.

With the spread of NTs, it is rather possible to influence the central nervous system; the potential – individual and societal – consequences (both medium- and long-term) are unpredictable. In view of the implications, this topic should not be an innovation process driven by corporate interests but requires a broad scientific (especially from the humanities) and social and political discourse and debate.

Conclusions

Neurorights as human rights in the age of AI

An attempt is made to summarize neuroscientific knowledge and experience in the context of neurotechnologies and the legal, ethical and social consequences of their use. Notably, reality will prompt us to take further steps to improve ethical and legal norms. According to the previously identified five neuro-rights, the author assesses the necessity and expediency of their integration at the level of human rights and fundamental rights. These are:

'the right to mental privacy', 'the right to personal identity', 'the right to free will', 'the right to equal access to mental augmentation, and 'the right to protection from algorithmic bias'.

It is clear that the existing framework of human and fundamental rights provides a well-established and effective protective shield.

The vulnus, if anything, is in the moment of interpretation and in a political choice of rigorous and strong application of the existing regulatory framework, if necessary with maximum extension and a strict precautionary criterion.

For example, the 'right to mental integrity' is already explicitly protected by Article 3 CFR as the 'right to physical and mental integrity'. Changing this to a separate 'right to mental integrity' would require differentiation, assuming that the legislature did not introduce this right frivolously; it must mean something different from the right already enshrined in Article 3. However, this raises new questions: is the understanding developed under Article 3 transferable to the new right? Where are the limits? Would other aspects of integrity also need explicit regulation? What is new?

The EU body of regulation, with strong consumer protection, fair competition, high product safety standards and comprehensive digital integration, is well prepared to address the recognised problems associated with NT. For example, medical devices and some NT devices are already heavily regulated by the MDR. Other NT devices not covered by the MDR have to meet the general high level of protection. However, adaptations could be considered, such as the explicit inclusion of neurological data in Article 9 GDPR or in an NT law, comparable to the AI law. In both cases, the focus is exclusively on the regulation of high-impact technologies.

The next logical step is to intensify law enforcement efforts.

To this end, the EU should actively participate in telling the story of NTs, which implies the encouragement of science and education, as well as strict control of their commercial communication. This comprehensive approach ensures that the public receives accurate and balanced information, which is crucial for the effective regulation and responsible development of NTs.

One of the main problems identified with NTs is our insufficient knowledge, which predominantly promotes commercially used success stories for advertising, leading to 'neuro-enchantment' and 'neuromyth'.

Consumer law, competition law and product safety law are well suited to counter false or exaggerated claims; they just have to be used. There is a social need to tell people the real story of NTs, clarifying what we know and do not know, where the opportunities, dangers and risks lie.

This means actively promoting NT research, publishing failures as well as successes, communicating results in a comprehensible form not only through science but also through public administration, integrating it into education and strictly controlling commercial representation.

References / Список литературы

Abdulkader, S. N., Atia, A., & Mostafa, M.-S. M. (2015). Brain computer interfacing: Applications and challenges. *Egyptian Informatics Journal*, *16*(2), 213–230. https://doi.org/10.1016/j.eij.2015.06.002

Adams, V., Murphy, M., & Clarke, A. E. (2009). Anticipation: Technoscience, life, affect, temporality. *Subjectivity*, *28*(1), 246–265. https://doi.org/10.1057/sub.2009.18

Ajunwa, I., Crawford, K., & Schultz, J. (2017). Limitless Worker Surveillance. *California Law Review*, *105*(3), 735–776. https://doi.org/10.15779/Z38BR8MF94

Ali, S. S., Lifshitz, M., & Raz, A. (2014). Empirical neuroenchantment: From reading minds to thinking critically. *Frontiers in Human Neuroscience*, *8*. https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00357

Almeida, M., & Diogo, R. (2019). Human enhancement: Genetic engineering and evolution. *Evolution, Medicine, and Public Health*, *2019*(1), 183–189. https://doi.org/10.1093/emph/eoz026

Alomar, S., King, N. K. K., Tam, J., Bari, A. A., Hamani, C., & Lozano, A. M. (2017). Speech and language adverse effects after thalamotomy and deep brain stimulation in patients with movement disorders: A meta-analysis. *Movement Disorders: Official Journal of the Movement Disorder Society*, *32*(1), 53–63. https://doi.org/10.1002/mds.26924

Angrisani, L., Arpaia, P., & Casinelli, D. (2017). Instrumentation and measurements for non-invasive EEG-based brain-computer interface. In *2017 IEEE International Workshop on Measurement and Networking (M&N)* (pp. 1–5). IEEE. https://doi.org/10.1109/IWMN.2017.8078383

Antal, A., Luber, B., Brem, A.-K., Bikson, M., Brunoni, A. R., Cohen Kadosh, R., Dubljević, V., Fecteau, S., Ferreri, F., Flöel, A., Hallett, M., Hamilton, R. H., Herrmann, C. S., Lavidor, M., Loo, C., Lustenberger, C., Machado, S., Miniussi, C., Moliadze, V., … Paulus, W. (2022). Non-invasive brain stimulation and neuroenhancement. *Clinical Neurophysiology Practice*, *7*, 146–165. https://doi.org/10.1016/j.cnp.2022.05.002

Bareis, J., & Katzenbach, C. (2022). Talking AI into Being: The Narratives and Imaginaries of National AI Strategies and Their Performative Politics. *Science, Technology, & Human Values*, *47*(5), 855–881. https://doi.org/10.1177/01622439211030007

Baylis, F. (2013). "I Am Who I Am": On the Perceived Threats to Personal Identity from Deep Brain Stimulation. *Neuroethics*, *6*(3), 513–526. https://doi.org/10.1007/s12152-011-9137-1

Beauchamp, T. L., & Childress, J. F. (2019). *Principles of biomedical ethics* (8th ed.). Oxford University Press.

Beckett, A. E., & Campbell, T. (2015). The social model of disability as an oppositional device. *Disability & Society*, *30*(2), 270–283. https://doi.org/10.1080/09687599.2014.999912

Bernal, S. L., Celdrán, A. H., Pérez, G. M., Barros, M. T., & Balasubramaniam, S. (2022). Security in Brain-Computer Interfaces: State-of-the-art, opportunities, and future challenges. *ACM Computing Surveys*, *54*(1), 1–35. https://doi.org/10.1145/3427376

Bielefeldt, H. (2023). Freiheit als Anspruch: Eine menschenrechtliche Perspektive. In N. J. Saam & H. Bielefeldt (Eds.), *Sozialtheorie. Die Idee der Freiheit und ihre Semantiken: Zum Spannungsverhältnis von Freiheit und Sicherheit* (pp. 187–196). (In German). https://doi.org/10.1515/9783839461884-017

Cagnan, H., Denison, T., McIntyre, C., & Brown, P. (2019). Emerging technologies for improved deep brain stimulation. *Nature Biotechnology*, *37*(9), 1024–1033. https://doi.org/10.1038/s41587-019-0244-6

Cinel, C., Valeriani, D., & Poli, R. (2019). Neurotechnologies for Human Cognitive Augmentation: Current State of the Art and Future Prospects. *Frontiers in Human Neuroscience*, *13*, 13. https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00013

Conitzer, V., Hadfield, G., & Vallor, S. (Eds.) (2019). *Proceedings of the 2019 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society*. ACM.

Craig, J. N. (2016). Incarceration, Direct Brain Intervention, and the Right to Mental Integrity – a Reply to Thomas Douglas. *Neuroethics*, *9*(2), 107–118. https://doi.org/10.1007/s12152-016-9255-x

Drew, L. (2024). Elon Musk's Neuralink brain chip: What scientists think of first human trial. *Nature*. https://doi.org/10.1038/d41586-024-00304-4

Ehlen, F., Schoenecker, T., Kühn, A. A., & Klostermann, F. (2014). Differential effects of deep brain stimulation on verbal fluency. *Brain and Language*, *134*, 23–33. https://doi.org/10.1016/j.bandl.2014.04.002

Eubanks, V. (2018). *Automating inequality: How high-tech tools profile, police, and punish the poor* (1st ed.). St. Martin's Press.

Fenner, D. (2019). *Selbstoptimierung und Enhancement: Ein ethischer Grundriss*. *UTB Philosophie: Vol. 5127*. Narr Francke Attempto Verlag.

Floridi, L. (2023). *The ethics of artificial intelligence: Principles, challenges, and opportunities*. Oxford University Press.

Funke, A. (2023). Freiheit als konstitutives Prinzip der Rechtsordnung. In N. J. Saam, & H. Bielefeldt (Eds.), *Sozialtheorie. Die Idee der Freiheit und ihre Semantiken: Zum Spannungsverhältnis von Freiheit und Sicherheit* (pp. 169–176). transcript. https://doi.org/10.1515/9783839461884-015

Ganzer, P. D., Colachis, S. C., Schwemmer, M. A., Friedenberg, D. A., Dunlap, C. F., Swiftney, C. E., Jacobowitz, A. F., Weber, D. J., Bockbrader, M. A., & Sharma, G. (2020). Restoring the Sense of Touch Using a Sensorimotor Demultiplexing Neural Interface. *Cell*, *181*(4), 763–773.e12. https://doi.org/10.1016/j.cell.2020.03.054

Gardner, H. (1987) *The Mind's New Science*. New York: Basic Books.

Genser, J., Damianos, S., & Yuste, R. (2024). *Safeguarding Brain Data: Assessing the Privacy Practices of Consumer Neurotechnology Companies*. https://www.perseus-strategies.com/wp-content/uploads/2024/04/FINAL_Consumer_Neurotechnology_Report_Neurorights_Foundation_April-1.pdf

Giattino, C. M., Kwong, L., Rafetto, C., & Farahany, N. A. (2019). The Seductive Allure of Artificial Intelligence-Powered Neurotechnology. In V. Conitzer, G. Hadfield, & S. Vallor (Eds.), *Proceedings of the 2019 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society* (pp. 397–402). ACM. https://doi.org/10.1145/3306618.3314269

Gilbert, F., Cook, M., O'Brien, T., & Illes, J. (2019). Embodiment and Estrangement: Results from a First-in- Human "Intelligent BCI" Trial. *Science and Engineering Ethics*, *25*(1), 83–96. https://doi.org/10.1007/s11948-017-0001-5

Gilbert, F., Goddard, E., Viaña, J. N. M., Carter, A., & Horne, M. (2017). I Miss Being Me: Phenomenological Effects of Deep Brain Stimulation. *AJOB Neuroscience*, *8*(2), 96–109. https://doi.org/10.1080/21507740.2017.1320319

Goering, S. (2015). Rethinking disability: The social model of disability and chronic disease. *Current Reviews in Musculoskeletal Medicine*, *8*(2), 134–138. https://doi.org/10.1007/s12178-015-9273-z

Goering, S., Klein, E., Specker Sullivan, L., Wexler, A., Agüera Y Arcas, B., Bi, G., Carmena, J. M., Fins, J. J., Friesen, P., Gallant, J., Huggins, J. E., Kellmeyer, P., Marblestone, A., Mitchell, C., Parens, E., Pham, M., Rubel, A., Sadato, N., Teicher, M., … Yuste, R. (2021). Recommendations for Responsible Development and Application of Neurotechnologies. *Neuroethics*, *14*(3), 365–386. https://doi.org/10.1007/s12152-021-09468-6

Grunwald, A. (2019a). Digitalisierung als Prozess. Ethische Herausforderungen inmitten allmählicher Verschiebungen zwischen Mensch, Technik und Gesellschaft. *Zeitschrift Für Wirtschafts- Und Unternehmensethik*, *20*(2), 121–145. (In German). https://doi.org/10.5771/1439-880X-2019-2-121

Grunwald, A. (2019b). *Der unterlegene Mensch: Die Zukunft der Menschheit im Angesicht von Algorithmen, künstlicher Intelligenz und Robotern* (Originalausgabe, 1. Auflage). riva Premium. (In German).

Grunwald, A. (Ed.). (2021). *Wer bist du, Mensch? Transformationen menschlicher Selbstverständnisse im wissenschaftlich-technischen Fortschritt*. Herder. (In German).

Guy, V., Soriani, M.-H., Bruno, M., Papadopoulo, T., Desnuelle, C., & Clerc, M. (2018). Brain computer interface with the P300 speller: Usability for disabled people with amyotrophic lateral sclerosis. *Annals of Physical and Rehabilitation Medicine*, *61*(1), 5–11. https://doi.org/10.1016/j.rehab.2017.09.004

Hallur, G. G., Prabhu, S., & Aslekar, A. (2021). Entertainment in Era of AI, Big Data & IoT. In S. Das & S. Gochhait (Eds.), *Digital Entertainment: The Next Evolution in Service Sector* (pp. 87–109). Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-981-15-9724-4_5

Heimbach-Steins, M. (2022). Sozialprinzipien. In M. Heimbach-Steins, M. Becka, J. J. Frühbauer, & G. Kruip (Eds.), *Christliche Sozialethik: Grundlagen, Kontexte, Themen: ein Lehr- und Studienbuch* (pp. 170–186). Verlag Friedrich Pustet.

Hull, G., & Pasquale, F. (2018). Toward a critical theory of corporate wellness. *BioSocieties*, *13*(1), 190–212. https://doi.org/10.1057/s41292-017-0064-1

Iamsakul, K., Pavlovcik, A. V., Calderon, J. I., & Sanderson, L. M. (2017). Project HEAVEN: Preoperative Training in Virtual Reality. *Surgical Neurology International*, *8*, 59. https://doi.org/10.4103/sni.sni_371_16

Ienca, M. (2021). *Common Human Rights Challenges raised by different Applications of Neurotechnologies in the Biomedical Field.* Commitee on Bioethics of the Council of Europe. https://rm.coe.int/report-final-en/1680a429f3

Ienca, M., & Andorno, R. (2017). Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sciences, Society and Policy*, *13*(1), 5. https://doi.org/10.1186/s40504-017-0050-1

Ienca, M., Fins, J. J., Jox, R. J., Jotterand, F., Voeneky, S., Andorno, R., Ball, T., Castelluccia, C., Chavarriaga, R., Chneiweiss, H., Ferretti, A., Friedrich, O., Hurst, S., Merkel, G., Molnár-Gábor, F., Rickli, J.-M., Scheibner, J., Vayena, E., Yuste, R., & Kellmeyer, P. (2022). Towards a Governance Framework for Brain Data. *Neuroethics*, *15*(2). https://doi.org/10.1007/s12152-022-09498-8

Iuculano, T., & Kadosh, R. C. (2013). The mental cost of cognitive enhancement. *The Journal of Neuroscience: The Official Journal of the Society for Neuroscience*, *33*(10), 4482–4486. https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.4927-12.2013

Jarke, J., & Breiter, A. (2019). Editorial: the datafication of education. *Learning, Media and Technology*, *44*(1), 1–6. https://doi.org/10.1080/17439884.2019.1573833

Jasanoff, S., & Kim, S. (Eds.). (2015). *Dreamscapes of modernity: Sociotechnical imaginaries and the fabrication of power*. London: University of Chicago Press. http://www.degruyter.com/isbn/9780226276663

Jiang, L., Stocco, A., Losey, D. M., Abernethy, J. A., Prat, C. S., & Rao, R. P. N. (2019). BrainNet: A Multi-Person Brain-to-Brain Interface for Direct Collaboration Between Brains. *Scientific Reports*, *9*(1), 6115. https://doi.org/10.1038/s41598-019-41895-7

Kirchschläger, P. G. (2019). Menschenrechte, Demokratie und Religionen. *LIMINA – Grazer Theologische Perspektiven*, *2*(1), 17–39. https://doi.org/10.25364/17.2:2019.1.2

Kirchschläger, P. G. (2022). Ethische KI? Datenbasierte Systeme (DS) mit Ethik. *HMD Praxis Der Wirtschaftsinformatik*, *59*(2), 482–494. https://doi.org/10.1365/s40702-022-00843-2

Kober, S. E., Schweiger, D., Witte, M., Reichert, J. L., Grieshofer, P., Neuper, C., & Wood, G. (2015). Specific effects of EEG based neurofeedback training on memory functions in post-stroke victims. *Journal of NeuroEngineering and Rehabilitation*, *12*, 107. https://doi.org/10.1186/s12984-015-0105-6

Koska, C., & Filipović, A. (2017). Gestaltungsfragen der Digitalität: Zu den sozialethischen Herausforderungen von künstlicher Intelligenz, Big Data und Virtualität. In R. Bergold, J. Sautermeister, & A. Schröder (Eds.), *Dem Wandel eine menschliche Gestalt geben: Sozialethische Perspektiven für die Gesellschaft von morgen: Festschrift zur Neueröffnung und zum 70-jährigen Bestehen des Katholisch-Sozialen Instituts* (pp. 173–191). Verlag Herder. (In German).

Lavazza, A., & Giorgi, R. (2023). Philosophical foundation of the right to mental integrity in the age of neurotechnologies. *Neuroethics*, *16*(1), 10. https://doi.org/10.1007/s12152-023-09517-2

Legaspi, R., Xu, W., Konishi, T., Wada, S., Kobayashi, N., Naruse, Y., & Ishikawa, Y. (2024). The sense of agency in human–AI interactions. *Knowledge-Based Systems*, *286*, 111298. https://doi.org/10.1016/j.knosys.2023.111298

Li, Q., Ding, D., & Conti, M. (2015). Brain-Computer Interface applications: Security and privacy challenges. In *2015 IEEE Conference on Communications and Network Security (CNS)* (pp. 663–666). IEEE. https://doi.org/10.1109/CNS.2015.7346884

Ligthart, S., Bublitz, C., Douglas, T., Forsberg, L., & Meynen, G. (2022). Rethinking the Right to Freedom of Thought: A Multidisciplinary Analysis. *Human Rights Law Review*, *22*(4), Article ngac028, 1–14. https://doi.org/10.1093/hrlr/ngac028

Littlefield, M. M. (2018). *Instrumental Intimacy: EEG Wearables and Neuroscientific Control*. John Hopkins University Press.

Lozano, A. M., Lipsman, N., Bergman, H., Brown, P., Chabardes, S., Chang, J. W., Matthews, K., McIntyre, C. C., Schlaepfer, T. E., Schulder, M., Temel, Y., Volkmann, J., & Krauss, J. K. (2019). Deep brain stimulation: Current challenges and future directions. *Nature Reviews. Neurology*, *15*(3), 148–160. https://doi.org/10.1038/s41582-018-0128-2

Macgilchrist, F., Allert, H., Cerratto Pargman, T., & Jarke, J. (2024). Designing Postdigital Futures: Which Designs? Whose Futures? *Postdigital Science and Education*, *6*(1), 13–24. https://doi.org/10.1007/s42438-022-00389-y

Manahan-Vaughan, D. (Ed.). (2018). *Handbook of Behavioral Neuroscience: Volume 28. Handbook of In Vivo Neural Plasticity Techniques: A Sytstems Neuroscience Approach to the Neural Basis of Memory and Cognition*. Elsevier.

Manokha, I. (2020). Covid-19: teleworking, surveillance and 24/7 work. Some reflexions on the expected growth of remote work after the pandemic. *Political Anthropological Research on International Social Sciences (PARISS)*, *1*(2), 273–287.

Markosian, C., Taruvai, V. S., & Mammis, A. (2020). Neuromodulatory hacking: A review of the technology and security risks of spinal cord stimulation. *Acta Neurochirurgica*, *162*(12), 3213–3219. https://doi.org/10.1007/s00701-020-04592-3

Martínez-Martínez, A. M., Aguilar, O. M., & Acevedo-Triana, C. A. (2017). Meta-Analysis of the Relationship between Deep Brain Stimulation in Patients with Parkinson's Disease and Performance in Evaluation Tests for Executive Brain Functions. *Parkinson's Disease*, *2017*(1), 9641392. https://doi.org/10.1155/2017/9641392

Martinovic, I., Davies, D., Frank, M., Perito, D., Ros, T., & Song, D. (2012). On the feasibility of side-channel attacks with brain-computer interfaces. In *21st USENIX Security Symposium (USENIX Security 12)* (pp. 143–158). USENIX Association.

Marzbani, H., Marateb, H. R., & Mansourian, M. (2016). Neurofeedback: A Comprehensive Review on System Design, Methodology and Clinical Applications. *Basic and Clinical Neuroscience*, *7*(2), 143–158. https://doi.org/10.15412/J.BCN.03070208

Mathewson, K. E., Harrison, T. J. L., & Kizuk, S. A. D. (2017). High and dry? Comparing active dry EEG electrodes to active and passive wet electrodes. *Psychophysiology*, *54*(1), 74–82. https://doi.org/10.1111/psyp.12536

Mihara, M., & Miyai, I. (2016). Review of functional near-infrared spectroscopy in neurorehabilitation. *Neurophotonics*, *3*(3), 31414. https://doi.org/10.1117/1.NPh.3.3.031414

Moradi, P., & Levy, K. (2020). The Future of Work in the Age of AI. In M. D. Dubber, F. Pasquale, S. Das, P. Moradi, & K. Levy (Eds.), *The Oxford Handbook of Ethics of AI* (pp. 269–288). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190067397.013.17

Nagl-Docekal, H., & Zacharasiewicz, W. (Eds.). (2022). *Artificial Intelligence and Human Enhancement*. De Gruyter. https://doi.org/10.1515/9783110770216

Nam, C. S., Traylor, Z., Chen, M., Jiang, X., Feng, W., & Chhatbar, P. Y. (2021). Direct Communication Between Brains: A Systematic PRISMA Review of Brain-To-Brain Interface. *Frontiers in Neurorobotics*, *15*, 656943. https://doi.org/10.3389/fnbot.2021.656943

Nickel, J. (2019). *Stanford Encyclopedia of Philosophy: Human Rights*. https://plato.stanford.edu/entries/rights-human/

Olson, J. A., Cyr, M., Artenie, D. Z., Strandberg, T., Hall, L., Tompkins, M. L., Raz, A., & Johansson, P. (2023). Emulating future neurotechnology using magic. *Consciousness and Cognition*, *107*, 103450. https://doi.org/10.1016/j.concog.2022.103450

Pycroft, L., Boccard, S. G., Owen, S. L. F., Stein, J. F., Fitzgerald, J. J., Green, A. L., & Aziz, T. Z. (2016). Brainjacking: Implant Security Issues in Invasive Neuromodulation. *World Neurosurgery*, *92*, 454–462. https://doi.org/10.1016/j.wneu.2016.05.010

Rahm, L. (2023a). Education, automation and AI: a genealogy of alternative futures. *Learning, Media and Technology*, *48*(1), 6–24. https://doi.org/10.1080/17439884.2021.1977948

Rahm, L. (2023b). Educational imaginaries: governance at the intersection of technology and education. *Journal of Education Policy*, *38*(1), 46–68. https://doi.org/10.1080/02680939.2021.1970233

Rao, R. P. N., Stocco, A., Bryan, M., Sarma, D., Youngquist, T. M., Wu, J., & Prat, C. S. (2014). A direct brain-to-brain interface in humans. *PloS One*, *9*(11), e111332. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0111332

Raspopovic, S. (2020). Advancing limb neural prostheses. *Science*, *370*(6514), 290–291. https://doi.org/10.1126/science.abb1073

Ros, T., Enriquez-Geppert, S., Zotev, V., Young, K. D., Wood, G., Whitfield-Gabrieli, S., Wan, F., Vuilleumier, P., Vialatte, F., van de Ville, D., Todder, D., Surmeli, T., Sulzer, J. S., Strehl, U., Sterman, M. B., Steiner, N. J., Sorger, B., Soekadar, S. R., Sitaram, R., … Thibault, R. T. (2020). Consensus on the reporting and experimental design of clinical and cognitive-behavioural neurofeedback studies (CRED-nf checklist). *Brain: A Journal of Neurology*, *143*(6), 1674–1685. https://doi.org/10.1093/brain/awaa009

Rose, D., Buckwalter, W., & Nichols, S. (2017). Neuroscientific Prediction and the Intrusion of Intuitive Metaphysics. *Cognitive Science*, *41*(2), 482–502. https://doi.org/10.1111/cogs.12310

Schauer, F. (2020). Freedom of Thought? *Social Philosophy and Policy*, *37*(2), 72–89. https://doi.org/10.1017/S0265052521000054

Schlosser, M. (2024). Agency. In E. N. Zalta, U. Nodelman, C. Allen, Kim Hannah, & P. Oppenheimer (Eds.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2019). https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/agency/

Schöne-Seifert, B. (2007). *Grundlagen der Medizinethik*. Alfred Kroner Verlag. http://gbv.eblib.com/patron/FullRecord.aspx?p=4341681

Selwyn, N. (2022). The future of AI and education: Some cautionary notes. *European Journal of Education*, *57*(4), 620–631. https://doi.org/10.1111/ejed.12532

Shaheed, A. (2021, October 5). *Freedom of thought: Interim report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief* (A/76/380). https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/274/90/pdf/n2127490.pdf?token=CeR9BnQALayfZJBp3f&fe=true

Sharon, T., & Gellert, R. (2023). Regulating Big Tech expansionism? Sphere transgressions and the limits of Europe's digital regulatory strategy. *Information, Communication & Society*, 1–18. https://doi.org/10.1080/1369118X.2023.2246526

Shew, A. (2020). Ableism, Technoableism, and Future AI. *IEEE Technology and Society Magazine*, *39*(1), 40–85. https://doi.org/10.1109/MTS.2020.2967492

Spector, M., & Kitsuse, J. I. (2001). *Constructing Social Problems*. New Brunswick. Transactions Publisher.

Sturm, W., Willmes, K., Orgass, B., & Hartje, W. (1997). Do Specific Attention Deficits Need Specific Training? *Neuropsychological Rehabilitation*, *7*(2), 81–103. https://doi.org/10.1080/713755526

Suchman, L. (2023). The uncontroversial 'thingness' of AI. *Big Data & Society*, *10*(2), 1–5. https://doi.org/10.1177/20539517231206794

Suthana, N., & Fried, I. (2014). Deep brain stimulation for enhancement of learning and memory. *NeuroImage*, *85*(3), 996–1002. https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2013.07.066

Taylor, L., Martin, A., Souza, S. P. de, & Lopez-Solano, J. (2023). Why are sector transgressions so hard to govern? Reflections from Europe's pandemic experience. *Information, Communication & Society*, *27*(15), 2721–2725. https://doi.org/10.1080/1369118X.2023.2264919

Tesink, V., Douglas, T., Forsberg, L., Ligthart, S., & Meynen, G. (2024). Right to mental integrity and neurotechnologies: Implications of the extended mind thesis. *Journal of Medical Ethics*, *50*(10), 656–663. https://doi.org/10.1136/jme-2023-109645

Thibault, R. T., & Raz, A. (2017). The psychology of neurofeedback: Clinical intervention even if applied placebo. *The American Psychologist*, *72*(7), 679–688. https://doi.org/10.1037/amp0000118

Tirabeni, L. (2023). Bounded Well-Being: Designing Technologies for Workers' Well-Being in Corporate Programmes. *Work, Employment and Society*, *38*(6), 1506–1527. https://doi.org/10.1177/09500170231203113

van Elk, M. (2019). Socio-cognitive biases are associated to belief in neuromyths and cognitive enhancement: A pre-registered study. *Personality and Individual Differences*, *147*, 28–32. https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.04.014

Vester, H.-G. (2009). *Kompendium der Soziologie I: Grundbegriffe und II: Die Klassiker*. Wiesbaden: VS-Verlag. (In German).

Vogt, M. (2009). Prinzip Nachhaltigkeit: Ein Entwurf aus theologisch-ethischer Perspektive. Zugl.: Luzern, Univ., Habil.-Schr. *Hochschulschriften zur Nachhaltigkeit* (Vol. 39). München: Oekom-Verl., Ges. für Ökologische Kommunikation. (In German).

Warren, S., & Brandeis, L. (1890). The Right to Privacy. *Harvard Law Review*, *4*(5), 193–220. https://doi.org/10.2307/1321160

Wexler, A., & Thibault, R. (2019). Mind-Reading or Misleading? Assessing Direct-to-Consumer Electroencephalography (EEG) Devices Marketed for Wellness and Their Ethical and Regulatory Implications. *Journal of Cognitive Enhancement*, *3*(1), 131–137. https://doi.org/10.1007/s41465-018-0091-2

Whitham, E. M., Pope, K. J., Fitzgibbon, S. P., Lewis, T., Clark, C. R., Loveless, S., Broberg, M., Wallace, A., DeLosAngeles, D., Lillie, P., Hardy, A., Fronsko, R., Pulbrook, A., & Willoughby, J. O. (2007). Scalp electrical recording during paralysis: Quantitative evidence that EEG frequencies above 20 Hz are contaminated by EMG. *Clinical Neurophysiology*, *118*(8), 1877–1888. https://doi.org/10.1016/j.clinph.2007.04.027

Willoweit, D. (2023). Die vielen Freiheiten, die eine Freiheit und das Recht. In N. J. Saam & H. Bielefeldt (Eds.), *Sozialtheorie. Die Idee der Freiheit und ihre Semantiken: Zum Spannungsverhältnis von Freiheit und Sicherheit* (pp. 161–167). https://doi.org/10.1515/9783839461884-014

Wong, J. K., Mayberg, H. S., Wang, D. D., Richardson, R. M., Halpern, C. H., Krinke, L., Arlotti, M., Rossi, L., Priori, A., Marceglia, S., Gilron, R., Cavanagh, J. F., Judy, J. W., Miocinovic, S., Devergnas, A. D., Sillitoe, R. V., Cernera, S., Oehrn, C. R., Gunduz, A., … Okun, M. S. (2022). Proceedings of the 10th annual deep brain stimulation think tank: Advances in cutting edge technologies, artificial intelligence, neuromodulation, neuroethics, interventional psychiatry, and women in neuromodulation. *Frontiers in Human Neuroscience*, *16*, 1084782. https://doi.org/10.3389/fnhum.2022.1084782

Wood, G., Willmes, K., Koten, J. W., & Kober, S. E. (2024). Fat tails and the need to disclose distribution parameters of qEEG databases. *PloS One*, *19*(1), e0295411. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0295411

Yadav, D., Yadav, S., & Veer, K. (2020). A comprehensive assessment of Brain Computer Interfaces: Recent trends and challenges. *Journal of Neuroscience Methods*, *346*, 108918. https://doi.org/10.1016/j.jneumeth.2020.108918

Yuste, R. (2023). Advocating for neurodata privacy and neurotechnology regulation. *Nature Protocols*, *18*(10), 2869–2875. https://doi.org/10.1038/s41596-023-00873-0

Zarzycki, M. Z., & Domitrz, I. (2020). Stimulation-induced side effects after deep brain stimulation – a systematic review. *Acta Neuropsychiatrica*, *32*(2), 57–64. https://doi.org/10.1017/neu.2019.35

APPENDIX/ ПРИЛОЖЕНИЕ

Regulation sources

Directive (EU) 2019/1024 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on open data and the re-use of public sector information.

Directive (EU) 2019/2161 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 amending Council Directive 93/13/EEC and Directives 98/6/EC, 2005/29/EC and 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council as regards the better enforcement and modernisation of Union consumer protection rules.

Directive (EU) 2019/771 of the European Parliament and of the Council 20 May 2019 on certain aspects concerning contracts for the sale of goods, amending Regulation (EU) 2017/2394 and Directive 2009/22/EC, and repealing Directive 1999/44/EC.

Directive (EU) 2024/825 of the European Parliament and of the Council of 28 February 2024 amending Directives 2005/29/EC and 2011/83/EU as regards empowering consumers for the green transition through better protection against unfair practices and through better information.

Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) No 2006/2004 of the European Parliament and of the Council ('Unfair Commercial Practices Directive').

Directive 2006/114/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 concerning misleading and comparative advertising.

Directive 2011/24/EU of the European Parliament and of the Council of 9 March 2011 on the application of patients' rights in cross-border healthcare.

Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights, amending Council Directive 93/13/EEC and Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 85/577/EEC and Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council Text with EEA relevance.

European Convention on Human Rights.

European Parliament. (2022). European Parliament resolution of 3 May 2022 on artificial intelligence in a digital age (2020/2266(INI)). https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0140_EN.html

OECD. (2019). Responsible innovation in neurotechnology enterprises. https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/responsible-innovation-in-neurotechnology-enterprises_9685e4fd-en

Office of the High Commissioner for Human Rights (Ed.). CCPR General Comment No. 16: Article 17 (Right to Privacy) The Right to Respect of Privacy, Family, Home and Correspondence, and Protection of Honour and Reputation: Adopted at the Thirty-second Session of the Human Rights Committee, on 8 April 1988.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain union legislative acts. (2024, March 18). https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CONSIL:ST_7536_2024_INIT

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain union legislative acts. P9_TA(2024)0138, https://www.europarl.europa.eu/RegData/seance_pleniere/textes_adoptes/definitif/2024/03-13/0138/P9_TA(2024)0138_EN.pdf

Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation).

Regulation (EU) 2017/745 of the European Parliament and of the Council of 5 April 2017 on medical devices, amending Directive 2001/83/EC, Regulation (EC) No 178/2002 and Regulation (EC) No 1223/2009 and repealing Council Directives 90/385/EEC and 93/42/EEC.

Regulation (EU) 2019/1020 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on market surveillance and compliance of products and amending Directive 2004/42/EC and Regulations (EC) No 765/2008 and (EU) No 305/2011.

Regulation (EU) 2019/881 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on ENISA (the European Union Agency for Cybersecurity) and on information and communications technology cybersecurity certification and repealing Regulation (EU) No 526/2013 (Cybersecurity Act) (Text with EEA relevance).

Regulation (EU) 2021/2282 of the European Parliament and of the Council of 15 December 2021 on health technology assessment and amending Directive 2011/24/EU.

Regulation (EU) 2023/988 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 on general product safety, amending Regulation (EU) No 1025/2012 of the European Parliament and of the Council and Directive (EU) 2020/1828 of the European Parliament and the Council, and repealing Directive 2001/95/EC of the European Parliament and of the Council and Council Directive 87/357/EEC.

Regulation (EU) No 1025/2012 of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on European standardisation, amending Council Directives 89/686/EEC and 93/15/EEC and Directives 94/9/EC, 94/25/EC, 95/16/EC, 97/23/EC, 98/34/EC, 2004/22/EC, 2007/23/EC, 2009/23/EC and 2009/105/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Decision 87/95/EEC and Decision No 1673/2006/EC of the European Parliament and of the Council Text with EEA relevance.

Regulation (EU) No 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC.

Treaty of Lisabon Amending the treaty on European Union and the treaty establishing the European community.

Treaty on European Union.

Treaty on the Functioning of the European Union.

UNESCO. (2023). The Risks and Challenges of Neurotechnologies for Human Rights. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384185.locale=en

Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Conflict of Interest / Конфликт интересов

No conflict of interest is declared by the author / Автором не заявлен

Article history / История статьи

Received / Дата поступления 27.07.2024
Date of approval after reviewing / Дата одобрения после рецензирования 08.01.2025
Accepted / Дата принятия в печать 12.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the "Finance and Credit" Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Григорьев Руслан Аркадиевич, доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Ruslan A. Grigoryev, PhD in Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Natalya S. Seliverstova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department "Economic theory and econometrics", Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Никитин Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, декан юридического факультета, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Andrey G. Nikitin, Cand. Sci. (Law), Dean of the Faculty of Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Pavel A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov**,** Kazan

Шаббар Джефри, доктор философии в области экономики, профессор, Портсмутская бизнес-школа, Университет г. Портсмут, г. Портсмут, Великобритания

Jaffry Shabbar, PhD in Economics, Professor, Portsmouth Business School at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Бегишев Ильдар Рустамович, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова, г. Казань

Ildar R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan